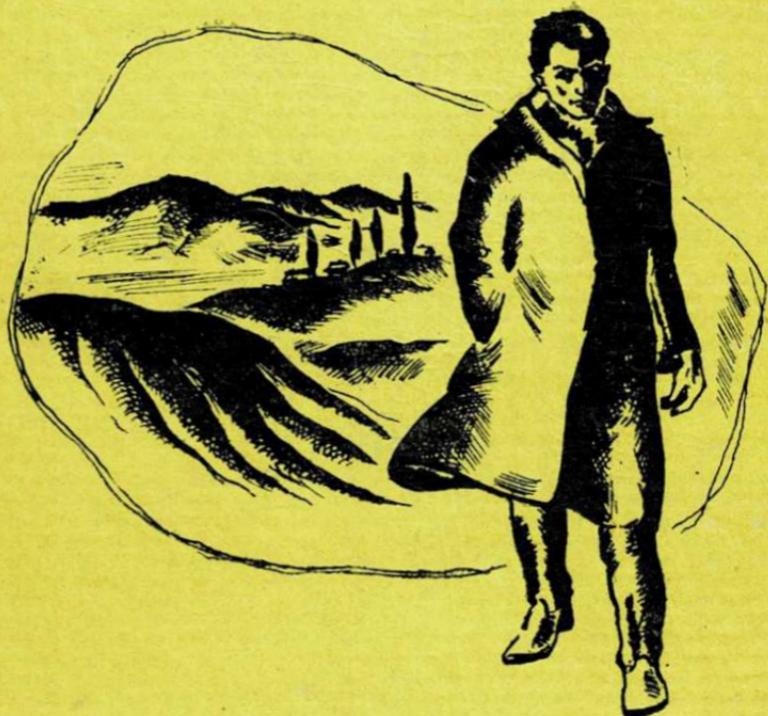
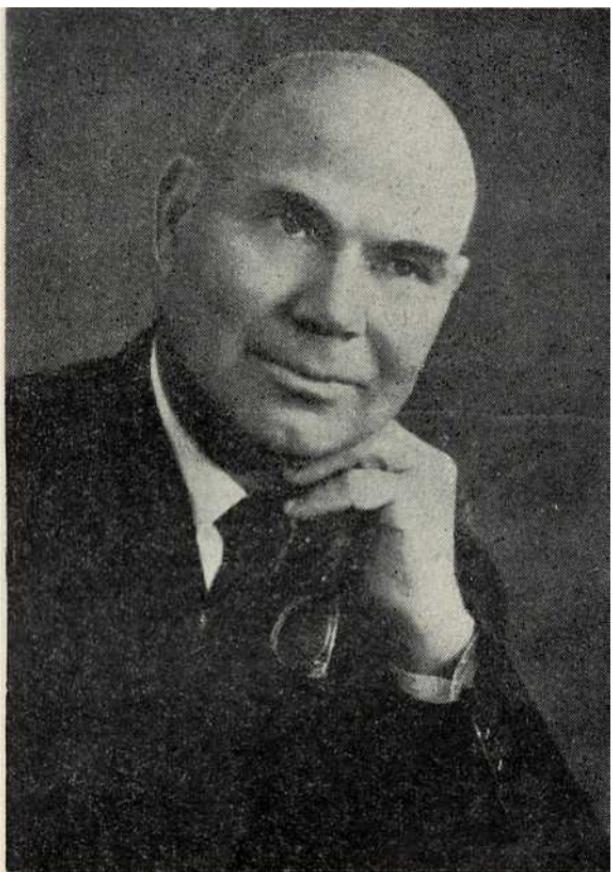

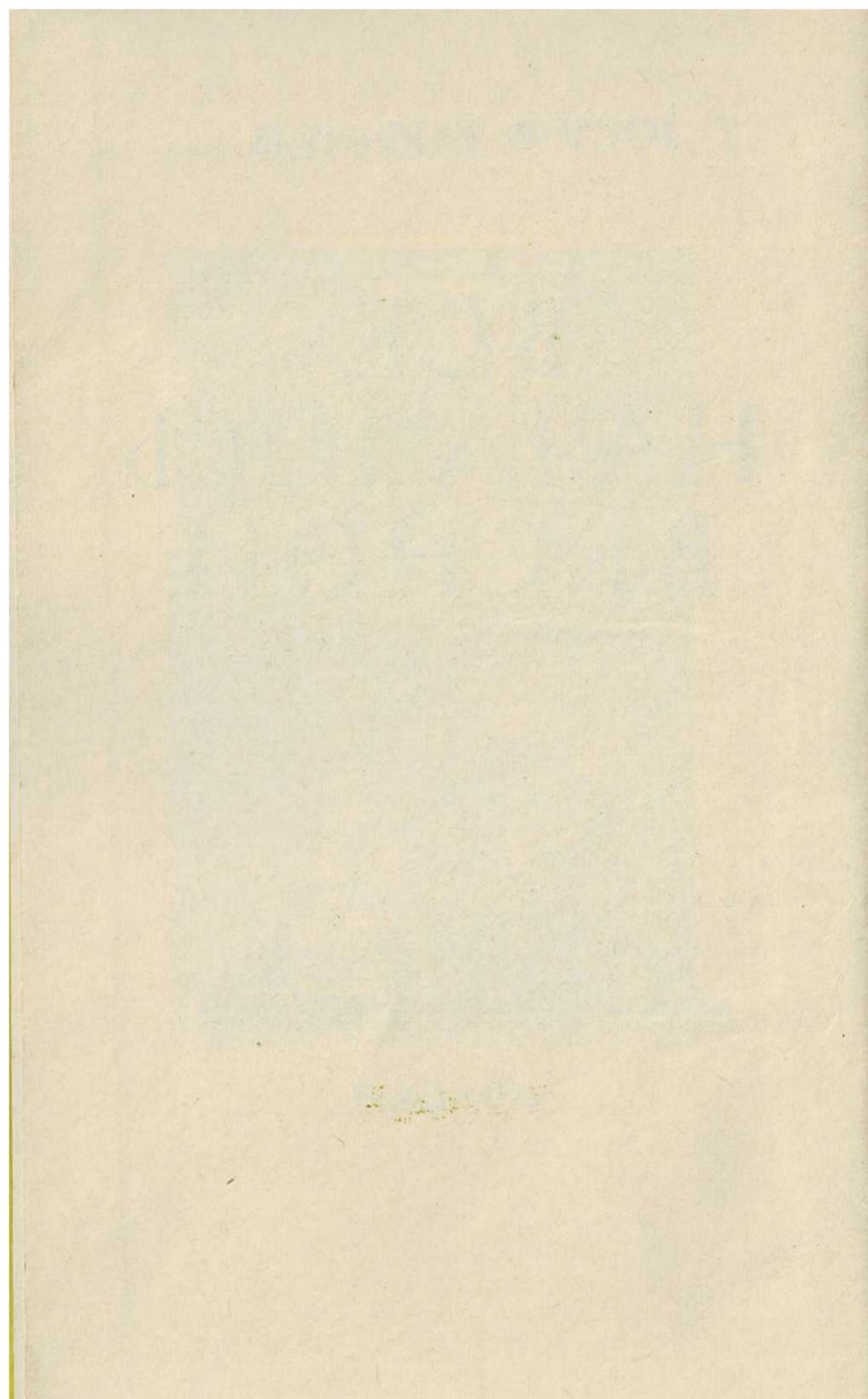
ЮСУФ ТЛЮСТЕН

ВСЕ
НАЧАЛОСЬ
ВЕСНОЙ

1

вечеру автобус «Майкоп — Краснодар» притормозил за околицей аула. Едва шофер приоткрыл дверцы, высокий черноволосый Асхад спрыгнул на придорожную апрельскую траву, щедро усыпанную желтыми пуговками молодых одуванчиков.

Все вокруг было волнующе знакомо: широкая улица, прозрачное небо, влажное дыхание близкой реки, приземистые кусты терновника с пасущимися подле них аульскими телятами.

И Асхад, улыбаясь, одернул темно-синий костюм, перекинул через плечо плащ и, взяв чемодан, чуть прихрамывая, двинулся по зеленой улице.

Внезапно словно тонкий ремешок перехватил его горло: в сухонькой старушке, суетливо подгоняющей упрямого красношерстного бычка, Асхад узнал свою мать.

— Ой, как же она постарела!

А Мамерхан Ожбанокова, увидев, как бежит к ней с другого конца улицы странно знакомый мужчина, остановилась, оперлась на палку и, затенив ладонью глаза, стала вглядываться в приезжего.

Не в обычae адыгейских женщин стоять и глазеть на чужого мужчину. Но ведь, может быть, это чей-то сынок вернулся из армии, приехал на каникулы или в отпуск из Майкопа, Москвы, Ростова? Кого-то нынче обрадует его приезд? К чьим дверям протопчут сегодня соседи и родственники тропку?

Всего несколько шагов отделяли Мамерхан от приезжего, когда он сказал ей:

— Здравствуй, мама!

Мамерхан растерялась, выпустила из рук палку:

— Асхад, сынок!

Она нежно погладила плечо Асхада, своего старшенького, и тотчас же опомнилась, отодвинулась, огляделась вокруг: не видал ли кто чужой, что она прямо на улице приласкала сына? Разве можно давать такую волю своим чувствам!

Уголком платка Мамерхан вытерла счастливые слезы, потянулась к чемодану:

— Дай, сынок! Ты устал — я донесу.

— Что ж, помоги, понеси плащ, — улыбнулся Асхад. И они зашагали по улице.

Мамерхан торопилась сообщить сыну последние новости о доме Ожбаноковых. Они еще не дошли до угла, а Асхад уже знал, что в семье все здоровы; что Касим, его младший брат, давненько не пишет, а отец Осман и невестка Зура сегодня на совещании в районе, и хорошо, если вернутся к ночи. Ну, а сестренка Сурет только и думает об Асхаде.

— А как малыши? — спросил Асхад.

— Слава аллаху, дети растут. Рашид уже бегает. У него такие крепкие ножки! А Алик совсем большой, помощник в доме. Умница.

Как обычно бывает в ауле, прежде чем Асхад добрался до дома, о его приезде уже знали все. И едва он свернулся в улочку, где был их дом, распахнулась калитка и из нее выбежала, нет, вылетела навстречу Сурет.

Взлетали упавшие на грудь черные длинные косы, разгорелись не успевшие еще потемнеть на весеннем солнце по-детски припухлые щеки, в улыбке поблескивали веселые зубы. А рядом с Сурет пестрой шелковой бабочкой трепетала зажатая в руке косынка. Позабыла Сурет набросить ее на голову.

— Ой, Асхад приехал! — закричала она на всю улицу. — Кто же так делает? Внезапно уехал, внезапно вернулся? Не человек — ветер!

И сама, словно вихрь, налетела на брата, расцеловала, выхватила чемодан:

— Ой, какой тяжелый! Там, наверно, и для меня подарки?

Эта бурная встреча окончательно дала почувствовать Асхаду, что он вернулся домой. А старенькая Мамерхан

забегала, захлопотала: надо поймать и зарезать цыплят, приготовить шипс. Асхад любит, чтобы этот соус был обжигающе острым, чтобы пожар был на языке и в горле. Глотнешь и не сразу закроешь рот!

Сурет свежей водой до краев наполнила мраморный умывальник, вытащила из зеркального шифоньера большое мохнатое полотенце, нераспечатанный кусок душистого туалетного мыла.

Асхад, обнаженный до пояса, глянул на умывальник, на чистые, видно, недавно покрашенные полы, сказал:

— А что, сестренка, если мне во дворе умыться?

Сурет подхватила ведро с водой и высокий тонкогорлый кувшин-кумган, таз, полотенце, мыло. Поставила таз под старым ветвистым тутовым деревом. Кумган ударился о таз, и поплыл по двору медный, медленный звон, будто приветствуя возвращение Асхада.

Асхад мылся и в то же время нетерпеливо расспрашивал сестру:

— Куда убежал Алик? Не знаешь, он скоро вернется? За два года, которые я его не видел, должно быть, он очень вырос?

Сурет засмеялась:

— Настоящий мужчина! Да и Рашиду уже почти два годика! Все понимает!

— А на кого похож Рашид?

— Вылитый Касим.

— А я тебя за уши еще не драл, не отметил рождения младшего родственника!

Асхад изловчился, поймал маленькое, как розовый лепесток, ушко сестры, начал шутливо трепать его:

— Не забывай, не забывай младшего!

— Бо-о-ольно, — притворно плакала Сурет. — Мама, скажи ему...

— Ага, теперь маме жалуешься! А когда ты родилась и меня за уши трепали, ты за меня заступалась? Лежала себе да улыбалась.

Сурет, зажав ладошками уши, бегала по двору, жалобно причитала:

— Ой, горит, горит! Чуть без уха не осталась!

И вдруг Сурет увидела на теле брата грубые рубцы — недобрую память военных лет.

Сурет нахмурилась, прикусила губу, настороженно глянула на калитку.

— Скорей, скорей одевайся, — заторопила она, — а то еще придет какая-нибудь из моих подруг.

Асхад недоуменно пожал плечами:

— Ну и пусть! Что тут такого?

— Но ты же раздет!

— Нет я только без рубашки...

— Это же не город, Асхад, — аул!

Асхад не успел ответить. Размашисто распахнулась калитка и, волоча за собой черного, как галлонок, братишку, во двор вбежал тоненький белокурый подросток. В этом мальчике, казалось, не было ничего Ожбаноковского: вздернутый нос, серые глаза, светлые волосы.

— Алик! — воскликнул Асхад и тотчас же, чтобы не обидеть племянника, добавил:

— Здравствуй, Рашид!

Алик повис на шее Асхада:

— Папа! Папка приехал!

И Рашид, привыкший уже во всех случаях жизни следовать примеру Алика, тоже закричал восторженно:

— Папа! Папа! Папа!

Сурет подхватила Рашида на руки:

— Глупенький! Это же не твой папа! Это дядя Асхад.

Может быть, Рашид и не поверил бы Сурет (раз Алик говорит папа, значит, папа) и стал бы с ней спорить, но в это мгновение во дворе появилась Мамерхан. Держа в каждой руке по паре цыплят, она окликнула Алика:

— Возьми, внучек, этих горластых, сбегай к соседу, попроси пусть зарежет.

Асхад взял цыплят из рук матери:

— Зачем беспокоить соседей? Давай я сам.

— А ты умеешь резать по закону? —

нерешительно спросила Мамерхан. — Ты их поверни, сынок, головами к югу. Скажи, сынок, бисмаллах.

Алик засмеялся:

— Бабушка, разве ты не слышала? Папа уже давно сказал и бисмаллах, и все благословения на месяц вперед.

— Ладно, ладно, — примирительно махнула рукой старушка.

Совещание в районе, видимо, затянулось. Уже все соседи поздравили счастливицу Мамерхан с приездом ученого сына (не у каждого сын кончает сельскохозяйственную академию), набегались и уснули Рашид и Алик. Уже слипались глаза и у Асхада, а Осман

и Зура все не возвращались, все еще не знали, какой гость ждет их в аул.

Асхад в ожидании прилег и сразу уснул.

Далеко за полночь вернулись старик Ожбаноков и Зура.

— Тише, тише, Асхад приехал, Асхад спит! — ликующим шепотом встретила их Мамерхан.

Осман приоткрыл дверь, заглянул в спальню: вот это гость!

Старики Ожбаноковы давно ждали, когда Асхад вернется в родной аул, обзаведется новой семьей. Не быть же ему вечно вдовцом! Алику уже больше двенадцати: нельзя оставлять его только на деда да бабку. Мальчику нужны и отец, и мать.

Сколько раз Мамерхан бывало просила Асхада:

— Женись, сынок!

Но он только отшучивался. А надо бы плакать!

Четверо сыновей было у Ожбаноковых. Тракторист Сагид и кузнец Хаджимус не вернулись с войны. Изрубцевала война и тело Асхада, обожгла душу. Привез Асхад в аул маленького сынишку Алика. О матери его говорил неохотно — погибла и все. Даже фотографии ее не показал — не успела сняться... А может, что-то таил?

Младшего из Ожбаноковых — Касима — почти не задела война. Призвали его уже под конец. Пока проходил в запасном полку подготовку, отпраздновали День Победы. После войны Касим не ушел в запас, остался служить в армии, стал офицером. Веселый, легкий характер у Касима. Он обходителен, легко сходится с людьми. Очень хотелось Осману и Мамерхан, чтобы самая лучшая девушка аула стала его невестой. Касим молод, красив, первый танцор, хороший певец. Да еще и офицер! Рады были старики, когда узнали, что его полюбила Зура. Какую свадьбу сыграли! А кто позаботился о том, чтобы свадьба была на славу? Конечно, Асхад! Он все для младшего брата сделал.

Но до чего же непохожи братья. Хоть у Асхада сердце мягкое, а с виду суров. Редко бывает он таким веселым, как сегодня. Это он после войны почти разучился смеяться.

Знали старики Ожбаноковы — еще в школе полюбил Асхад однокласснику Дариет. С фронта писал ей письма. Как же так получилось, что любил их сын Дариет, а женился на другой? Не простила ему Дариет такого. Вышла замуж за Ахмета. А Асхад уехал в Москву учиться в сельскохозяйственную академию.

Сколько дорог у жизни? И ни одна не похожа на ровное, бетонированное шоссе!

Никогда никому не рассказывал Асхад, как потерял он улыбку. Да и что расскажешь?

Говорят, любовь — лучший учитель красноречия. А как любил Асхад свою Дариет! Оттого, должно быть, — только увидятся, сразу смех, шутки, интересные разговоры.

Это была неразлучная троица — Асхад, Дариет и сын учительницы Елены Петровны — Андрей Понамарчук. Как пел Андрюша! За это в детстве все его называли «звоночком». Потом, когда вырос Андрей, появились в его голосе и глубина, и теплота, и страсть. И еще нравился Асхаду Андрей за честность. Поглядит тебе в глаза — видишь, он не врет, и тебе солгать неловко.

За несколько лет до войны Андрей с матерью уехали на Украину. Друзья переписывались. Последнее письмо от Андрея пришло перед самой войной. Писал Андрей о горе и о радости. Горе — умерла мать... Ну, а радость — женился Андрей, ждет ребенка. Если родится дочь, назовут ее Леночкой, в память о матери.

Письмо получили в пятницу, а в воскресенье началась война.

Вскоре призвали Асхада. Бои, ранения, госпиталь, фронтовые дороги.

Чего не бывает в жизни! Никогда не думал Асхад, что именно его батальону в сорок четвертом придется первым войти в украинский городок, где жил Андрей Понамарчук. Адрес не помнил. Улицу, заваленную битым щебнем, кирпичом, кусками изломанного железа, Асхад с трудом, но все же нашел. А дом? Дома не было. И ни одной живой души вокруг. Все же он встретил на этой улице испуганную старуху. Она чудом уцелела в каком-то подвале.

Сбивчиво, путано рассказала она о семье Понамарчук. Старуха жила рядом с ними, знала, что Андрей был на фронте. А потом жена его получила какое-то письмо.

Узнала из этого письма, что муж ее предал интересы народа.

У Асхада в глазах потемнело. Путает что-то или врет, эта сумасшедшая старуха? Если бы она не была такой немощной, вытряхнул бы из нее душу, показал бы, как клеветать на Андрея!

— А где его жена, дочь?

— Жена погибла в бомбежку. А дочка... Какая дочка? Сын у них был — Алик. Отправили куда-то в детский дом.

И пошел Асхад с такою вестью дальше по дорогам войны.

Последнее тяжелое ранение, мучительная госпитальная тишина, неотвязная мысль об Андрее, о его сынишке. Сколько писем, запросов, хождений по разным приемным. И все же узнал, что пропал Андрей без вести. Не соврала старуха. Андрей! Где, когда ты оступился? Как же это могло случиться? Где ты теперь, жив ли? Где твой сын?

Ох, не легко было отыскать его. А все же нашел. Взял к себе, усыновил. Пусть Осман станет дедом Алику, Мамерхан — бабушкой. Пусть нянчат первого внука.

Об одном только не подумал Асхад и как вспомнит об этом — мучительно заноет сердце, словно ворочается в нем зазубренный осколок фашистской гранаты... Не решил он, как быть с Дариет? Поведать ей о том, что Алик — сын Андрея? Но сказать ей и ни слова отцу с матерью — нельзя. За что так обижать старииков? А скажешь тому, другому — завтра весь аул заговорит о приемыше Ожбаноковых. Нельзя, чтоб кто-нибудь мог плохо думать об отце Алика.

И Алику лишняя боль, и Асхаду будет не сладко. Усыновлять так уж усыновлять, чтоб поверили и Алик, и сам Асхад. Нет и не было Алика Понамарчука, был и есть только Алик Ожбаноков, сын Асхада.

А Дариет? Верил Асхад, поймет, обязательно поймет она, что нет у Асхада перед ней вины. Ведь Алик так похож на Андрея.

Но ничего не поняла Дариет. Словами хлестала Асхада, словно била его по щекам:

— Ну и любовь у тебя, Асхад! Легко ты забыл меня!

В тот день свел к переносью Асхад свои черные брови и до сих пор не может их развести. Даже если шутит, улыбается, все равно тучей нависают брови над его неулыбчивыми глазами.

Правду сказала Мамерхан Асхаду: должно быть, никто в семье так много не думал о нем, Асхаде, не связывал с ним такого множества надежд и планов, как сестренка Сурет.

Утром, накануне его приезда, как всегда, подхватив пустое ведро, побежала она за водой. И тоже, как всегда, уже через пять минут, забыв о ведре, о воде и о доме, очутилась с книгой на деревянной скамейке под веселым навесом зазеленевших акаций, там, где деревья сгрудились на высоком обрыве у шумливой реки.

Сколько лет акации глядят не наглядятся на быструю речную волну. В год, когда родилась Сурет, посадил их тут Осман Ожбаноков перед самым своим домом.

Глубоко в землю ушли корни деревьев, цепко держат сырчий берег, не дают воде подмыть и обрушить его. Какие они большие, развесистые и вечные, как река, что бежит внизу, как небо, просвещивающее синевой сквозь еще не окрепшие апрельские листики.

Неужели ровесницы — она и эти деревья? А ведь она еще и не начинала жить, все еще не знает, кем ей быть? Артисткой? Геологом? Инженером? Ей уже вручили аттестат зрелости. Сто дорог ожидают ее. По какой пойти ей, Сурет Ожбаноковой?

Год прошел после окончания школы. И вот уже снова наступила весна, а Сурет до сих пор не выбрала свою дорогу. Впрочем, нет, главное она решила давным-давно. Ни за что не будет торчать Сурет всю свою жизнь в этой дыре, в ауле. Человек же она, а не дерево, как эти глупые акации. Она хочет видеть весь мир, а не только этот плетень да скамеечку.

Правда, любит Сурет и «ожбаноковскую» скамеечку. Сюда, под тенистый зеленый зонтик акаций, сходится молодежь со всей улицы. Задушевней, чем здесь, не поется песня, не получится сердечнее, откровеннее разговор.

Убежав из дома, одна, с глазу на глаз с интересной книгой, часами могла сидеть здесь Сурет, глотая страницу за страницей, мечтая о своей будущей, обязательно счастливой, блистательной жизни. «Вот пришлет письмо Асхад и позвовет меня к себе в город...» Или нет, не так, а еще лучше: «Вот приедет Асхад, и уедем мы с ним в большой город. Может быть, даже в Москву...»

С тех пор, как узнала Сурет, что любая бабочка, даже самая красивая, была когда-то ползучей гусеницей, нет-нет, да и поглядит на себя то в зеркало, то в голубую апрельскую лужу или в толстое стекло витрины сельмага: скоро ли аульская гусеница превратится в крылатую бабочку?

Сегодня, затолкав под скамью пустое ведро, Сурет торопилась дочитать последние главы «Овода».

И откуда только писательница все узнала об Оводе, даже знает, какие мысли у него были.

Чья-то тень упала на страницу, кто-то вздохнул за спиной Сурет, насмешливо сказал:

— Вот бедняжка, такие толстые книжки приходится читать в рабочее время! Даже в колхозе поработать некогда!

Сурет нехотя подняла голову, увидела аульского почтальона. Еще в прошлом году они вместе учились в десятом. Стоило кончать десятилетку, чтобы, стать письмоносцем, с утра до ночи крутить педали велосипеда да таскать сумку с газетами, журналами, письмами!

— Испортишь глаза — кто на тебе женится? — Парень скалил зубы, довольный своим остроумием.

Сурет равнодушно отмахнулась.

— Отстань, болтун!

Но парень повертел в воздухе конвертом:

— Что ж, если ты так занята, я могу отдать газеты твоему отцу, а письмо отправлю обратно.

Сурет с неожиданной, ну прямо кошачьей ловкостью прыгнула со скамьи, вырвала у почтальона конверт.

— Не обожгись: письмо горячее! Наверное, ты чье-то сердце сожгла!

Парень, смеясь, бросил на скамейку газеты и свежий номер «Огонька», нажал на педали и скрылся в тучке взметнувшейся следом пыли.

Сурет нетерпеливо разорвала конверт, пробежала глазами по ровным, тщательно выведенным строчкам и сунула письмо между страницами книги.

Черные глаза девушки всматривались в темно-голубую реку, в густые, как брови ревнивицы, прибрежные заросли, в белые россыпи мелких, блестящих на солнце камушков. И на мгновенье Сурет показалось-подумалось, что река скалит зубы, посмеивается над ней:

— Что? Получила письмо от принца?

Сурет могла бы сейчас перевести невнятный шорох волн на понятный человеческий язык. Вот что сказала бы ей волна, если б только могла говорить:

— Сидишь? Ну сиди, сиди! Жди, пока забредет в эту аульскую глушь такой герой, как Овод.

«Вот кто умел и любить, и бороться, — вздохнула Сурет, — А у нас в ауле... Разве это парни? Нет здесь ни Павки Корчагина, ни Сережи Тюленина... А Уля Громова есть? Ни Лизы Чайкиной. Впрочем, какой подвиг можно совершить теперь, тем более здесь в ауле? Копайся в земле или пропадай на ферме. Скорей бы уехать с Асхадом в город, — в любой город, в какой бы его ни послали. Да и не пошлют его в маленький город — ведь он академию закончил!»

— Су-у-у-рет! — зазвенел на всю улицу голос Мамерхан. — Куда ты пропала? Где же вода?

Сурет досадливо тряхнула косами, — ну и голос и на том берегу слышно, и поспешно откликнулась:

— Сейчас, мама, сейчас!

Одним духом скатилась к реке, зачерпнула воду и бегом, бегом — ловкая, сильная — бросилась к дому. Теперь она заторопилась: ведь надо было поскорей рассказать Файзет последние новости.

Файзет с матерью жили совсем рядом — только старый низкорослый плетень отделял их дом от Ожбаноковского. И Сурет бывала в доме соседки раз десять в день, а то и больше.

Крепкая, но какая-то странная дружба связывала дочь Ожбаноковых с умницей Файзет.

Упрямая и самолюбивая, мечтательная и скрытная Сурет ничего не могла скрыть от своей подруги. Она и любила, и побаивалась ее. Всегда, по любому поводу добивалась от Файзет мнения и совета, но никогда не соглашалась с ее мнением. И все же советоваться с Файзет ей почему-то было необходимо.

Вот и сейчас, захватив только что полученное письмо, Сурет мчалась к подруге.

День был такой акварельно чистый и тихий, что даже Сурет, любившая покричать и посмеяться, осторожно переступила порог, негромко окликнула хозяйку:

— Файзет, ты дома?

Файзет только что вернулась с поля, умывалась. И когда с полотенцем в руках она обернулась к Сурет, та вдруг поразилась: «Когда успела так похорошеть Файзет? Или она всегда была красавицей, а я просто не замечала? Как тонко и выразительно ее смуглое лицо, сколько солнца и золота в веселых карих глазах с длинными-длинными ресницами».

— Знаешь, Файзет, была бы я художницей, я бы тебя нарисовала и назвала картину «Весна», — не то шутливо, не то всерьез сказала Сурет.

Но Файзет уже заметила, что Сурет что-то прячет в кулаке.

— Письмо? — спросила она.

— Письмо, — вздохнула Сурет.

— И, конечно, длинное объяснение в любви? — засмеялась Файзет.

— Конечно, — подтвердила подруга.

— А кто пишет?

— Да тот парень, о котором я тебе уже говорила, — Сурет протянула конверт.

— О ком же ты мне говорила? — Файзет растерянно потерла переносицу. — Вчера — об одном, позавчера — о другом.

— А это четвертый, — похвасталась Сурет. — Это тот, что мне паспорт выписывал.

— А-а, помню, помню...

— Если б ты видела, Файзет, как он на меня смотрел! Нет, ты послушай, что он только пишет!

И Сурет принялась читать, смакуя каждое слово:

«Милая Сурет, с первого дня, как я тебя увидел, встревожила ты мое сердце, потерял я покой. Всегда ношу тебя в своем сердце. То и дело смотрю в окно — не идешь ли ты. И зачем я так быстро выписал паспорт! Надо было тебя помучить, чтобы ты побольше ко мне походила. А теперь вот я мучаюсь — не идет Сурет».

Файзет равнодушно зевнула:

— А парень-то, видно, глуп. Уж больно красиво пишет,

— А может, он и чувствует красиво? — запальчиво вступилась за него Сурет. И тут же заулыбалась:

— Да ты не бойся, я за него замуж не пойду. И ни за кого не пойду, пока не станцую на свадьбе Асхада.

Хорошо знала Сурет: стоит только заговорить при Файзет о женитьбе Асхада, и сейчас же она заторопится, вспомнит какие-то неотложные дела, оборвёт разговор.

Потому и нравилось Ожбаноковой подразнить подругу:

— Интересно, — мечтательно говорила она, — на ком все же женится Асхад? Будет ли его жена меня слушаться?

Файзет нахмурилась, сказала с неожиданной запальчивостью:

— А что она тебе — прислуга?

— Зачем прислуга? — удивилась Сурет, щуря озорные насмешливые глаза. — Прислуге платить надо... А невестка — бесплатно! Все по дому сделает, да еще передо мной попляшет, чтоб я не пожаловалась Асхаду. А иначе какой смысл иметь брата, да еще женатого?

Файзет шевельнула тонкой черной бровью:

— Ты это сама придумала? Или в книжках вычитала?

— Не сама, не в книжке, — тараторила Сурет. — Это и так попятно: у любящего брата — кто на первом месте? Сестра. Она же своя, кровная. А жена... так... Не то, совсем не то...

Файзет засмеялась:

— Хотела бы я посмотреть, как твой муж посмеет свою сестру считать кровной, а тебя чужой.

— А у меня никогда не будет мужа.

— Почему?

— Потому, что...

Сурет хотела сказать, что она выйдет замуж только за такого человека, как Овод, но вовремя сдержалась:

— Потому, что не хочу! И все!

— Бедный, бедный паспортист! — съязвила Файзет. — Паспорт выписывал, письма писал, а ты за него замуж не идешь. Кстати, зачем тебе понадобился паспорт, Сурет? Ты что — уезжать собралась?

Сурет закружилась по комнате, завертела подругу:

— Тайна! Тайна! Тайна! Но тебе я ее, конечно, открою. Скоро-скоро Асхад получит назначение!

— Ну, а при чем же здесь твои паспорт?

— Ах, Файзет! Ты такая умная, а недогадливая. Каждый день я жду письма от Асхада: «Приезжай, сестренка». А ведь в

городе без паспорта не прописывают.

Это было вчера... А сегодня неожиданно приехал Асхад.

Вечером, улучив минутку, когда они остались с глазу на глаз, Сурет вытащила из комода свой потрепанный ученический портфель. Заговорщики подмигнула брату.

— Посмотри, что я подготовила, — и протянула ему свой новенький паспорт.

Асхад повертел его в руках:

— Поздравляю, но зачем он тебе понадобился?

Сурет обняла брата, потерлась щекой о его шею.

— Уезжаю.

— Куда же?

Сурет показалось — никогда еще так остроумно не шутил Асхад! Она засмеялась весело, беспечно:

— А куда ты, туда и я. Я теперь от тебя не отстану.

Асхад недоуменно пожал плечами:

— Тогда, пожалуй, ты далеко не уедешь: я ведь приехал сюда насовсем.

Сурет перестала смеяться, пытливо посмотрела на брата, сказала нерешительно, каким-то бесцветным голосом:

— То есть как это — насовсем?

— Ну, на работу. Жить здесь буду.

И Сурет поняла, что случилось непоправимое.

— Неужели, неужели ты хочешь на всю жизнь остаться в этой дыре?

И, еле сдерживая слезы, она выбежала из комнаты.

3

Асхад открыл глаза. На полу, в двух шагах от его кровати, лежал бело-розовый утренний луч, пробравшийся в щелку неплотно прикрытых ставен.

Где-то за окном по-весеннему пели скворцы, озабоченно кудахтали куры. Слышались мягкие удары по не успевшей подсохнуть и зас坚实的 земле.

«Ой, как поздно! — подумал Асхад. — Отец, должно быть, давно возится на своем винограднике».

Протянув руку к лежавшим на стуле часам, взглянул на циферблат — было больше семи!

Четвертый день жил молодой Ожбаноков дома. А сколько дел он успел переделать! Но самых нужных он даже еще и не начинал!

С утра и до поздней ночи колесил он по бригадам и фермам колхоза. В этой деловой толчее так стремительно прошли дни, что ему до сих пор не удалось повидать ни своего молочного брата Хусена, бригадира крупнейшей полеводческой бригады колхоза, ни соседки Файзет Мазаговой, живущей со своей матушкой Зулих вон за тем плетнем, совсем рядом с Ожбаноковыми.

Что и говорить, хлопотлива должность колхозного агронома.

Часы укоризненно тикали:

— Вре-мя, вре-мя, вре-мя...

Асхад по-армейски быстро вскочил, умылся, оделся, сбежал с крылечка во двор.

Тотчас же, словно он этого только и ждал, на плетень взлетел огромный краснокрылый петух с золотисто-сизой шеей. Петух горделиво выгнулся атласную спину, расправил переливающийся всеми цветами радуги хвост, оглушительно захлопал крыльями и закукарекал.

И, словно по сигналу, со всех концов аула откликнулось петушиное племя голосами звонкими и сиплыми, молодыми и старыми, задорными и меланхолическими.

— Петух кричит, значит, гость спешит! Верная примета! — засмеялся кто-то за спиной Асхада, и крепкие дружеские руки обняли его за плечи.

— Хусен? — обрадовался Ожбаноков. — А я который день за тобой гоняюсь! Куда ни приеду, один ответ: «Бригадир только уехал...»

Заслышив голоса во дворе, из летней кухни выглянула улыбающаяся Мамерхан. Приветливо поздоровалась:

— Здравствуй, Хусен.

И сейчас же тревожно-ласковыми глазами оглядела сына:

— Как спал? Завтрак готов. Ну, скажи, не умница ли этот петух? Накануне твоего приезда, сынок, он мне покою не давал: все гости пророчил. Подойдет, захлопает крыльями, покричит и уйдет. Глаза закроет, подумает хорошенъко, и все

снова! Я и говорю отцу: «Поверь, старик, петуху: жди гостя».

Из виноградника откликнулся Осман Ожбаноков. Он оторвался от работы, с усилием разогнул натруженную спину, недовольно остановил жену:

— И что ты только говоришь, старуха! На то же он и петух, чтобы кукарекать, иначе в шине угодит. Каждый день все петухи кукарекают. А ты — примета, примета!

Мамерхан обиделась:

— Видишь, Асхад, какой у тебя отец! Приметам не верит, петуху не верит.

Асхад подавил улыбку — не хотелось ему огорчать матер:

— Может, и правда у нас петух не каждый день кричит, а только когда почует гостя?

— Понимаешь, сынок, перед приходом гостя у него крик совсем особенный, — убежденно сказала мать.

— Что-то я не разобрал, — заметил Асхад, уже не пряча улыбку, — вот сейчас, перед приходом Хусена, как твой петух кричал? Обычно? Или по-гостевому? Тогда у тебя, должно быть, и завтрак «гостевой», особый.

Мамерхан засмеялась хитро-хитро, обнажив еще совсем молодые, крепкие зубы.

Разве Хусен — гость? Он у нас свой. Ты и он в один год, в один месяц родились. Когда его матушка захворала, я его и тебя одной грудью кормила. А завтрак — «гостевой» или простой — все равно: голодными, слава аллаху, не будете!

И довольная, что последнее слово в споре все же осталось за ней, она не спеша двинулась к своим владениям к летней кухне.

Из виноградника, по-медвежьи косолапя, вышел старый Осман. Насмешливо-сокрушенно покачал головой, глядя вслед Мамерхан:

Не женщина — дипломат! Любое слово и повернет, и вывернет, и обязательно права останется.

И таким добродушием и силой веяло от прочно сбитой фигуры Османа, что Асхад залюбовался им. Могучие плечи, крупные, почерневшие от солнца и ветра рабочие руки, уверенная, неторопливая поступь. Асхад вспомнил: в ауле вот уже сколько лет ровесники отца зовут его «медведем», вкладывая в это слово свою грубо-натруженную мужскую нежность к нему.

Шурясь от солнца, старик подошел к цветущему абрикосовому дереву, бережно коснулся усыпанной цветами ветки. Фарфорово-белые чашечки гудели ровно и внятно: чуть ли не в каждой из них сейчас работал живой моторчик в одну пчелинью силу.

Отяжелевшая от взятка пчела застряла между двумя лепестками. Осман осторожно отогнул лепесток, дунул на крылатую труженицу:

— Лети, красавица. Хоть бы у нас в колхозе кое-кто у пчел работать поучился. Не любят в улье лодырей...

Может быть, в словах старика Ожбанкова и не было прямого намека, но Хусен так сердито поскреб затылок, словно его ужалила эта темно-коричневая пчела. Нахмурился и Асхад, вспомнив свой последний неприятный разговор с сестренкой Сурет. Мужчины заторопились, наскоро позавтракали, а потом Асхад увел Хусена в свою комнату.

В это время появилась во дворе Сурет. «Ранняя пташка», как любила ее называть Мамерхан, она уже успела сбежать к реке, посидеть на своей заветной скамейке и погоревать о крушении всех планов, связанных с Асхадом. Что-то надо было придумать, решить, по ничего не придумывалось, не решалось. С красными от слез глазами она вернулась домой.

Ставни и двери в комнате Асхада были распахнуты, и Сурет еще издали услышала голос Хусена. В последнее время и сам Хусен, и даже его голос стали ей неприятны. Несколько раз заглядывал бригадир к Ожбанковым, просил Сурет выйти то на воскресник, то на субботник, помочь колхозу. Она отнекивалась, упрямилась, и Хусен не жалел обидных слов — белоручка, княжна. Ничего-недельская. Сурет было очень обидно. Какая же она княжна?

. Сейчас Сурет забеспокоилась — с какой новой неприятностью явился бригадир к брату?

Но, как ни странно, Хусен и Асхад говорили сейчас не о ней, а о соседке Ожбанковых — Файзет.

Подслушивать, конечно, нехорошо. Но если речь идет о твоей самой близкой подруге и говорят о ней твой родной брат с твоим молочным братом, как же все-таки не подслушать?

Сурет быстро ухватила суть разговора: Файзет поручают возглавить комсомольско-молодежное звено.

И Асхада и Хусена тревожило, что молодежь тянется в город, не хочет жить в ауле и работать в колхозе.

— У всех у них одна песня: «Чего это мы в вашем колхозе по видели?!» Ты только подумай, Асхад, для них колхоз уже не наш, а ваш! Он для них не родной дом, где их лоботрясов и белоручек растили, кормили, учили, а что-то чужое. — И Хусен сердито передразнил кого-то из молодежи: — «Не учи, бригадир, мы не меньше тебя ученые! Работаешь, работаешь, а конец года придет, выдаст председатель колхоза тебе шиш без масла. Нету дураков, чтобы работали за почетную грамоту да дырку от бублика!»

Асхад крякнул:

— Сказано зло, а верно: одними почетными грамотами за трудодни не расплатишься. Нужен и хлеб. А для хлеба — руки. Молодые руки молодежного звена. Вот ты мне и ответь, Хусен, сумеет ли Файзет собрать молодых и возглавить их работу?

Хусен ответил не сразу, помялся, помялся, но все же сказал:

— Лучше Файзет, пожалуй, никого не найдешь. Умница. Труженица. Ее все уважают. Если уж она не соберет молодых, никто другой не соберет.

Асхад чувствовал: что-то прячет Хусен за этими словами, что-то не договаривает.

— О чём-то умалчиваешь ты, Хусен...

— Да нет, я почти все сказал.

Почти? А что осталось за этим «почти»?

Хусен вдруг взорвался:

— Каждый день мне об этом кричат, скоро оглохну: Скажешь парню или девушке: «Выходи на работу!» — один ответ: «А почему Сурет Ожбанокову не зовешь?» Пока ты не приехал, я еще как-то выкручивался: «Асхада, наверно, оставят в городе, и Сурет не сегодня-завтра к нему уедет». А что я теперь скажу?

Сурет, стоявшая во дворе неподалеку и сравнительно спокойно слушавшая весь разговор, вспыхнула, сжала кулаки:

«Ну и вредный же этот Хусен Шасруков! Он нарочно настраивает против меня Асхада. Ладно, ты еще узнаешь Сурет Ожбанокову!»

И с вызывающе-беззаботным видом, затянув какую-то

песенку, Сурет медленно прошла мимо окна, как бы невзначай заглянула в комнату, крикнула Асхаду и Хусену:

С добрым утром! Вы только проснулись? А я уже нагуляться успела! Теперь пойду отдохну часочек!

«Пусть, пусть бригадир позлится», — смеясь подумала девушка. Асхад проводил сестру хмурым взглядом, покачал головой:

— И все-таки надо начинать с молодежи. Одним старикам да женщинам колхоз не поднять.

Сметая со стола какую-то неприметную крошку, он вновь заговорил о комсомольском звене:

— Читал в газетах? Комсомольско-молодежные звенья — это не завтрашний резерв, а уже сегодняшняя сила, у молодых» — и задор и желание перед стариками покрасоваться. Так неужели наши аульские ребята хуже тех, о которых в газетах пишут?

Бригадир пожал плечами:

— Ну, на молодежь, откровенно скажу, у меня надежда слабая. А с Файзет, что ж, с Файзет поговорить следует. Ты, кстати, после приезда с ней еще не виделся?

— Нет. А что? Как она живет? Помню, любила играть на гармошке, пела, а уж плясала — лучше всех!

— Она и теперь не прочь играть, да где взять хорошую гармошку в нашем ауле?

— Так, так, так, — оживился Асхад. — А разве у Файзет уже нет инструмента?

Хусен усмехнулся:

— Кажется, иногда она возится с плохонькой гармошкой, той, на которой еще ее мать, Зулих, когда-то играла. Да пустяки, обойдется! Чего об этом говорить.

— Вот это не дело, — возмутился Асхад. — Надо, чтобы колхоз купил хороший баян, а то и аккордеон! Как говорится, начинать новую жизнь — так с музыкой. Не может молодежь без песен, плясок, музыки. Веселье работе не помеха.

— Это тебя в академии учили так фантазировать? — усмехнулся бригадир. — В колхозе семян нет! В кассе ни копейки! А агроном план весеннего сева начинает с гармошки. Нет, это в самом деле здорово: придишь ты сегодня к нашему председателю колхоза и скажешь: «Дзегашт, отпусти деньги на гармошку — ребятам и девушкам петь и танцевать надо!» А Дзегашт — в обморок, а потом придет в себя и позвонит в район, в поликлинику: «Пришли врача, агроном Ожбаноков с ума сошел!»

Асхад осуждающе смотрел на Шасрукова:

— Это так председатель скажет... А что думает бригадир? Вот вчера Дзегашт накричал на ребят за то, что они

в волейбол играли, обозвал их белоручками. А почему бы не организовать в ауле спортивную команду, художественную самодеятельность? Что у нас, своих артистов нет? А старики Карбечи? Как начнут плясать да рассказывать — любой заглядится, заслушается. А если в ауле ни работы, ни заработка, ни веселья, — не только молодежь, последний столетний старик в город сбежит.

Хусен попытался отшутиться:

— А я все гадал — откуда у Сурет такая любовь к сказкам? Теперь вижу — в тебя пошла.

Асхад грустно глянул на друга:

— И тебе самому не скучно так жить, так работать, Хусен? Без спорта, песни, музыки, может быть, даже без книги?

Хусен обиделся, поднялся:

— Пусть скучают бездельники. Я неделями не только книгу, — газету раскрыть не успеваю. А ты четыре дня пожил в ауле — по волейболу соскучился!

— Ладно, — сказал Асхад, — пожалуй, действительно. пора работать, доспорим как-нибудь потом.

И вытащив из нагрудного кармана блокнот, Асхад просмотрел перечень неотложных дел, намеченных на сегодня, и приписал внизу: «Вечером зайти к Файзет Манговой»

Уже густая синева сменила бронзу заката, когда наконец Асхад вошел во двор Мазаговых. Файзет сидела на стуле под деревом и, положив на колени тетрадку и книжку, что-то писала.

Увидев Асхада, девушка испуганно вскочила. Тетрадь и книжка упали на траву. От того, что Асхад поспешил ей на помощь, она смутилась еще больше. Однако все же овладев собой, приветливо сказала Ожбанокову:

— Добро пожаловать, Асхад! — и распахнула дверь дом.

Асхад пошутил:

— Другой бы ни за что не. зашел, но я не обидчивый

— Зайду. Только скажи: почему ты стала такой гордой? Четвертый день я здесь, весь аул у меня побывал, а ты, Файзет, ближайшая соседка, подруга Сурет, не зайдешь, не поздороваешься.

— Кто от кого прячется — это еще надо уточнить! — засмеялась Файзет.

Асхад совсем не был намерен с ней спорить:

— Ну, хорошо. Мир.

— Мир, — кивнула Файзет. — Безоговорочная капитуляция?

Асхад усмехнулся:

— Безоговорочная, но с одним условием...

— С каким же?

— Давно я не слышал родной музыки. Сыграй что-нибудь.

Файзет согласилась:

— Только гармошка у меня неважная, хорошо не сыграешь на ней.

Они вошли в уютную, чистую комнату Файзет. Вещей в ней было мало, и оттого комната казалась просторной и светлой. В глаза бросилась этажерка с тесными рядами книг, фотокарточки на свежевыбеленных стенах.

Асхад присел на стул у окна, а Файзет прошла в соседнюю комнату и вернулась с гармошкой. Да, гармошка была старенькая, с мехами, залатанными в нескольких местах разноцветной бумагой. Эмаль на многих клавишах давно стерлась, не было уже и звоночек.

Девушка села, развернула мехи, и зазвучал быстрый зафак¹. Оказывается, не такой уж плохой была эта гармонь, покорная ловким пальцам искусной музыкантши. Когда умолкли последние звуки, Файзет настороженно поглядела на помрачневшего, о чем-то задумавшегося Асхада:

— Не понравилось?

— Ну что ты! Очень понравилось. Как я завидую тебе. Люблю музыку, а сам играть не умею. Руки какие-то неловкие, дубовые. Видишь? — Он растопырил короткие сильные пальцы. И, словно чтоб доказать, какой он неловкий, нечаянно задел локтем, смахнул с подоконника тетрадь, карандаш и книжку — те самые, что были на коленях у Файзет, когда он вошел к ним во двор.

Зафак — адыгейский танец.

Асхад поспешил нагнуться. В руках у него был знакомый учебник для сельскохозяйственных вузов.

— Ого! — воскликнул Асхад. — И давно ты учишься?

— С прошлого года. Поступила заочницей в Кубанский сельхозинститут.

— Э, так ты не только соседка, но и будущий агроном? Если бы знал, давно прибежал бы к тебе советоваться.

— Ну, еще бы — ведь умнее и старше меня никого в ауле нет! — обиделась Файзет.

— Разве только со старыми можно советоваться? По мне — кто умен и учен, тот и старший!

— Ну, до ученого мне еще далеко.

— Верно, но я знаю, что все равно ты мне поможешь.

— Чем же?

Асхад поднялся, зашагал по комнате:

— Я все думаю над тем, как столкнуть наш колхоз с мели. А он ой как основательно на мель сел! Может быть, и есть в Адыгее колхоз похуже, только вряд ли.

— Ну и что надумал? — спросила Файзет, которую подкупила откровенная озабоченность Асхада.

— Руки, руки нужны! Молодые руки. Надо создать комсомольско-молодежное звено. Пусть оно выращивает кукурузу. У нас в Адыгее без кукурузного чурека ни деды, ни прадеды за стол не садились. Ну как? Ты «за» или «против»?

Теперь уже Файзет начала посмеиваться:

— За что «за», за что «против»? За молодые руки? Или — за кукурузу, чурек и прадедов?

Асхад нетерпеливо перебил ее:

— За все! За все!

— А почему тебе надо, чтоб я была за все сразу?

Асхад притворно ужаснулся:

— Выходит, я тебе главного не сказал? Надо, чтобы что звено молодых кукурузоводов ты организовала и возглавила.

Девушка отрицательно покачала головой. Асхад остановился, вздохнул:

— Трусишь?

— Трушу, — призналась Файзет. — Боюсь, Асхад! У меня ничего не выйдет. Какой же из меня организатор, да еще и звеньевая... Нет, у меня ничего не получится.

Асхад опустился на стул:

— Почему?

Файзет молчала.

— Ну почему? — настойчиво допытывался Асхад.

Она рывком подняла голову:

— Я бы, может, и попробовала, да мама все равно не согласится!

Глаза Асхада стали такими большими, такими удивленными, что Файзет невольно улыбнулась, хотя ей в эту минуту было вовсе не смешно.

— Это Зулих не согласится? Первая женщина-коммунистка в ауле? Быть того не может!

— Может, очень даже может, — возразила Файзет. — И она по-своему будет права. Я ведь о таком звене уже думала. И с ней советовалась. А мама говорит: «Что ж, иди, бери тяпку, пусть надо мной люди смеются. Десять лет, Зулих, твоя дочка училась! Выучилась наконец тяпку держать».

Асхад вскинул, по сжал руками колени, заставил себя усидеть на стуле. Не повышая голоса, он медленно произнес:

— Эх, Файзет. Пусть себе сплетники сплетничают, глупцы глупят, а нам — честным людям, надо честно стараться помочь делу. Или не так?

— Так-то оно так...

Асхад повеселел:

— Ну, и прекрасно. А с Зулих я поговорю сам.

За окном синели апрельские сумерки. Первая звезда замерцала сквозь скользкую гладь стекла. Асхад глядел на притихшую, о чем-то задумавшуюся Файзет и вдруг с острой ясностью вспомнил Дариет, такую, какой она была в последние, довоенные дни...

Ожбаноков наступил лохматые черные брови, поднялся, словно подкинутый пружиной, попрощался, вышел на улицу. В раздумье он постоял возле калитки, а потом медленно двинулся к своему дому. Не успел сделать и десяти шагов, как повстречался с Зулих.

— Добрый вечер, — ласково поздоровалась она с ним, — что проходишь мимо нашего дома? Нехорошо, не пососедски! Может, зайдешь?

— Да я только от вас, Зулих. Слушал, как Файзет на гармошке играет.

— Ну и как?

— Не хуже знаменитого Магомета Хагауджа!

Зулих было приятно, что сосед похвалил игру Файзет человека только приехал из большого города, бывал там и в театрах, и в концертах, а вот как хвалит ее дочке! Если, конечно, это от души, а не только из вежливости.

Зулих, улыбнувшись, поспешила перевести разговор: — Что ж ты не заехал сегодня в нашу бригаду? Мы ждали: хотели на председателя нашего пожаловаться тебе, послушать, как новый агроном с людьми разговаривает.

Вот уже сколько лет, еще с войны, руководит Зулих Мазагова второй полеводческой бригадой колхоза. На Хусена да на Зулих — на двух опытных бригадиров — больше всего и надеялся Асхад, вынашивая план перестройки работы в колхозе. Но сегодня утром он едва не разругался с Хусеном. Вечером его огорчила Файзет. Неужели и Зулих не пойдет навстречу, не поддержит его?

Асхад не стал ходить вокруг да около. Выложил все начистоту.

Зулих слушала спокойно, ни разу не перебила его.

— Все? — спросила она, когда он умолк.

— Все, — сказал Асхад. — Так согласна ты, чтобы Файзет стала вожаком комсомольского звена? Сама Файзет не возражает.

Зулих развела руками:

— Ничего не понимаю! Больше других что ли ей это надо. Зарабатываю я неплохо. Пусть учится в институте, понемножку работает. Зачем ей взваливать на плечи такую обузу?

Асхад покачал головой:

— И это говоришь ты, Зулих? Бригадир! Коммунистка!

— Ну и что? — повысила голос Мазагова. — Что я такого сказала? Таких, как моя Файзет, в ауле десятки. Ты не думай, что я боюсь, как бы от работы моя дочь не надорвась. Моя дочка труда не боится! Прошлым летом она на току работала. Бывало, день поработает, а и ночной смене людей не хватает — так она остается работать на всю ночь. И я говорила: «Правильно. Так и надо дочка».

А вот сейчас, когда рядом с ней живут девушки, которые ничего не делают, не хочу я, чтоб Файзет работала, а они над нею посмеивались.

Асхад нахмурился: слишком ясно было, кого имеет в виду Зулих.

— Да, Сурет — и стыд мой, и боль моя, — честно признался Ожбаноков. — Но ведь должен же кто-то начать, проложить первую тропку! Так начинала когда-то ты, так могла бы начать теперь и твоя дочь. А потом и такие, как моя сестра, пойдут за ней.

Зулих строго оборвала Асхада:

— Когда другие выйдут на работу, тогда и Файзет пойдет. Я сказала все!

Но Асхад, вовсе не считал разговор законченным. Он жестом остановил женщину, уже шагнувшую к своей калитке.

— Я еще мальчишкой был, — негромко сказал он, — когда в ауле старики впервые произнесли слова «дерево Зулих». Неужели все помнят и только сама Зулих забыла, как посадили тогда первое дерево в честь первой ударницы аула! Ты пошла вперед. А потом за тобой пошли другие женщины. Зачем же теперь хочешь помешать Файзет стать на твою дорогу? Не хочешь, чтоб и ее дерево выросло, зашумело зеленой кроной, а счастье пустило глубокие корни?

Зулих вздохнула. Ей показалось, что она слышит, как шумит молодой листвой ее дерево, «дерево Зулих», и зовет в дорогу ее дочку.

— Хорошо, — сказала Зулих, — пусть будет по-твоему, Асхад. Пусть Файзет сама выбирает свою дорогу.

4

Два дня спустя, возвращаясь под вечер с поля, Асхад подошел к старикам, обносившим новым забором хозяйственный двор. Играя топором, тесал, ставил ладные, крепкие столбы и лучший плотник аула Осман Ожбаноков, старались не отставать от него чабан Салех Тлегур, кузнец Гучесав Пшеуч, огородник Гусарук — сверстники Османа.

Столько заманчивой красоты и силы было в их работе, что Асхад, поздоровавшись со стариками, сам потянулся к топору:

Отдохни, отец, давай я поработаю.

— Что ж, попробуй.

Старик Ожбаноков присел на свежее, еще напоенное смолистым духом бревно, не спеша достал большой самодельный кисет, обстоятельно скрутил толстую цигарку, пустил первое синее облачко.

Он курил и как будто не замечал сына, который азартно, сильно, но не слишком-то ловко размахивал топором.

Чуть заметная улыбка играла в уголках губ Османа, собирала под глазами морщинки.

Старый плотник докурил цигарку, шумно выдохнул дым и покашливая пошел к сыну:

— От такой работы мой топор скучает, — пошутил Осман.

— Давай его мне, сынок. — И принял сам обтесывать столбы для ворот.

Топор точно ожил в умелых руках: где осторожно, где резко и сильно врубался он в дерево, убирая лишнее, оставляя ровно столько, сколько нужно.

Гучесав — маленький, сухонький, с аккуратной седой бородкой, на миг разогнул спину, посмотрел на подошедшего к нему Асхада и, словно угадав мысли нового агронома, сказал:

— Такого плотника, как твой отец, пожалуй, во всей Адыгее не найдешь. Где уж нам за ним угнаться! Но зато у меня в кузне я его дальше мехов не пущу — там я хозяин. Ну, а дерево без железа не дороже топорища без топора!

Уважали аульчане своего кузнеца — знали, слушается его железо. Сколько раз выручала колхоз его маленькая закопченная кузница: то борону починит Гучесав, то плуг, то колеса.

Но разве от меткой шутки убавится уважение? И чабан Салех откликнулся, усмехаясь:

— Э, Гучесав, ты давным-давно не хозяин в своей кузне. Как мышка, тайком-тишком, туда лазаешь! И то, когда кошки поблизости нет!

Асхад удивленно поднял брови:

— Что это Салех на тебя наговаривает?

Кузнец вздохнул, покачал головой:

— Не надо мной он смеется, а над нашими тхамате — руководителями. Председатель кузню закрыл: ему, видишь ли

каждый болт, каждый гвоздь МТС выдавать обязана. Не спорю — обязана. Но в горячие дни разве в МТС набегаешься? Вот я, как подпольщик какой, тайком и работаю.

Асхад сегодня не спешил домой, хотелось подышать хмельным воздухом весны, посидеть с этими неунывающими стариками, любящими и соленый пот, и соленое словцо.

Это их теперь уже сухие, морщинистые руки закладывали колхоз, ставили первые бригадные станы. Иной раз и сами старики чем-то походя на свои острые, источенные трудом и временем топоры.

Ритмично стучали, слаженно вздымались и падали топоры Османа, Салеха, Гучесава. А вот у огородника Гусарука удар был не так силен и меток, не такими ровными получались колья, хотя пыла и пота в свой труд вкладывал он не меньше остальных.

Издалека донесся чей-то возглас:

— Эге-гей! Молодежь двадцатого года! Оставьте и на мою долю хоть пару столбов! Я не прогульщик, не лодырь!

Гусарук рукавом отер пот со лба:

— Пляши-нога бежит! Ну теперь не даст работать. Небось, у него арба смеха и мешок новостей из соседнего аула.

Карбеч Шнахов, или, как чаще звали его в ауле, Тлепачас (Пляши-нога), вчера с вечера уехал к больной сестре в соседний аул, задержался там и теперь спешил если не работой, то хоть шуткой догнать остальных.

Еще, не дойдя до забора, он принял расхваливать мастерство товарищей:

— Во скольких аулах не бывал — лучшей работы не видывал! Это же не плетень, а дворцовая ограда!

Но Осман Ожбаноков даже не улыбнулся:

— Всю жизнь ты вот так, Пляши-нога. Сам прыгаешь, и слова блошками скачут. Люди работают, а ты вокруг да около дела. Вроде как та ворона, что подлетела к коршуну, уносившему курицу, и сказала: «Какую жирную курицу мы с тобой несем, коршун».

И Карбеч понял: сегодня рассердились на него всерьез. Чтобы вернуть к себе доброе расположение, Пляши-нога решил отпустить новую шутку. Сделав вид, что не понял упрека старого плотника, он объявил:

— Берегитесь, работнички: главный ревизор

прибыл. Ну ка посмотрим, кто как работает?

Он пошел вдоль забора, останавливаясь у каждого свежевкопанного кола, тряся, дергая его, проверяя на прочность и приговаривая:

— Этот вкопан Ожбаноковым Османом, этот тоже. А это работа Салеха. Чабана сразу видно: постучи по столбу — бараном заблеет. Эти колья вбиты кузнецом: щипцами не вырвешь, трактором не вытащишь. Пошли дальше...

Вдруг Карбеч остановился, подергал один из кольев, всем корпусом повернулся к старики и, заранее радуясь, что можно переключить раздраженно товарищей на кого-то другого, пронзительно закричал:

— Поглядите, старики, а ведь кол-то шатается! Никогда мне больше по видеть солнца, если этот кол не Гусарука!

Старики оторвались от работы, двинулись к злополучному колу, около которого стоял Карбеч. Гусарук подбежал первым. Вспомнили, кто вбивал какие колья, и убедились — угадал Карбеч!

Огородник рассердился, надулся, покраснел, стал похож на большого рассерженного индюка. Даже нос у неё будто стал длинней и толще. Седые брови насупились:

— Чтоб у тебя живот заболел и язык отнялся, старый бездельник! Сам ничего не делает и еще другим мешает! Да и как было не сердиться Гусаруку, если за один день дважды осрамили его перед новым агрономом Асхадом Ожбаноковым! Сейчас — этот болтун Пляши нога (не Пляши-нога, а Пляши-язык надо бы его прозвать!), утром бригадир Хусен Шасруков. Ну и бригадир — сколько в нем яда... А ведь так хорошо началось утро. Гусарук у самого своего дома встретил бригадира и Асхада. По-хозяйски, по-соседски пригласил агронома:

— Добро пожаловать, Асхад. Знаешь нашу поговорку: первому гостю — первые сливки.

Асхад поклонился, поблагодарил:

— Спасибо, Гусарук. А я заговорился с Хусеном, чуть было не прошел мимо лучшего соседа. Извини, пожалуйста.

Гусарук заулыбался всеми своими зубами из нержавеющей стали. Завистники говорят, будто он нарочно старается больше говорить и почаше смеяться,

чтобы все видели, какие у него крепкие зубы!

Вот тут и подпустил бригадир первую каплю яда.

— Эх, старик, старик, неужели ты поверил Асхаду. «Заговорился... Извини». Просто он хотел проскочить мимо твоего дома, чтобы не видеть твоих железных зубов!

Любил Хусен столкнуть Гусарука с кем-нибудь — уж больно смешно сердился Гусарук.

Асхад улыбнулся:

— Ну и поджигатель — Хусен! А ты не поддавайся на провокацию, Гусарук. Лучше расскажи, как живешь.

Хусен вмешался снова:

— Да как он живет... Здоров, как буйвол. Выпиши наряд, так он на своем горбу хоть целый воз дров притащит!

Старик не полез за словом в карман (надо же было поставить Хусена на место):

— Приходится на горбу, раз ты не даешь арбу!

— Да ты же подводу и не возьмешь! — возмутился Хусен. — Ты же ее как огня боишься!

— А как не бояться? — Гусарук лукаво прищурился, потер лысину, пролегшую от лба до затылка между двумя узенькими полосками седых волос. — Возьмешь подводу, только въедешь в лес за дровами, зацепится колесо за пенек, посыплются спицы, порвутся постремки, свалится хомут, выбьет грудь коню... Нет, Хусен, не нужна мне такая техника! Уж лучше пусть будут ноги моим колесом, плечо — подводой. Захочу — запрягу сам себя, захочу — распрягу.

Асхад засмеялся:

— Неужто обязательно должны случиться с подводой все эти тридцать три несчастья?

— А как же иначе? — продолжал Гусарук. — Ты думаешь, они дадут мне хорошую подводу с крепкими лошадьми и прочной упряжкой? Как бы не так! Кони у них еле на ногах держатся, их дрючками подпирают, чтоб не падали! Упряжь сто раз порвана, семьдесят — веревками перевязана! А телега на ходу рассыпается. Вот как в их бригаде работают. На ветре верхом ездят, языком подгоняют!

— Ну, Хусен, чем ответишь на такую критику? — спросил Асхад.

Бригадир промолчал, а Гусарук повел наступление на Хусена уже с другого фланга.

— Пойди, пойди-ка сюда, Асхад, — позвал он агронома и двинулся к своему только что вспаханному и заборонованному огороду. Старик присел на корточки и черными волосатыми пальцами разгреб землю: показывая маленький росток кукурузы.

— Знаешь, как меня зовут в районе? Бог кукурузы. Раньше были и бог реки, и бог лесов, и еще много богов. А вот бога кукурузы до меня не было. А что тут смешного? Я и в самом деле кукурузный бог: пусть только два листика кукурузы пробоятся, уж я за кочан отвечаю.

Гусарук развел руками, показал, какие огромные кочаны умеет он выращивать.

— В прошлом году из района приезжали любоваться моими кочанами. Хвалили меня, благодарили. А потом? Потом кукурузу со всех участков свалили в одну кучу: пойди узнай, сколько центнеров получил я с гектара!

Бригадир уже не смеялся, он стоял, покусывал губы, пока Асхад что-то быстро записывал в свой блокнотик. И надо же было ему, Хусену, растревывать этого старого болтуна Гусарука. А огородник, увлеченный новой идеей, тащил Асхада за рукав на другой край огорода:

— Видишь эти грядки? Здесь будут мои помидоры, самый лучший сорт — яблочные.

Хусен посмотрел на пустые грядки, спросил насмешливо:

— Зачем тебе столько помидоров, Гусарук? Их всему аулу хватит!

Огородник, словно не заметив насмешки, ответил восторженно:

Правильно! Зачем мне столько? Одну машину повезу в город на базар, а остальные — ешьте на здоровье. Я-то колхозное дело не брошу, в город с помидорами моя старуха поедет. Утром отправится, к вечеру вернется. Помидоры ранние, их быстро расхватывают.

Асхад спросил старика:

— Много ли с двух-трех грядок помидоров сберешь? Огородник ты опытный, умелый, почему бы тебе в колхозе этим не заняться?

Гусарук вздохнул:

— Это в нашем-то колхозе? С нашим председателем? Овощам вода нужна. А наш тхамате хочет, чтобы мы их поливали своими слезами! Нет воды, говорит, и не надо. Зато у нас сосед есть, Марк Трофимович. И правда, у Марка Трофимовича и водохранилище, и полив, и помидоры, и капуста. А мы по-соседски ездим к нему, покупаем что надо. Его колхоз богатеет, наш беднеет, а тхамате и не чешется.

Хусен, морщась, злыми глазами смотрел на так некстати разговорившегося старика и еще раз попытался свести все к шутке:

— Эх, жаль! Такой богатый урожай помидоров, а машину дать тебе не сможем. Плохо у нас с транспортом.

Гусарук так разгневался, словно машина нужна была ему уже сегодня, будто уже июль, а не апрель! И яростно набросился на бригадира:

— Вот так всегда! Хоть умри — не помогут!

— Дадут, дадут тебе машину, — попытался успокоить его Асхад.

— Вот за это спасибо, — с чувством поблагодарил Гусарук. — Погружу машину и отправлю в город мою старуху. Как думаешь, Асхад, она справится?

Асхад знал, что Гусарук любит, когда похваливают его жену:

— Да если ты ей разрешишь, твоя Пак и на Луну слетает, Гусарук! — сказал Ожбаноков.

— Воллахэ, ты прав, Асхад. Она у меня такая. Да и братья моей старухи не хуже. Умелые люди. А какие огородники! На кустах помидоров выращивают огурцы, на редьке — клубнику. А почему им не быть огородниками, если живут в ауле рядом с Краснодаром! Через Кубань переправились — и базар. Не съездив хоть разок на базар, они спать не лягут. А как ты думаешь, Асхад, помогут они моей старухе продать помидоры? Ведь все же я их зять!

Асхад закивал головой, пряча улыбку:

— Обязаны помочь, Гусарук.

Но Хусен решил, что сейчас самый удобный момент осадить размечтавшегося старика, отплатить ему за разговоры о телеге:

— Не обязаны они тебе помогать, Гусарук. Это ты им обязан. Не зря адыги говорят: зять и ишак — одно и то же.

— Чтобы они обожглись, — вспыхнул прямодушный

Гусарук, — хватит и того, что я для них сделал!

И он начал честить братьев своей жены, вспоминая далекое прошлое.

— Когда я поехал жениться на их сестре, я все свое состояние — единственного скакуна — оставил им. А какой был конь! Красавец! Все завидовали. После этого я уже ни разу не садился на коня, на всю жизнь остался пешим.

— Так вот почему ты боишься запрягать коней в телегу? — съязвил Хусен.

По Гусарук уже так распалился, так полон был ожившими вдруг старыми обидами, что ничего не слышал.

— Кто бы взял эту длинноносую, если бы я на ней не женился? Ей-богу, хочется обратно отвезти ее, да жалко, — ведь конь уже давно подох, и я с них ничего не получу взамен.

А Хусен не унимался:

— Эх, Гусарук, Гусарук, сам говоришь, что твоя Пак длинноносая, некрасивая, а зачем же так далеко ездил за ней да еще отдал коня-красавца?

Гусарук почесал затылок:

— И сам не пойму, как это случилось. А ведь конь у меня был неплохой и седло свое. Был я тогда парень молодой, ладный, во всяком случае, лучше, чем наш бригадир Хусен. Ну, джегуако¹ остановил танцы, вызвал меня в круг, вывел красивую девушку (да-да, это и была Пак), и я с ней сплясал каракамыль², Правду сказать, тогда моя Пак была не такая, как сейчас. И нос был покороче и лицо побелее. Была она очень красивой, во всяком случае, мне тогда так казалось. Ну, да и сейчас моя Пак вовсе не так уж плоха, верно, Асхад? — Гусарук широко улыбнулся, сверкнув стальными зубами. — Будьте здоровы, дети мои. А ты, Хусен, не забудь вовремя прислать машину.

Вот тогда коварный Хусен и стащил старика с небес на землю:

— Хорошо, Гусарук, — сказал он, — машину я дам,

¹ /Дже гуако — тамада.

² Каракамыль — танец.

она придет, а где помидоры? Говоришь, на базаре расхватают твои ранние помидоры, а я смотрю — у тебя еще грядки черные, ты еще даже и рассаду не посадил.

И Хусен засмеялся, довольный, что показал Асхаду, какой пустой болтун этот огородник.

— На машину и не надейся, Гусарук, пусть гниют твои непосаженные помидоры, — крикнул он и потащил Асхада в степь.

Вот как неудачно кончилась первая встреча Гусарука с Асхадом. А теперь эти колыя. Того и гляди, Асхад Ожбаноков и в самом деле решит, что старому Гусаруку нельзя верить.

Гусарук мрачно поплевал на ладони, потер их друг о друга и, неожиданно схватив ближайший кол, одним рывком вытащил его, потом второй, третий... Так он поступил со всеми вбитыми им колыями и начал забивать их вновь. Закончив работу, хмуро сказал Карбечу:

— Иди, бездельник, Пляши-нога, теперь попробуй их вытащить!

Карбеч потрогал колыя, пошатал их:

— Ничего не скажешь. Теперь порядок! А вы говорите, что я пользы не приношу! Вот как помогла моя критика. Вы бы бракодела не заметили, а я его за руку поймал!

— Это я-то бракодел? — не на шутку обиделся Гусарук.

Он взмахнул кулаком, но Карбеч с такими уморительными ужимками отскочил в сторону, что все расхохотались и первым — Гусарук.

Кузнец Гучесав покачал головой:

— Нам с Гусаруком критика помогает, мы прислушиваемся к тому, что люди говорят. А для тебя, Карбеч, какое лекарство придумать? Поешь, танцуешь, балагуришь — а дело стоит!

Пляши-нога, пытавшийся в это время толстенной хворостиной оплести вбитые колыя, сделал передышку.

— Я человек ловкий, — засмеялся он, — тряхну критикой, как ситом, и, смотри, пожалуйста, — вот они, все ваши недостатки, как отруби, сверху лежат. А для меня такого сита не придумали, оттого и не проймешь меня критикой.

Но как ни бойко шутил Тлепачас, а хворостина не хотела гнуться. Покосившись направо и налево, Пляши-нога незаметно переломал ее и сломанную сунул между

столбами, не очень-то заботясь о крепости забора. Но в тот же миг его окружили старики: оказывается, они во все глаза следили за беднягой и только и ждали, когда же он проштрафится!

Больше всех торжествовал Гусарук. Грозно размахивая топором, он бросился к Карбечу:

— Выбрось эту хворостину! Или я не знаю, что с тобой сделаю!

Карбеч ворча нагнулся:

— Подумаешь, я просто не заметил, что она сломанная! И что вы такой шум подняли?

Гусарук с шутливым сожалением помахал в воздухе шпором:

— Ладно, Пляши-нога, поживи еще до следующего раза.

В эту минуту выскоцил из конторки председатель колхоза — Дзегашт. Не обращая внимания на стариков, он выбежал на пустырь за хозяйственным двором, где несколько подростков играли в волейбол.

— Сколько раз я вас предупреждал, — принялся он пронзительно отчитывать их. — Убирайтесь отсюда с вашим мячом!

Ребята разбежались, но один из них что-то, наверное, непочтительное успел крикнуть председателю, и Дзегашт погнался за ним. Тощий, маленький, он бежал быстро, но скоро остановился, тяжело дыша, и, погрозив ребятам кулаком, направился к плотникам:

— Вот безобразие! Швыряют и швыряют мяч. Покоя от лих нет!

— Здорово ты их погнал, — одобрил Пляши-нога, — теперь до самой реки добегут и не оглянутся.

Гучесав покачал головой:

— Ну, и председатель! То тебе кузница ни к чему, то дети беспокоят! Уж больно ты тишину любишь.

Пока Осман не вмешивался в разговор, но с каждым взмахом топора он все резче и сердитей отваливал большие ровные куски дерева и наконец проворчал:

— Некому сказать ребятам ласковое слово — вот и разбегаются. Сегодня до реки добегут, а завтра совсем из аула.

Дзегашт взорвался:

— Может, это я виноват, что полсотни молодых лодырей (есть среди них и ваши дети и внуки) болтаются

где-то между аулом и городом и ни черта не делают?! Спросишь — почему не в колхозе? Один врет: «Я в городе устроился», другой — «В станицу переезжаю», третий... Третий, кажется, решил на Марс лететь! Так что же, прикажете мне этим лентяям ласковые слова говорить?

Старики промолчали, и только Пляши-нога подхихикнул в тон председателю:

— Им ласковых слов мало! Им надо еще песенки неть: колыбельные, застольные да свадебные.

Но никто не улыбнулся, и председатель поспешил переменить тему разговора:

— Кончите забор, займитесь амбарами, чтоб не повторилась прошлогодняя история. Сколько зерна пропало!

— В дырявые амбары урожай свозили? И что — много зерна просыпалось? — спросил вновь подошедший к старикам Асхад.

Председатель колхоза совсем не хотел отвечать Асхаду — без году неделю работает новый агроном, а все ему надо знать!

Вместо председателя неожиданно ответил Гусарук:

— Знаешь, Асхад, бывают такие удобные дыры. В них горсть просыпешь, а воз спишешь. — И добавил складно, в рифму: — Сколько зерна засыпалось, столько и осталось. А что в амбар не попало — то пропало. Развезли кто куда, не осталось следа.

У Дзегашта кровью шея налилась, побагровели уши:

— Слушай, Гусарук, надоели мне твои шуточки! Кто разбазаривал зерно? Может, ты? Салех? Осман Ожбаноков?

— Может, и я, — согласился огородник, хотя все знали, что за всю жизнь не взял он ни зернышка, — все тащили, и мы тащили — кто мешком, а кто подводами.

Асхада все больше и больше удивлял этот необыкновенный, так внезапно возникший разговор.

— И что — никто не останавливал, когда тащили зерно?

— Как не останавливали? — усмехнулся старик. — Увидят начальники, что кто-то торбочку зерна тащит, — обязательно вытряхнут наземь, да еще ногой торбочку

пнут. Иначе нельзя, не положено. А вот с другими начальнику труднее было...

— Это с какими другими? — не понял молодой Ожбаноков.

Гусарук мотнул головой в сторону Карбеча Пляши-

ноги.

— С теми, кто вокруг нашего тхамате пляшут.

— Почему же труднее? — настойчиво допытывался агроном.

— Эх, Асхад, Асхад, — притворно вздыхая, ввязлся и разговор Гучесав. — Ну как ты не понимаешь, что торбочку можно перевернуть ударом ноги, а вот попробуй перевернуть машину! Да еще если в ней сидит большой начальник! Пробежала машина мимо, а куда — один аллах ведает.

Пляши-нога рассвирепел не на шутку. Рыча, как медведь, он набросился на кузнеца.

— Чтобы аллах у тебя глаза отнял, Гучесав, за такую неправду! Не видел ты. Ничего не видел, а говоришь.

Гучесав ответил ему, не повышая голоса:

— Я мог и не видеть, я ведь в кузнице работал. А вот ты, наш главный охранник, ты должен был видеть, куда зерно ушло! За что мы тебе начисляем по сорок трудодней в месяц?

— И я не видел, чтоб кто хоть зернышко утащил!

— Ну, значит, аллах тебя послушался и отнял глаза. Только по ошибке не у меня, а у тебя: плохо твои глаза смотрели, не хотели видеть!

Председатель колхоза возмущенно фыркнул:

Болтовня! Поклеп! Клевета! Может, это я наворовал и сожрал колхозное зерно? Видите, какое брюхо наел! — был он себя по впалому животу.

Трудно сказать, чем бы кончился этот разговор, если бы за Дзегаштом не прибежал посыльный. Председатель и шил и к телефону.

Карбеч Пляши-нога попытался продолжить разговор.

— А мне, скажи, зачем мне колхозное зерно? Нет у меня ни детей, ни жены, я — вдовец. Мешка пшеницы миг на год хватит. Зачем мне воровать?

Но у кузнеца как будто заранее были откованы и спрятаны в кармане ответы на все выкрики Пляши-ноги.

— Тебя одного прокормить нетрудно. А вот всех твоих собутыльников напоить — дело нелегкое. Ты сам посчитай: если ты в один присест выпиваешь столько водки, сколько можно ее выгнать из мешка пшеницы, может ли тебе хватить мешка зерна на год?

Пляши-нога почувствовал, что пора кончать неприятный разговор, и натянуто улыбнулся:

— По-твоему выходит, что я начальник над всеми

начальниками?

И тут вновь подал голос Гусарук;

— Над начальниками — нет. Над воришками — да!

— Лучше не скажешь, — согласился Осман. — Тут тебе, Пляши-нога, характеристика подписана и печать поставлена.

Осман, Гучесав, Салех и Гусарук дружно застучали в четыре топора.

Пляши-ноге пришлось смолчать и тоже взяться за дело.

5

Нелегко заглянуть в душу человека, еще труднее узнать, что творится в семье даже близкого друга, пока сам не поживешь ее буднями и праздниками, удачами и горем.

Все в ауле считали, что нет дружней и счастливей семьи Ожбаноковых.

Завидев старика Османа, аульчане еще издалека кланялись ему, почтительно говорили о нем, справедливом и беспокойном, хвалили его умелые руки. Уважали и его жену Мамерхан Ожбанокову. Чуткая, отзывчивая, она для каждого находила нужное слово, с каждым умела и попечалиться, и порадоваться.

Хороших детей вырастили Ожбаноковы. Кто погиб — погиб со славой, в бою. А те, кто живы, — не обижены ни умом, ни силой.

Даже у злого не повернется язык сказать дурное об Асхаде, Касиме или его жене Зуре, она ведь пока единственная в районе адыгейка, ставшая зоотехником!

Так думали и говорили о семье Ожбаноковых соседи и родственники. И было им невдомек, что уже давно, со дня приезда Асхада, вошел в этот дом неприметный для посторонних разлад.

Хорошо понимал Асхад, что он и только он невольный виновник этого разлада. Ну, может ли примириться сестренка Сурет с тем, что он, ее старший брат, ее гордость и надежда, так обманул ее ожидания, променял сверкающую, зовущую огнями даль больших городов на глушь родного аула!

Легко ли девушке в восемнадцать лет отказаться от мечты об удивительном, ей одной предназначенном счастье. Ну как объяснить ей, что она ходит зажмутившись, не видит жизни?

А совсем не злая по натуре Сурет, решив, что ее

обидели и обманули, стала просто невыносимой. С утра до ночи злился, ворчит.

Конечно, на отца, на мать, на брата не очень-то набросишься, не здорово прикрикнешь. Не могла сорвать свою досаду Сурет и на Рашиде и Алике.

Оставалось Сурет одно — по поводу и без повода точить и точить Зуру, да слезливо огрызаться, когда за невестку вступалась Мамерхан.

Пожалуй, в другое время Асхад нашел бы дорожку к сердцу сестры: развеселил бы шуткой, а нет, так пристыдил, приструнил бы ее. Но сейчас он нервничал сам и потому не годился в утешители.

До чего же неудачно складывалось все и дома и на работе.

Колхозу не хватает рук, а молодежь до сих пор стороной проходит. А ведь как старается Файзет! А ему, Асхаду, то и дело каждый колет глаза его собственной сестрой Сурет.

— Сначала, Асхад, ты ее сагитируй! Может, тогда и мы в сознательные запишемся.

Сурет и слышать не хочет о работе. Чуть что, в слезы:

— Ты — брат, ты обязан кормить и одевать меня, свою сестру! А если тебе трудно, так у меня, слава богу, есть и отец и мать. Небось, они мне не откажут в кусочке хлеба.

Ну, что ты ей скажешь? Да разве ж Сурет — одна забота? А Дзегашт — председатель? А Хусен — бригадир? Какой уже день доказывает им Асхад:

— Сколько земли пропадает даром! Урожай и так низки, а ведь и в районе, и в области, когда речь идет о колхозе, счет ведут на всю площадь земли. Надо по-хозяйски посмотреть, подумать, что надо оставить под пастбища, а что распахать да засеять.

Но мимо ушей пропускает Дзегашт любые доводы:

— Не фантазирай! Ничего из этого не выйдет.

А Хусен пощучивает, улыбается, и не поймешь, с кем ему по дороге — с Асхадом или с Дзегаштом. Будто скользкой рыбьей чешуей оброс за эти годы Хусен, никак его не ухватишь.

Эти беды, пожалуй, куда опасней, чем выходки Сурет.

Асхад прислушался. В соседней комнате утро, как всегда, начиналось воркотней и жалобами сестры.

— Тише, тише, — уговаривала ее мать. — Разбудишь Асхада.

Но Сурет, сердито шаркая веником, подметала пол и выговаривала со слезами в голосе:

— Завидую другим! У других невестки и подметут, и постирают. Одна наша чуть свет убегает на ферму. И Асхад тоже хорош. Сколько можно ходить вдовцом? Если ему жена не нужна, так подумал бы о матери и сестре. Нужна же им, наконец, помощница! Да чего ему думать, зачем беспокоиться! Имеет такую дурочку сестру, как я, превратил меня в домработницу и радуется!

Мамерхан вздохнула:

— Ну, что ты только говоришь, дочка! Неправду сказал твой язык об Асхаде. Подожди, придет время, будет и у него семья. А Зура... Лучше нашей Зуры не сыщешь невестки во всем ауле!

Асхад с полотенцем и бритвой в руках вошел в комнату. Увидев его, женщины замолчали. Сурет еще размашистей заработала веником, хотя на полу уже давно не было ни соринки.

— Что случилось, мама? — спросил Асхад. Мамерхан растерянно заулыбалась:

— Ничего, ничего не случилось, все хорошо, сынок.

— Все хорошо, а Сурет кричит на всю улицу, честит и меня, и Зуру.

Сурет выпрямилась, по-кошачьи прищурила глаза:

— Или неправду я говорю? Зура с рассветом убегает из дома! Никогда ни в чем не поможет!

Мамерхан настороженно глянула на Асхада. Как бы он не рассердился на свою глупенькую сестренку. Поскоряется Асхад и Сурет, уйдет тепло, уйдет радость из дома.

Как маленькую, принялась она урезонивать дочку:

— Ну зачем упрекать Зуру? Она так старается: и дома без дела не сидит, и на работе ею не нахваляются.

Асхад сердито перебросил коробку с бритвой из руки в руку:

— Да кто тебе дал право попрекать Зуру? Ты должна на нее снизу-вверх глядеть! Чего ты достигла? Ничего! А она с колхозной фермой управляетя и не жалуется. Ты веником махнула и уже до слез расстроилась!

Сурет с силой швырнула веник в угол:

— И не буду подметать, не хочу на нее работать. Не для того я всю жизнь училась, чтоб стать прислугой у тебя и Зуры.

Асхад улыбнулся:

— Учились всю жизнь! Да у тебя и жизни еще не было!

Мамерхан кончиками пальцев гладила плечо Асхада, успокаивала сына, ласково говорила дочке:

— Ай-яй-яй! Ну зачем, зачем так? Разве тебя заставляют подметать? Не надо. Не бери в руки ни ведро, ни веник. Я сама все сделаю. Слава богу, сил и здоровья у меня еще хватит. Маленькая ты моя девочка.

— Это она маленькая? — насмешливо покачал головой Асхад. — Да в войну ее ровесники фашистов били.

Сурет даже побледнела. Как мог догадаться Асхад, что она часто-часто сравнивала себя с Улей Громовой? Это он, наверно, нарочно сказал так, чтоб сделать ей, Сурет, еще больнее. До крови прикусив губу, она еле сдержала слезы. А Мамерхан уже опять спешила на вы ручку к своему «мизинчику».

— Обойдутся в колхозе и без нашей Сурет!

Раздвоились мысли и чувства, и словно надвое раскололось сердце Мамерхан. Конечно, она понимала, что прав Асхад. Ну можно ли обижать его или Зуру? Но ведь не меньше, пожалуй, права и Сурет. Почему бы ей, и в самом деле, не пожить год-другой без забот? Или о ней позаботиться некому?

Вот почему в споре между сыном и дочкой Мамерхан незаметно для себя то переходила на сторону Асхада, то вновь поддерживала Сурет:

— Нельзя же всех гнать в поле! Все-таки она и дома не сидит без дела. Если бы не Сурет, разве управиться с хозяйством? — И слыша, как жалеет ее мать, девушка расплакалась навзрыд:

— Все трудятся, все! Только моей работы никто не видит! Не хотят они ее видеть! Прямо за уши тянут: «Почему

ты не в поле? Почему не в бригаде?»

Асхад сурово поглядел на плачущую сестру:

— Ох, дешевые у тебя слезы! — с сердцем сказал он.

— Такими слезами наш стыд не смоешь. А еще — Ожбанокова!

— Слышала, слышала я уже это! — перебила его сестра. — Может, еще скажешь, что я сорняк, тунеядка?

— Что ж, к сожалению, и это правильно.

— Мама! Ты слышала? Он меня тунеядкой назвал, — исступленно вскрикнула Сурет и залилась слезами. Она распахнула дверь и выскочила во двор, едва не сбив с ног отца, входившего в эту минуту в дом.

Осман Ожбаноков взгляделся в расстроенное лицо жены, перевел взгляд на хмутившегося тяжелые брови Асхада и, не спеша вытащив из-за пояса свой неразлучный топор, убрал его на место, присел на табуретку, помолчал, потом спросил усталым, но ровным голосом:

— Ну, в чем дело?

— Ой, тяжело, тяжело быть матерью, — запричитала Мамерхан, — Асхад — огонь, и Сурет — огонь, вот и мечтесь меж двумя огнями.

— Ничего не понимаю. В чем дело? Что произошло?

— повторил Осман.

Асхад, стоя у окна, барабанил по стеклу пальцами:

— Об этом, собственно, надо было бы тебя спросить, отец. Как же так получилось, что в семье Ожбаноковых выросла вот такая Сурет? Веник поднять ей тяжело. В поле пойти ей стыдно. В ауле жить ей тесно. Как же это так, отец? Вырастил ты из нее княжну, а княжеского дворца и свиты не приготовил. Вот княжна и гневается.

Осман опустил голову, разглядывая свои черные от работы руки. Негромко позвал:

— Сурет.

Дочь, вытирая розовой ладошкой слезы, тотчас же вошла в комнату. Не могла же она убежать на свою заветную скамеечку под акациями, так и не послушав, что станут говорить отцу Асхад и Мамерхан.

— В последний раз предупреждаю тебя, Сурет, — все так же тихо сказал Осман, — одумайся. Не позорь ты наш род. Или будешь работать, как все, или ищи себе другого отца, другую мать, другую семью.

— Бог с тобой! Бог с тобой! Что ты только говоришь!

— всполошилась Мамерхан. — Она же твоя дочь, твоя кровинка!

Сурет, закрыв лицо руками, медленно вышла из комнаты. Она надеялась, что отец окликнет ее, скажет вдогонку хоть одно ласковое слово (ведь он так ее любит, ее, всегда ее балует!), но в этот момент раздался сигнал автомашины, и Асхад заторопился.

— Ох, опять уйдешь голодным, — забеспокоилась мать. — И опять на целый день?

— Нет, нет, мама. Я скоро вернусь.

Асхад накинул пиджак, быстро зашагал к конторе, у которой стояла и надсадно гудела председательская машина.

А всем оставшимся в доме Ожбаноковых было не по себе.

Сурет плакала теперь уже от обиды на мать за то, что та кинулась провожать Асхада и забыла о ней, своей единственной дочке.

А Мамерхан печалилась оттого, что скора между сыном и дочкой помешала ей приготовить завтрак для Асхада.

Осман крутил цигарку и думал невеселую думу о неожиданном разладе, вошедшем в его дом.

Шофер один сидел в пустой машине и, позевывая, время от времени прижимал кнопку сигнала. Но едва Асхад успел поздороваться и усесться, из конторы, раздраженно хлопнув жиенькой, задребезжившей дверью, выскочил Дзегашт.

Не то забыв, не то не пожелав сказать Асхаду даже «здравствуй», он по-хозяйски расположился на сиденье, рядом с шофером, и густо задымил папиросой.

Тотчас же, словно передразнивая своего сердитого начальника, машина тоже задымила, окуталась синим облаком выхлопных газов и вприпрыжку побежала по шоссе. На окраине аула, там, где кончалась мощеная щебенкой дорога и начинался ухабистый проселок, их встретили бригадиры Хусен Шасруков и Зулих Мазагова. Шофер затормозил, бригадиры забрались в машину, и она помчалась дальше.

Ехали молча. Каждый думал о своем, готовился к решительной схватке.

А что схватка, будет, Хусен не сомневался. Слишком хорошо он знал неуступчивый характер Дзегашта и стремительную прямоту Асхада. Неясно было Шасрукову только одно: за кем идти ему? Если б заранее знать, кого поддержат в районе?

Хусен хитренько улыбнулся и, словно в шутку, запустил пробный, разведочный шар:

— Не слыхал, Асхад, что кричал гостевой петух матушки Мамерхан? Не нагрянут ли к нам в колхоз нынче гости?

Асхад искоса глянул на Дзегашта, подумал:

«Без гостей из района, а то и области нам Чертово гнездо не распахать!»

Но вслух сказал только:

— Ожбаноковский гостевой барометр не очень-то точен...

Хусен вздохнул: и шутка не получилась, и разведка ничего не дала. Бригадир стал терпеливо ожидать дальнейшего развития событий, так и не решив для себя: с кем же ему следует соглашаться, с Дзегаштом или с молочным братом Асхадом?

Машина остановилась на широкой, ровной возвышенности, густо поросшей зеленым кустарником. С детских лет помнит Асхад — всегда была здесь пустошь, прозванная Чертовым гнездом. Ребята пугливо обходили ее, старики рассказывали о ней легенды. И вот сейчас пришла пора заставить и пустошь служить колхозу. Не в характере Асхада хитрить, выжидать. И он первым начал разговор:

— Кусок земли триста гектаров — не шуточки. Отдохнула земля за много лет. Теперь самое время выкорчевать кустарники да вспахать ее, да засеять. А летних пастбищ у нас и без этого достаточно.

Дзегашт угрюмо слушал Ожбанокова. Новый ворох забот хочет взвалить он на мои плечи. И, пожав плечами, сказал не без издевки:

— Ну и шутник ты, Асхад! Смешные вещи говоришь, а не улыбаешься. Сам, небось, думаешь: «Дурачки, я им что хочешь наплету, а они уши развесят».

И вдруг взорвался, заговорил быстро-быстро:

— Что ж, плети, плети! Мы ведь неученые, мы академий не кончали! Мы всему поверим! Но, между прочим, и мы тоже не носом, а ртом воду пьем!

Зулих осторожно раздвинула цепкие, колючие ветки кустарника, набрала горсть сизой крепкой земли. Быстрыми сильными пальцами размяла на ладони и близко-близко к самому лицу поднесла эту душистую весеннюю, готовую рожать и расти землю.

— Земля неплохая, и время для вспашки, кажется, еще не совсем упущенено, — сказала Зулих. — А твоих прибауток, Дзегашт, я что-то в толк не возьму. Ну при чем тут нос, вода?

Надутый, сердитый председатель, задрав голову, поглядел на рослую Мазагову:

— Асхаду наукой забили голову! А тебе чем? Поднять! Распахать! Засеять! А где машины? Где рабочие руки?

Зулих и сама знала, как трудно в колхозе и с техникой, и с рабочей силой. Но что же делать? Триста гектаров! Если засеять их кукурузой на корм скоту? Это же будет очень хорошо! И Зулих сказала сердито:

— А скот кормить надо? А чем кормить? Бурьяном, соломой? Ты давно на ферме был? Видал коров? Кости да кожа. А мы хвастаем, хвастаем. Обещали весь район молоком залить. На буряне и соломе не очень-то зальешь.

Хусен пока не вмешивался в спор. Он лишь переминался с ноги на ногу да покряхтывал, словно поддерживал этим кряхтением то агронома, то председателя, то партторга. Занятый только этим не очень трудным делом, он первым заметил направлявшуюся к нему знакомую бежевую «победу» секретаря райкома Кочаса Зарамукова.

«Эх, не по-братьски поступил Асхад, — вздохнул про себя Хусен, — утаил, не признался, что кричал-таки сегодня гостевой петух матушки Мамерхан, предупреждал о приезде начальства!»

Хусен стремительно бросился к машине, помог выйти Зарамукову.

Секретарь райкома, видимо, завернул сюда не случайно. Это сразу поняли и Дзегашт, и Хусен. Значит, Асхад заранее договорился обо всем в районе, вот хитрец!

— Салим, — улыбнулся Зарамуков, — ну, о чем Спор? Что за дискуссия?

Асхад не захотел кривить душой и делать вид, что не знает, зачем приехал Зарамуков.

— Гляди, Кочас, — повел он рукой, показывая на курчавые зеленые папахи приземистых кустов, широко разбежавшихся и вправо, и влево — Вот тот участок, о котором я тебе говорил.

— Ну, а что думает председатель?

Зарамуков не первый год работал с Дзегаштом и считал его опытным руководителем. Правда, в последнее время, не все ладилось в этом колхозе, ну, да у них ведь не было настоящего агронома... А теперь они подтянутся, выпрявят свои показатели.

И Зарамуков терпеливо ждал, что скажет Дзегашт.

Председатель расправил плечи, выпятил грудь, сказал, словно отдал рапорт:

— Мы солдаты полей! Для нас план — закон, план — приказ. Решили засеять 250 гектаров кукурузы? Засеяли. В срок и с превышением — 270 гектаров. Сам не спал, не ел, из бригадиров всю душу вынул, а двадцать гектаров сверх плана дали. А теперь Ожбаноков еще на триста замахивается. Это уже не план, а фантазия. Да и сроки ушли, поздно сеять.

Зулих неожиданно рассмеялась.

— А что я сказал смешного? — повернулся к ней Дзегашт.

— Закон, приказ, солдаты полей, — насмешливо повторила Зулих. — Да какой ты солдат? Ты последний обозник! Боишься признаться, что план этот занижен. Вот и юлишь, и вертишь. А зимой опять нечем будет скот кормить.

Хусен ковырял прутиком землю, наматывал на палец травинку и мучительно соображал, кого поддержит секретарь райкома — Дзегашта или Асхада?

Зарамуков понимающе улыбнулся, спросил:

— А ты что молчишь, Хусен? Что, по-твоему, лучше? Распахать Чертово место или не трогать его, не пугать, не гневить аллаха?

Хусен размотал травинку, сказал решительно:

— По-моему, лучше то, что выгодней.

— А что выгодней? — допытывался секретарь.

— То, что дает больше пользы, то и выгодней, — увертывался от прямого ответа Хусен.

— Ладно, довольно хитрить, — сказал Зарамуков, — давайте поднимать залежь. А о тракторе и корчевальном плуге я позабочусь.

На следующее утро сюда приехал трактор и начал распахивать залежавшуюся без дела землю. Весело побежали первые свежие бархатно-черные борозды.

Сколько преданий и страшных сказок было связано с этим местом! Когда-то, лет сто назад, стоял здесь аул, и жили в нем деды и прадеды нынешних аульчан. Да, видно, начали они строиться не в добрый час и выбрали гиблое место. То нагрянет в аул голод, то приползет холера, то оспа. Сколько молодых жизней унесли они на погост. У скольких красавиц лица обезобразила оспа. Как трепетали перед этой болезнью адыги! Чтобы она не прогневалась, славили ее льстивой песней, величали госпожой, разносчицей красоты. «Жемчужными пуговками» звали страшные уродливые шрамы. Но разве песней поможешь? И не выдержали аульчане. Бросили и дома, и скарб, и родные могилы. Тайком ушли за холмы и пригорки, чтобы их не увидела, не нагнала «госпожа». Ушли туда, где меньше комариного зуда, где реже появляется лихорадка в своей чадре из желтых гнилых болотных туманов.

За годы Советской власти многолюдным, шумным, веселым стал новый аул.

А гиблое место покрылось колючими кустами, обросло легендами и страшными сказками.

Старые люди все знают. А чего не знают, так придумают. Должен же кто-нибудь выдумывать сказки!

Так вот, старики говорят, что у самого Черного моря стоит Сибирский курган Сибир-ушахо. Каждую весну со всех концов земли слетаются туда на совет колдуны и черти. Совещаются, решают, какую болезнь разнести в этом году по свету, на каком поле посеять голод.

Как-то (это было вскоре после того, как ушли адыги с проклятого места) один могучий колдун по дороге на Сибир-ушахо остановился в опустевшем ауле. То ли приболел он, то ли уж очень был занят своими черными делами, только увидел, что не поспеет к сроку на весенний совет в Сибир-ушахо. Вот и решил затаиться в пустом ауле да ограбить какого-нибудь колдуна, когда тот будет возвращаться с совета.

Как решил, так и сделал. Едва заслышал он, что летит какой-то колдун домой и тащил мешок, набитый всякой дрянью, выскочил ему навстречу, выстрелил. Но чуть-чуть промахнулся, попал в мешок, а не в самого разносчика болезней и горя.

Удрал ограбленный колдун, а из пробитого мешка выпали на землю семена голода, страшных болезней и других несчастий.

С тех пор и стали звать эту пустошь Чертовым гнездом.

До чего же хитры колдуны да черти. Оплемели они пустошь кустарником, а в самом страшном месте, там, где было когда-то кладбище, словно для приманки, стоят и стоят себе вишни, сливы, яблони, груши. Подойдет, человек, поглядит на такое богатство, а тронуть не смеет: это сады джинов! И приняли джины облик скворцов и ласточек, грачей и сорок. Кричат они, шумят, горланят, словно настоящие птицы. Но старики-то знают, что это все колдовство и чертов обман.

Попробуй подойди, сорви сливу или яблоко! Схватит тебя кривой джип, скрутит руки и ноги, отнимет язык и человеческий облик. Самого тебя превратит в джина!

Правда, в последнее время сказкам о джинах не очень-то верили даже самые малые дети. Говорят, что давно за границу сбежал последний колдун, оседлав последнего джина.

Но все же не любили Чертово гнездо в ауле, считали, что земля здесь плохая, неплодородная — и лучше не связываться с этим недаром заброшенным местом.

В полдень, когда уже широко растеклось по целине черное радостное половодье первой пахоты, подошел к Асхаду Ожбанкову самый старый человек в ауле — худой высокий Бачмиз. Костлявыми руками зачерпнул, подержал в горсти влажную землю и осторожносыпал ее обратно.

— Ну как, Бачмиз, хороша земля? — улыбаясь, спросил агроном.

Бачмиз покачал головой:

— Недовольны тобой в ауле, Асхад! Говорят: «Разве у нас земли мало? Зачем тревожить Чертово гнездо? Не кукуруза вырастет на нем, а мор и болезни».

Асхад с удивлением посмотрел на старика:

— И ты тоже веришь этим сказкам, Бачмиз? Может, ты за тем и пришел сюда, чтобы рассказать трактористам о колдунах и джинах?

Бачмиз смутился. Очень ему не хотелось, чтоб о нем плохо подумал Асхад Ожбаноков.

— Нет, нет, — отмахнулся он. — Просто давно я не был в степи, давно не видел моего друга чабана Салеха, соскучился по кривоногому. Ну, я пошел. А вы поторопливайтесь! — строго крикнул он трактористам. — Упустите время, загубите поле, все старухи зашипят: «Мы же говорили — не будет из Чертова гнезда толку!»

И Бачмиз важно, неторопливо пошел в степь искать отару Салеха.

Распашка Чертова гнезда взбудоражила весь аул.

Вечером, после ужина, когда Асхад встал из-за стола и шагал по столовой, обдумывая неотложные дела завтрашнего дня, из кухни вышла мать и остановилась, нерешительно поглядывая на сына.

Асхад подошел к матери, обнял за плечи.

— Ты моложе нас всех, мама! Хлопочешь, хлопочешь! Мне бы твою неутомимость!

Мамерхан, тронутая лаской сына, вдруг вздохнула:

Это правда, сынок, что ты велел распахать проклятое аллахом Чертово гнездо?

— Не я, мама, колхоз. Ну, а что?

Маленькая сухонькая Мамерхан сжалась и стала как будто еще меньше:

Сегодня приходила старая Хацац. Как она кричала, как проклинала и нас, и тебя: «Чтоб у твоего Асхада почернела та кукуруза, что вырастет на земле джинов! А своих детей мы на это поле не пустим!»

Асхад улыбнулся:

— И ты в самом деле боишься, что почернеет?

— Нет, но все же...

— Вот что, мама, нет там ни джинов, ни колдунов. И будем мы работать на хорошей земле, и никому не будет худо от глупого слова, сказанного Хацац.

За Чертово гнездо цеплялось в ауле все отсталое: и косность, и равнодушие, и боязнь ответственности, и суеверный страх перед колдунами и джинами. Асхад понимал, что теперь во что бы то ни стало надо выиграть

битву за урожай именно на этом, проклятом аллахом поле.

А тут, как назло, зарядили дожди. Они шли не переставая день, другой, третий. Изредка из-за туч, неутомимо сыпавших и сыпавших мутные стеклянные струи, выглядело солнце. А потом солнце пряталось, и вновь все наполнялось веем ветра да шумом падающей, льющейся, бегущей по ложбинам и оврагам воды.

Но всему приходит конец, кончились и эти мучительные дожди. И едва прояснилось, чуть подсохла земля, в колхозе принялись бороновать и сеять. Но не успели отсеяться, как налетел ураган. Он ломал деревья, срывал с домов крыши.

Пришлось ждать, пока установится погода, и начинать все заново — проверять посевы, пересевать кукурузу и на других полях, и на Чертовом гнезде.

Хацац бегала из дома в дом, причитала и плакала:

— Это Асхад Ожбаноков вызвал гнев аллаха! Это за его грехи карает нас аллах бурей и ливнями.

Один посмеивались над суеверной старухой, другие вздыхали.

Итак, первое лето молодого агронома в родном ауле начиналось невесело.

6

Бессонная, долгая ночь. Мысли толпятся, сталкиваются, спорят друг с другом. Уставшее тело не знает покоя, но хуже всего приходится сердцу — ведь оно первым отзывается на беду.

Ох, трудно, как трудно! Теперь Асхад видел, что ноша, которую он взвалил на свои плечи, еще тяжелей, чем думалось, когда он возвращался в родной аул.

Хорошо ли он знал людей? Казалось, что хорошо. Но это только казалось.

Мог ли он думать, что ошибается в давнем друге, в одном из немногих ровесников, переживших войну, что так ошибается в Хусене? Кому, как не ему, шагать новыми путями, дерзать? Где ты научился, Хусен, избегать забот и малейшего риска? Кто заставил тебя держать нос по ветру, ловить чужое слово, перекладывать ответственность на других, покоряться кому угодно, лишь бы ничего не решать, не отвечать самому?

А дома? Все ли складывается так, как думалось? Отец и мать, брат, сестра, невестка... Какие все разные...

Асхад лежал с открытыми глазами. Он то забрасывал руки за голову, то вытягивал их поверх одеяла, ворочался, устраиваясь поудобней. Но ничего не помогало: сон не шел.

С мельчайшими подробностями вспомнилась волнующая встреча с Дариет в Майкопе. Что и говорить, первая юношеская любовь не уходит от человека бесследно.

Асхад смирился с тем, что Дариет вышла замуж. Он желает ей счастья, искренне желает. Ведь он виноват в их разрыве больше, чем она. Мало кто выдержал бы испытание, которое он ей уготовил. Поздно теперь упрекать себя в том, что не нашел тогда выхода, понадеялся на силу ее чувства, думал, что сердцем поймет она его. До чего же сложна жизнь! Иной раз так сплетается в один клубок все. Вот хотя бы их последняя встреча.

Приехав из академии, зашел Асхад в областное управление сельского хозяйства, чтобы получить назначение, и вдруг — Дариет!

И что это сверчок не смолкает! Трещит и трещит с унылым однообразием, словно хочет сказать, что Асхаду не выбраться из замкнутого круга воспоминаний.

Так как же все это было?

Начальник управления, к которому с пакетом вошел Асхад, говорил по телефону. Разговор был горячий и, видно, уже не первый. Начальник управления морщился, как от зубной боли, отнимал трубку от уха и повторял то, что сказано было им минуту назад:

— Нету агронома, понимаешь, нету! Где я тебе агронома возьму? Нету у меня, нету! Пришлю, как только будет. Не выйдет! Не выйдет! Ссыльаться на то, что нет агронома, легко. А ты выкрутись, надо выкрутиться! Ну обратись к старикам, хотя бы к тому же Осману Ожбанокову. Он знает землю не хуже, агронома.

Трубка с треском упала на рычаг аппарата. Начальник управления поднял на Асхада сердитый взгляд, молча принял из его рук пакет, вскрыл, быстро пробежал глазами по строчкам. Встал из-за стола.

— Вот ты понимаешь, незадача, а! Не знал, что сын Османа стоит в моем кабинете. Дойдет до старика, скажет, что я плохо тебя встретил. В ауле известно, что ты приехал? Может, позвоним сейчас?

— Не беспокойтесь, я уже сообщил, — сказал Асхад, хотя знал, что там еще никому не известно о его возвращении.

— Ну, ладно. Садись, потолкуем. Так куда бы ты хотел поехать? Мест у нас много, выбирай. Даже не скажу, где сейчас нужней агроном. Всюду нужен, — начальник управления невесело рассмеялся.

— Куда пошлете, туда и поеду, — после небольшой паузы неуверенно ответил Асхад.

Еще до защиты диплома, даже раньше, с начала последнего семестра Асхад решил непременно вернуться в родной аул. Почему? Если б его спросили об этом, он не смог бы ответить четко и ясно. Не смог бы ответить хотя бы потому, что не обо всем полагалось говорить с начальством. Его тянуло в родные места, связанные с его юношеским чувством, с Дариет. И он не старался бежать от неизбежной боли, надеясь, что радость встречи с том, что было свидетелем его первой любви, стоит любой боли.

Знал он также, что каждую минуту могут обрушиться на него неприятности, вызванные усыновлением Алика. Разве мало людей, готовых не щадить душу мальчика. Да и приемного отца подвергли бы они самым тяжким испытаниям. И в этом отношении лучше всего было бы жить в ауле, подальше от внимательных глаз тех, кто интересуется прошлым работника аж до седьмого колена.

Начальник управления по-своему истолковал уклончивый ответ Асхада.

— Что ж, у нас в аппарате есть хорошее место. Для молодого агронома даже почетное место. Ведь и мы заинтересованы в тебе, не так уж много у нас здесь специалистов, окончивших академию.

— Да, но, понимаете, молод я, чтоб идти сразу на большой пост. Оыта у меня нет. Лучше начать с низов. Направьте меня в наш аул. В ауле у меня сын...

— Сына возьмешь к себе. Жильем обеспечим.

— У него матери нет.

— Да... Погоди минуточку, я позвоню кое-кому.

Он попросил соединить его с секретарем обкома и без предисловий проговорил:

— Тот самый Ожбаноков, на которого заявку мы посыпали, приехал. Сидит у меня. Да, окончил академию.

Хорошо, ждем, — начальник управления положил трубку и обернулся к Асхаду. — Сейчас секретарь обкома придет. Его ждут в облисполкоме, так он попутно заглянет сюда. А ты подумай. Может, примешь мое предложение. Завтра же приступать к работе можно...

Он не закончил. В кабинет вошел секретарь обкома.

— Спешу, брат, извини. Тебе уже сказали о нашем предложении? Что ты думаешь?

Асхад повторил свои доводы:

— Если есть возможность, не оставляйте меня в городе. Пошли в наш колхоз. Я тут слышал телефонный разговор. Понял, что о нашем ауле речь шла. Там плохи дела, а я людей знаю, знаю места наши. Больше пользы гам принесу.

Убедил он тебя? — спросил секретарь обкома начальника управления.

Не слишком... Очень уж нужны мне подготовленные люди.

Секретарь обкома внимательно поглядел на Асхада:

При других обстоятельствах мы бы тебя ни за что не упустили, но в том колхозе, о котором ты говоришь, действительно нужен агроном и не только агроном. Колхоз сильно отстал. Председатель, кажется, неплохой хозяйственник, старается, а дела не идут. Парторг — боевая женщина, но без образования. В общем, трудно там. Очень трудно. Но если ты готов... Ты давно в партии?

— Двенадцать лет. А что придется нелегко, я знаю.

— Ну, раз так, пусть будет по-твоему. Желаю успеха.

Секретарь обкома ушел. Начальник управления сказал:

— Мне тоже идти надо, извини, пожалуйста, тебе сейчас все оформят. Подожди здесь меня, посмотри свежие газеты. Я скоро вернусь.

Асхад широким шагом прошелся по просторному кабинету, расправил плечи. Настроение было хорошее, хотелось поскорей попасть домой, взяться за дело. В кабинет вошла секретарша с какими-то бумагами. Асхад глянул на нее и опешил. Это была Дариет.

Увидев Ожбанокова, она растерянно остановилась и смятение чувств отразилось на ее лице. Асхад первый • правился с собой, протянул руку.

— Здравствуй, Дариет. Я и не знал, что ты здесь работаешь. Давно?

— Два года, — сдержанно ответила она.

— Ты довольна своей работой? — Асхад не был уверен, что этот вопрос нужен, но задал его, не придумав ничего другого.

— Я рад за тебя, — продолжал он, наблюдая, как мужественно справляется Дариет со своим волнением.

— Где ты думаешь работать, Асхад? Мне говорили, что в управлении.

— А ты как думаешь? Следует мне согласиться с этим?

— Как знаешь...

— Я еду в наш аул.

— Там тебе будут рады, — уже спокойно сказала она.

— Может, мне надо было остаться здесь?

— Тебе видней, где работать. А мне, действительно не хочется, чтобы ты был рядом.

Они помолчали, потом Асхад спросил:

— Скажи мне, Дариет, ты счастлива? Я хочу, чтобы ты была счастлива.

На мгновение в глубине ее глаз промелькнула какая-то тень.

— Да вполне... Прежнее я забыла, сердце успокоилось.

— Я рад, что ты счастлива, Дариет. Считай меня своим другом.

Они стояли у распахнутой двери. Дариет спиной к ней. Потому Асхад первым увидел входящего Ахмета. Тот был в новом нарядном костюме и туфлях. Папироса, которую он курил, издавала приятный, ароматный запах. И вообще по всему его виду чувствовалось, что он доволен собой, своим благополучием.

— Приветствуя, академик!

Тон подчеркнуто дружелюбный, свидетельствовал о том, что ревность в данном случае не имеет места. Но глаза... Они выдавали Ахмета с головой. В них светилась злоба и настороженность. Ахмет шагнул в кабинет. Руки, однако, не подал. С усмешкой оглядывая Асхада, продолжал:

— Отличное место для беседы выбрали, не правда ли?

Дариет, пытаясь предотвратить назревавшую скору, с наигранным оживлением пошутила:

— Асхад имеет возможность попасть в начальники, и ему надо привыкать к таким кабинетам.

— И ты вводишь его в курс дела? — Уже злоба овладела Ахметом, но он пока еще мог выбирать слова.

— Мы давние друзья, — сказал Асхад, понявший, что жизнь у Дариет не так уж благополучна, как она говорила, и искренне желая оградить ее от скандала, повторил: — Мы давние друзья, и я действительно попросил ее ввести меня в курс.

— Ты, Ожбаноков, поищи себе другого экскурсовода!

— Извини, Дариет, я не хотел причинить тебе неприятность, — сказал Асхад, выходя. — До свидания.

...Самое лучшее заснуть. От воспоминаний, от множества горьких мыслей смутно становится на душе. Если бы не было доброго в его жизни — другое дело. Но доброе было, а почему-то одолевает его все то, от чего хоть ночью хотелось бы освободиться, чтобы встретить утро со свежей головой. Да, попробуй заснуть, когда подушка и перина, заботливо взбитые матерью, словно булыжниками набиты.

Давным-давно иссякла однообразная песня сверчка. Подал голос первый петух. Со всех сторон обрадованно отзывались другие.

И снова нахлынули думы о Дариет, так и не понявший его, загубившей их счастье. Дариет, Дариет, как много потеряно вместе с тобой!

Он видел Дариет такой, какой она была в те безоблачные времена, когда они были неразлучны. Видел ее лицо, ее улыбку, чистую и открытую. И вдруг лицо Дариет стало заслоняться другим, очень похожим, но совсем другим лицом, с иной улыбкой, с иным выражением глаз. Файзет! Какая ты хорошая, умная девушка. Как мне хочется, чтоб хоть ты была счастлива. Чтоб не сломила тебя жизнь, как сломила она Дариет.

И вдруг Асхад почувствовал, что он благодарен Файзет хотя бы за то, что рядом с ней тускнеет лицо Дариет и меньше болит сердце, словно рубцуется старая рана.

Асхад встал, подошел к окну. В глубоком темном небе, будто позванивали, переливались чистые звезды. Смутно вырисовывался Млечный Путь, словно только что проскакал по нему всадник и еще не успела осесть

звездная пыль. Над аулом ярко блестела предвестница зари.

Асхад оделся и вышел из дома. Он прохаживался по двору. Издали донесся лягушачий! хор — не унимались обитатели заречных болот.

Потянуло прохладой. Тьма теряла свою призрачность, свет поглощал, а не сменял ее. В эту пору борьба темноты и света почти осязаема. Будто ходишь по горло в прохладной воде, от которой успокаивается сердце, яснеют мысли, слабеет боль.

Небо бледнело и как бы опускалось на землю, вытесняя серую тьму. Все вокруг стало четче. Длинные тени пересекли двор. Прохладная пыль теплела и приобретала свой шершавый запах. На траве блеснули росинки.

Помнишь, Асхад, через сколько потерь и неудач шел ты к победе? Как тяжелы были непроезжие фронтовые дороги. Как не хватало боеприпасов, а огонь врага был плотен и нескончаем. Как смерть кружилась над тобой. А ты воевал. Воевал и мечтал о таком ясном утре, о счастье работать на земле.

Так работай же, работай, как бы ни были плохи дела в колхозе! Пусть испытания порождают мужество, трудности закаляют сильного, неудачи побуждают начать новый, еще более сокрушительный натиск.

Солнце вспыхнуло над домами, лучи его осветили землю и редкие облака. Причудливые картины вырисовывались на мягким в эту пору небе. Словно сказочный парусник взметнулся на нежно-серых, оранжевых по краям волнах. Он плыл и плыл, и вот вокруг на высоких синих берегах возник невиданный лес. Как будто в размытых зарослях появился человек в папахе, нет, в сиреневом платке. Он склонился над гигантским раскаленным котлом, подкладывая в полыхавший под ним костер сухие ветки.

Асхаду почудилось, что это его мать готовит кундусу. Только почему она занялась этим сейчас, ведь кундусу — зимний напиток? Асхад рассмеялся. Кундусу так кундусу, какая разница!

А солнце уже выбралось из-за облачков, теснившихся над горизонтом и бросило лучи на поля. И Асхад, оглянувшись на крыльцо — как бы мать не вышла и

не остановила его, шагнул к калитке, на улицу, на пыльную дорогу, которая вёл, а на новое поле его новых битв.

7

Весна была трудная, скучная. В прошлом году выдали на трудодень по полкилограмма зерна, а ведь надо было дожить до нового урожая.

И все же для гостя не щадили и последней курицы, потчевали от души, угощали щедро.

Асхад уже давно потерял счет дням, проведенным в ауле, а земляки все глядели на него, как на гостя, все приглашали: зайди хоть разок, посиди часок. И Асхад входил, сидел, беседовал, приглядывался, как и чем живут аульчане.

Недели уходили за неделями, а агроном все никак не мог управиться с этими обязательными визитами, все они отбывал своеобразную гостевую повинность. Да и немудрено — как это почти всегда бывает в Адыгее, половина аула была его кровной родней, а другая — друзьями, ровесниками или братьями и сестрами его ровесников, одноклассников и однополчан. Все они когда-то, где-то, как-то видели Асхада или кого-то из его родных. Но это давало им теперь право считать его близким человеком.

Поэтому ко всем, обязательно ко всем, рано или поздно должен был зайти Асхад хоть на полчасика.

Пригласила его и Химсад, потерявшая на войне мужа. Пожалуй, она была единственной в ауле вдовой, которая ни в чем не нуждалась, жила припеваючи.

Надо отдать должное Химсад — она умела вкусно готовить, и не зря говорили в ауле: «Если ты не посидел за гостевым столом, за анэ у Химсад, ты не знаешь, что такое настоящее адыгейское анэ».

Жила она в просторном, хорошо обставленном доме, который стал в ауле своеобразной гостиницей. У Химсад часто останавливались приезжие.

Сейчас у нее жила Мерем, девушка, только-только окончившая медицинский институт и приехавшая на работу в аул. Тут открыли амбулаторию, и Мерем была первым аульским врачом.

Молодая темиргоевка из Хакурина быстро завоевала расположение и больных и здоровых. Она была хороша собой, добра, внимательна. Тотчас же по приезде обошла

все дома, требуя чистоты и порядка, осмотрела и выслушала всех, кто ей казался не совсем здоровым.

И стоустая молва мгновенно разнесла славу о враче, способном излечить любой недуг.

Может быть, Химсад, когда приглашала к себе Асхада, хотела познакомить его с Мерем? Все может быть. Любила Химсад подбирать отмычки к чужим душам. Но Асхада в те дни мало интересовали и Химсад, и Мерем, и другие женщины.

После встречи с Дариет в Майкопе почувствовал Асхад, как навсегда ушла из его сердца старая любовь, мучившая и томившая его все эти годы.

Когда молодой, принарядившийся Ожбаноков под вечер вышел из дома, его окликнул Осман, сидевший во дворе и куривший свою неизменную трубку.

— Куда собрался, сынок?

— К Химсад, отец.

— На твоем месте я в этот дом не пошел бы, — хмуро сказал Осман.

Асхад удивился. Что это со стариком? Он никогда не имел обыкновения вмешиваться в такие дела, никогда ничего плохого не говорил о Химсад. Наоборот, так заботлив и внимателен был он к ней в тот черный день, когда с фронта пришло извещение о гибели ее мужа. Вместе с другими стариками Осман заменил старую соломенную крышу на ее доме черепичной, обнес двор штакетником. Правда, забота о вдовах была неписанным законом для каждого аульчанина, но Осман, как всегда, делал больше всех.

И вдруг отзывчивый Осман Ожбаноков не хочет, чтобы его сын встречался, разговаривал, ходил в гости к Химсад! Удивительно!

— Чем Химсад обидела тебя, отец?

— Мне она ничего плохого не сделала...

— Ничего не понимаю.

Старик задымил гуще, но промолчал. В разговор вмешалась Мамерхан:

— Сходи, сынок. Нехорошо не принять ее приглашение, она вдова воина, и ты воин.

Осман искоса глянул на жену:

— Ой, не всегда доброта к добру! А, впрочем, решай сам, сынок.

С неприятным осадком в душе шел Асхад в гости. Охватившее его чувство неловкости и тревоги стало еще остreee, когда, войдя в дом вдовы, Асхад к своему

изумлению застал там большую и мало приятную ему компанию. Здесь были председатель колхоза Дзегашт, бригадир Хусен, главный агроном МТС Чатиб Падисов, однофамильцы и тезки — два Карбеча Шнаховых. И странно было видеть меж ними тоненькую девушку с каштановыми волосами и глазами цвета морской волны.

Асхад поздоровался сразу со всеми находившимися в комнате:

— Добрый вечер. — И, подойдя к Мерем, уже для нее повторил: — Добрый вечер.

— По всему видно военного человека, — усмехнулся Дзегашт, — с ходу атакует сердце Мерем.

Плоская острота смущила девушку, она отошла от стола, а Дзегашт, провожая ее глазами, проговорил с наигранной беспечностью:

— Ну, мы еще повоюем, еще посмотрим, чья возьмет!

— Оставь в покое девушку, — холодно обрезал его Асхад.

— Ну нет, — упорствовал Дзегашт. — Судьба девушки в руках мужчины. Верно я говорю, Химсад?

В эту минуту грузная краснолицая вдова с трудом протиснулась в дверь и сразу затараторила:

— Верно, верно, ты герой в чужом доме, когда жены близко нет. А на своем пороге сто раз оглянешься.

— Оглянешься, когда у тебя жена из семьи Хапоховых. Как баба-яга, подстерегает она меня с деревянной лопатой в руке. Чуть-чуть потеряй бдительность, и без головы останешься.

Асхада корежило от этого неестественного оживления, от банального острословия немолодых, обремененных семьями и работой мужчин. Все они словно решили на время забыть о том, чем живут, и превратиться в Легкомысленных, веселых мальчишек. И такой контраст был между их сутью и масками наигранного веселья, что в груди Асхада невольно закипал гнев. Но Асхад удерживал себя.

Дзегашт разлил вино и, подняв стакан, провозгласил:

— Виновник сегодняшнего торжества — Асхад Ожбаноков. Отметим же его приезд. Пусть Асхад будет счастлив, пусть Мерем навсегда останется в нашем ауле,

пусть такой стол накрывается у Химсад не в последний раз!

— Хорошие слова приятно слушать, — воскликнул Карбеч Пляши-нога.

Асхад выпил неохотно, впрочем, он никогда не

отличался пристрастием к спиртному. Есть не хотелось. Вино не развеселило его, и он неприязненно прислушивался к развязной болтовне мужчин, видимо, в этот день уже не впервые приложившихся к бутылке.

— Вы знаете, какой я тхамате! Кому же знать, как не вам, — возвысил голос председатель колхоза. — Семь лет тяну телегу. Один! И какую телегу! Это знают и в районе, и в области, потому и ценят меня!

— Ты первый тхамате в области, — поддакнул Пляши-нога.

Дзегашт положил руку ему на плечо:

— Мать родила тебя настоящим мужчиной, и я ценю твое благородство! Эх, если бы мне сотню таких, как ты, все перевернул бы, дружище!

Опьяневший Дзегашт то бил себя в грудь, то с грохотом опускал кулак на стол.

— Послушайте, послушайте, — поднялся младший из Шнаховых, Карбеч-Камиль. — Подождем до осени, когда будет отчетно-выборное собрание. Вот тогда и пригодятся наши похвалы. А пока давайте повеселимся!

Карбеч-Камиль извлек из кармана гребенку. Держа ее в высоко поднятой руке, он показал ее всем, как это делают фокусники. Не опуская руки с гребенкой, поднял и другую с клочком папиросной бумаги. Эффектным жестом наложил бумагу на зубья гребенки, слегка поклонился смолкшим гостям и поднес гребешок к губам. С серьезным и даже чуть напряженным лицом Карбеч-Камиль повел красивую мелодию зигатлята¹. Так выразительно играл он, что перед глазами сидящих возникла знакомая волнующая картина: плавно поводя руками, часто меняя направление, плывет в танце девушка, а вокруг нее вихрем носится вставший на носки джигит. Он старается преградить девушке путь, но она ускользает вновь и вновь. А танцор все кружится, налетает, преследует, вот-вот настигнет ее. Карбеч Пляши-нога еще сидел за столом, но плечи его уже двигались в такт музыке.

¹ Зигатлят — плавный танец.

Наконец он не выдержал и выскошил на середину комнаты с легкостью, неожиданной для его возраста и отяжелевшей фигуры. Плясал он до тех пор, пока ноги не стали подкашиваться, не перехватило дыхание. Тогда он постоял, покачиваясь с носка на пятку, потом подошел к Мерем, сказал прерывисто:

— Что же ты медлила? Надо было выйти танцевать!

— Я же, не умею, — оправдывалась Мерем.

Карбеч Пляши-нога стянул с головы шапку, раздраженно отмахнулся и пошел на свое место.

А Мерем удивленными и благодарными глазами следила за Карбечем-Камилем, извлекавшим из нехитрого инструмента такую пленительную мелодию.

На минуту отведя глаза от музыканта, она посмотрела на других слушателей: у всех, кроме Асхада, застыли на лицах пьяные масленые улыбки.

Химсад, не спускавшая глаз со своих гостей и незаметно для них направлявшая веселье в нужное ей русло, заискивающе сказала Асхаду:

— Ты знаешь, Мерем обижает наших ребят, так обижает... Вчера совсем смешно получилось. Приходят две парней, а Мерем встретила их на пороге и спрашивает: «Заболел кто-нибудь?» Ребята жмутся, переглядываются. Какая там у них болезнь! А она их даже в комнату не позвала.

Мерем вспыхнула:

— Я просила тебя, Химсад, на эту тему при мне не говорить. Я приехала сюда не женихов искать. И тем более не собираюсь развлекать скучающих парней.

— Видишь, видишь, какая она? Слова нельзя сказать. обиделась Химсад.

По напрасно рассчитывала она на поддержку Асхада:

— По-моему, Мерем права, — возразил Асхад.

Он повернулся к девушке, их взгляды встретились, и Мерем увидела в глазах Асхада недоумение и укор. Казалось, он спрашивал: «Ну зачем ты здесь живешь? Этот дом, эта пьяная компания не для тебя. Твою вежливость они расценивают как доступность. Они идут к тебе, надеясь на то, на что не могут надеяться в других домах. Ведь ты тут одна, некому тебя предостеречь и прогнать эту шайку. Неужели ты не можешь найти себе комнату в другом месте?»

Может быть, не все в этом предостерегающем взгляде Асхада смогла прочесть и понять Мерем, но главное, по-видимому, до нее дошло. Мерем смешалась и, пытаясь отвлечь внимание гостей от себя и от разговора, начатого Химсад, попросила Карбечча-Камиля:

— Покажите ваш инструмент, я еще ничего подобного не видела.

— Нельзя, нельзя. Если мой гребень попадет в чужие руки, у него пропадет голос, выпадут зубы.

— Ах, извините, пожалуйста, я этого не знала, — еще больше смутилась Мерем.

А Карбеч-Камиль встал и широким жестом протянул девушке свой инструмент.

— Я пошутил. Смотрите, пожалуйста.

Мерем тщательно осмотрела гребень. Вертя его в руках, она отошла к комоду и что-то записала в толстую тетрадь, лежавшую между баночками, скляночками, слониками и всякими другими безделушками хозяйки Химсад.

— Э-э, Мерем, не вздумай записывать мой адрес. У меня жена не лучше председателевой, а лопата у нее даже покрепче.

Не обращая внимания на слова Карбеч-Камиля, точно и не слыхала их, Мерем попросила:

— Может, вы еще что-нибудь сыграете?

— Сколько угодно.

Карбеч-Камиль наложил на гребень клочок бумаги, поднес ко рту и подул. Бумага с треском лопнула, а гребень не издал ни звука. Музыкант проделал все сначала, но гребень молчал. Попытался еще раз, и вновь безуспешно. Карбеч-Камиль поднял голову, округлив глаза. Мерем испугалась настолько, что не заметила ухмылки на лицах гостей. Они-то знали Карбечей Шнаховых, мастеров на всякие штуки — и добрые и злые. Не случайно Карбеч-Камиля прозвали Карбеч-зурна. Был он не только музыкантом, по и талантливым фокусником.

Карбеч-Камиль испортил еще несколько листков бумаги, старательно дул в гребень, покраснел и вспотел от напряжения, но не мог извлечь ни одного звука.

— Что же ты наделала, Мерем? Заколдовала, что ли, гребень? Пропал голос у моего инструмента! — огорченно сказал Карбеч-Камиль.

— Но ведь я только посмотрела...

Мерем дрожащей рукой взяла из рук Карбеч-Камиля гребень и испуганно отшатнулась: на нем не было ни одного зубца.

— Но это, наверно, другой гребень? — нерешительно сказала девушка.

— Ты же видела, что я не выпускал его из рук, — притворно возмущался Карбеч-Камиль. — Ладно, давай его сюда. И смотри, чтобы и этот я не подменил.

Девушка следила за каждым движением Карбеча-Камиля, и тот достал новый лист бумаги, приложил к беззубому гребню.

— Не подменил? Гребень прежний?

— Прежний, — проговорила девушка, не спуская глаз с гребня и ожидая, какой еще подвох готовит ей лот Карбеч.

— Смотри внимательно. Впрочем, лучше проверь еще раз.

Мерем снова оглядела гребень и вернула его хозяину, совершенно убежденная, что Карбеч-Камиль что-то выдумал. Но что — догадаться она не могла. Музыкант поднес к губам гребень с бумагой, хотел подуть, но вновь протянул его девушке:

— Как говорят русские, семь раз отмерь, одни раз отрежь, для порядка проверь еще разок.

— Ой, — в руках у Мерем был совершенно целый гребень.

Дзегашт, Карбеч Пляши-нога, Хусен и Химсад хохотали до упаду.

— Ловко, — растерянно протянула Мерем.

— О-о, — самодовольно произнес Карбеч Пляши-нога. У меня талантливый родич. У нас все такие, даже Москва его с руками оторвет, да жена не хочет и уезжать из аула. И вот такой талант пропадает!

Да, пропадает, — горестно согласился Карбеч-Камиль. Разве только я? Много пропадает народных талантов!

И Мерем не могла понять, всерьез ли говорит сейчас этот человек-зурна или, как всегда, балагурит.

А Карбеч-Камиль уже с увлечением играл какую-то нежную и грустную песню. Кто сочинил эту песню, не знали ни Мерем, ни Карбеч. Но создать ее мог только настоящий

музыкант. Мелодия захватила Мерем. Девушка облокотилась на комод, подперев щеку рукой, а в глазах ее сияла мягкая благодарная улыбка.

Но едва затих последний звук, раздался пронзительный пьяный голос Дзегашта:

— Ну что бы мы делали без нашей Химсад? Деньги нужны, идем к Химсад! Крупа, масло нужны — к ней стучимся! Повеселиться хочется в нашем медвежьем углу, опять Химсад выручает! А люди... Только и слышишь: «Дзегашт, призови Химсад к порядку!», «Дзегашт, заставь ее ходить на работу!», «Дзегашт, она позорит аул!» Как языки не отсохнут у злых болтунов, пятнающих нашу Химсад!

— Не надо, не сердись, Дзегашт, — вздохнула вдова и потупила взор. — Я привыкла, что люди неблагодарны. Будешь хвалить меня, они еще больше станут злословить. Я не обижуюсь. Я знаю, что приношу пользу аулу, и этого мне довольно.

Не в силах больше терпеть ханжества Химсад, Асхад резко поднялся:

— Уже поздно, а завтра рабочий день. Спасибо за гостеприимство, Химсад.

Неохотно вышли из-за стола и другие. На прощанье Асхад протянул руку только Мерем:

— Спокойной ночи!

Но Мерем знала, что не будет у нее спокойной эта ночь. О многом она должна подумать, многое решить, и, главное, завтра же найти другую квартиру. Нужно немедленно уйти из этого душного, нечистого дома.

Беспокойной была эта ночь и для Файзет Мазаговой.

Уже давно окутала мгла улицы, дома и дворы, а окна Мазаговых светились тихим, ровным огнем. Файзет сидела, склонившись над столом. Девушка писала, писала медленно, часто надолго задумываясь, перечеркивая написанное и начиная все снова. Исписанный лист она отодвигала в сторону, и когда перед ней открывался другой, чистый лист, все повторялось вновь. Файзет мучительно думала, какими словами начать новую страницу? В поисках слов, которые лучше всего выразили бы ее мысли и чувства, сделали бы их попятными другим,

Файзет почему-то вновь и вновь до мелочей перебирала, просматривала всю свою жизнь, словно там, в пережитом, хранился тайник самых точных и мудрых слов. Впрочем, это была еще не ее биография, а биография ее отца и матери, земляков и друзей.

Отца она почти не помнит. Однако врезался в память такой случай. Отец возвратился как-то из города и привез ей куклу, круглоголицую, с голубыми глазами и рыжими косичками. Файзет все ждала, что кукла вот-вот заговорит, и боялась, как бы у нее не отняли подарок. Ни тогда, ни сейчас Файзет не могла бы сказать, чем был вызван этот страх. Спать она легла вместе с куклой, крепко обняв ее ручонками.

С отцом связано еще одно воспоминание. Она помнит, как отец уходил на фронт. Мать плакала, а он говорил ей какие-то утешительные слова. Файзет стояла возле него, он ласково гладил ее по голове.

Потом пришло извещение о гибели Афамгота Мазагова. Тогда маленьку Файзет потрясло не только страшное известие, но и горе матери, обессиленной от рыданий, метавшейся в безысходной тоске. Никогда раньше не видела Файзет мать в таком отчаянии. Не скоро Зулих смирилась с тяжелой утратой.

С малых лет была приучена Зулих к труду, но после смерти мужа вся отдалась нескончаемой, подчас изнуряющей работе. Она понимала, что иначе ей не спастись, не отгородиться от страшной душевной боли.

Хлеба ждали жатвы, а машин не было. Пшеницу надо было убирать руками. Зулих взяла косу и пошла по домам. И вместе с нею взялись за серпы и косы старики, женщины и дети. Женщина-косарь. Такого еще не видела Адыгея! Первый ряд скошенного Зулих хлеба аульчане назвали «тропою доброй женщины». Многие горянки пошли этой тропой вслед за ней, заменив мужчин, ушедших на фронт.

Скоро Зулих назначили руководителем той бригады, которую до ухода на войну возглавлял ее муж. В эти трудные дни вступила она в партию.

Как гордилась Файзет своей матерью! Гордилась и завидовала ее умению говорить с людьми, увлекать их за собой. И почему-то подумала — вот. и у Асхада есть это в крови! А у нее, у Файзет, ничего не выходит. Пообещала Асхаду создать молодежное звено, а до сих пор смогла уговорить лишь трех подруг!

Наверное, потому, встретив Асхада, она смущалась. А может быть, и не только потому. Другое она тщательно скрывала от всех, но не могла утаить от себя.

Она говорила себе:

«Мы с ним только соседи».

И сама же пугалась этих слов.

Тогда она говорила:

«Нет, мы просто товарищи по работе».

А на душе становилось тоскливо-тоскливо.

«Неужели и вправду только товарищи и только по работе?».

Файзет вздохнула, неловко повернулась, уронила ручку. Услышала ли Зулих тяжелый вздох дочери или ее разбудил легкий стук, но она в ту же минуту проговорила из темноты спальни:

— Ложилась бы ты, доченька, уже поздно.

Файзет взглянула на часы. Было далеко за полночь.

Не зажигая света, Зулих накинула халат и вошла в комнату дочери. Густые и длинные косы черными крыльями разметались за спиной. Тускло поблескивали в них сединки, которых что ни год становилось все больше и больше.

Зулих склонилась к дочери, обняла ее.

— Что ты пишешь? Кому? Или, может, это секрет?

— Нет, мама. Какие у меня от тебя секреты.

Зулих заглянула в ее глаза.

Между матерью и дочерью не было того противоестественного отчуждения, которое предписывалось и поддерживалось древними законами адыгов. По этим законам дети не смели открыто говорить с родителями о зарождающемся чувстве и вынуждены были прибегать к помощи посредников. Как часто эти посредники оказывались жестокими, хитрыми и бесчестными людьми! Сколько бед приносил в семьи этот нелепый обычай.

Нет, Зулих знала — дочь не станет ничего таить от матери. Придет пора, и она до дна откроет ей свою душу.

— Право же, мама, это не письмо. Мне просто хочется вести дневник, записывать в него все увиденное услышанное и свои мысли. А когда начала писать, вдруг заметила, что я спорю с теми, с кем не согласна, и записываю не только то, что было, но и стараюсь представить, как все будет или должно быть. Дневники, наверное, так не ведут. Ну, в общем получается что-то совсем другое. А может, и совсем ничего не получается.

— Смотри, ты у меня еще писательницей станешь!

— Да нет, мама, какая из меня писательница! Это само получилось, уверяю тебя. Но знаешь, как интересно спорить, доказывать, критиковать и представлять, что будет потом! Вот только слов не хватает. Сухо как-то выходит. А что, если я попробую написать сценку? Смотри тут у меня и Асхад, и Дзегашт, и Мерем действуют. Будет же у нас когда-нибудь самодеятельность? Вот и поставим сами. Ни за что не брошу, все равно напишу.

— Пиши, пиши.... А про любовь там будет? — с улыбкой спросила Зулих.

— А как же! — сказала Файзет и спохватилась: — В пьесах всегда бывает и про любовь...

— Ну, Файзетка, ладно, хватит, давай спать.

Зулих ушла к себе. Файзет убрала бумаги, прикрутила лампу, разделилась и уже села на кровать, но вдруг поднялась и побежала к матери:

— Давно, мамочка, я не спала с тобой! Пусти к себе!

Она прыгнула в постель, забралась под одеяло, обняла мать.

Зулих была рада неожиданному порыву дочери и в то же время встревожена. Тут что-то не так. И она сказала:

— Что с тобой, доченька?

— Мама, я сама не знаю, что это такое... Вот, понимаешь, мне Асхад дал поручение, я взялась, поверила, что все получится. А не получается. И мне обидно. Но не только потому обидно, что не получается. Если бы мне кто другой поручил, я бы, может, не так переживала... И вообще, я не знаю, что теперь скажу ему.

— О чем?

— Ну, о том, что звено еще не организовала.

— Ну, так и скажешь.

— Да нет, не в этом дело.

— А в чем?

— Трудно ему будет здесь.

— Ничего не понимаю. Кому? Почему?

— Если бы все ему дружно помогали, тогда было бы

легче, правда, мама? — продолжала Файзет, не обращая внимания на взволнованные вопросы Зулих.

— Что-то играешь ты в загадки.

— Ты должна уметь угадывать! Ой, мамочка! — вдруг засмеялась Файзет, прижалась к матери и затихла.

Зулих поглаживала ее волосы, пытаясь разгадать те чувства, которые так будоражили душу ее дочери, но сама запуталась и, побежденная усталостью, уснула.

8

С пригорка аул, в котором приветливая белизна домиков смешалась с зеленью садов, был похож на яркую клумбу. Не впервые стоял здесь Асхад, но каждый раз по-новому ощущал красоту родных мест и жадно вдыхал воздух, насыщенный запахами плодородной земли.

Нет предела любви к той земле, на которой ты вырос, которую ты давно знаешь и, тем не менее, все время открываешь, словно бы впервые увиденную. Все эти места Асхад истоптал босыми пятками в детстве и теперь, любуясь пашнями, садами и холмистыми берегами реки, вновь подумал о недавно распаханном Чертовом гнезде.

А сколько еще отличной земли лежит зря! Хотя бы вот эти плавни, намозолившие всем глаза! Растили они без конца и края, бесполезны. А если бы приложить к ним руки? Как же правление до сих пор не задумалось над тем, что могут дать эти заросли? Изредка кто-нибудь из аульчан нарежет здесь воз камыши, накроет им сарай. А остальной камыш пропадает. А куга, лозняк стали источниками дохода для ловкачей, не желающих работать в колхозе. Плетут корзины, циновки, кошелки и везут их в город на базар.

Неужто так трудно создать бригаду из пожилых женщин? Какие красивые циновки и кошелки смогли бы они плести! Пожалуйста, сдавай их потребкооперации. Ну, а старики могут делать из лозы корзины, в которых так нуждается соседний консервный завод. Вот это было бы по-хозяйски. Колхозу — деньги, а кустарям — конец.

Долго стоял Асхад на пригорке, осматривая каждый клочок земли, прикидывая, как лучше его использовать. Асхад понимал, что непростое дело он затевает, что ему

прибавится хлопот, и еще не знал, как он справится, но совесть не позволяла ему останавливаться на полпути.

Солнце припекало сильней. Уже погнал свою отару в тень густых прибрежных верб старый чабан Салех.

Издали заметил Салех агронома. Чем занимается тут сын старого Османа?

Салеху захотелось подойти, поговорить с Асхадом, узнать, что привело его сюда. Но мужчина не должен проявлять нетерпения и любопытства.

Однако пути агронома и чабана все-таки пересеклись, и Асхад по обычаям сказал старику:

— Пусть несчетным станет твое стадо!

Чабан ответил столь же величественно и витиевато:

— Да станет несчетным на общую радость и счастье!

Добро пожаловать, Асхад, в мое чабансское княжество! Я еще не забыл нартских законов. Зарежу годовалого ягненка и угощу тебя сладким молодым мясом!

— Спасибо, Салех! Беседа с тобой лучше всякого угощения.

Салех спрятал в усы довольную улыбку и не спеша, как подобает обладателю «чабанского княжества», развязал вышитый кисет, свернув козью ножку, достал спички и прикурил. Глубоко затянувшись, задержал ароматный дым в широкой груди и медленно выпустил его синей струей.

— Хорошие у тебя слова, сынок. Когда человек делает добро, люди отвечают ему тем же, и добро удваивается. А даже капелька зла во сто раз увеличивает беду! — Внезапно и как будто совсем неуместно старик усмехнулся и рукой указал на дорогу: — Видишь пыль? Торопятся, скачут.

— Кто бы это мог быть? — удивился Асхад.

Салех не ответил, да уже в этом и не было нужды. Асхад узнал председателя колхоза Дзегашта и Карбеча Пляши-нога. Всадники спешились, и Карбеч, разминая ноги, подмигнул агроному:

— Неспроста пришел ты к нашему скупому чабану, Асхад?

— Это и понятно. Асхад добрый гость, — рассерженно проговорил Салех, бросил окурок на землю и носком сапога раздавил его. — Вот так всегда. Хотел зарезать ягненка для хорошего человека, а сотрапезники уже тут как тут! И как вы только научились слышать запах

жареного мяса, когда еще и очаг не зажжен?

— Такой запах на любом расстоянии почуешь! — попытался отшутиться Карбеч.

Чабан покачал головой:

— О, там, где едят, ты активист! За столом твои пальцы и проворны, и устали не знают! А на работе наоборот.

Асхад рассмеялся. Ему поправилось, что старый Салех не прячется за законы гостеприимства и в глаза говорит Карбечу все, что о нем думает.

Дзегашт натянуто улыбнулся и тоже стал подтрунивать над Карбечем.

— Смотри, Карбеч, Салех безоружен, а убил тебя пановал!

Карбеч беспечно взмахнул рукой, точно обращаясь не к собеседникам, а к деревьям и кустам, стоявшим поодаль:

— Да, за словом он в карман не полезет, ничего не пожалеет, лишь бы не встретить гостя молодым баражком. В кисете Салеха насмешек больше, чем самосада!

Тут чабан рассердился не на шутку:

— Вы слышите, что сказал Пляши-нога? Мало, что ли, баражков я урезал для гостей, бездельник? Все, что нажил, людям раздал!

Уж больно разбушевался чабан, и Дзегашт решил, что сейчас самое время вмешаться в разговор:

— В самом деле, Салех, — с притворным простодушием сказал он, — откуда ты берешь баражков для угощения? Не за наш ли колхозный счет пирут твои гости?

Салех обиделся:

— Уж ты-то должен знать, откуда у меня бааранина! Зарабатываю, сам зарабатываю! Положено мне за труд, я и получаю! Вот и нынче — хочешь не хочешь, а одного ягненка мне выдашь! И будет у меня свежее мясо и сущеная бааранина. Хорошего гостя голодным не отпущу!

— Что ж, я знаю, у тебя и мыши жирные! — засмеялся председатель.

— Потому, что я работы не боюсь!

— Да, сколько уже лет ты из года в год получаешь премии, — закивал головой Дзегашт, — и слава тебе, а

мы... мы с пустыми руками. Выгодная должность у тебя, Салех!

— Выгодная должность! — фыркнул чабан. — Все должности выгодные, если с сердцем работаешь и рук не жалеешь. А от тебя только и слышишь: «От засухи капустная рассада погибла! От жары помидоры выгорели! От дождей бахчи погнили! От ветра кукуруза и пшеница полегли!...» Вот так и работаешь, на все у тебя об... объек... Фу, черт, не выговорю.

— Объективные причины, — подсказал Асхад.

— Вот-вот — эти самые причины. А почему мне, старику, ни дождь, ни снег, ли жара, пи выюга, ни оттепели не мешают? Ты думаешь, легко мне этоается — получить и сохранить овец? Да ты своих братьев так не знаешь, как я знаю каждого ягненка в отаре. Скажите мне, крикуны, кто в позапрошлую зиму, когда ферма осталась без кормов, кто в холод и в снег спас овец в поле? Кто-то разворовал сено, а Салех спасал колхозных овец! Ни одна не погибла! Работайте так, чтобы людям хорошо было, и вам хорошо будет!

Салех еще выкрикивал свое, наболевшее, когда к спорящим подошел Осман Ожбаноков. Он возвращался из лесу. За поясом — неразлучный топор. Кивнув всем, Осман выставил вперед руку, остановил чабана.

— Погоди, Салех, погоди! Все, что ты сказал, — это правда! Но ведь кричать легче, чем работать...

Старый чабан растерялся. Он не понимал, куда клонит Осман.

А Осман продолжал:

— Пока ты любителей шашлыка укорял, посмотри, куда твои овцы побредли!

— Ох, аллах, аллах! — вскрикнул смущенный чабан и побежал к отаре.

— Здорово ты его, Осман. — сказал Дзегашт, — а то он нас совсем было смял.

Осман покачал головой:

— Салех свое дело знает. А ругаться я пришел не с ним, а с тобой!

Председатель помрачнел. Была у Османа такая манера — выберет время и ходит, ходит по колхозу. Десятки километров за день измерит, и все пешком. Где поможет делом (топор всегда с собой), где подскажет,

многое видел и узнал на долгом своем веку Ожбаноков, а где и выругает. От него словами «тебе-то, старому, что?» не отделаешься. И после таких «ревизий», хуже всего приходилось председателю. Умел Осман увидеть такое, что бы лучше и не видеть. И от предчувствия очередных неприятностей у Дзегашта противно засосало под ложечкой.

Разговор Осман начинал издалека:

— Сколько бы ни работали люди руками, одни трактор все-таки больше сделает. Нынче трактористы целое поле, самое дальнее поле прокультивировали.

— Знаю, Осман, был... — сказал Дзегашт, еще надеясь, что старик просто хочет похвалить механизаторов.

— Знаешь? А что они со вчерашнего вечера ничего не ели, ты знаешь? Кто должен о них беспокоиться?

Председатель решил, что самое лучшее ему сейчас не оправдываться, а соглашаться:

— Ты прав, Осман, твои упреки заслужены. Но не думал я, что так получится. Кладовщик ночью уехал на мельницу, обещал рано утром вернуться, да не управился. Вот и некому было отпустить продукты. Он скоро подъедет, и мы все поправим, а за критику...

— За критику мне сейчас спасибо скажешь? Признал критику, и все в порядке? А то, что люди голодны, тебя не волнует?

Видя, что ссоры с Османом все равно не избежать. Дзегашт не стал больше притворяться и сдерживаться:

— Не умрут же они в конце концов!

На помощь председателю поспешил Карбеч:

— Да и бригадир хорош. Пошел бы к Химсад, взял бы у нее продуктов и привез им в поле. Случалось же и раньше такое! Чего тут базар устраивать!

Лицо Османа потемнело. Долгим взглядом, исподлобья смерил он Пляши-ногу. Тот уже пожалел, что ввязался в разговор, но теперь Османа уже невозможно было остановить. Боднув головой воздух, он тяжело пошел на Карбеча:

— Значит, опять идти на поклон к этой спекулянтке? Стать на колени, умолять: «Ради бога, помоги, наша добрая Химсад, дай взаймы...» «Нате, — скажет она, — вот вам корзина, а разбогатеете, вернете две». Не стыдно тебе,

Карбеч?

Карбеч спрятался за спину Дзегашта.

— Да я же... чтобы трактористы не страдали... Люди-то голодные...

— .Он, действительно, ничего худого сказать не хотел, — заметил Асхад, пытаясь не столько защитить Карбеча, сколько успокоить развлонавшегося отца. Но, как ни странно, слова Асхада еще больше распалили старика Ожбанокова.

— Откуда тебе знать, хотел он сказать дурное или нет? Ты еще не всех как следует разглядел в ауле, вот и ведешь себя, как голубь мира! Такие, как наш Карбеч, ничего не говорят зря. Ишь ты, к Химсад пойти! Не первый раз, дескать! А сколько можно заниматься да отдавать?

Дзегашт и Пляши-нога молча ждали, когда выговорится старик. А у Османа, казалось, и в карманах, и за пазухой был целый ворох обид.

— Ты мне скажи, Дзегашт, чем занимается Карбеч? За что он отвечает? Целый день болтается и болтает. Его увидишь всюду, где стол накрыт. Кто его кормит, тому подпевает. Говорят, что он охраняет поля, но воруют у нас больше, чем прежде, когда не было никакой охраны. Сколько воров задержал Карбеч? Ни одного. Он воров охраняет, а не наше добро!

— Ну, это ты уж слишком, — решительно заступился за Карбеча Дзегашт.

Осман резко повернулся к нему:

— А то для тебя это новость? Конечно, он заодно с ворами! Они давно ключи к нему подобрали. Скажи, пожалуйста, отчего это вдруг он о Химсад заговорил? Или забыл, что она в позапрошлом году натворила? Впрочем, мы и сами виноваты, что пошли к ней на поклон.

— Подумаешь, петля! — усмехнулся Дзегашт. — Вечно ты, Осман, преувеличиваешь!

— Это я-то преувеличиваю? Послушай, Асхад, как дело было. В позапрошлом году Химсад завезла на свой двор четыре воза колхозного сена. Целую скирду поставила. А что Карбеч делал? У нее дома угощался. Зима не ушла, весна не наступила, а фермы без кормов. И что, ты думаешь, Дзегашт сделал? Пошел к Химсад, предложил ей лучшую телку за сено. И еще говорит: «Она нас выручила!» Вот так выручка: за колхозное сено отдали колхозную телку! А телка выросла, стала коровой. Химсад продала ее,

купила сепаратор. Зачем ей сено или корова? На дому молокозавод открыла.

Вот теперь Асхад окончательно понял, почему отцу не хотелось, чтобы он, Асхад, ходил к Химсад в гости.

Дзегашт и Карбеч уже не пытались ни оправдываться, ни отшучиваться. Но по их глазам было видно, что они не очень-то готовы признать свою вину.

Председатель помолчал, потом сказал осторожно:

— Это же дело старое, Осман. Сколько можно попрекать за прошлое?

Но Осман Ожбаноков не собирался складывать оружие. Он заговорил негромко, вроде бы мирно, только чуть насмешливо:

— Ну, если это дело старое, так я о новом скажу. Не знаю, какими правдами и неправдами получила Химсад бумажку, что она больна. Говорят, это ты ей помог такой документ получить. Сидит она сейчас дома, сама не работает и другим мешает. Еще и пенсию по инвалидности собирается выхлопотать. Гости у нее и днем и ночью. Всем, кому неохота потеть в поле, почет и угощение у добрейшей Химсад. И разговоры у них особые: решают, кто на ком должен жениться, а кто должен бросить жену и найти новую. Хорошая компания! Вот рядом с тобой один из нее. Карбеч у них — активист из активистов. С каждым нужным человеком — он друг. А чистое ли дело у этого друга или нечистое, ему наплевать. Знаешь, Карбеч, пропадешь ты, если не начнешь работать вместе со всеми. Избаловался, разленился ты. Слезай с чужого коня, становись рядом с нами на землю.

Осман вдруг повернулся и, не прощаясь, не оглядываясь, пошел к аулу. Ступал он тяжело, словно все небо давило ему на плечи — того и гляди начнет земля под ним прогибаться. Старый Осман медленно удалялся, а остальные смотрели ему вслед, не говоря ни слова. Только убедившись, что Осман уже не услышит его, Карбеч нарушил молчание:

— Клянусь небом, никогда не свяжуясь с этим стариком!

— От него не спасешься, — вздохнул Дзегашт, — все равно найдет и даст перцу.

— Ну, ладно! — улыбнулся Асхад, — не вам одним достается. Мне тоже влетает, коль провинюсь. Все старики ворчливы. А теперь, Дзегашт, пойдем, я тебе кое-что

покажу. Я тебе вчера рассказывал...

И Асхад с Дзегаштом спустились с пригорка и направились к лозняку. За ними последовал и Пляши-нога.

Чабан Салех, давно наведший порядок в отаре, но державшийся в сторонке, пока не ушел Осман, теперь догнал агронома. Ведь Салех так и не успел выведать у Асхада, что привело его сюда, в камыши. Сначала Дзегашт помешал, потом Осман. И чабан не вытерпел и прямо спросил Асхада:

— Ты потерял тут что-нибудь? Или нашел? Смотрю я, ходишь-ходишь, высматриваешь.

Асхад сказал, улыбаясь одними глазами:

— Если бы ты знал, Салех, что я тут нашел, ты бросил бы отару и забрался в этот лозняк!

Чабан удивленно вскинул брови: смеется над ним Асхад или всерьез говорит? Всю жизнь прожил Салех в этих местах, летом рубил лозу, поздней осенью охотился на уток. Каждую пядь изучил, ничего особенного не замечал, что же обнаружил агроном? Конечно, он молодой, ученый, может такое увидеть, чего не разглядеть чабану.

— Ты, Асхад, сведешь Салеха с ума своими загадками, — сказал Карбеч, хотя и сам не понимал, чем пленили плавни этого беспокойного человека?

Чабан рассмеялся:

— Воллахэ, Карбеч, ты правду сказал. Аллах его знает, что здесь нашел Асхад. Может, клад, зарытый последним князем?

— Вот именно — клад. Ты угадал, Салех.

Чабана распирало любопытство. Не станет же в самом деле агроном зря ходить по лозняку, осматривая каждый клочок земли, и что-то писать в блокноте.

— Нас четверо, — оглядываясь на Дзегашта и Пляши-ногу, сказал Салех. — Если хорошо взяться, достанем клад и разделим по справедливости. Тебе можно больше дать — ты его нашел.

Асхад покачал головой:

— Нет, Салех, и восьми рук тут мало, не справиться нам. Надо побольше людей. А о дележе не заботься. Всем хватит.

Теперь и Карбеч Пляши-нога заразился тем же любопытством, что одолевало чабана. Шагая рядом с Асхадом, он спрашивал:

— Ну говори же, говори, Асхад, в каком месте зарыт

клад? Очень глубоко копать надо?

— Еще немного пройдем, лучше видно будет. Я все расскажу, — ответил Асхад и подвел своих спутников к естественному котловану.

Чабан уже далеко ушел от стада и хотел было вернуться, но потом, понадеявшись на собак, закинул герлыгу на плечо и последовал за всеми:

«В самом деле, — думал Салех, стараясь не отстать от других, — почему же моя доля должна пропадать?»

— Вот мы и пришли, — наконец сказал Асхад.

Обширная, почти совершенно круглая впадина заросла лозняком и была похожа на гигантский таз с рассадой. Меж островков лозы поблескивала вода. Весной под кустами утки устраивали гнезда, клали яйца, выводили птенцов. Осенью сюда приходили охотники с собаками. Порой появлялись старухи, уносили вязанки лозы.

Асхад улыбнулся, заговорил:

— Вот оно, золотое дно! Пусти сюда воду и, как говорится, греби золото лопатой. Все здесь будет расти — и рис, и кукуруза, и бахчевые!

Чабан взглянул на Асхада и с разочарованием вздохнул.

Председатель колхоза, которому агроном еще накануне рассказал о своем плане, недоверчиво оглядел котловину. Замыслам Асхада он не придавал серьезного значения. Но от этого упрямца не так-то просто было отмахнуться, и председатель искал все новые аргументы, чтобы убедить Асхада отказаться от своих сумасбродных, как казалось Дзегашту, идей.

— Ну, допустим, мы решим сделать здесь водохранилище, — сказал Дзегашт после долгой паузы. — А где мы воду возьмем и как подадим ее сюда?

— Да, поработать придется, — спокойно ответил Асхад, — ведь это будет самое большое водохранилище у нас в области. Стоить это будет недешево, но зато отсюда мы поведем каналы, оросим безводные земли.

Салех слушал горячие слова молодого Ожбанокова и обиженно усмехался:

Ну, Асхад, и посмеялся же ты надо мной. Разыграл ты меня, разыграл. А я и вправду поверил, что здесь клад зарыт, и ругал себя, что семьдесят лет живу в этих краях и не нашел его. Все здесь сто раз обошел вдоль и поперек, а все-таки поверил... Ох-хо, старая голова!

— Что ты, что ты, Салех, — пожал плечами Асхад, — я и не думал шутить! Даю тебе слово, что недалек тот день, когда ты будешь есть рис, выращенный именно здесь!

Чабан махнул рукой и засеменил к своим овцам. Карбеч последовал за ним, как всегда пошучивая:

— Ну и фантазер этот Асхад! Ох, как бы нам боком не вышли эти фантазии!

Агроном и председатель колхоза остались одни с глазу на глаз.

Дзегашт прошелся по траве, словно по ковру своего кабинета, потом остановился перед Асхадом и заговорил так, как многоопытные люди говорят с горячими, опрометчивыми юнцами:

— Может, когда-нибудь все получится так, как ты думаешь, и дай нам бог дожить до этого. А сейчас нам бы справиться и с менее сложными делами, с менее сложными, но более неотложными. Справимся — я первый с радостью подкину в воздух свою шапку.

Решив, что его слова убедили агронома (ведь он, Дзегашт, не отбрасывает идею строительства водохранилища, а лишь откладывает ее и возвращает Асхада к реальной действительности), председатель с выражением полнейшего удовлетворения на лице вновь прошелся по траве, аккуратно, расчетливо ставя ступни и словно вслушиваясь — не скрипнет ли, как в его кабинете, непослушная половица.

«Эх, Асхад, Асхад, — укоризненно думал председатель. Вместо того, чтобы помогать мне, мешает своими нелепыми проектами. Где-то, что-то видел, заразился этим, не понимая, что это все не для нас. С кем, с какими средствами затевать такое? Нет, обязательно надо направить его мысли в другое, более спокойное русло».

И Дзегашт игриво сказал вслух:

— Знаешь, кто о тебе спрашивал? Красивая девушка наш новый врач!

Асхад ответил резко (прорвалось наконец копившееся все эти дни раздражение):

— А тебе-то что?

— Ха-ха-ха! — залился Дзегашт. — Это верно. Но, честно говоря, желаю, чтобы ты угодил в капкан. Может, перестанешь предаваться пустым мечтам и займешься делом. Молодая жена кого угодно утихомирит, это я на своем опыте знаю!

— А вот я постараюсь не попасть в капкан! — не принимая плоских двусмысленных шуток Дзегашта, сухо ответил Ожбаноков.

С каждым словом все меньше понимая друг друга, они вышли к развилке хорошо наезженной полевой дороги. Над развилкой высился раскидистый дуб, в тени которого прямо на траве спали двое молодых парней. Чуть поодаль на участке стоял трактор с прицепленным к нему культиватором.

— Смотри, что они вытворяют, — вспылил Дзегашт. — Выключили трактор и спят! Хорошо им тут — тень, свежий ветерок, а все остальное хоть пропади пропадом! Это с ними, — зло усмехаясь, обратился он к Асхаду, — ты собираешься создавать величайшее в области водохранилище, растить кукурузу, сеять рис? Видишь, какие кадры? С такими наплачешься. Без мамалыги останешься, не то что без шинса!

Пыльным носком сапога Дзегашт не сильно, но грубо ткнул в бок одного из парней.

Тракторист вздрогнул, сел и только тогда открыл глаза. Угрюмо посмотрел на председателя.

— Спиши, дуралей! А трактор хоть уводи на все четыре стороны! Сейчас же вставай!

Парень поднялся, неторопливо отряхивая с одежды травинки. Разбуженный криком Дзегашта, проснулся и другой тракторист. Он сразу понял, в чем дело, но и не думал оправдываться, сам перешел в наступление:

— Стыдишь! На час трактор заглушили! Подыри, да? А ты спросил, здесь у меня что-нибудь было? — парень кулаком ударил себя в живот.

— Чтоб тебя собака съела, голодного! — совсем рассвирепел Дзегашт. — Подумаешь, проголодался! Что, умрешь ты оттого, что разок не поел? Сукин сын, сейчас же заводи трактор! Ну, кому говорю!

Тракторист тщательно отряхнул одежду и заговорил торопливо и веско:

— Мы люди, а не собаки. Ты о нас сначала подумай, а потом о тракторе. Если бы нам впервые не привезли еду, еще так-сяк. Но ведь это изо дня в день. То кухарки нет, то кладовая закрыта, то еще что-нибудь. Оправдания есть, а в рот положить нечего. Скоро солнце сядет, а ели мы в последний раз вчера вечером. Я сейчас вот солью горючее, а ты попробуй заведи трактор.

— Я тебе солью!

— Что ж ты думаешь, мы голодные будем план перевыполнять? От твоей кормежки у нас с рычагов руки выливаются. Вот возьмем и вернемся в МТС. Культивируй сам с пустым брюхом!

— Тыфу, — презрительно сплюнул Дзегашт. — А еще адыг! Постеснялся бы хоть о еде говорить!

Тракторист, уже направившийся было к машине, снова обернулся к председателю:

— Здорово же ты знаешь адигейские обычай! Ты обычай вспоминаешь, когда надо свои грешки замазать. Ты еще коран вспомни! Нет, мы запашем законы, по которым замалчивают недостатки! Вот тогда ты покричишь!

Асхад не вмешивался в разговор. Парень и так хорошо ответил Дзегашту. Агроном смотрел и ждал, чтобы трактористы завели машину и отъехали. Вот тогда он выскажет Дзегашту все, что думает об этом безобразном спектакле.

Трактор зарокотал, двинулся вдоль рядков кукурузы. Асхад увидел, что к ним приближается Зулих Мазагова.

— Что тут случилось?

— Стыда не знают, — ворчал неостывшый еще Дзегашт. Ишь, не покормили их, так они выключили трактор и улеглись спать под твоим дубом. Дать бы им по шее, как отцы нам давали!

Зулих оборвала председателя:

— Скор ты на расправу! А по чьей шее надо бить, это мы вечером в правлении разберемся.

Она говорила почти спокойно, но это спокойствие не предвещало добра, и Дзегашт, сердито сплюнув, подумал: «Беда, когда в колхозе есть вот такая придира».

А Молодой Ожбаноков смотрел на ровно шумящую густую крону могучего «дуба Зулих».

Прочно вросший в землю ствол, мускулистые ветки с плотной, словно лакированной листвой. От этой листвы падает густая тень. Солнечные лучи теряются где-то вверху. Только по краям кроны, между резными листьями, можно увидеть небо — похожее на забавно выкроенные голубые девичьи платочки.

Даже в самые знойные дни под дубом не выгорает трава. Сколько путников отдыхало здесь, не зная, что это за дуб и почему его так зовут аульчане. Может, люди преувеличивают, но они утверждают, что самую прохладную тень «дуб Зулих» отбрасывает на того, кто устал, хорошо поработав. А люди зря не скажут. Они все знают!

9

Дариет вздрогнула и открыла глаза. Почудилось или в самом деле стучали в дверь? Она с трудом подняла голову с подушки и, поджав ноги, села на кровати. Долго вслушивалась в неподвижную тишину ночи.

На железнодорожной станции протяжно прогудел паровоз. Издалека, оттуда, где на реке Белой построили гидроэлектростанцию, послышался вой сирены. Это значит, что там сбрасывают лишнюю воду и предупреждают об этом население. И все же сердце ее забилось испуганно, словно вой сирены предупреждал о какой-то грозящей ей опасности. Впрочем, в последнее время ее тревожили тяжелые предчувствия.

Дариет вздохнула, взбила подушку и снова легла. Заснула, но сон ее был неглубоким и прерывистым, как у больной.

Стук... Нет, на этот раз это уже не почудилось. Действительно стучали в окно, сильно, требовательно. Кто? Ахмет? Но он всегда стучит в дверь и, дожидаясь, пока Дариет впустит его, неторопливо топчется на крыльце.

С трудом подавляя испуг, Дариет накинула халат, наощупь нашла выключатель. В комнате вспыхнул белый резкий свет. Тотчас же послышались шаги. Стучавший шел от окна к двери.

— Кто там? — спросила Дариет.

— Открывай!

Все-таки это был Ахмет.

Дариет повернула ключ в замке, сбросила крючок,

распахнула дверь. Ахмет вошел в комнату раскачиваясь. Он был пьян.

— Не достучишься. И в дверь стучал и в окно... Ничего не надо, — сказал он Дариет, загремевшей посудой, — я в ресторане был... С приятелями...

— А который час?

Ахмет поднял руку, взглянул на часы:

— Скоро два...

Дариет сняла халат, снова легла в постель, накрывшись одеялом. Ей стало вдруг холодно.

Ахмет сидел за столом, улыбаясь каким-то своим мыслям. Потом поднялся, подошел к жене, склонился над нею, загадочно сузив глаза. Дариет молча смотрела на него. Он вытащил из кармана плотный сверток и протянул ей.

— На, бери!

Дариет нерешительно взяла сверток:

— Что это?

Ахмет негромко засмеялся:

— Не бойся, не волчонка в бумаге принес. Две с половиной тысячи!

Дариет удивленно смотрела на мужа. В душу снова стал закрадываться испуг. Ей казалось, что держит она не пачку денег, а кусок холодного свинца. Рука ослабела, опустилась на одеяло.

— Ты что так смотришь? Думаешь, краденые принес?

— Где ты их взял?

Заработал.

— Это дневная выручка? Зачем же принес домой, а не сдал в кассу?

Улыбка мигом исчезла с лица Ахмета. Он молчал, а Дариет смотрела на него, теряясь в догадках.

Обычно, отработав смену, Ахмет сдавал машину шоферу-напарнику, а деньги — в кассу. Такой порядок был заведен в таксомоторном парке.

— Все, что положено, я сдал, — сказал наконец Ахмет. — А это мое... Бери, не бойся. Говорю тебе — деньги наши, — Ахмет начинал сердиться, повысил голос. — Бери, говорю!

— Не хочешь сказать, где их взял, не надо, а кричать не смей!

Дариет опустила сверток на пол, отвернулась к стене и укрылась с головой, желая только одного — не продолжать этот неприятный разговор.

«Где он взял деньги, — думала Дариет, — если всю выручку сдал?»

И вдруг она поняла, что давно потеряла покой, что не вчера и не сегодня, а много дней назад беда вошла в их дом.

Но до этого часа она сама еще не понимала причин своей тревоги, а сейчас на полу лежали деньги, несомненно, чужие, наверняка добытые каким-то скверным путем.

За годы совместной жизни немало пришлось пережить Дариет. Не раз приходило желание уйти от Ахмета, бежать от этого пустого человека. Он то и дело менял работу, месяцами бездельничал, потом с трудом и нехотя поступал на новое место. Особенно стал невыносим Ахмет с тех пор, как она на службе неожиданно встретилась с Ожбаноковым. Теперь чуть ли не ежедневно он кричал на нее, донимал грязными намеками.

Дариет долго сдерживалась, а потом потребовала:

— Не устраивай мне скандалов! И не приходи ко мне на работу!

— Мне безразлично, где и как говорить с тобой! И дома, и в твоем кабинете ты — моя жена, понимаешь, жена! И помни — я твой муж!

Муж! В самом деле, почему она терпит такого мужа? И Дариет все чаще стала задумываться над необходимостью разрыва.

Сколько раз она тщательно обдумывала слова, которыми начнет последний разговор с Ахметом. Но он приходил домой пьяный, а что скажешь человеку, не способному ни слушать, ни говорить?

Наставало утро. Дариет, усталая, разбитая бессонной ночью, уходила на работу, так ничего и не сказав Ахмету. Нет, видно не хватало еще у нее сил, чтобы порвать с ним.

И вот теперь эти деньги... Нет, надо, что-то надо, наконец, делать.

— Спиши? — хрипло спросил Ахмет. — Ты чего отвернулась?

Дариет молчала.

— Ты и вправду думаешь, что деньги краденые? Ты послушай, я все расскажу...

Дариет опять не ответила, не обернулась. Но Ахмет заговорил, уверенный, что она не спит и, хочет не хочет, а слушать его будет.

...Случилось это часов в одиннадцать вечера, когда глины начали пустеть. Так уж заведено в этом маленьком городке: в тихую ясную погоду, точно пчелы, роятся люди на главной улице, в парке и у входа в него. Шаркают подошвы, стучат каблуками, звучат веселые голоса. Даже проезжая часть улицы так запруженна гуляющими, что не пробраться машине. А к полночи — ни души.

Ахмет на стоянке такси скучал, в ожидании пассажиров. Долго никого не было. И вдруг подошли сразу двое.

— Машина свободна? — спросил один, хотя это и так было видно.

— Свободна.

— Поехали.

Они устроились на заднем сиденье. Через несколько кварталов попросили остановиться.

— Подожди нас, скоро вернемся, поедем дальше.

Ахмет видел, как они направлялись туда, где виднелись скопом освещенные витрины магазина. Ждать пришлось недолго. Появился сначала один, потом другой. В руках у первого был маленький ящичек. Он уселся позади Ахмета, а его спутник — рядом с шофером.

— Подвези теперь нас до Курджипса. Не обидим.

Больше они не проронили ни слова. Молчал и Ахмет. Проехали несколько километров вдоль берега реки.

— Останови здесь.

Сидевший сзади вышел из машины и швырнул ящичек в черные воды Курджипса. Возвратился и сказал коротко.

— Давай обратно в город.

На окраине они сошли, сунув Ахмету пачку денег:

— Это тебе за труды.

Они скрылись в темноте мгновенно, словно сквозь землю провалились.

Дариет, дослушав рассказ Ахмета, встала, накинула халат, прошлась по комнате. Ее била дрожь.

— Ты запомнил их? — сдавленным голосом

спросила она.

— Зачем мне это нужно?

— Как зачем? Как зачем? Неужели ты не понимаешь, что вез грабителей, помогал им?

— У них на лбу не написано, что они грабители. А я обязан ехать, куда прикажут. Мне за это деньги платят!

— Хорошо, может быть, ты сразу всего не понял. Но почему ты не попытался их задержать, не сообщил о них в милицию, а взял у них деньги и пошел пьяствовать? Честные люди за такую поездку столько не платят. Они грабители, а ты их сообщник!

Ахмета ошеломил яростный напор жены.

Человек в сущности трусливый, он сразу забыл обо всех последствиях, как только в руки ему привалили деньги. На радостях он выпил. И стоит ли так шуметь из-за этих денег? Ну, не хочет Дариет брать их, пусть не берет.

— Сейчас же иди в милицию и отнеси туда эту пакость, — Дариет носком чувяка ударила сверток с деньгами, лежавший на полу.

— Уже поздно, — сказал Ахмет. — Я спать хочу.

Дариет, не попадая в рукава, стала натягивать платье. Одеваясь, она громким шепотом говорила, скорее для себя, чем для Ахмета:

— Ну хорошо, я сама пойду... Сама...

Тут Ахмета охватили и страх и ярость:

— Нет, не пойдешь! Только попробуй! Ты хочешь, чтобы меня посадили? Ложись спать! Слышишь? Сейчас же ложись!

Почему-то Дариет не стала спорить, молча легла, не раздеваясь.

Озноб прошел. Теперь ей стало жарко. Она жалась к стене, точно хотела протиснуться сквозь нее, лишь бы подальше быть от этого человека, дышащего водочным перегаром. Ее охватывал стыд при мысли, что ее мужа, разоблаченного и опозоренного, будут судить вместе с грабителями.

Но вдруг чувство стыда сменила холодная решимость. Она, еще не отдавая себе отчета, еще не продумав всего до конца, свернулась калачиком, задышала ровно, сама удивляясь тому, что так ловко она притворилась спящей.

Когда Ахмет уснул, Дариет осторожно поднялась,

босиком прошла к окну, осторожно открыла створки и выбралась на улицу.

Ахмет проснулся через несколько минут.

— Дариет, — примирительно позвал он. — Пока спрячь деньги, подождем... Надо будет — мы их вернем... Дариет...

Рассерженный молчанием жены, Ахмет сел, оглядел комнату, увидел, что Дариет нет, а окно открыто.

Хмель как рукой сняло. Торопливо одевшись, он выбежал на улицу.

Дежурный по отделению милиции, капитан, слушал Дариет. Говорила она сбивчиво, часто повторялась. Пытаясь как-то оправдать мужа, сказала, что это он сам послал ее в милицию.

Капитан еще не успел принять какого-либо решения, когда дверь распахнулась, и в ней, ослепленный сильным гневом, появился Ахмет. С угрожающим видом он шагнул к Дариет. Но капитан поднялся и встал у него на пути. Ахмет сразу сник. Уже в следующую минуту он подробно перечислил приметы грабителей, сообщил о месте, где они вышли из машины.

На рассвете на Белореченском вокзале задержали двух неизвестных, пытавшихся сесть в поезд. Ахмет опознал их. Потом Ахмета вызвали к следователю. Потом был суд. Ахмет остался на свободе. Но из водителей такси его перевели в слесари гаража. Теперь он стал пьянистовать еще больше. И тут уж Дариет не выдержала. Покинула мужа, вернулась в родной аул. Слухи обо всем этом дошли до аула, сплелись с именем Дариет. Наиболее «догадливые» связывали ее уход от Ахмета с приездом Асхада.

Особенно старалась Химсад:

— Ничего не скажешь, хороша! И красивая, и неглупая, вроде и хозяйственная... Не стыдно с такой на людях показаться. А не повезло. Ничего тут не поделаешь. Да и то сказать, характер у нее, что горький перец, а раз так - счастья ей не видать. Сама виновата.

Возвращение Дариет болью отозвалось в сердце Файзет. До девушки доходило все, что болтали о Дариет в ауле. А дружки Химсад, ссылаясь на слова Ахмета, уже прямо говорили, что он расстался с женой из-за связи ее с Ожбаноковым.

В этот день, впервые после приезда, Асхад наконец-то побывал в колхозном саду.

Озабоченно покачивал он головой, вспоминая справедливые упреки отца: «Начальство думает о полях, а сад гибнет».

Прав стариk, прав. Беспризорными, забытыми, неухоженными стояли в саду яблони, груши, сливы. Между ними буйно зеленела трава, чернели шапки прошлогоднего бурьяна. Необрезанные ветви тянули соки из непобеленных стволов. Поникшие листья были изъедены гусеницами, серебрились густой паутиной.

Возвращаясь вправление колхоза, Асхад шел вдоль реки, смотрел на мутные волны и не замечал их. Липкие нити разросшейся паутины садились ему на плечи. Он с досадой смахивал их, но они все липли, липли...

У конторы его окликнули. Он обернулся и увидел бежавшего к нему молодого механизатора Темира.

— Асхад! Я, понимаешь, к тебе, Асхад!

— Что случилось?

— Выручай!

— Да что произошло?

— Понимаешь, культиватор вышел из строя. Трактор, понимаешь, стал. Надо срочно в МТС, а тут мотоцикл сломался. Дай, понимаешь, бедарку.

Асхад рассмеялся:

— Я это, понимаешь, понимаю. Но тебе, друг, пора отвыкать от этого «понимаешь».

Темир второй год возглавлял тракторную бригаду. Быстрый, горячий, напористый, он близко к сердцу принимал малейшие неполадки. В них он видел равнодушие одних и безответственность других. А сам Темир любил машины и готов был трудиться днем и ночью, лишь бы машины работали как следует.

Асхаду нравился этот неукротимый паренек. Он ценил его порывистый, смелый, открытый характер.

— Я быстро слетаю, — говорил Темир и, словно пропуск, держал на ладони поврежденную деталь.

— Бедарку-то я дам, — неторопливо сказал Асхад, разглядывая деталь. — Но зачем скакать в такую даль? А кузница наша для чего? Неужели Гучесав не сделает все, что надо? Я сегодня утром слыхал, как он раздувал мехи, звенел молотом.

Темир растерянно посмотрел на агронома.

— Может, Гучесав и сделает, но, понимаешь, мы от МТС работаем.

— Ну и что же?

— Нас МТС обслуживает...

— И ты из-за пустяка будешь лошадь двадцать километров гнать? А потом назад — двадцать километров! Пошли к Гучесаву.

На краю аула, почти у самой рощи, приютилась маленькая продымяленная лачуга. Хоть и не в чести-была она у Дзегашта, но Гучесав по своей охоте наведывался туда и нет-нет, да и находил для себя работу.

Дробный перезвон металла, рождаясь здесь, раскатывался по всей роще. Издали это напоминало необычную, веселую и вместе с тем чуточку грустную мелодию.

— Слышишь, как Гучесав играет? — с улыбкой спросил Асхад.

— Хороший кузнец. Только, понимаешь, больно стар, — ответил Темир.

Занятый работой «железных дел мастер» (так в шутку называли Гучесава его сверстники) не обратил внимания на вошедших. Зажав щипцами кусок раскаленного металла, Гучесав молотом бил по нему, и металл, послушный, как воск, постепенно приобретал четырехгранную форму. Брызгами разлетались искры.

Черные руки седого сухонького Гучесава, казалось, не знали усталости. Иногда со лба старого кузнеца срывалась капля пота, падала на горячую наковальню и, испаряясь.

Гучесав ковал зубья для бороны. Сделав очередной зубец, он внимательно осматривал его и, не оборачиваясь, бросал в корыто, стоявшее за спиной. И каждый раз весь путь докрасна накаленного зуба от наковальни до заполненного черной водой корыта прослеживали три пары глаз: смотрели Асхад с Темиром и присевший на поставленный у входа чурбак сказочник Бачмиз.

Только окончив работу, Гучесав потер ладони и поднял глаза.

Асхад и Темир почтительно поздоровались со стариком.

— С чем пришли? — спросил Гучесав.

Асхад протянул кузнецу поврежденную деталь.

Кузнец придирчиво разглядывал ее, качал головой,

многозначительно посвистывал.

И тогда Темир спросил:

— Сможешь ты нас выручить, Гучесав? Время дорого, а в МТС, понимаешь, ехать далеко.

Гучесав молча что-то обдумывал, прикидывал, а старый Бачмиз, шевеля острыми, как шило, усами, усмехнулся:

— Разве это работа для Гучесава? Он и не такое делал! Так починит, что лучше заводской станет.

Однако сам Гучесав был куда более скромного мнения о своем мастерстве.

— Нет, Бачмиз, это не так просто, — сказал он. — Здесь большая точность нужна, а у меня инструменты, ты же знаешь, какие!

— Получится, у тебя все получится, — настаивал Бачмиз. — При чем тут инструменты? Главное, тут нужен твой глаз, твои руки!

— Ладно, попробую, — сдался Гучесав.

И он принялся за дело. Работал не спеша. Но все равно было заметно, что он волнуется, не хочет осрамиться.

Наконец, Гучесав опустил деталь в воду, дал ей остить и подал Темиру. Тот ощупал ее со всех сторон и, довольный, улыбнулся:

— Воллахэ, Гучесав! В твоих руках поет и улыбается железо! Хорошо получилось, спасибо тебе!

— Э-э-э, — протянул Бачмиз, — это же не мы с тобой варили да ковали, а сам Гучесав. А после Тлепша — бога железа — не сыщешь во всей Адыгее лучше нашего кузнеца!

Бачмиз был самым старым человеком в ауле. Он уверял, что ему уже сто лет. Кое-кто, правда, сомневался в этом, думал, что нет ему еще и девяноста, по как проверишь, если в живых уже не было никого, кто родился раньше Бачмиза.

Старика уважали в ауле не только за его преклонный возраст. Много и хорошо потрудился Бачмиз за долгие годы жизни. Он был в числе тех, кто прокладывал первую, трудную стежку, засиная колхозную жизнь. И хотя несколько последних лет сам он уже не работал в поле, но по-прежнему горячо вмешивался во все, что делали люди, щедро давал советы. А знал он так много, что никто не обижался на него, порой очень едкие, замечания.

Когда колхозная кузница работала, это было праздником и для самого кузнеца и для Бачмиза. В такие дни Бачмиз приходил к Гучесаву, присаживался у входа, следил за каждым движением мастера, затевал споры, вспоминал древние легенды. Любил старик рассказывать о боге железа Тлепще, причем говорил он о нем с такими подробностями, словно был его близким другом.

Сегодня Гучесав был в хорошем настроении: не всякий сумел бы починить такую деталь. Ему хотелось пошутить, побалагурить. Он знал, как любит и ценит Бачмиз бога железа, и потому, заговорщически подмигнув Асхаду с Темиром, Гучесав сказал:

— А что, Бачмиз, пожалуй, я все-таки дело знаю лучше, чем твой прославленный Тлепш.

Бачмиз удивился и рассердился:

— Это еще почему?

— Да потому хотя бы, — засмеялся Гучесав, — что еще никто не видел ни одной подковы, ни одного кинжала, выкованного Тлепшем. — А как я работаю, видят все — и молодой Темир, и старый Бачмиз.

Бачмиз только всплеснул руками:

— Что ты говоришь, Гучесав? Ты, может, скажешь, что Тлепша и вообще-то не было? Железо, к которому прикасалась рука Тlepsha, ожидало и спешило выполнить его наказ.

Если он говорил: «Этот меч будет резать камень!» — скалы рассыпались от удара меча.

Если Тлепш клялся, что сделанная им стрела не падет на землю, пока не настигнет врага, — враг знал, что ни горы, ни тучи, ни моря, ни леса не спасут его от смертельной заклятой стрелы.

Или, может быть, ты забыл, как Тлепш и нарт Хидмиж ковали железо одним молотом? А какими они были силачами! Тлепш возвышался на кургане Гучипций, что возле аула Эдепсукай, а нарт Хидмиж стоял на горе. Семь земель лежали меж ними. Пока Хидмиж разогревал металл, молотом работал Тлепш. Отковав раскаленное железо, Тлепш снова перебрасывал молот Хидмижу. Так они и работали. И было это под силу только самым могучим богатырям. Ведь молот у них был не такой, как у тебя. Семеро самых сильных мужчин нашего аула не смогли бы поднять молот Тлепша.

Ну-ка, попробуй перебрось даже свой молоток через нашу речушку. Где там! Ничего не выйдет! А у них получалось! И неплохо. То-то, Гучесав! Если я тебя сравнил с Тлепшем, это совсем не значит, что ты во всем подобен ему. Таких мастеров, как Тлепш и Хидмиж, уже нет. Помнишь, как однажды к ним в кузницу пригнали восемь волов с плугом? А Хидмиж как раз торопился на свадьбу джинов. Он вскинул себе на плечи и кузницу и волов с плугом и сплясал на свадьбе, да так, что до сих пор в ауле Кунчукохабль стоит на площади курган, названный стариками местом пляски Хидмижа.

Много сказаний о нартах слыхал Асхад от Бачмиза, но этой истории он до сих пор не знал.

Агронома ждали неотложные дела, а Темир переминался с ноги на ногу так, словно земля уже жгла ему пятки. Но нельзя же обидеть стариков. И Асхад спросил с почти неподдельной заинтересованностью:

— А зачем понадобилось Хидмижу плясать с кузницей на плечах?

И тут же шепнул Темиру:

— Потерпи минутку, друг, дай старикам выговориться.

— Э-э, — удивленно развел руками Бачмиз, — да разве ты не знаешь, что Хидмиж был так же легок, как и могуч! Поэтому, когда его попросили станцевать на свадьбе джинов, он ответил:

— Хорошо, я спляшу, но только с грузом.

Иначе он не удержался бы на земле и взлетел бы ввысь.

Кажется, нет такой легенды, песни, прибаутки, которой не знал бы старый Бачмиз. Сколько раз приезжали в аул собиратели народных сказаний, слушали Бачмиза, записывали его рассказы, и не было случая, чтобы старик сказал:

— Все, больше ничего не знаю.

Устав петь и рассказывать, он делал перерыв, совсем как учитель в школе:

— На сегодня хватит, остальное доскажу завтра.

Гучесав был доволен, что заставил разговориться старика и вспомнить легенду о свадьбе джинов. Но ему хотелось еще как-нибудь подзадорить Бачмиза.

— Ты столько прожил на свете, Бачмиз, что уже, наверно, видишь свой конец?

Но Бачмиз только усмехнулся:

— Дурак я, что ли? Да чтобы я поддался костлявой? Я могу ей отдать все, что было до Советской власти. Этого мне не жалко. А все то, что было после, мне самому нравится, с этим я не расстанусь.

Все в ауле знали, как удивительно играл Бачмиз на шичапшине. Не найти равного ему в этом искусстве. Струны на его шичапшине не пели, а говорили, смеялись, плакали. Только все реже брался Бачмиз за инструмент. Видно, все же одолевала старость. И потому с особенной горечью жаловался он друзьям:

— Не любит молодежь шичапшин, забывает древнее искусство. Не идут ко мне учиться. Но я все равно дождусь, не умру, пока не выращу настоящих шичапшинистов. Когда же петь веселые песни, как не сейчас?

И на этот раз, обидевшись на Гучесава, Бачмиз сказал, вздыхая:

— Не сыскать теперь в Адыгее такого шичапшиниста, который сумел бы сыграть песню, достойную железного Тлепша.

— А я думаю, что никакого Тлепша вовсе не было, — еще раз кольнул старика Гучесав. — Тлепш — выдумка, сказка. А я помощник новой жизни. Нет, я сильнее и нужнее Тлепша!

— Я тоже думаю, что Гучесав сильнее Тлепша, — подлил Темир масла в огонь.

— Кто говорит, что Гучесав плохой кузнец? — покраснел от возмущения Бачмиз. — Но до Тлепша ему далеко! И ты, Темир, еще молод со мной спорить. Я лучше знаю!

Но Темир не сдавался:

— Если бы Гучесав учился в школе и институте, он был бы знаменитым изобретателем. И ты, Бачмиз, понимаешь, сам сказал бы тогда: «Куда до него Тlepшу!»

Тут пришло время вздохнуть Гучесаву. Он достал потертый кисет, задрожавшими пальцами скрутил цигарку, присел рядом с Бачмизом, миролюбиво похлопывая старого сказочника по оструму колену.

— Да, если бы учился... Учила нас только жизнь: работать учила, воевать против князей учила. Но в те времена и сама она была малограмотной. Не всему могла научить.

И добавил, глубоко затягиваясь горьким дымом:

— Знаешь, Темир, если бы Бачмиза в детстве научили грамоте, он, наверно, был бы поэтом. Может, и я, подучившись, стал бы делать умные машины. Очень может быть... Но, когда я был мальчишкой, в нашем ауле было три мечети и при них четыре эфенди. И все четверо в один голос долбили, что надо читать коран — вот и вся наука. А того из нас, кто хотел научиться говорить и писать по-русски, проклинали. Да что там о письме говорить. Рисовать запрещали. Вот какой была наша жизнь! Ты не сердись, Бачмиз, но то, что выдержали мы, никакой Тлепш не выдержал бы. Ну ладно, давайте работать.

И долго еще, шагая от кузницы к бригадному стану, слышали Асхад и Темир, как печально звенит, поет молот Гучесава. Видимо, не мог колхозный кузнец сразу освободиться от грусти, навеянной воспоминаниями о тяжелом прошлом.

11

В это утро Алик встал чуть свет, чтобы пораньше отправиться на рыбалку. Все снаряжение он подготовил еще с вечера. Сейчас проверив свое хозяйство, он на цыпочках, чтобы не разбудить бабушку и дедушку, прошел в их комнату, взял вельветовую курточку и отправился к отцу. Осторожно потряс его за плечо.

— Папа, вставай! Уже светает. Опоздаем...

Асхад мгновению проснулся и стал одеваться, тихо приговаривая,

— Опоздаем, говоришь? Ничего подобного. Успеем, непременно успеем. Самые крупные сазаны будут нашими. А ты молодец, что не проспал! Вот с сонями и лежебоками за серьезное дело браться нельзя. Но спешить надо так, чтобы второпях ничего не забыть.

Алик ловил каждое слово отца и радовался, что он у него такой добрый и сильный. Сын невольно перенял дружески насмешливый тон отца:

— Ну, папа, какие же мы будем рыбаки, если солнце раньше нас увидит воду? Весь клев прозеваем, и рыба уйдет, смеясь над нами!

Асхад отшутился:

— Не бойся, сынок. Стоит только сазанам увидеть таких знаменитых рыбаков, как мы, они сами на берег полезут. Это я тебе определенно говорю!

— Ты, папка, не путаешь сазанов с вареными

раками? Как наш председатель...

Асхад перестал одеваться, взглянул на сына:

— Ты что, ходил с ним на рыбалку? Видел, как он раков принял за сазанов?

— Одевайся, одевайся, папка, на рыбалку я хожу только с тобой. А председатель делал доклад на собрании и доказывал, что надо разводить водоплавающую птицу. Потом стал перечислять, какую именно. Говорит: уток, гусей, индеек. Кто-то крикнул из зала, что индейки не плавают. А председатель стукнул по столу кулаком и сказал: «Ничего, мы их заставим плавать».

Асхад расхохотался, забыв, что в доме еще спят. Ио тут же замолк, — прислушался.

— Мы так с тобой весь аул разбудим! — И с напускной строгостью спросил сына:

— А как ты попал на собрание? Кто тебя приглашал?

— Разве мальчишек приглашают? Мы сами приходим. Если мы не придем, кворума не будет.

— Ишь ты! — Асхад легонько ткнул сына пальцем под бок. — И где ты это словечко подцепил?

— Ты, папка, не отвлекайся, — торопил Алик отца.

Всю неделю собирались они на рыбалку. Асхад каждое утро обещал, что завтра они «уже обязательно, во что бы то ни стало пойдут». Но за день набегали срочные, совершенно неотложные дела, и приходилось вновь на денек откладывать удочки.

А так хотелось Асхаду побывать в тех местах, где знакома каждая кочка. Посидеть над рекой, ловить сазанов, а потом похвастаться своим искусством и удачливостью.

Наконец отец и сын вышли из дома. Асхад нес удочки и подсак, Алик — баночки с приманкой. Вот они миновали прибрежные дома, вышли к реке, которая в этом месте была капризно-вертлявой, пересекли ее по теплым доскам моста. Пошли по еще спящей уличке, как говорят в ауле, «той стороны», снова спустились к берегу и расположились под старой раскидистой вербой. Когда-то давно, еще до войны, здесь были глубокие и тихие заводи, здорово клевало, и рыбаки старались опередить друг друга. Чуть ли не с ночи занимали эти места. Но уже много лет, неведомо почему, рыбаки перестали сюда ходить. Когда вчера вечером Асхад предложил именно

здесь посидеть с удочкой, Алик горячо возражал и даже обиделся на отца за неуважение к рыболовным приметам и традициям.

Но Асхаду удалось убедить сына. Рыба, должно быть, тоже не дура, и раз ее тут не ловят, она наверняка спокойно плавает себе под вербой.

Вчера, как только стало темнеть, Асхад пришел сюда с топором, вырубил густые побеги, срезал ветки, чтобы они не мешали забрасывать леску, укрепил спуск к воде, насыпал в воду разваренные зерна кукурузы, куски мамалыги. Потом привязал к дереву веревку и на ней опустил в воду завернутый в марлю кусок жмыха.

И вот теперь, на утренней зорьке, надо было проверить: рыбное это место или нет.

Быстро размотав удочки, Асхад с Аликом устроились на некотором расстоянии друг от друга.

Алик произнес негромко, по торжественно:

— Если самец, — чтобы имел он в длину семь четвертей, если самка, — чтобы имела семь плавников и каждый длиной в четверть. Пошли мне, аллах, семь таких рыб,— и закинул удочку.

Асхада рассмешила эта присказка, хотя он и сам в детстве неизменно с. нее начинал ловлю.

Алик встревожился:

— Папа, тише, тише... Распугаешь рыбу...

— Молчу, — кивнул Асхад.

В эти первые минуты он смотрел не столько на поплавок, сколько на сына. С недетской серьезностью, расчетливо и степенно мальчик совершал нехитрый рыбакский ритуал. Это и забавляло Асхада и радовало его. Ведь, собственно говоря, больше, чем сама рыбалка, пленяла его возможность часок-другой побыть наедине с сыном и, забыв обо всем на свете, заниматься немудреным, но азартным делом.

Восток розовел. Тьму размывало, и она отступала, делалась тонкой, почти прозрачной. Над водой стлался туман, река будто дымилась. Ни ветерка. Ни рябинки на ровном стекле реки. У самого берега Алик, склонясь, напряженно ловил глазами поплавок из чакана. Поплавок терялся, сливался с темной водой, и мальчик боялся пропустить, не заметить, когда клюнет первая рыба. Вдруг прямо перед ним всплеск. По воде побежали круги. На маленьких волнах запрыгали поплавки. Но скоро все успокоилось. Поплавки

вновь застыли на светлеющей глади.

Эх, и рыбина же проплыла! — сокрушался Алик.— Вот бы клюнула! Уж я бы вытащил! Ни за что не дал бы уйти!

Асхад предостерегающе поднял руку:
— Помолчи!

Поплавок его удочки дернулся и поплыл в сторону. Леска стала натягиваться, удилище изогнулось, упруго упираясь в ладонь. Где-то под водой на крючке была рыба. Осознав опасность, она резко пошла в глубину.

— Тяни, папа! — не сдержавшись воскликнул Алик. Оставив свои удочки, мальчик схватил подсак и побежал к отцу. Тот пытался подвести рыбу к берегу.

— Папа, наверно, это сазан! Ой, хитер, хитер! Води его, води, не спеши... Не дергай, леска порвется! Подожди, пока он из сил выбьется, — взволнованно подсказывал мальчик. Но Асхад, не выдержав, резко вскинул удочку и мгновенно с тонким, печальным звоном лопнула леска.

— Эх, ушел... Ушел, а? — с сожалением, будто еще сам не веря, протянул Асхад.

Алик чуть не плакал:

— Я ж тебе говорил... Говорил — не дергай, води...

— Виноват, сынок, виноват. Ну, ничего, у нас еще время есть. Значит, и рыба будет.

Из-за гребня прибрежного холма брызнули раскаленные лучи солнца. На воде заиграли слепящие блики. И в этом сверкании ожил поплавок на удочке Алика. Ожил и стал стремительно тонуть. Алик поднял удилище, и поплавок снова лег на поверхность. Мальчик ждал, что вот-вот рыба забьется, пытаясь уйти и все крепче садясь на крючок. Но поплавок попрыгал и не затонул. «Унес-таки приманку», — подумал Алик и стал вытаскивать удочку. Леска поначалу шла легко, а потом Алик ощутил сопротивление, точно крючок зацепился за корягу. Он напрягся, осторожно, боясь потерять крючок, потянул леску и затаил дыхание. У берега, шевеля красными плавниками, лежала большая рыба.

— Пап, а пап, смотри, — прошептал Алик, не сводя глаз с рыбины. Асхад подскочил к сыну, взялся за леску. Рыба уже наполовину своего длинного тела была на берегу, по вдруг резко изогнулась, подпрыгнула, перевернулась в воздухе и упала в воду. Не задумываясь, Алик бросился в реку, вцепился в рыбу пальцами и выбросил ее на берег. Через мгновение он уже стоял на берегу на коленях и держал рыбу за жабры.

— Судак, это судак, — восторженно говорил мальчик, довольный, что поймал редкую в этих местах рыбу.

— Ну ты, Алик, молодчина! Теперь я вижу, что ты настоящий рыбак. Куда мне с тобой тягаться!

А сын, насадив рыбину на кукарку, торопился вновь забросить удочку.

— Рыба здесь есть, папа, есть, — приговаривал он, — Надо еще поймать.

Губы мальчика вздрагивали, руки путались в леске. Только с помощью отца он справился с удочкой. Поплавки мирно лежали на воде, а юный рыбак, переживая радость удачи, уже не мог сидеть спокойно и все косился на кукарку, крепко державший добычу.

Охотника и рыболова постоянно поджидают приключения. Да и воображение у этих людей чаще всего небывало богато. Оттого, слушая их рассказы, трудно отделить вымысел от были. Принято не очень верить таким рассказчикам, и потому над ними обычно посмеиваются. Но если вспомнить, что в жизни часто происходят события необыкновенной самой безудержной фантазии, то смеяться надо, пожалуй, не над рассказчиками, а над сомневающимися.

На середине реки опять всплеснула рыба. Она была огромна. Скорей всего, это был какой-то хищник, начавший утреннюю охоту. Асхад подумал, что у него даже нет подходящей снасти, чтобы вытащить такую машину и что если рассказать о размерах этой рыбы кому-нибудь, то ему не поверят.

— Конечно, самая большая всегда та рыба, которая сорвалась с крючка.

Размышляя так, Асхад не сразу заметил, что тонкий конец удилища уже ушел в воду. Он вытащил удилище, перехватил леску и стал водить рыбу. Но недаром говорят, что ужаленный змей пугается и веревки. Тянул Асхад нерешительно, опасаясь, что неудача повторится. Когда он оставлял леску в покое, рыба затихала. А стоило ему потянуть тонкую пить, как на ее конце начиналась бешеная пляска. Долго возился Асхад, но вот наконец рыба — у берега.

— Алик! Подсак!

В ту же минуту с противоположного берега донесся звон ведер. Асхад невольно поднял голову и увидел Фай-зет. Он замер, а девушка осторожно спустилась к воде, легко зачерпнула сверкающую, как ртуть, волну, поставила ведра

на влажную землю.

Файзет выпрямилась и помахала рукой рыбакам. Она узнала их и улыбнулась тепло и застенчиво. А Алик, забыв о всех рыбачких правилах, схватив судака и, подняв его над головой, крикнул:

— Файзет, смотри, Файзет, это я поймал!

Он бил себя в грудь свободной рукой, чтоб девушка не перепутала, не подумала, что это добыча не его, а Лех ада.

Асхаду тоже хотелось сказать Файзет что-нибудь веселое, непринужденное, но он подавил в себе это желание и продолжал водить рыбу.

Наконец, поблескивая крупной сероватой чешуей, в подсаке забился сазан.

— Есть! — Алик прижал сазана к земле и вытащил крючок. Широконосая брюхатая рыба с растопыренными колючими плавниками тяжело дышала, широко разевая рот.

Только теперь, возбужденный удачей. Асхад пошутил:

— Это ты, Файзет, заговорила рыбу? Что-то она очень пуглива! За всю зорьку лишь две попались на крючок.

— Они тебя боятся, — засмеялась девушка. — А раз боятся, то обходят стороной. Так всегда бывает.

Ой, неспроста сказала девушка: «Так всегда бывает».

Асхад это сразу понял и проговорил многозначительно:

— Так вот оно в чем дело, Файзет?

И сейчас же взглянул на Алика и замолчал. Файзет секунду помедлила, словно ожидая еще чего-то, потом подхватила ведра и почти бегом поднялась по крутыму скату берега и скрылась из виду.

Горячее, слепящее солнце уже висело над прибрежными вербами. Вода переливалась, словно расплавленное золото. Вода горбилась волнами у самого берега, там, где сидели рыбаки, легко плескалась, пестрая, многоцветная. Реке было тесно в сжавших ее, поросших деревьями берегах. Она стремительно бежала, надеясь вырваться

на простор и где-то там передохнуть от этого утомительного бега, начатого высоко в горах. Легкий и ровный ветер, наклоняя верхушки верб, взъерошивал их ветви, и на воде непрерывно плясали тени.

А во дворах аульчан уже поднимались синие дымки.

Хозяйки разжигали огонь в летних печурках.

— Пора сматывать удочки, — сказал Асхад.

— Эх, посидеть бы еще немножко! Рыба-то какая тут ловится! — просил Алик.

— Оставь что-нибудь и на другой раз, — пошутил Асхад.

Собрались быстро. Асхад нес удочки, Алик сгибался под тяжестью улова.

Когда они поравнялись с домом Мазаговых, Алик остановился:

— Папа, можно мою сулу подарить Файзет?

— Ты же дома еще не показал свою добычу! — подзадорил сына Асхад. — Или тяжело нести? Ну, ладно, ладно, я согласен. Порадуй Файзет. А я подожду тебя здесь.

— Какой ты молодец! — воскликнула Файзет, увидев Алика с. уловом.

Стараясь сделать это как можно небрежней, Алик снял с кукана одну сулу.

— Это тебе, Файзет.

— Что ты? Вы же, наверное, с вечера ее караулили.

— Бери, бери, это наш подарок.

— Ну, спасибо. — Файзет радостно расцеловала зардевшиеся щеки Алика.

— И отцу передай спасибо!

12

В этот день полдень был особенно знойным. Раскаленное солнце иссушало каменно затвердевшую землю. В ней, кажется, не осталось уже и капли влаги, а солнце все жгло и жгло. Обвисла пыльная листва деревьев, уныло поникли головки цветов, ни птичьего гомона, ни собачьего лая. Дворовые псы, высунув сухие шершавые языки, растянулись в тени. Даже гордые, ярко раскрашенные петух и забились в скучную тень, что отбрасывали стены домов,

В этот час заглянула Зура домой. Как всегда, на рассвете убежала она сегодня на работу, даже не позавтракав. Ей и сейчас не очень-то хотелось есть, но давно был заведен порядок: в двенадцать часов вернуться домой, сесть за стол и поесть все, что приготовили искусные руки Мамерхан.

Зура нехотя разломила хлеб и вдруг замерла: откуда-то с реки донесся приглушенный расстоянием отчаянный крик.

Не раздумывая, она метнулась к двери.

— Доченька, что с тобой? — только успела вскрикнуть Мамерхан.

— Кричат! На реке! — на ходу бросила Зура.

Мамерхан поспешила было за невесткой, но скоро отстала. Обливаясь потом, ощущая, как где-то у самого горла колотится обезумевшее сердце, Зура бежала к реке. Она уже ясно слышала крики детей, страдальческий плач какой-то женщины.

Зура добежала до берега и огляделась.

В эту пору, на рубеже весны и лета, река вздувается и желтеет. Кругогорбые волны бьются в высокие берега, срывают кусты, выворачивают подмытые деревья, слизывают солому, доски, всякий плавучий хлам и несут его по течению. То там, то здесь возникают стремительные водовороты.

С противным сосущим звуком они стремятся ухватить и утащить на дно все, что еще держится на воде. Проходит неделя, другая, и река, словно устав, смиряется и, наполнив высокие берега темно-зеленой водой, долго стоит почти неподвижная. Это значит, что Кубань уже поднялась тоже и теперь преграждает путь водам притока. В такие дни матери тревожно следят за детьми. Ведь кажущаяся тихой река так и манит к себе ребят!

Зура увидела: на самой середине реки то исчезает, то появляется голова ребенка. От берега на помощь ему плывет старик, даже не успевший сбросить с себя одежду. С каждой секундой движения его становятся все медленней. Нет, не под силу старику это.

На берегу, в десятке шагов от Зуры, лежит старуха. Она взмахивает руками, а вместо крика из ее груди вырывается прерывистый хрип.

Рядом с ней прячется за стволом дерева другая женщина,

должно быть, мать ребенка. Она едва держится на ногах, глаза ее широко раскрыты, испуганы.

Зура на ходу скинула обувь, решительно сорвала с себя платье, швырнула его на берег и бросилась в воду.

В несколько сильных взмахов добралась она до утопающего. Перевернув мальчика на спину, она согнутой в локте рукой подхватила его под подбородок и поплыла к берегу. Вдоль реки, вниз по течению, уже бежали на помощь люди. Зура передала им мальчика, а сама, пошатываясь, стояла по пояс в воде и следила за стариком, который пытался теперь сам прибиться к берегу. Но силы оставляли его. Зура поплыла к нему, помогла выбраться на берег. Сама же осталась в воде. Не было сил сделать хотя бы шаг.

— Держись! Держись! Кто бы ты ни был, ты настоящий джигит!

Стоя в лодке, трое мужчин спешили к месту происшествия. Среди них был Осман Ожбаноков. Изнуренная борьбой, Зура слышала этот возглас, но не могла уже понять, к кому он относился. В глазах у нее поплыли темные круги. И тут только подоспевшие в лодке увидели, что спаситель утопающего — женщина.

— Ой, аллах, да это же наша Зура! — воскликнул Ожбаноков.

В доме Псенуоковых стояли стон и плач. Это мешало Мерем, и ей пришлось прикрикнуть на женщин. Скоро мальчик открыл мутные, бессмысленные еще глаза.

Мамерхан, оставшаяся с Зурой на берегу, помогла ей одеться и, причитая, увела домой.

Осман уговорил Зуру отдохнуть, отлежаться, и сам сходил на ферму — предупредил, чтобы в этот день зоотехника не ждали.

К вечеру и мальчик и его дед Бачмиз (это он пытался спасти своего внука) почувствовали себя лучше, и вся семья Псенуоковых пошла к Ожбаноковым.

Наслаждаясь вечерней прохладой, Зура сидела на стуле под тутовником, росшим у дома. Увидев старого шичапшиниста Бачмиза, она поднялась. Тот обнял ее и, ни слова не говоря, поцеловал в голову. Обняла Зуру и его жена. Старуха Псенуокова положила голову на плечо Зуры и заплакала, вспоминая все страхи, пережитые днем у реки. Она плакала и говорила нараспев:

— Люди не забудут добро, сделанное тобой. Ты храбро бросилась в страшную воду, ты спасла моего внука. В нашем роду рассказ о твоем подвиге будет передаваться из поколения в поколение. Наши девушки будут учиться у тебя мужеству и силе. Дай тебе аллах столько же лет жизни, сколько нашим горам! Будь счастлива, милая Зура!

Долго пробыли в этот вечер Псенуоковы у Ожбаноковых. А на следующий день Бачмиз зарезал барашка и пригласил гостей. Самыми почетными были Ожбаноковы, во главе с Османом.

Все четыре комнаты в доме Бачмиза были заполнены людьми. В одной из них за щедро накрытый стол сели старики. Любовно приготовленные блюда и у сытого пробудили бы желание поесть, но старый Ожбаноков почему-то ни к чему не притрагивался. Насупив густые брови, он молча сидел за столом, даже не отвечая на приглашение Бачмиза отведать пищу в его доме. Весть об этом сразу облетела все комнаты. Хозяева и гости не на шутку встревожились. Прибежала расстроенная жена Бачмиза:

— Ба, аллах, что с тобой, Осман? Чем мы тебя обидели? За что ты нас так строго судишь?

— Не буду есть. И не уговаривайте! — сурово ответил Осман.

Тут уже все старики накинулись на него. В доме стоил такой шум, что трудно было понять, кто что говорит. Женщины появлялись в дверях, убегали к себе и там обиженно судачили. Молодые мужчины, обмениваясь отрывочными фразами, ждали, что станут делать старики, а те никак не могли успокоиться и говорили все сразу. Наконец Гучесаву удалось овладеть вниманием:

— Осман, ты ведешь себя, как капризный ребенок! Даже если бы в пище был яд, ты обязан был есть. Разве ты забыл закон гор? А мы собрались сегодня у друга, чтобы разделить его радость. Я ничего не понимаю, Осман. За что ты нас обижашь?

Осман покачал головой:

— Да, Гучесав, в этот дом нас привела радость. Да, мы избавились от большой беды. И хозяева дома угождают нас от души самым лучшим, что у них есть. Но я в обиде на Бачмиза и не прикоснусь к еде, пока не выскажусь до конца!

Осман поднял голову, обвел глазами стариков, не скрывающих своего удивления, но приготовившихся слушать. Потом он обернулся к двери и сказал стоявшей там девушке:

— Дочка, позови-ка сюда мою Зуру.

Все молча ждали, что же будет дальше. В комнату, сопровождаемая старшей внучкой Бачмиза, вошла смущенная Зура. Остановилась она у двери, вопросительно глядя на свекра.

— Войди, Зура, и не страшись, что здесь старики.

В комнате стало совсем тихо. Старый Ожбаноков помедлил, поправил перед собой скатерть, строго выпрямился и заговорил негромко, по веско:

— Весь аул радуется тому, что внук Псенуоковых спасен и хорошо себя чувствует. Я горд особенно. На помошь утопавшему бросилась моя невестка. Вот она стоит перед вами, моя Зура. Она оградила нас от беды. Долго будет жить мальчик, сын невестки того человека, который нас пригласил сюда. Долго будет жить и сам Бачмиз. А ведь и он, и его внук могли стать жертвой слепого обычая! Я узнал, что невестка Бачмиза хорошо умеет плавать. Но она не пришла на помошь сыну. Почему? Да только потому, что не смела нарушить обычай и показаться на глаза свекру. А старики в это время и сам едва не пошел ко дну. Ну и пусть бытонул! — все увидели, что на лице Османа мелькнула улыбка. — Туда ему, старому, и дорога! Но при чем тут мальчик? Почему он должен пострадать из-за старых законов? Проклинать надо такие законы, а не соблюдать их. Если моя невестка бросилась в реку, никого не стесняясь, лишь бы спасти человека, почему прячется невестка этого джина? Если моя невестка стоит перед нами, пусть придет сюда и невестка старого Бачмиза. Пусть она станет рядом с Зурой.

И хотя старики натянуто улыбались, мать спасенного мальчика все же вошла в комнату. Теперь Осман говорил, обращаясь как будто бы к ней одной:

— Как же ты могла смотреть, как гибнет твой ребенок? Ведь ты же умеешь плавать! Или дикий обычай сильнее твоей любви к сыну? Кому нужен такой обычай? — обернулся Осман к старикам. — Кому? Что в нем хорошего, аульчане? Живут люди в одном доме, едят один хлеб и не смеют смотреть друг на друга, не могут

словом переброситься. Пусть наши невестки почитают старших, пусть ведут себя с достоинством, но пусть станут они нашими дочерями. Вот что, Бачмиз, сейчас ты подведешь к столу свою невестку и отречешься от обычая, который едва не стоил жизни тебе и твоему внуку. Вот тогда я буду есть твой хлеб. А не можешь это сделать, так знай, что больше ноги моей не будет в твоем доме.

Старики смотрели на Османа со смешанным чувством страха и восхищения. И вдруг заговорили сразу все, кто был в комнате:

— Правильно, Осман!
— Пора...
— А ведь действительно...

Старый Бачмиз, поколебавшись, поднялся со своего места, оглянулся на старииков, подошел к невестке, взял ее за руку. И все же они не смели еще взглянуть друг на друга. Сказывалась многолетняя привычка. Они стояли посреди комнаты, и десятки аульчан с интересом наблюдали за ними.

— Разве я против, Саса? Смелей, смелей, — робко подбадривал Бачмиз невестку. — Желание друзей для меня — закон. Я не откажусь от хорошего совета.

Саса опустила голову, быстро стрельнула глазами туда, где стояла свекровь. Из толпы старух вдруг донесся негромкий возглас:

— Зачем на старости лет ломать привычки?

Женщины зашикали, а Бачмиз, не обращая на них внимания, говорил:

— Хорошенько посмотри на меня, Саса! Ты не перепутаешь меня с этими некрасивыми старииками? Свекор у тебя — орел! Теперь ты можешь в этом убедиться!

Саса покраснела, но подняла голову, взглянула на Бачмиза и отвернулась. А Бачмиз, настроенный благодушно, погладил ее плечо своей шершавой ладонью и добавил:

— Запомните этот день, адыги! Нынче мы кладем копен еще одному позорному обычаяу! Жить — так жить по-новому!

От Бачмиза Ожбаноковы возвращались поздно. Всем как будто было весело на этом празднике, всем, кроме Зуры. Вернувшись домой, она сразу ушла к себе и прилегла не раздеваясь. События последних дней так

утомили ее, что она даже не пыталась противиться нахлынувшему на нее потоку невеселых чувств и мыслей.

Она ни с кем не говорила о своем, личном, а так хотелось поделиться с человеком умным и внимательным. Таким человеком был Асхад, но как сказать ему о своих тревогах, какими словами?

После окончания техникума Зура около двух лет не работала: все ждала вызова от Касима. Ведь вот-вот она должна была уехать к нему. Но это «вот-вот» затянулось, и Зура пошла на ферму. Работала она с увлечением. Но и многочисленные заботы не могли унять боль, которая все росла и росла в ее душе.

Поженились они с Касимом во время его отпуска. Месяц отпуска пролетел так быстро, что они даже не успели съездить в загс. Правда, однажды они были в районном центре. Касим зашел в загс, взял какие-то бланки и сказал, что надо приехать теперь сюда через неделю. Сделать это уже не удалось: Касим спешил в часть.

Два года прошло с того дня. Их сын уже бегать начал, а Зура не дождалась ни вызова, ни Касима.

Как-то написал, что выезжает за семьей, но опять не приехал. Объяснил это тем, что его срочно направляют на шестимесячные курсы. Прошли и эти полгода и еще несколько месяцев, а Касим все не спешил забирать семью, все реже писал Зуре, не слал ей денег.

И тревога все чаще охватывала Зуру. Почему же не едет Касим? Вот и сегодня — для всех она, Зура, героиня. Для всех, только не для мужа, не для ее Касима. Где-то он сейчас? Что делает, о чем думает?

В дверь постучали. Зура встала, поправила волосы.

— Войдите.

Дверь распахнулась от резкого толчка, и Зура увидела Асхада, «соседланного» племянником. Мальчик сиял от радости. Асхад скомандовал:

— Слезай, приехали! Коню тоже отдохнуть нужно. Сбегай к бабушке, она тебя угостит чем-то вкусным.

Выпроводив мальчика, Асхад озабоченно взглянул на Зуру:

— Ты бледна. Не заболела ли?

— Да нет, я здорова. Только... только на душе тяжело. Нехорошие у меня мысли.

Брови Асхада поплыли вверх, в глазах отразилось удивление:

— Что тебя беспокоит, Зура?

Слезы застлали ее глаза. Сдавленно, борясь с рыданием, выговорила:

— Касим... — и не закончила фразу, отвернулась, закрыла лицо руками.

— Что Касим?

— Не понимаю я его, — прошептала Зура.

Она повернулась к Асхаду. По ее щекам бежали слезы, губы кривились:

— Ничего не понимаю. Ничего. Два года, как его нет. Ох, как трудно жаловаться брату на брата! — И она замолчала, уже жалея, что начала этот разговор.

Асхад и сам боялся продолжения разговора. И все же, стиснув зубы, заставил себя довести его до конца:

— Скажи, скажи все, что думаешь о Касиме. Он мне брат, но я и к тебе отношусь, как к родной.

— Нет, нет, — воскликнула Зура, торопливо вытирая слезы. — Глупость все это. Просто я переволновалась, устала.

Зура попыталась улыбнуться, но это ей не удалось. Она подошла к окну, посмотрела в темноту и неожиданно спросила:

— А как дела с молодежным звеном?

Асхад понял, что она хочет уйти от трудного разговора.

— Да, пока не очень... Колотится, колотится Файзет, а ребята чего-то выжидают, не записываются.

— Ну, все уладится, — каким-то отчужденным голосом произнесла Зура.

— Конечно, конечно, — кивнул Асхад и вышел растерянный, упрекая себя за то, что не умеет помочь такому близкому, такому хорошему человеку.

13

В воскресенье утром Файзет встала рано, чтобы перстирать белье, накопившееся за неделю. Она развела огонь в летней печурке, поставила на нее выварку с водой. Летом белье сохнет быстро, значит, удастся к вечеру все и выгладить. Попросив мать приглядеть за печкой, Файзет пошла по своим делам. Пока вода греется, можно сбегать к нескольким подругам. Обещала Файзет вернуться скоро, а пришла, когда мать уже заканчивала стирку.

Усталая, расстроенная, девушка села на табуретку, тяжело вздохнула.

— Это называется — я постирала!

Но Зулих огорчило не то, что ей самой пришлось заняться стиркой, а подавленное настроение дочери. Стерев мыльную пену с раскрасневшихся сильных рук, она подошла к Файзет, поправила у нее выбившуюся из-под косынки прядь волос.

— Что там у тебя стряслось?

— Плохо, мама, очень плохо, — чуть слышно произнесла Файзет.

— Что плохо?

— Все плохо. Я с треском провалилась. Который день: бегаю от дома к дому, уговариваю ребят и девчат. А толку мало. Почти никто не согласен! Ну, какой из меня организатор?

Зулих чувствовала, что словами дочь не утешить. И сказала неуверенно:

— Успокойся. Еще не все потеряно...

— Нет, ты понимаешь, мама, Асхад так надеялся на: меня, а я... — и Файзет безнадежно махнула рукой.

— Я же предупреждала и тебя, и Асхада, — осторожно начала Зулих. — Не хочет нынешняя молодежь, иметь дело с землей. Да разве это только у нас так?

Файзет резко подняла голову и в упор посмотрела в лицо матери:

— А почему? Ты когда-нибудь думала об этом?

Зулих ответила не сразу, точно из нескольких возможных ответов выбирала один, самый убедительный:

— Трудно, вот и не идут в поле.

Файзет встала.

— Нет, не то, мама, не то! Я сегодня на попутной машине проскочила на лесосеку, чтобы потолковать с ребятами. Посмотрела, как они работают. Хорошо, ничего не скажешь. А сколько потов с них сходит! Рубашки аж побелели от соли, руки огрубели, губы растрескались от жары и ветра. Но какие дубы они валят — втроем не обхватишь. Где труднее работать, в лесу или в поле? В лесу. А все ребята туда ушли! И никто не хочет в мое звено. Никого не уговоришь идти в поле.

Файзет пошла к крылечку:

— Да что говорить. Пойду переоденусь, хоть достираю сама, а то вечно все тебе достается.

В зеленом, усеянном яркими цветами сарафане Файзет склонилась над корытом, и скоро весь двор был увешан трепетавшем на ветру бельем. Только присела Файзет отдохнуть под старой акацией, как прибежавший из правления посыльный крикнул, что ее вызывают в контору, и поспешил дальше. От неожиданности Файзет даже растерялась, не спросила, к кому и зачем. А когда опомнилась, было уже поздно. Посыльного и след простыл.

Файзет наскоро умылась, причесалась и крикнула Зулих:

— Я пошла, мама. Если задержусь, не забудь снять белье, — как бы не пересохло. Гладить буду сама.

— Ты бы переоделась.

— И так понравлюсь, — невесело пошутила Файзет.

Мать печально покачала головой. Сама она прожила нелегкую юность, а теперь и Файзет, ее единственная радость, от забот избавиться не может. Да и не хочет.

Зулих вышла за калитку и, провожая дочь взглядом, любовалась ею. Стойная, легкая, в простеньком ситцевом сарафанчике, Файзет была очень хороша. Шла она свободно, высоко держа голову. «Словно на праздник торопится», — с улыбкой подумала Зулих.

А Файзет терялась в догадках: кто ее вызывает? Что за спешка? Почему нельзя было подождать до понедельника? А вдруг это Асхад? Знает, что ничего она не сумела сделать, и скажет: «Что толку от того, что ты бегала по аулу, произнесла десятки речей перед молодежью? Речами землю не обработаешь. Ну и агитатор! Только пятерых убедила! И то самых близких подруг, которые, конечно, не захотели поставить тебя в смешное положение. А сколько отказалось? И это в ауле, где десятки девчат и ребят не работают, сидят у родителей на шее, ездят в Майкоп, Краснодар и пытаются устроиться там».

Файзет не раз думала о том, как пробудить у молодежи настоящую любовь к родным местам, желание, трудиться на земле, как убедить их, что и в ауле можно жить не хуже, чем в городе, стоит только захотеть! Может, кружок художественной самодеятельности организовать? Песни разучивать, пьесы поставить? Организовать? Эх, ты! С одним не справилась, а уже другое задумала! Ну и помощница, ну и надежда агронома!

При мысли об Асхаде сердце Файзет начинало биться сильней, а все окружающее становилось иным — то

окрашивалось в прозрачные, веселые краски, то словно затягивалось тучами.

А ведь совсем еще недавно, когда приезжал Асхад на каникулы, Файзет бежала во двор Ожбаноковых, вместе с Сурет обнимала его, вешалась ему на шею, словно он был ее старшим братом. Как было хорошо, когда они втроем ходили в лес за ландышами! Асхад, как маленьких, держал за руки ее и Сурет и уводил их по извилистой тропинке далеко-далеко в зеленый сумрак леса, туда, где пахло влажной землей, прелой листвой и грибами. Они добирались до залитой солнцем полянки. Всю ее усеивали ландыши. Казалось, это не цветы, а сам воздух источает душный аромат, от которого кружится голова. А потом возвращение. Усталые, набегавшиеся, насмевавшиеся девчонки висли на Асхаде, оттягивали ему руки, плечи. А он шел так, будто у него неисчерпаемый запас сил.

А однажды Файзет и Сурет на опушке леса спрятались в огромном черном дупле. Асхад долго искал их, громко звал:

— Где вы, сестренки?

В голосе его слышалась тревога.

Когда он поравнялся с дуплом, они с визгом бросились к нему, Асхад подхватил их на руки и долго носил, раскачивая над густой травой, грозя забросить в небо.

И забросил бы — он сильный!

Совсем недавно, совсем недавно это было... Когда же они успели стать иными — и Асхад, и она, Файзет? Сразу во всем не разберешься, но на сердце что-то такое, отчего и нет, и плакать хочется. Нет маленькой Файзет, нет «сестренки» Асхада! Понимает ли он это, думает ли об этом?

Войдя в правление, Файзет остановилась перед кабинетом председателя. Из-за двери доносились приглушенные мужские голоса. Она прислушалась. Говорил Дзегашт. Кто же там еще с ним? Файзет легонько постучала:

— Да-а! А, Файзет, входи, входи, — позвал Дзегашт, когда она приоткрыла дверь.

Кроме председателя, в кабинете были Асхад и Хусен. Дзегашт взял со стола свою, видавшую виды кепку и, словно боясь, что Файзет отнимет ее, натянул на голову. Ожбаноков пододвинул девушке стул, спросил:

— Как дела, Файзет?

Она побледнела от волнения, опустила голову:

— Плохо... Не хотят... Я даже в лесу была. Ничего не получается.

Дзегашт встал, прошелся по кабинету, важно выпячивая грудь.

— Минометным огнем надо вышибать их из леса! А директора лесхоза за то, что без моего ведома принимает моих людей на работу, повесить за ноги!

Ожбаноков усмехнулся:

— Миномет здесь не поможет. Надо, чтобы людям нравилась работа, чтоб было интересно жить у нас, и чтобы они хорошо зарабатывали. Вот и все. Тогда не придется тебе, Дзегашт, применять минометы!

Файзет улыбнулась. А Асхад как-то удивительно просто и тепло сказал ей:

— Не падай духом, Файзет, все будет хорошо.

Но Дзегашт, засунув руки в карманы штанов и широко расставив ноги, обрушился на него:

— И все-то ты фантазируешь, Асхад! Ну кто будет работать в этом молодежном звене? Моя дочь? Твоя сестра? Не пойдут они. Не пойдут! Ни за что не пойдут!

— А вот увидишь — пойдут, — уверенно сказал Асхад. Файзет нерешительно посмотрела на агронома.

— Есть у меня один замысел. Только не знаю, как лучше сделать, — сказала Файзет.

— А ну, давай выкладывай, — оживился Асхад.

— Хорошо бы вечер провести. Вечер молодежи. Ну, скажем, на тему: «Что украшает молодого человека?» Провести беседу или даже диспут, а потом дать концерт своими силами. Мы сумеем! Правда, сумеем?

Асхад засмеялся одними глазами: «Ах, Файзет, Файзет! Какая ты еще девочка! Сколько давно открытых Америк тебе еще предстоит открыть». Но вслух сказал:

— Замечательная идея! Верно, Хусен? — и хлопнул по плечу бригадира, сидевшего рядом.

Хусен даже и на этот раз остался верен себе. Буркнул что-то невнятное и покал плечами, так что нельзя было понять — согласен он или возражает. Зато Дзегашт даже обсуждать это предложение не собирался.

— Вечер — затея для бездельников. Нам не веселиться надо, а работать! — категорически заявил он.

На следующий день Асхад внес предложение о вечере на партбюро. Члены бюро решили, что если в подготовке к вечеру будет участвовать много ребят и девушек — может быть, это и в самом деле поможет организовать молодежное звено.

Выступить на вечере поручили Асхаду.

Вот когда словно крылья выросли у Файзет. Она и сама не знала, что может быть такой энергичной и находчивой, распорядительной и быстрой. С утра и до ночи она бегала по аулу, что-то делала сама, кого-то уговаривала, с кем-то спорила и не замечала, как мчались дни. Даже во сне она жила все тем же: то ей снилось, что она с Асхадом обсуждает программу концерта, то виделось, как наяву, праздничное и светлое открытие вечера.

Кто бы подумал, что среди аульской молодежи столько певцов, танцоров, чтецов и гармонистов! Даже Файзет не предполагала, что так много найдется у нее добровольных помощников, художников, декораторов, даже костюмеров. Десятки «снабженцев» добывали краски, бумагу, все, что было необходимо.

И вот в каждом квартале аула появились красочные, пересыпанные восклицательными знаками афиши. Комсомольцы-художники постарались! Правда, не всем и не все было попяtnо в этих афишах.

То, что с докладом выступит участник Великой Отечественной войны Асхад Ожбаноков — это, конечно, понятно. То, что в заключение вечера состоится концерт — это тоже понятно. А вот что за «открытая дискуссия» будет после доклада, было неясно. Однако организаторы вечера не беспокоились. Придет время — все станет ясно.

И вот настал наконец субботний вечер. Молодежь ходила по улицам в праздничных костюмах. Активисты сутились. Некоторые уже успели сорвать голос, Файзет страшно было даже подумать, как они будут петь.

Под молодежный клуб колхоз выделил помещение, в котором раньше табачная бригада вязала папушки.

Народу собралось столько, что стульев и скамей не хватало. Да и ставить их было все равно негде. Оставшиеся без места расположились у стен и дверей. Первые ряды заняли старики. Перед ними, прямо на полу, устроились вездесущие мальчики. Седобородые успокаивали расшалившихся ребят легкими толчками своих посохов,

держались настороженно, почти ничего не говорили, опасаясь попасть впросак. Всем было ясно только одно: много молодежи в ауле, ох, как много! Где же она пряталась до сих пор?

Открыла вечер Зулих. Высокая, статная, седая, она встала у края освещенной сцены. По залу пронеслось:

— Тише! Ти-ш-ше!

Энергичней заработали палки стариков, призывая к молчанию внуков и правнуков. Наконец стало совсем тихо.

— Дети наши! — начала Зулих взволнованно. — Вот смотрим мы, родители, на вас — счастливых, здоровых, красивых. Смотрим и радуемся. И молодеем вместе с вами, все молодеем!

Старики степенно переглянулись, расправили плечи, кое-кто расправил усы.

— Мы завидуем вам, ребята, — продолжала Зулих.

Старики в первом ряду слегка нахмурились.

— Да, да, завидуем и желаем счастья! Но разве счастье приходит само? За него надо бороться, его строить надо! Вам самим строить! Если маленькие ручейки сливаются — большая река получается. Если все наши силы направить в одно русло, как изменится наш аул! Никто его не узнает! Вы решили сегодня поговорить о том, что украшает молодого человека. Что ж поговорить есть, о чем. И я верю, что много интересного услышим мы сегодня. А сейчас пусть скажет Асхад Ожбаноков.

Асхад шел к трибуне, а зал дружелюбно шумел. Все в ауле знали и уважали Асхада. Здесь он вырос, отсюда ушел на фронт. Хорошо воевал сын Османа! До аула доходили вести об этом. А однажды замполит части, в которой служил Асхад, прислал его родителям газету с портретом Ожбанокова, с заметкой о его боевых делах. Газета переходила из дома в дом, заметку перечитывали вслух по нескольку раз, с гордостью говорили:

— Вот какой человек родился в нашем ауле!

А теперь он стал агрономом. Боевая слава не вскружила ему голову. Он не ждал новых почестей, он работал. Одних удивляло, что, имея такие боевые заслуги, и окончив сельскохозяйственную академию, Асхад вернулся в аул. Другие — их было большинство — стали за это еще больше уважать его. И весь аул, собравшийся в этом зале, ждал, что же скажет Асхад.

Асхад, смущенно улыбаясь, предупредил слушателей, что оратор он плохой. Но собравшись с мыслями, заговорил горячо, увлеченно.

— Что украшает человека? Красивое лицо? Богатая одежда? Нет. Человека украшает чистое, щедрое сердце, верность людям, труд, любовь к Родине! Настоящий человек — всегда человек подвига. Это совсем не значит, что каждый из нас должен прославиться делами, которые навеки останутся в книгах или в памяти народа. Самая маленькая работа, самое маленькое дело становится подвигом, если человек отдаст ему всего себя, всю свою душу. Из малых дел складываются большие, об этом хорошо сказала Зулих. Нет позорной работы! Позорны тунеядство, ложь, воровство, трусость!

Кажется, ничего особенного не сказал Асхад. Он говорил знакомые всем слова, но они доходили до сердца потому, что прошли через его сердце. За каждым словом стояла его жизнь — жизнь воина и труженика. Нельзя было не верить этим словам.

Асхад вышел из-за трибуны, шагнул вперед и заслонил се. Он, один на один беседовал с каждым, кто был в эту минуту в притихшем зале.

— ТРУД украшает человека! Если все мы будем честно трудиться, не будет среди нас кротов, которые не видят света, прячутся от него, а с наступлением темноты появляются на пороге родного дома. Устав от безделья, они командуют: «Мать! Накорми меня! Да побыстрей! Почему у тебя в печи такой слабый огонь?»

«Накорми меня, мать!» А что ты сделал, чтобы иметь право на такую просьбу? Был ты сегодня в поле, вырастил хотя бы одно зерно, провел хоть одну бороздку на пашне? Может, ты вложил кирпич в стену нового дома? Говорят ли тебе старики почетное слово «афераам»?^{II}

Асхад с уважением назвал имена тех молодых аульчан, кто хорошо работал в колхозе, рассказал, как много еще не сделано, какие замечательные дела можно совершить, будь у колхоза побольше умелых, горячих и сильных рук.

— Давайте работать, не боясь набить на руках мозоли, и вашими подвигами будут гордиться друзья и любимые, отцы и старшие братья, вся Адыгея! Поэты сложат пор вас песни,

^{II} А ф е рам — молодец.

а песни славы никогда не умирают! И наши юноши и девушки прославляют родной аул!

Асхад отбросил со лба волосы, подошел к трибуне, взял записи, в которые он так и не успел заглянуть, и под aplодисменты всех — и старых, и малых — сел за стол рядом с Зулих Мазаговой.

Зулих смотрела в зал и радовалась. Она поднялась, подождала, пока стихли aplодисменты, сказала:

— Ну вот, теперь начнем спорить и договариваться. Ну, где тот смельчак, который первым поднимется на трибуну?

Люди переглядывались, шушукались. Казалось, заминка затягивается, но в середине зала поднялась рука, и все повернули головы в ту сторону.

— Кто просит слова? Это ты, Шамсудин? Давай выходи сюда!

Из рядов выбрался невысокий крепкий паренек в клетчатой рубашке. Скуластый, смуглый, он шел по проходу к сцене, но подниматься на трибуну не стал. Он повернулся лицом к старикам, сидевшим в первых рядах, откашлялся, да так громко, что в зале рассмеялись. Тогда он покраснел, улыбнулся, поправил волосы и наконец заговорил:

— Слыхали, что сказал Асхад? У меня от его слов уши покраснели. — Парень тронул свое действительно красное ухо. — Не смейтесь, я правду говорю. Смотрите, человек окончил академию в Москве, а приехал работать в родной аул, вместе с нами. Он думает о том, чтобы всем хорошо было. — Шамсудин поднял вверх руку с вытянутым указательным пальцем. — А мы? Мы — цыплята, только окончили среднюю школу и уже носы задрали! И вот так, с задранными носами бежим от земли, которая кормит нас. Я не мету всех под одну метлу. Люди разные. Мы делимся на две категории.

Эти «две категории», такие книжные, такие неуместные в простой искренней речи паренька вызвали веселый смех. Но Шамсудина это не смущило, и он расправил свою кепку, которую держал в руке, махнул ею, словно на воробьев:

К-ш-ш! К-ш-ш! Да помолчите же вы! Я все скажу, как есть!

Смех тотчас оборвался. И Шамсудин досказал свою Мысль:

— Одни считают постыдным работать на земле, пахать, сеять, убирать урожай, ищут легкую работу на стороне. Они боятся солнца, ветра, дождя. Они живут, надеясь на своих стариков! Иной раз не прочь подцепить все, что плохо лежит. Как наш красавец Ахмет. Давно его судить надо. Вот... А другие не боятся ни земли, ни работы. Это те, кто ушел в лес.

— В том числе и ты!

— Сам хорош! А критикуешь!

— Да! И я ушел в лес! А почему? Да потому, что наш трудодень такой легкий, что человека вместе с ним самый слабый ветер сдует с земли. Сколько лет прошло, а мы никак выше пятисот граммов зерна и сорока копеек подняться не можем. Настоящего клуба в ауле нет, от скуки деваться некуда. А землю мы любим.

— Любишь, ну и работай на ней!

— Герой нашелся!

— Тоже оратор! Как волк, первым в лес удрал!

— Ну и пусть первым. Да, удрал! Зато первым и вернусь! — выкрикнул Шамсудин. — А как ты поступишь, я еще посмотрю.

Последние слова относились к худощавому светловолосому парню, поднявшемуся в пятом ряду и бросавшему Шамсудину самые едкие реплики.

Худощавый не унимался:

— Я за месяц в лесу заработал больше, чем можно за год получить от Дзегашта! А ты уговариваешь снова в колхоз идти. Ты и сам не пойдешь! Только красивые слова говоришь!

Шамсудин рассердился не на шутку:

— Это еще посмотрим!

— Правильно!

— Давай, Шамсудин! — одобряли оратора девушки. И, поддержаный ими, Шамсудин восторженно воскликнул:

— Вот они, будущие героини наших полей! Слышишь ты их, Мурат? Я пойду туда, куда зовет Асхад! А трусы пусть прячутся. Мы без них обойдемся!

Шамсудин отошел от сцены и стал у стены. Лицо его горело от возбуждения. Он что-то говорил соседям, а сам смотрел на трибуну, ожидая следующего оратора — поддержит тот его или нет?

Опять наступила заминка. Сидящие в зале сначала тихо и несмело, а потом все громче стали переговариваться между собой. И вдруг встала Файзет, решительно направилась к

сцене. Не все сразу заметили ее, оттого зал смолкал постепенно, словно тишина волной катилась от последних рядов к первым. Девушка заговорила горячо, напористо.

— Недавно я была в городе и видела спектакль «Кремлевские куранты». О Ленине. Было бы очень хорошо, если бы вся наша молодежь посмотрела этот спектакль. Неужели трудно организовать такую поездку? Совсем не трудно. А какой след остался бы в душе у каждого.

Файзет мечтала вслух о том времени, когда музыка, спектакли, спорт войдут в жизнь аула. Она звала — давайте организуем кружки и спортивные секции, не дожидаясь, пока это кто-то сделает за нас и для нас.

— Молодежь жалуется, — говорила Файзет, — что в колхозе плохие заработки. Это верно. Но кто повинен в том? Только ли начальство? А мы? Что мы сделали, чтобы наш колхоз стал богаче? Сидим, завидуем соседям. А кто им все дал? Сами добыли! Их, молодых кукурузоводов, вся область знает. Да неужели мы хуже? Было у нас Чертово гнездо. Распахать его распахали, но ведь надо еще и урожай вырастить! Давайте же покажем тем, кто еще верит в «семена несчастья, посеванные колдуном», на что мы способны! И суеверия разобъем, и урожай получим! Наши предки говорили: «В не начатом деле змея сидит». Начнем дело, раздавим змею! Кто хочет имеете с нами давить ее, эту змею, — не мешкайте!

И тут людей словно прорвало. Один за другим выходили они на сцену. Спорили, сомневались, критиковали руководителей колхоза, вносили предложения, иногда наивные и несбыточные, встречавшиеся смехом, но смех был дружеским, добродушным, и никто не обижался.

О многом говорили в тот вечер.

А потом начался концерт. Никогда еще так хорошо не пели в ауле, никогда еще так не слушали песню.

Первым (и впервые в жизни) поднялся на сцену Бачмиз. Высокий, худой, с морщинистой шеей и наголо бритой головой, он был похож на старую птицу, пристально смотрящую на людей со скалы. Был Бачмиз в черном бешмете, перетянутом в талии кавказским поясом с бляхами

из слоновой кости и кинжалом. Обут он был в давно не виданные в ауле мягкие ноговицы. В левой руке держал пожелтевшую от времени шичапшину.

— Я тогда еще был молод, и сердце мое не знало страха, — начал Бачмиз. — Ехал я как-то к другу и в пути догнал седобородого старика. Конь его шел легко и ровно. Поравнявшись со всадником, я, по обычаю, приблизился к нему с левой стороны и приветствовал его. Дальше мы поехали вместе. Мой спутник рассказывал о подвиге славного тфокотля, спасшего проданных в рабство людей. Я слушал молча. Дорога была долгой, но наконец мы достигли аула, в котором я должен был остановиться. Однако закон предков не позволил мне оставить старого спутника, и я продолжал ехать рядом с ним. В пути нам встретилась похоронная процессия. Мой спутник задумался и, говоря с самим собой, тихо произнес:

— Интересно, навсегда ли он умер или и после смерти будет жить?

Слова старика удивили меня. «В своем ли уме это! старец?» — подумал я и спросил его:

— Как может жить человек, если его похоронили?

— Сын мой, — ответил старик. — Если покойный сделал добро для людей, жил для их счастья, он останется в их памяти, имя его не забудут и станут произносить с уважением. А если он жил только для себя, то он дважды мертв.

Это был мудрый старик. И я много думал потом над его словами. Добро людям приносят и меч, и заступ, и молот, и серп. А разве мало добра в деревянной певучей груди шичапшины?

И словно в ответе на его слова, поднялись на сцену две его внучки. В руках у девушек тоже были шичапшины, хотя старый обычай запрещал женщинам даже прикасаться к этому музыкальному инструменту. Но внучки Бачмиза как ни в чем не бывало играли и пели вместе с дедом старинную песню адыгов. Бачмиз пел, закрыв глаза, чуть склонив голову набок. Какие картины проплывали перед ним в это время? Что видели его закрытые глаза? Вот губы Бачмиза искривились. Видно, горькое что-то вспомнил он. Слабая улыбка пробежала по лицу старика — что-то светлое всплыло в памяти.

Музыканты кончили играть. В зале установилась тишина — глубокая, долгая. А потом словно обрушился 118

поток. Люди аплодировали так, что наверняка ладони у них горели. Бачмиз поднял руку и, когда шум затих, сказал:

— Шичапшин — это вам не гармошка. Она мудра. Она может смеяться и плакать, страдать и радоваться имеете с человеком. Она умеет говорить о том, чего не выразишь словами. Косноязычного она превращает в красноречивого, молчаливого в разговорчивого, скрытного в откровенного. И мне обидно, что наша молодежь совсем забыла этот чудесный инструмент. Только мои внучки играют на нем. Пусть попробуют осудить их! Нет дела, которое было бы плохим, если оно приносит людям пользу!

Далеко за полночь затянулся концерт. Выступали те, кто готовился заранее, и те, кто еще минуту назад и не думал выходить на сцену. Один рассказывал легенду, другой пел, третий плясал.

Дарики, сидевшие в первых рядах, вслуш давали оценку выступлениям.

На вечер пришли аульчане — колхозники, молодежь аула, а с вечера они уходили членами кружков художественной самодеятельности и членами трех молодежных звеньев во главе с Шамсудином, Файзет, Асиет — внучкин Бачмиза.

14

Утро было солнечным и, казалось, предвещало ясный жаркий день. Но вдруг из-за горизонта пришли грозные серые тучи, закрыли небо, и скоро полил непрерывный частый дождь. Люди не успели укрыться, да и как укроешься в поле. Все мгновенно вымокли и, оскользаясь на раскисшей дороге, направились в аул. Мокрый до нитки, будто его в реке одетым купали, шел домой и Асхад. Но не проделал он и полпути, как дождь прекратился. Припекло жаркое солнце, поднимая над землей облачка пара. Через два-три часа можно было бы снова начинать прополку.

«Ладно, — решил Асхад, — я только переоденусь дома и сейчас же назад».

Работы было по горло, людей не хватало, и прополка затянулась.

На каждом шагу Асхад сталкивался с бедами, неизбежными в отстающем хозяйстве. Техники — раз-два

И обчелся. Да и та не техника, а слезы. Половину машин надо было бы списать или поставить на капитальный ремонт. Механизаторы неопытные, пустяковую поломку исправить не умеют. Только бригадир иногда заглядывал в книги, а остальные даже не пытались учиться.

В последнее время больше молодежи стало в бригадах. Но разве ее надолго удержишь в колхозе, если руководит им такой председатель, как Дзегашт! Обещал дать машины для коллективной поездки в театр. И, конечно же, не сдержал слова! Клуб и не думает строить. Сколько же можно тесниться в старом табачном сарае? Зимой там и в шубе не высишь. А освещение? Недаром шутят комсомольцы:

— Темное дело у нас со светом.

Гоняют в колхозе с места на место старенький слабенький движок, а рядом тянется высоковольтная линия. Гудит, словно потешается над жителями аула, утопающего в темноте.

Занятый горькими мыслями, Асхад и не заметил, как добрался до дому, и сразу понял: здесь что-то произошло.

Странное, тягостное молчание хранили Осман, Мамерхан и Сурет. Отец сидел, опустив голову и уперев в колени крупные тяжелые руки. Мать встретила Асхада с такой невысказанной мукой во взгляде, что у него защемило сердце. А Сурет стояла посреди комнаты, бледная и злая.

Асхад обвел их взглядом, остановился, ожидая объяснений.

Отец медленно поднял голову, хрипло спросил:

— Что ты написал брату?

Так вот оно в чем дело? Неужели их не мучает, что Касим не сообщает ничего о себе, не беспокоится о жене, забыл о сыне?

Ребенок растет. Конечно, он ни в чем не нуждается — сыт, одет, обут, ухожен. Но разве этого достаточно?

Асхад прислонился к стене. И вспомнилось ему все-все, до мельчайших штрихов, до последнего слова.

Когда после свадьбы уезжал Касим, Асхад растроганно сказал брату:

— Тебе повезло, брат, жена у тебя хорошая. С нею ты будешь счастлив. Лучшего друга не найти. Она не

бросит в беде, разделит с тобой и светлое и горькое. Береги ее, не жалей для неё ласки. Завидую и желаю счастья.

Отчего же уж тогда помрачнело лицо молодого мужа?

— Понимаешь, Асхад, — сказал Касим, — не смогу я сразу взять к себе Зуру. К этому надо подготовиться.

И вот уже прошло два года, а Зура все живет у стариков Ожбаноковых. Она молчит, затаив тревогу. Один раз не удержалась, да и то всего не сказала. И Асхад решил написать Касиму. Письмо было мягким, но настойчивым.

«У тебя, Касим, хорошая жена, чудесный сын. Им плохо без тебя. Ты же не мог забыть их! Что же тогда произошло? Не скрывай правды. Твое молчание может кого угодно заставить сомневаться. Я не удивляюсь тому, что у Зуры появились грустные мысли. Ты помнишь своё обещание скоро забрать к себе Зуру? Почему же ты потом стал жаловаться на плохой климат, в местах, где ты служишь, дорогую жизнь, на недостаток зелени и других продуктов, необходимых ребенку? Разве ты «того не знал, когда был здесь и говорил со мной? Мать и отец верят каждому твоему слову. Их обмануть просто. Мне же кажется, то, на что ты ссылаешься, не причина. Может, ты в чем-то ошибся? Может, ты не находишь выхода? Наберись смелости, напиши правду, обязательно только правду. Но если ты кривишь душой, я вынужден буду обратиться в часть, в которой ты служишь».

Долго не отвечал Касим. Асхад уже начал пережинать. В чем дело? Что там стряслось у него? И вот пришел ответ. Чем же Касим так расстроил и отца, и мать?

— Я просил Касима написать мне о своих делах, напомнить о семье, — сказал Асхад, поеживаясь в своей насквозь промокшей одежде.

Отец молчал. А Сурет, оттерев слезы, протянула брату конверт:

— На, читай! Читай, убийца собственного брата! Не пожалел даже Касима. А я еще жду, что ты пожалеешь меня, свою сестренку.

Асхад извлек из конверта размашисто исписанные листки, стал читать:

«Брат считает меня бессердечным! Думает, что я могу забыть о жене и сыне. Что я могу пренебречь любовью родителей и уважением друзей, совершив низость.

Что ж, пусть сообщит об этом моим сослуживцам, пусть опозорит меня. Я ко всему готов. Милая сестренка, не только прочти, но и разъясни письмо отцу и матери. Пусть они предупредят Асхада. А то, что я давно не писал Зуре, не помогал ей и сыну, можно понять. Здесь все страшно дорого, рубля я не могу выкроить, а они наверняка не нуждаются. Пусть потерпят. Я приеду на новое место службы, и все станет лучше, тогда пришлю вызов. А если Асхад напишет сослуживцам, мне будет плохо. Очень плохо. А раз будет плохо мне, значит, худо будет и Зуре с малышом».

Письмо было многословным, Касим часто повторялся. Но Асхад сразу понял, что самое главное Касим все же утаивает. Почему он боится, что в части узнают о Зуре и Рашиде, о том, что он не помогает им?

Асхад терялся в догадках. Ясно было одно, что от Зуры это письмо надо скрыть, пока они сами не узнают толком, что же произошло у Касима.

— Лучше всего письмо сжечь, — резко сказал Асхад.
— А что ты думаешь об этом, отец?

Осман словно не слышал вопроса. Он долго молчал, потом сказал, как бы нехотя:

— Он же пишет, что ты оскорбляешь его подозрением...

Асхад всхлипнул:

— И это все, отец? Я писал ему об одном, а он говорит о другом. Он обходит главное, что-то скрывает. Почему он не объясняет свое отношение к жене и сыну? Я ни одному его слову не верю!

Старая Мамерхан попыталась защитить Касима:

— Разве может быть, чтобы наш Касим забыл о семье? Просто нет смысла вызывать Зуру и сына на край света! Поэтому Касим и обиделся на твое письмо. А что нам? Разве хлеба, соли не хватает для мальчика? И невестке мы рады. Слава аллаху, что она живет в нашем доме.

Мамерхан захлебывалась словами, торопилась высказаться, лишь бы успокоить дорогих ей людей.

Но Сурет старалась раздуть скорбь:

— Ты же слышала, мама, что он сказал! Он не верит ни одному слову Касима!

— Не знаю... Не знаю... Аллаху видней. Мои сыны не способны на плохое. Я ручаюсь, ручаюсь, — твердила

Мамерхан.

Сурет плакала, отвернувшись к стене, и Асхад понимал, что слезы ее вызваны не столько обидой за брата, сколько своей собственной обидой на него, Асхада.

Осман поднялся мрачный, но спокойный:

— Хватит. Давайте подождем и поразмыслим. Только не сейчас. Письмо надо сжечь. Зуре — ни слова, слышишь, Сурет!

— Слышишь.

Асхад переоделся и ушел в поле.

Не понимая, что происходит вокруг, маленький Рашид ласкался к деду, пытался развеселить Османа. В это время с фермы возвратилась Зура. Рашид бросился к ней.

Сыну хотелось поиграть с матерью, да и она была бы не прочь, по надо было спешить на работу. Зура расспросила мальчика, что он делал? Сыт ли? Не дрался ли с соседскими ребятами?

Выслушав торопливые ответы, которые выкрикивал Рашид (тихо говорить он не умел), Зура спустила его на пол. Осман тотчас же подхватил малыша и вышел с ним во двор. Пусть Зура хоть немного отдохнет и поест.

Мальчик охотно остался вдвоем с дедом. С ним всегда было так интересно, никто не знал столько увлекательных сказок, никто так терпеливо не слушал мальчика, никто не умел мастерить такие замечательные игрушки, как дедушка Осман.

Мамерхан захлопотала у летней печурки, и Зура с Сурет остались одни.

Ну, что у тебя нового? — спросила Зура.

— А... ничего особенного... Если бы я знала, что Касим скоро приедет за тобой, я, конечно, подождала бы. Мне с вами было бы неплохо. А на Асхада надеяться нечего, если он еще женится, тогда к нему и совсем не подступишься.

Мамерхан появилась в дверях с миской в руках и с ходу вмешалась в разговор:

Не надо так говорить, Сурет. Зря ты упрекаешь Асхада. Он же о тебе заботится, тебе добра хочет. Ты просто не понимаешь его. Сдерживай себя, доченька, ведь у вас одна кровь, вы вскормлены одной грудью.

— Это он-то заботится обо мне?! Добра желает? Любят? Да, так любит, что кормить не хочет и гонит в поле!

Зуре надоело слушать жалобы Сурет. Девчонка совсем потеряла чувство меры. Не обращая внимания на ее злые слезы, Зура принялась за еду.

Сурет села напротив, со вздохом сказала:

— Кто знает, может, и ты остынешь ко мне, когда переедешь к Касиму...

Зура молча торопливо работала ложкой.

— Так знай, — закричала Сурет, — я все равно перееду к вам! Хочешь ты этого или не хочешь, я перееду! И буду жить у вас! Не думай, пожалуйста, что мой брат достанется тебе одной! Он обязан заботиться и обо мне!

— Надоели мне твои разговоры, — отмахнулась Зура.

— Только и думаешь, на чью бы шею забраться. Вон какая здоровая вымахала! Посмотрела бы на подруг. Все в поле!

С ненавистью взглянув на Зуру, Сурет процедила сквозь зубы:

— Ах так! Ну и прекрасно. Я тебе не стану мешать. Можешь жить спокойно со своим Касимчиком! А я и одна не пропаду!

Гнев и сердитые слезы душили Сурет. Все, все попрекают ее.

В тот же день Сурет сложила свои вещи в чемодан, взяла у отца деньги и, не обращая внимания на вздохи и просьбы матери, вечерним автобусом уехала в Майкоп, где жили близкие родственники Ожбаноковых.

Старик Ожбаноков только рукой махнул:

— Ладно, пусть едет. Она молодая, глупая. Пусть ее жизнь немножко поучит.

15

Солнце и ветер быстро подсушали землю, и можно было вновь браться за дело.

Темир Пшеуч вел свой трактор, дискуя тот самый массив, из-за которого так много спорили Асхад и Дзегашт. Но какое дело машине до споров. Она идет себе и идет по хорошо подоспевшей земле.

Выехав на край поля, Темир хотел было развернуться, но притормозил. По дороге, выжимая всю возможную для тяжелой машины скорость, мчался на своем тракторе Меджид, работавший в соседнем колхозе.

Резко остановив трактор, Меджид, невысокий плечистый паренек, спрыгнул на землю. Размахивая руками, он побежал к Темири. Тот тоже выбрался из кабины своего трактора и, протягивая руку задыхающемуся от бега трактористу, заговорил не без насмешки:

— С чем хорошим, Меджид? Опять будешь клянчить шайбу или гайку, которой, понимаешь, не хватает для полного счастья в вашем колхозе? Если ты спешил за этим, то лучше сразу возвращайся. Аллах видит, мне поделиться нечем.

— Ну нет, брат, на этот раз ты шайбой или гайкой не откупишься! — Меджид с наигранным сочувствием похлопал Темира по плечу и, вытащив из нагрудного кармана замасленной спецовки конверт, протянул его Темири: — Читай, выполняй!

Темир разорвал конверт, быстро пробежал глазами коротенькое письмо и нахмурился. Да и было от чего. Исполняющий обязанности директора МТС распорядился на три дня передать диски бригаде, обрабатывающей поля в соседнем колхозе. Темир не поверил своим глазам и перечитал записку еще раз. Но ничего нового не вычитал. Исполняющий обязанности директора МТС главный агроном Падисов требовал передать диски немедленно и за неповиновение грозил всеми возможными карами.

У Темира даже дыхание перехватило от обиды:

— Ты не знаешь, чем этот Падисов думал, когда подписывал распоряжение?

— Чего не знаю — того не знаю. Мне приказано забрать у тебя диски, и все!

— Это для тебя?

— Угу...

— А где же твои? Мы же в один день получали.

Да, видишь ли, мы работали там на раскорчеванной земле, вот я их и поломал. Да ты не беспокойся, через три дня верну! Двести гектаров надо рыхлить, сейчас не сделаем, потом поздно будет, земля пересохнет.

— Понимаю, понимаю, — озлился Темир. — Ваш колхоз передовой, бригада передовая, как же можно позволить, чтобы вы отстали! Рапорт уже в райкоме, а вы в рапорте первые! Тут никуда не денешься. Значит, надо других ограбить, лишь бы вас с Доски почета не сняли!

Так, что ли? А мы хоть пропадай? Это справедливо? Скажи мне, Меджид, по-человечески это? Неужели ты отдал бы диски, если бы меня к тебе прислали?

— Приказ директора — закон и для тебя, и для меня, — убеждал Темира Меджид.

— Глупый закон. Ты заберешь диски, а мне что остается? Руки в брюки и, понимаешь, пошел гулять? А земля пусть сохнет? Или в этом колхозе люди не хотят хлеба, обойдутся без урожая?

— Э-э, чего нам спорить, — с досадой сказал Меджид. — Приказали, я и приехал. Начальству видней. А наше дело маленькое.

Этого Темир уже по мог выдержать. Обида сменилась яростью.

— Ах так? Садись-ка на свой трактор и катись туда, откуда приехал! Ишь, какой иждивенец нашелся! Он сожрет последний кусок, а до других ему дела нет! Не выйдет! Раз ты передовой, найди выход сам, нечего обращаться к отстающим. Тебе слава дорога, а мне дело. И я хочу спасибо от людей услышать. И на Доску почета не возражаю попасть, не облупится, понимаешь, она от моего имени! Вот так! Если ты человек, иди по-хорошему, не рой мне яму. И не выводи из терпения! Хочешь — иди к председателю, иди к агроному, а дисков я не отдам! — Темир зло сплюнул и пошел к своему трактору.

Уже садясь в кабину, он заметил, что все еще сжимает в руке письмо из МТС. Он скомкал его, осмотрелся, ища куда бы бросить, но не бросил, а сунул в карман.

Меджид потоптался возле своего трактора, сказал с угрозой:

— Хорошо, я уеду, но ты еще пожалеешь об этом!

Темир только фыркнул от возмущения, и трактор его тоже зафыркал, дернулся и пошел по полю.

Переводя рычаги, Темир оглянулся. Меджид стоял, почесывая затылок, потом махнул рукой и побежал к своей машине. Через несколько минут он скрылся за горбатым холмом.

Весь день Темир не мог успокоиться. Правильно ли он поступил, не выполнив распоряжения? А может, главный агроном МТС, исполняющий обязанности директора, видит такое, чего не видит он, Темир Пшеуч?

Да и, может, надо было уступить? Ведь он легко мог бы оправдаться перед Дзегаштом или Асхадом:

«Я работник МТС, вот у меня бумажка с подписью. Могу гулять, так как работать мне нечем. Читайте и жалуйтесь на дирекцию, а я ни при чем... Но, когда ругают колхоз, я тоже краснею, словно это меня ругают, — думал Темир. — Разве не обидно — так долго ходить в отстающих? Мы стали какими-то штатными отстающими, колхоз отстает, колхоз не справился, колхоз завалил...»

Однако и эти думы не снимали тяжести с души. Какой-то другой голос укорял:

«Как-никак, а приказ ты не выполнил. Будут неприятности, будут. Хоть бы Ожбаноков подъехал. Уж он то договорился бы с Падисовым. Агроном лучше поймет агронома. Впрочем, Падисову что-либо понять трудно. Он давно в этом колхозе не был, может, совсем дорогу забыл».

К вечеру случилось то, чего Темир больше всего боялся. Из МТС привезли бумажку с распоряжением немедленно явиться в контору. И все же он не пошел. Работал, пока совсем не стемнело. Только тогда на своем мотоцикле поехал в МТС.

В конторе было пусто, но из-за двери кабинета директора пробивался свет. Падисов, сидевший за директорским столом, встретил его окриком:

— Кто руководит МТС? Ты или я?

— Темир, стараясь не обращать внимания на грубость, сказал спокойно:

Не мог я, товарищ Падисов, отдать диски. Не мог. И председателя колхоза не было. С кем посоветуешься?

Падисов встал, отшвырнул пресс-папье, закричал бағровея:

Ты мне голову не морочь! Кто тебе распоряжения дает — председатель или директор?

Падисов схватил со стола колокольчик, потряс им над головой, и по всему зданию раскатился звон. В дверях появилась пожилая женщина с бледным усталым лицом. Она сморщилась, будто крик Падисова причинял ей физическую боль.

— Клавдия Федоровна, дайте мне копию приказа!

Женщина ушла и тотчас же вернулась. Видно, все у нее было уже заготовлено. Падисов выхватил бумажку Н1 рук Клавдии Федоровны и сунул в лицо Темиру:

— Читай!

У Темира от удивления глаза на лоб полезли. Чего только не было в синих строчках, напечатанных на разбитой машинке. Оказывается, Темир Пшеуч систематически нарушает трудовую дисциплину, не выполняет приказы руководства МТС. По его вине бригада не справляется с заданиями, подводит колхоз. Кроме того, в соседнем колхозе нарушена агротехника из-за того, что Пшеуч самовольно задержал диски.

И выводы:

Темири Пшеучу объявить строгий выговор с последним предупреждением, простой тракториста Меджида оплатить за счет виновного Темира Пшеуча.

Не сводя глаз с Падисова, Темир осторожно, как хрупкую стекляшку, положил приказ на стол, пощевелив побелевшими губами, но ничего не сказал. Грохоча сапогами по рассохшимся доскам пола, он выбежал на улицу, вскочил на машину, и помчался, подскакивая на ухабах, рискуя разбить мотоцикл и свернуть себе шею.

Затормозил он только возле дома Ожбаноковых. Войдя в комнату, Темир увидел Асхада за столом. Свет керосиновой лампы падал на большой лист бумаги. Агроном работал над схематической картой угодий колхоза. Цветными карандашами наносил он на бумагу какие-то значки.

Асхад отложил карандаш, всмотрелся в потемневшее, осунувшееся лицо тракториста.

— Что случилось, Темир?

— Наградили меня, — проговорил Темир. Достав скомканный лист, он подал его агроному. — Вот с этого началось...

Асхад разгладил записку Падисова, стал читать. Темир сбивчиво рассказал о разговоре в МТС и грозном приказе.

— Что за глупость? Кто так делает! — возмутился Асхад.

— Падисов так делает, — хрюплю сказал Темир. — Как мне теперь быть, Асхад? Аллах с ним, с выговором. И высчитывать пусть себе высчитывают, не обеднею. Но кончится когда-нибудь это безобразие или нет? До каких пор, понимаешь, будут нянчиться с одними, не давая расправить крылья другим? Пусть районное начальство хоть одни день побудет не у передовиков, а у нас —

отстающих! Не все же время радоваться, глядя на лучших, можно и кислого, понимаешь, попить вместе с нами!

Темир выкладывал все наболевшее. Асхад дал ему выговориться, потом спросил:

— Где твой мотоцикл?

— Тут, у ворот стоит.

— Поехали!

Темир уступил Асхаду место за рулем, а сам устроится на заднем сиденье, крепко обхватив агронома. На тихой вечерней улице мотоцикл грохотал оглушительно. Вот он выскочил за аул и помчался по накатанной дороге.

Окно кабинета первого секретаря райкома партии было едва тронуто мягким светом. — горела только одна настольная лампа. Зато в приемной все сверкало, и качалось, что помощник секретаря вот-вот вспыхнет от обилия света, струящегося из люстр и еще каких-то светильников.

Помощник не обратил внимания на вошедших, он лаже головы не поднял. Звонил по телефону, ругал телефонистку, у кого-то требовал сведений о полевых работах, кого-то предупреждал о предстоящем совещании. Прижимал трубку плечом к покрасневшему уху, заполнял большую, как простыня, сводку. Асхад ждал, терпеливо ждал, пока он закончит разговоры. Закончил. Но теперь весь отдалься сводке, любовно выводя цифру за цифрой. Асхад резко шагнул вперед.

— Кочас у себя?

— Занят.

— Доложи.

— Не принимает.

— Доложить-то ты можешь?

— Я сказал — занят, — помощник снова поднял трубку, переговорил и наконец поднял голову: — Откуда?

Но Асхада и Темира не было уже в приемной. Они вышли из нес, зашли в один из пустых кабинетов райкома и оттуда позвонили секретарю.

— Я рядом с тобой, — сказал Асхад, — но не могу Прорваться по милости твоего помощника.

Секретарь райкома встретил Асхада и Темира в приемной.

Говоришь, обнаружил гнездо бюрократизма прямо в райкоме? — пошутил Кочас.

— А знаешь, я не очень обижаюсь на того, кто меня не пропустил. Он ни при чем: как приказали, так и поступает, — спокойно сказал Асхад.

— Ладно, разберемся... Проходите, — стараясь быть добродушным, произнес секретарь, легонько подталкивая вперед Асхада и Темира.

Кочас в кабинете был не один. У стола сидели председатель райисполкома и второй секретарь райкома. Подводя к ним поздних гостей, Кочас снова попытался придать разговору шутливый тон:

— Что это вам и ночью не спится?

И снова Асхад не поддержал шутку:

— Попробуй заснуть, когда дела, как сажа бела. Вот посмотри. Любопытный документ.

— Давай почитаем, может, что-нибудь новенькое, — сказал Кочас, беря распоряжение. Пробежав его глазами, посмотрел на Асхада. Агроном коротко сообщил об «оргвыводах» Падисова. Кочас обратился к Темиру:

— Что же ты, брат, а? Мы же тебя дисциплинированным человеком считали!

— Значит, ошибались, — Темир побледнел, но скоро лицо его вновь засияло багровым огоньком. Тракторист смотрел на агронома, ожидал помощи, — к самому слова не шли. Асхад тоже молчал. И в глазах Темира появилось выражение горького отчаяния, словно он говорил: «Привез меня сюда, а сам в кусты? Недаром говорят — не повезет, так и на верблюде собака укусит. Ну чего я, дурак, затеял все это?»

— Ну, что ты молчишь, — настойчиво проговорил Кочас. — Объясни, пожалуйста, как дошел ты до жизни такой?

Темир глянул исподлобья.

— Я правильно поступил! — переведя дыхание, наконец сказал Темир. — Тот, кому отдавали мои диски, вместе со мной свои получал. Он свои сломал и забросил, а я отдуваться должен? Они и мне нужны! Если бы диски лежали без дела, я бы их отдал! Сами же вы ругаете нас за отставание, а только попытаешься стать на ноги, сейчас же вспоминают о передовиках и нам ради них мешают!

Никто не перебивал Темира. Когда он замолчал, Кочас Зарамуков подвинул ему стул:

— Садись.

В кабинете было тихо. Второй секретарь и

председатель райисполкома с любопытством поглядывали на тракториста. Кочас смотрел в окно. Потом сел рядом с Темиром, положил ладонь на его колено.

— Здорово ты даешь жару!

— Я правду сказал, — торопливо, словно защищаясь, ответил Темир.

По кабинету пробежал легкий смешок.

— А что, разве правда жару не дает? — с улыбкой спросил Зарамуков.

— Аллах ее знает!

— Может, к аллаху обратимся? Пусть он нас рассудит по-небесному, объективно? Ладно, шутки в сторону. Так ты не хочешь отвечать за того, кто сломал диски?

— Не хочу, — упрямко мотнул головой Темир. — Не хочу, чтоб у одних легкая жизнь была, а у других — гири на плечах. Думаете, я на взыскание обижаюсь? Ничуть. Несправедливо поступают, вот что обидно. Работать не дают — это обидно! Не хочу вечно в отстающих быть!

Зарамуков походил по кабинету, подошел к двери, сказал помощнику:

— Позвони Падисову. Чтоб немедленно был у меня.

Пока ждали Падисова, завязался спокойный разговор о делах колхоза. Собственно, больше говорили Асхад и Темир, райкомовцы ограничивались вопросами. Но в самом тоне вопросов чувствовалось, что они и не пытаются снять с себя вину, хотят понять, почему все так сложилось, найти выход из создавшегося положения.

Падисов явился довольно быстро. Он, улыбаясь, вошел в кабинет, но, увидев Асхада и Темира, помрачнел.

Властный с подчиненными, он перед секретарем стушевался, даже походка стала какой-то заискивающей. Он сел на стул у стены, всматриваясь в лица присутствующих и стараясь оценить настроение начальства. По тому, как он выпрямился, обретая уверенность, было видно, что на душе у него становится спокойней. Начавшийся разговор еще больше ободрил его. Зарамуков неторопливо расспрашивал о ходе прополки, о подготовке комбайнов к жатве, о соревновании тракторных бригад. Секретарь внимательно слушал ответы, не перебивал. Что и говорить, Падисов умел втирать очки.

Стремительно проскочив мимо отстающих, он подробно рассказал о передовиках. Когда было выгодно, называл цифры, невыгодные данные замалчивал или подавал их так, что они звучали вполне прилично.

— В каких бригадах сегодня побывал? — спросил Зарамуков.

Падисов, не подозревая подвоха, озабоченно ответил:

— Сегодня так и не удалось вырваться. В МТС дел невпроворот.

— А вчера?

— Вчера? — Падисов задумался, потом растерянно огляделся и ничего не сказал.

Чатиб Падисов не первый день на руководящей работе. Когда-то он много ездил, понимал, что это прямая обязанность агронома: ведь отвечает он за каждое поле в каждом колхозе. А сидя в кабинете, не много увидишь!

Но постепенно Чатиб привык полагаться на свой опыт, на знание людей, на умение читать сводки, и стал неделями засиживаться в кабинете. Порой опыт и в самом деле выручал его. Тогда он «нажимал», выколачивал и обязательства и план. А откуда берутся нужные ему цифры, его не интересовало. Подогнав цифры, Чатиб отчитывался перед руководителями района и был доволен.

В том, что он последнюю неделю совершенно не бывал на местах, не было, по его мнению, ничего особенного. Но что-то в тоне секретаря насторожило его. Что надо этому Зарамукову? В МТС техника, десятки людей, разных, есть думающие, прежде всего о себе. За ними нужен глаз. Чатибу и передохнуть некогда. С утра до ночи он кого-то «подкручивает», налаживает дисциплину. Тут уж без крутых мер не обойдешься! Зато в сводках все в порядке.

— За что ты наказал сегодня Темира? — спросил Зарамуков.

— Он злостно нарушил дисциплину.

— А именно?

— Не выполнил моего письменного распоряжения.

— Может, ты объяснишь, почему Пшеуч должен отдуваться за того, кто не бережет технику?

— В передовой бригаде простоявал трактор.

— А при чем тут Пшеуч? Ему тоже надо работать.

Почему ему надо было отдавать диски соседу, даже

если тот передовик?

Темир почувствовал поддержку, расхрабрился, вмешался в разговор:

— Конечно, я должен был доложить Ожбанокову, тогда не попал бы в нарушители.

— Техникой распоряжается не колхозный агроном, — отрыгнулся Падисов. — Ею распоряжается МТС, то есть я!

— Но и нас со счета не сбрасывай, — перебил Ожбаноков. — Машины для земли, а не земля для машин. А ведь, нам, работающим непосредственно в поле, подчас видней, как лучше распорядиться машиной.

Падисов вскочил, вытянул шею, как гусак, многозначительно прищурился:

— Ты понимаешь, что говоришь? Может быть, ты хочешь, чтобы мы шли у тебя на поводу? Этого не будет!

Падисов оглянулся на Зарамукова.

По Кочас, словно не придавая значения вспыхнувшему спору, прошелся по кабинету, остановился у стола, сказал:

— Допустим на минутку, что Темир виноват. А как же наша гордость, наша единственная девушка-адыгейка, работающая токарем? Чем она проштрафилась, что ты вкатил ей строгий выговор?

Падисов совсем было успокоился. Спор с Асхадом давал ему повод уйти от повседневных дел в область теоретических разговоров, а тут внезапно новый удар, да еще какой.

— Она была наказана за брак в работе.

— Неправда! — резко сказал Кочас. — Неправда! Наказал ты ее за то, что она выступила на производственном совещании и критиковала тебя за грубость, высокомерие, невнимание к нуждам механизаторов. В общем, без разговора на бюро, я вижу, не обойтись. А ты, Темир, работай спокойно. Ты прав. Какие же это передовики, если свои диски ломают, а у соседа их из рук рвут? Неправильно ты поступил, Падисов. Так передовиков не воспитывают.

В эту ночь долго не спал Чатиб Падисов. Не спал он не потому, что его мучили угрызения совести. Нет, иное волновало его. Вот уже несколько месяцев был он исполняющим обязанности директора МТС. Со дня на день

ожидал, что его наконец утвердят директором. А теперь... Но, может быть, еще не все потеряно? Может, в горячке полевых работ отодвинется разговор на бюро, а там — урожай. Глядишь, все и забудется. Да и не так-то просто подобрать человека на должность директора МТС. Ну, кого можно назначить?

Чатиб перебрал имена всех возможных кандидатов. И выходило, что никто, кроме него, не подходит. Тот молод, у того опыта нет, у того образования...

Но все же на душе у Чатиба было пасмурно. Решил он не упорствовать и отменить приказ о Темире Пшеуче. На ближайшем собрании он пожурит парня за неисполнительность, признается и в собственной поспешности. Скажет, что райком партии помог ему разобраться в ошибке и исправить ее. Надо будет в выступлении подчеркнуть постоянное внимание первого секретаря к коллективу МТС. И главное — не забыть пригласить на собрание кого-нибудь из райкома партии. Пусть доложит секретарям об умении Падисова делать из критики правильные выводы.

16

Крушение семейной жизни принесло Дариет и боль, и стыд. Однако, возвратясь в родной аул, она не стала прятаться от людей. Одной из первых вступила в молодежное звено и сразу сдружилась с девчатами. Дариет страдала, но не играла своим страданием, не подчеркивала его. А у девушек хватало такта не показывать ей свое сочувствие, не донимать расспросами. Они, не смущаясь, говорили при ней о своих сердечных делах, даже не думая о том, что невольно заставляют ее вспоминать о чем-то своем. Словом, вели они себя так, как должны вести хорошие и веселые девчонки. И этот эгоизм молодости был куда лучше тщательно скрываемого, но нездорового внимания ее сверстниц.

Не унималась и Химсад. Она невзлюбила Дариет, должно быть, с тех самых пор, как сломала ей жизнь. Ведь кто знает, как все обернулось бы у молоденькой, неопытной девушки, если бы Химсад не подогревала ее обиду на забывшего о ней Асхада. Это Химсад в те трудные годы занялась сватовством, и помогла Ахмету жениться на Дариет.

Теперь вновь Ахмет стал частым гостем в Доме Химсад, где керосиновая лампа никогда не горела в пустой комнате.

Вскоре после возвращения в аул Ахмет договорился, что Химсад подыщет ему хорошую невесту. В условленный вечер он зашел к Химсад.

— Ты одна? — удивился Ахмет. — А где же девушка?

— Наберись терпения, она скоро придет, — самодовольно улыбнулась Химсад. — Я нашла хороший предлог. Садись, посиди.

Ахмет развалился на стуле, закурил.

— Пока ее нет, погадала бы? Может, подскажешь, что будет и как будет?

— Почему бы не погадать?

Пухлой рукой Химсад пошарила под подушкой, извлекла узелок и, развязав его, рассыпала по столу горсть фасоли.

— Притронься к ним и задумай что-нибудь, — протяжно произнесла Химсад. — Помоги, аллах, предсказать правду, сделать Ахмета счастливым, привлечь к нему сердце любимой его!

Ахмет послушно прикоснулся к фасоли, а Химсад, сосредоточенно глядя на стол, быстрыми движениями пальцев сдваивала и страивала бобы, передвигая их по клеенке, строя непонятные фигуры.

— Слушай меня, Ахмет, внимательно слушай. Бобы предсказывают тебе удачу. Эта девушка станет твоей женой. Смотри, Ахмет, вот она покидает родительский дом, переступает порог своего дома. О аллах, как все хорошо получается! Пусть моя рука больше никогда не прикоснется к бобам, если счастье обойдет тебя!

Вдруг Химсад задумалась, нахмурилась, потом подняла брови и с огорчением посмотрела на Ахмета. В голосе ее послышалась тревога:

— Все складывается как нельзя лучше, но вот... Что же это такое? В чем дело? Кто-то пытается стать на твоем пути.

Ахмет даже побледнел:

— Что ты говоришь?

— Ох, не надо придавать значения. Пустяки.

— Ты можешь, Химсад, повлиять на нее! Если ты

захочешь, Ты все сделаешь, как надо. Она должна быть моей!

Потупив глаза, словно стесняясь своей силы и власти, Химсад пропела:

— Видит аллах, я действительно знаю людей и владею их душами. Нет такой девушки, которая не подчинилась бы мне.

— Удивляюсь, Химсад, — откровенно льстил ей Ахмет, — как это тебе удается делать их такими послушными!

Химсад печально вздохнула:

— Сколько молодым людям я помогла жениться. Сколько людей благодарны мне за свое счастье! Но каждый ли оценил то, что я сделала для него? Одна я знаю, чего мне все это стоит, и как больно, когда человек, осчастливленный мною, отворачивается от меня, забыв, чем он обязан!

— Я не такой, Химсад, — оправдывался Ахмет. — Если ты поможешь мне, я подарю тебе пуховый платок. Дорогой платок!

Круглое толстое лицо Химсад зарумянилось. Улыбаясь, она показала золотые зубы, пошевелила пальцами, будто уже ласкала ими мягкий пушистый платок.

— Редко видишь теперь настоящего мужчину, — растроганно сказала Химсад. — Перевелись они, жадными стали. Даже близких забывают, обижают. Ты знаешь, что сделал Асхад Ожбаноков? Выгнал из дома свою единственную сестру! Бедная Сурет! Она убежала от него, уехала в Майкоп к родственникам!

— Академик! — с нескрываемым раздражением сказал Ахмет. — Бродит с утра до вечера по балкам и плавням. Стоило ли для этого так долго учиться, академию кончать?

— Говорят, родители хотят женить его, да не могут найти невесту.

— Главное — вырвать у него из-под носа Файзет. Тогда пусть себе гуляет в балках, как одинокий волк!

— Не беспокойся, — усмехнулась Химсад. — Кто-кто, а Файзет в наших руках, и я уже чувствую, как греет мою голову пуховый платок. Надеюсь, к платку ты приложишь еще кое-что!

— Я не забуду тебя, Химсад! Ведь что бы мы делали если бы не ты? Нашему аулу так повезло! Сто лет жизни тебе, Химсад!

Химсад бессильно опустила плечи, прикрыла глаза, провела рукой по лбу, как бы стирая пот.

— Если бы все были такими, как ты, Ахмет! А ведь находятся такие люди, которые упрекают меня за то, что я не хожу на работу. Пусть я не бываю в поле, но разве мало добра делаю людям? Ох, заговорились мы. А ведь она вот-вот придет. Выйди во двор, подожди за домом, (фазу не входи, — заторопилась Химсад. Она взяла с постели свернутую валиком белую косынку, стала повязывать ею лоб.

Ахмет мигом вылетел из комнаты. И вовремя: через минуту раздался стук в дверь. Химсад, уже лежавшая на постели, еле слышным голосом пригласила:

— Заходи, заходи, кто там?

В комнату вошла Файзет.

Не поднимая головы, Химсад простонала:

— Кто это?

— Это я, Файзет...

— А... Заходи, заходи, милая, — Химсад с трудом, охая и вздыхая, повернулась к девушке. — Хорошо, что ты пришла...

— Что случилось, Химсад?

Химсад, держась за спинку кровати, поднялась, села, прислонилась к стене:

— Если бы ты знала... Не дай бог тебе дожить до него. Сил нет. Шумит в голове, все время шумит. Можно подумать, что там трактор заводят и никак не заведут. Ты не собираешься в город? Хочу попросить тебя привезти мне лекарства.

Файзет подошла к женщине, помогла ей сесть поудобней, сдвинула платок, потрогала лоб.

— К сожалению, Химсад, в город я не еду, но найду человека, который привезет тебе все необходимое. А температуры у тебя нет.

— Да? Да, да — нет. Всегда так... Если бы я болела, как другие, с температурой, наверное, проще было бы вылечить мою болезнь. Вся беда в том, что никто не может понять, что у меня. У многих врачей была, в Майкоп ездила, даже в Краснодар. Как только услышу про хорошего доктора, сразу к нему. Через какую-то машину

голову смотрели, кровь брали. Не нашли ничего. А я мучаюсь, мучаюсь...

Файзет придвинула стул к кровати, села, положив руки на колени. Но тут в дверь постучали. Не ожидая приглашения, стучавший вошел. Файзет узнала в нем Ахмета.

— О! — притворно удивилась Химсад. — Ахмет пришел. А я еще подумала: сейчас он появится, раз Файзет здесь. Ты что, следом шел? Ниух у тебя, как у охотничьей собаки. Ну садись, садись. Вот так, Файзет, и пропадаю... Да мне что, я могу и умереть. Пожила я, слава аллаху, повидала. А вот он — молодой, красивый, а покоя себе в жизни найти не может.

Файзет недружелюбно смотрела на Ахмета. Ей так хотелось сказать ему что-нибудь злое, но она находилась в чужом доме и надо было сдерживаться. Она даже попыталась быть вежливой:

— Говорят, Ахмет, ты теперь в совхозе работаешь?

Ахмет ухмыльнулся, достал папиросы. Держа коробку так, чтобы Файзет увидела, что это «Казбек», закурил и, выпустив струю дыма, сказал:

— Работа не волк, в лес не убежит. Мне не сотню детей кормить. А одну жену обеспечу.

Химсад решила, что теперь можно направить беседу в нужное русло:

— Такой человек — и один. Куда ему податься? А девушки недогадливы. Разве ты не видишь, Файзет, что он по тебе сохнет, что без тебя не будет у него счастья? Надо спасать парня.

Ахмет обрадовался:

— Правильно говорит Химсад.

— Жить он без тебя не может, Файзет. — И вдруг Химсад застонала. — Ой, пощади меня, аллах, какой зверь когтями рвет мою голову? Все переворачивается, ох! Файзет, Файзет, что мне с Ахметом делать? Ты убиваешь парня. Он спать перестал. Он еще никого так не любил, как тебя, Файзет. Ты поверь мне. Я все вижу. Совсем с ума сходит человек.

— А я и не подозревала, что мне привалило такое счастье! — не скрывая негодования, произнесла Файзет. — Стыдись, Химсад! Ты была подругой моей матери, а теперь... Какому человеку ты прочишь меня? Ты подумала об этом?

Файзет бросилась к двери, но Ахмет преградил ей дорогу.

— А если я схвачу тебя и похищу?

Девушка замерла на секунду, ошеломленная его словами. Похитить ее, комсомолку!

— Уйди! — крикнула Файзет.

Ахмет скрестил руки на груди и смотрел в лицо девушки с кривой усмешкой.

Неожиданно для самой себя, Файзет вскинула руку. Пощечина прозвучала, как выстрел. Ахмет отшатнулся. Файзет мгновенно выскочила на улицу. Ахмет было метнулся к порогу, но остановился, повернулся к Химсад:

— Позор! Позор! Женщина ударила мужчину! Вот какую змею сватаешь ты мне, Химсад!

Ахмет ушел, а Химсад и в самом деле стало худо: ведь пуховый платок не достанется теперь ей!

17

В доме Дачмуковых всегда были рады гостям, тем более такому гостю, как племянница Сурет.

Старая Ханифа говорила и никак не могла наговориться с нею. Надо разузнать все до мелочей о родном ауле, о семье Ожбаноковых. Конечно, всегда можно попросить Айдамира, чтобы он позвонил в аул, справился о здоровье родственников. Но это все-таки не то, что разговор с живым человеком!

Сурет пришлось основательно напрячь память, чтобы ответить на все вопросы тетушки Ханифы. А та от одного края до другого перебрала все дома аула со всеми их обитателями.

— Кто как живет, чем болеет? Стоит ли «дуб Зулих», все так же он ветвист? Бедный Гусарук, неужели он покупает молоко? Когда же отелится его корова? А та невестка, не помню ее имени, которой недовольны были родители жениха, как она?

Разумеется, особенно тщательно расспрашивала тетка Ханифа обо всем, что касалось Ожбаноковых. — Асхад еще не женился? Как хочется увидеть его женатым! А годы идут, мы стареем, неужели не успеем погулять на свадьбе Асхада? Ничего у него не слышно? Ничего? Ай-ай-ай! А может, ты просто не знаешь?

— Нет, правда, ничего. Мама тоже, как вы, переживает, так переживает, а он все не женится.

— Бедная, бедная Мамерхан! Представляю, как ей хочется увидеть счастье Асхада! А вот уедет Зура к Касиму, она и совсем одна останется. Совсем одна! Касим пишет? О чем?

— Да вот прислал письмо. Жив, здоров, но места там плохие, климат вредный. Овощей и фруктов нет. Не может пока он забрать к себе семью.

— Ой, аллах, как нехорошо! Каких только мест на земле нет! Где жарко, где холодно! Где все растет, где ничего не растет. И зачем это аллаху нужно было так сделать? Не повезло Касиму! Там, наверно, еще хуже, чем он пишет. Разве он напишет правду? Он же мать жалеет!

— Да, придется им подождать. Так и говорит Касим.

— Ай-яй-яй!

Все нравилось Сурет в Майкопе, в доме тетки. Девушка подробно отвечала на вопросы старой Ханифы, посмеивалась, слушала ее «ай-яй-яй». Глаза Сурет светились, с полных губ не сходила улыбка, голос звенел, как струна.

А Ханифа (сразу видно, что она Ожбанокова: ростом почти с Османа, черноглазая, густобрювая, полная сил и энергии) уже суетилась на кухне. С минуты на минуту должен был сойтись весь «рабочий народ» Дачмуковых. Небось за день наработавшись, устали, проголодались. Надо, чтоб к их приходу все было готово. Нельзя же, чтобы они ждали свою тарелку борща!

Первым появился внук, Каплан — невысокий, круглолицый и, в отличие от остальных Дачмуковых, — светловолосый. Был он в майке-безрукавке и хорошо выглаженных узких брюках. Стройный, подтянутый, аккуратный он пружинистой походкой вошел во двор.

— О, Сурет!

Сурет обняла юношу и заговорила ему в тон, так же приподнято, радостно и чуть-чуть насмешливо:

— Каплан! Какой ты стал! А брюки, брюки! Да ты модник!

— Э, говори ему не говори — не слушает, — подала голос Ханифа. — Говорит, все такие носят. Ну, что поделаешь!

Каплан выставил вперед ногу:

— Это разве узко? Я вот возьму и отнесу их в мастерскую переделать, тогда ты увидишь, что такое узкие брюки!

Сурет в притворном ужасе округлила глаза.

— Шучу, шучу, не пугайся, — успокаивал ее юноша. — Нормальные брюки, в магазине купил. Некогда мне быть стилягой или модником. Я рабочий человек.

Каплан, сам того не подозревая, больно задел Сурет. Не успела приехать, и уже здесь, как и дома, только и говорят о работе, о рабочих людях.

Девушка помрачнела. Та веселая беззаботность, с которой она болтала еще минуту назад, улетучилась. И неизвестно, чем бы кончился разговор с Капланом, если бы в этот момент не вошел Айдамир.

Сурет стояла в глубине комнаты и задумчиво перебирала косы.

Айдамир еще с порога увидел отражение Сурет в зеркале и с наигранным удивлением крикнул:

— Да у нас гость! Уж не Сурет ли в нашем доме?

Прислонив к стене палку, с которой он расставался только дома, Айдамир ласково заулыбался. Сурет бросилась ему навстречу. Айдамир обнял ее:

— Вот это так гость!

— Давайте обедать, — предложила Ханифа. — Сурет еще ничего не ела.

— Обедать так обедать. Мы и с этим делом справимся!
— сказал Айдамир.

Ханифа стала накрывать на стол, а Айдамир открыл буфет, достал стеклянную сову с выпуклыми, круглыми глазами, в сосуде плеснулась темно-красная жидкость.

Айдамир разливал вино, когда зазвонил телефон. Он больше слушал, чем говорил, ограничиваясь короткими репликами: «Хорошо». «Да, да». «Ты прав». Потом сказал:

— Нет, пока не могу. Девушка у нас в гостях. Не могу. Спасибо за приглашение.

Едва Айдамир положил трубку, Сурет воскликнула:

— Ну какой я гость! Зря ты отказался от приглашения.

— Ничего, Сурет. Так надо. У меня и дома много дел, а в гостях застрянем надолго, — Айдамир покосился

на большие стенные часы. — Что-то долго нашей невесты нет! Загуляла...

Айдамир рассмеялся. В глазах его запрыгали веселые искорки. Невестой он до сих пор называл свою жену, которую любил юношески свежо, хотя они были женаты не одни десяток лет.

И вдруг Айдамир побледнел. Тихий смех сменился мучительным кашлем. Айдамир задыхался, из глаз его текли слезы. Бледное лицо побагровело. Он прикрывал рот платком, стараясь подавить кашель.

Ханифа вскочила, встала за спиной сына, поглаживая его взмокший затылок.

Сурет испуганно смотрела на Айдамира. Только сейчас, когда с его лица сбежала жизнерадостная улыбка, когда перестал он шутить и смеяться, увидела она, как он худ, бледен, измучен. А ведь говорят, что он сильным, красивым был до войны. С фронта вернулся больным. После трудной операции здоровье как будто стало поправляться. И вот этот кашель, раздирающий грудь и горло.

Не знала Сурет, что уже много месяцев Айдамир снова болен, живет, расчетливо расходуя силы. Конечно, он мог бы не работать. Но не умел сидеть без дела, без многочисленных забот, которые занимали почти все его время и тем самым помогали ему бороться с болезнью.

В последний год стало Айдамиру совсем плохо. Туберкулез стремительно разрушал его легкие, и никакие средства уже не помогали.

Приступ прекратился так же внезапно, как и начался. Айдамир пошел умываться. Вернулся он улыбающийся, веселый. Взглянув на встревоженные лица родных, сказал:

— Тебе, Сурет, сегодня повезло. Да, да. повезло! Обед готовила дочь Ожбаноковых, а не наша невеста. Невеста солит борщ так, что соли, оставшейся на дне кастрюли, хватит для дюжины овец. А Ханифа у нас золотая старушка! И как это Ожбаноковы согласились отдать ее замуж за моего отца? С такой дочерью расстались!

От доброй шутки сына посветлело грустное лицо Ханифы. Она поставила на стол кастрюлю, вооружилась черпаком, но тут распахнулась дверь, и вошла сама «невеста» — Фатима. Она положила на подоконник стопку

ученических тетрадей и пошла умываться, бросив на ходу:

— С ребятами немного задержалась. Начинайте, я сейчас.

Через несколько минут она уже была за столом, в домашнем халатике с блестящими капельками воды в густых каштановых волосах.

— Мы тут умираем от голода и жажды, а ты никак с ребятами не наговоришься, — с напускной обидой сказал Айдамир. — Я уж хотел тост без тебя произнести. Но все же сдержался. Как же пить вино, когда нет тебя — жемчужина нашего дома! Правда, сынок?

— Правда!

— Ну, раз так, поднимем стеклянные рога за Сурет! Пусть исполнится все доброе, о чем она мечтает!

Обед прошел весело и шумно.

С мытьем посулы управились в два счета. К Ханифе и Фатиме присоединилась Сурет, а шесть умелых женских рук способны работать со сказочной быстротой.

Под вечер, после отдыха, во время которого в доме стояла абсолютная тишина (Айдамиру нужен покой), Айдамир предложил пойти в кино, и все начали одеваться. Только Ханифа, как ни в чем не бывало, сидела на диване.

— А ты чего не собираешься? — спросил Айдамир.

— Идите сами, я дома побуду. У меня еще есть дела.

— Э, так не пойдет! Тебя мы не оставим. Одевайся и пошли. Иначе и я дома засяду. — Айдамир подхватил мать под руку. — Ну, ну, вставай, вставай. Вот так. Пять минут сроку. О готовности доложить лично!

Кинотеатр был совсем рядом.

Год назад приезжала сюда Сурет. Тогда вырыли котлован и начали класть фундамент. Теперь на этом месте стоит высокое белое здание. У входа толпятся люди. Сурет с любопытством оглядывается вокруг. Все ей нравится: и эти люди, и город, большой, красивый. И она, как равная среди них.

Вернувшись из кино, и Фатима сейчас же села проверить тетради. Занимался и Каплан. Ханифа, Сурет и Айдамир, сидя в столовой, говорили вполголоса. Потом Ханифа глянула на часы, сказала:

— Дамир, сынок, пора тебе спать!

Айдамир ушел в спальню. Сурет тоже отправилась к себе в маленькую уютную комнатушку с окном на улицу. Она так устала от множества впечатлений, что ей казалось — заснет сразу же, как только коснется головой подушки. Но воспоминания о первом дне в Майкопе и мечты о многих-многих будущих днях не давали покоя. Сурет лежала с бессонными открытыми глазами. Сердце ее охватывал холодок тревоги, когда она начинала думать о том, что не вечно же будет длиться праздник такой, как нынче. Остынет возбуждение, вызванное ее приездом, поуляжется суматоха. Неделю, другую, ну, скажем, месяц будет она гостьей, а потом? Конечно, было бы здорово, если бы Айдамир, не разбираясь в ее отношениях с Асхадом, устроил бы ее на нетрудную, чистую работу. Стоит ему захотеть, и все будет в порядке. У него, должно быть, большие связи. Эх, надо было раньше приехать к Айдамиру, сразу после окончания школы.

И Сурет стала мечтать. Пусть все сложится удачно. Пусть эта маленькая комната остается ей. Здесь так уютно. Пусть будет у нее необычная работа.

Мысли Сурет текли все медленней, веки тяжелели. Наконец она уснула. Но недолго длился се сон. За окном с грохотом пронеслась машина, и девушка испуганно открыла глаза.

Грохот затих где-то вдали, а Сурет недоуменно оглядывалась в темноте. Сначала она заметила светлую полосу, затем поняла, что это пробивается свет из-под двери, ведущей в столовую. Сурет приподнялась, приоткрыла дверь и увидела Айдамира, сидевшего за столом. Он листал книгу, делал какие-то пометки на полях, что-то писал в блокноте. Было поздно. Значит, Айдамир поднялся, когда все заснули, и занялся работой. Вот он отложил карандаш, встал, потянулся. Сделал несколько шагов, и Сурет потеряла его из виду. Тихая музыка донеслась до девушки. Она поняла, что Айдамир включил радиоприемник.

Под музыку снова заснула Сурет, уютно свернувшись калачиком. Заснула так крепко, что не слыхала, как остаточную часть ночи мучился Айдамир, борясь с приступом кашля. Он лег на диван, укрылся одеялом и кашлял, кашлял часто и глох.

Заснул Айдамир под утро, но поднялся в обычное для него время. Держался бодро, и лишь бледность щек

и тени под глазами показывали, какую нелегкую ночь он провел и как трудно дается ему эта внешняя бодрость.

Фатима и Каплан уже ушли: она в школу, он на завод.

Ханифа готовила завтрак для Айдамира. Сурет занялась уборкой.

— Видно, придется, мать, позаботиться мне о молодой хозяйке, — шутил Айдамир. — Слава богу. Наш аллах разрешает иметь и две и три жены! Надо бы быструю, подвижную подобрать тебе в помощницы. А то всю жизнь мечешься по дому, всем прислуживаешь, словно ты самая молодая. «Невесту» нашу, хоть голову ей отрывай, не заставишь тебе помочь. Все-то у нее свои дела, вечно она занята. Ну как, мать? Взять мне новую жену, молодую хозяйку? Ты только санкцию дай, а остальное я обеспечу на высшем уровне.

Айдамир подмигнул Сурет, а Ханифа, привыкшая к шуткам сына, на этот раз сделала вид, что принимает его слова всерьез:

— Смотри, сынок, услышит Фатима, обоих нас выгонит из дома. А я не боюсь быть младшей в семье и помогать каждому, кто нуждается в моей заботе. Хуже будет, если перестану быть нужной. Да и сам ты говоришь, что кто не работает, тот не ест. Все в доме работают, не могу же я без дела сидеть. Мне тоже полагается иметь должность. Моя должность у печки, и я ее никому не уступлю. Мне даже повышения не надо!

Ханифа, поддерживала беззаботную болтовню сына. Трудно было догадаться, что почти всю ночь она тоже провела без сна, то вздыхая оттого, что сын так много работает, то плача, слыша его кашель и зная, что ничем не сможет ему помочь.

С радостным удивлением слушала Сурет эту шутливую словесную перепалку.

Она начинала понимать, сколько мужества и взаимной любви нужно было и Ханифе и Айдамиру, чтобы вот так, с улыбкой, встречать каждый новый день, полный забот и тревог, омраченный дыханием неотступной, изнурительной болезни.

Прошло несколько дней. Чем ближе узнавала Сурет Айдамира, чем больше росло ее уважение к нему, тем трудней ей было начать с ним разговор о себе и о

своих планах. Она решила прибегнуть к посредничеству тетушки Ханифы.

Как-то утром, это было в воскресенье, Ханифа улучила минутку и уединилась с сыном.

Айдамир внимательно выслушал мать. Она передала ему то, что рассказала ей Сурет, и ничем не выразила своего отношения к планам племянницы. Пусть он сам все решит.

Айдамир слушал Ханифу и думал. Но думал он не о планах взбалмошной Сурет, а об Асхаде, вернувшемся в аул, выбравшем себе каменистый, но верный путь. Обязательно надо помочь Асхаду! А правильно решить судьбу Сурет — это тоже значит поддержать Асхада.

Свою молоденскую двоюродную сестру Айдамир знал достаточно хорошо. Знал, что она избалована, эгоистична, самолюбива, но не придавал этому значения. Полагал, что с годами это пройдет. А вот она уже более года не работает, даже в самую страдную пору, когда в ауле на счету каждая пара рук.

Здесь, в Майкопе, ее принимали с радостью, делились с нею всем. Но нужна она была не здесь, а в ауле.

В день приезда Сурет Айдамиру звонил Асхад. Это с ним он говорил по телефону. Чтобы она не поняла, что речь идет о ней, Айдамир ни разу не назвал Асхада по имени, отвечал коротко, а приглашение приехать в аул отклонил так, словно это звал его к себе в гости кто-то из горожан. Асхад просил Айдамира потолковать с девчонкой, убедить ее возвратиться в аул и ни в коем случае не устраивать ее на работу в Майкопе.

Внимательно выслушав Ханифу, Айдамир кивнул:
— Понял, мама. Я сейчас же этим займусь.

И предложил Сурет прогуляться вместе с ним по городу, посмотреть новостройки.

— А Фатима и Каплан пускай занимаются своими делами. Видишь, им недели мало, не могут и в воскресенье отдохнуть.

Айдамир и Сурет вышли на улицу. Долго шли молча, не глядя даже на дома, которыми собирались полюбоваться.

Сурет догадывалась, что не успехи строителей интересуют сейчас Айдамира. Она и ждала, и побаивалась разговора с ним. Выражение лица двоюродного брата не предвещало ничего хорошего.

— Ну, Сурет, — наконец произнес Айдамир. — Чем ты думаешь заниматься? Ведь специальности у тебя пока нет.

Девушка опустила голову, ответила не сразу.

— Тебе лучше знать. Я думала, что ты поможешь мне найти подходящую работу в городе.

— А что ты считаешь подходящей работой? Может, ты уже выбрала дело по душе?

Сурет тяжело вздохнула, бросив быстрый взгляд на Айдамира. Она начинала понимать, что он чем-то похож на Асхада и вряд ли поддержит ее. И все же она нерешительно попросила:

— Помоги мне поступить в редакцию...

— Кем?

— Ученицей, выучиться на секретаря-машинистку.

— Таких учениц у нас в редакции нет. Этому можно научиться и в другом месте, не обязательно в редакции.

Незаметно они повернули обратно, вошли во двор и возле крыльца остановились. В дверях стоял Каплан.

— Вот, сынок, ломаем с Сурет голову. Не знаем, куда ей податься. Дела подходящего для нее нет.

— А чего ей надо? — неожиданно довольно резко спросил Каплан.

— Работать хочет, — спокойно сказал Айдамир, сделавший вид, что не заметил настроения сына.

— Мало ли в городе работы?

— Работы много. Но не на всякую же пошлешь Сурет. Ей нужна чистая работа.

— Чистая работа? Выходит, бывает работа и грязная? Какая ж это? Может, моя?

Каплан вытянул перед собой руки ладонями вверх. Желтоватые мозоли, темные царапины и трещины покрывали кожу, сквозь жесткие ногти просвечивала синева — следы ушибов.

— Значит, я делаю грязную работу и должен прятать руки? А я не прячу их. Вот вчера мы собрали станок, который отправят в Индию. А недавно выполняли заказ для Египта. Далеко уехали наши станки, а с ними пошла путешествовать по миру доля и моего труда. Царапины на руках зарастут, следы масла и металла смоеем. А станки будут жить, работать!

Айдамир, слушая сына, улыбался. Не так давно нечто подобное он втолковывал Каплану, теперь сын сам

отстаивает труд, которого прежде побаивался. Нет, Каплан не повторяет слова отца. Он говорит свое. И это — главное!

— Что ты кричишь на Сурет? — остановил Айдамир сына. — Она наша гостья. Сделал ли ты уроки?

— Сейчас буду заканчивать. Я на минутку вышел подышать воздухом.

Каплан ушел. Айдамир и Сурет присели на крылечко. Сурет обхватила руками колени. Айдамир сбокуглянул на сестру и негромко сказал:

— Я не о тебе, о себе хочу сказать. Здоровье у меня плохое. Откровенно говоря, неважны мои дела. Как быть? Мне советуют: бросай работать, отыхай. А я не бросаю. Ты не думай, что я боюсь заработок потерять. Много ли мне надо? Мог бы пенсию получать. Прибавь к этому зарплату Фатимы и Каплана. Прожили бы. Правда, у меня не такая работа, как у Каплана. Но не в этом же, в конце концов, дело. Я тебе один секрет открою. Если я брошу работать, болезнь быстро одолеет меня. Работа мне силу дает, помогает нервы в руках держать. Стоит мне расклейтесь, и сейчас же болезнь шею свернет, как куренку. Нельзя мне отступать, нельзя в отставку.

Айдамир зажал между ладонями свою неизменную палку, стремительно завертел ею:

— Ты не подумай, что я уговариваю тебя уехать от нас. Ты нам не помешаешь. Если ты у нас останешься, нам даже веселей будет! Но поверь мне — место твое сейчас в ауле, рядом с братом и отцом, рядом с твоими сверстниками. Там трудно, и уйти от них значит дезертировать! Может, это и резко, извини, но подводишь ты их наверняка. Даже если ты здесь пойдешь на завод, возьмешься за самую трудную работу, все равно у твоих односельчан впечатление останется одно — бежала из аула в город! А беглецов народ не любит. Словом, подумай и решай сама. Повторяю, наш дом — твой дом, наша семья — твоя семья. Потому я так прямо с тобой и говорю.

Сурет положила подбородок на колени и смотрела прямо перед собой. По щекам ее бежали слезы, а губы были твердо сжаты. Ой, как нелегко было ей отказываться от мечты о городской жизни, нелегко возвращаться домой

А что поделаешь? После такого разговора оставаться в доме Дачмуковых Сурет не могла.

— Пойдем в дом? — спросил Айдамир.

— Побуду здесь, — тихо ответила Сурет.

В конце дня всей семьей Дачмуковы отправились на автовокзал. Айдамиру удалось раздобыть билет на последний автобус, и Сурет под шумные прощальные возгласы и просьбы передать приветы родным уехала обратно в аул.

18

Если выйти из аула и пойти вверх по реке, то глазам откроется хутор, раскинувшийся на высоком противоположном берегу. У самого хутора берега теснят реку, и она прихотливо изгибаются, бьется, словно пытается раздвинуть каменистое ложе. А чуть пониже, возле аула, река становится шире, спокойней. В разгар лета она в том месте точно засыпает. Медленно текут ее воды к Кубани.

Берега поросли вербами. Своими зелеными шапками они затеняют прохладную воду. На плесе россыпи веселой многоцветной гальки перемежаются с желтыми полосами чистого промытого песка.

С детства любил эти места Асхад. И поплавать здесь можно, и позагорать на горячем песке. А надоест — ложись под вербами в теплую бархатную тень.

Было время, бегал сюда Асхад с быстроногими бесштанными друзьями.

Позже, став пионервожатым, приводил на эти берега свой отряд.

Вот и сегодня, возвращаясь с поля, завернул к хутору, но не сразу поднялся по крутому берегу, а спустился к воде, умылся, напился и прилег отдохнуть.

Солнце садилось, опаляя алым огнем прибрежные заросли. На землю легли длинные тени. А в воздухе еще держался запах нагретой травы и пыли.

Полежи здесь десяток минут — обязательно заснешь в этой густой бездумной тишине. Асхад энергично оттолкнулся от земли, вскочил на ноги и пошел в хутор. Остановился у калитки, за которой, среди небольшого, засаженного цветами двора, белел домик с голубыми ставнями.

— Марк Трофимович, вы дома? — крикнул Асхад.

— Дома, Асхад, дома, заходи, — дверь распахнулась, и в темном проеме ее показался высокий сухощавый человек с темно-русыми, начинающими редеть волосами. Загорелое лицо его рассекали глубокие морщины.

Асхад открыл калитку, пошел навстречу хозяину.

— Заскочил домой подзаправиться маленько. С утра ничего не ел, — сказал Марк Трофимович. — Бабка моя полностью отсутствует, так я сам тут распоряжаюсь. Идем покормлю.

— Спасибо, Марк Трофимович, меня девчата-кукурузоводы угостили так, что отышаться не могу. Дело у меня к вам.

— Ну, давай здесь, под деревом, устроимся, — в хате душновато.

Марк Трофимович был чуть ли не вдвое старше Асхада, но их связывала давняя крепкая дружба.

Еще в годы после первой мировой войны появился в ауле истощенный голодом русский парень. Был он в лаптях, в застиранной ситцевой рубахе и латаных-перелатанных холщовых штанах.

В ту пору двор Ожбаноковых был иным. Строили его по плану, издавна принятому адыгами. Кроме основного дома, во дворе стоял небольшой однокомнатный домик-гостиная. Осман разрешил пришельцу жить в этом домике. Квартирант оказался отличным мастером-жестянщиком. Он чинил ведра и кастрюли, делал совки и мотыги, зарабатывал себе на хлеб. Марк быстро стал в ауле своим человеком. Все называли его русским мастером.

В первые дни гражданской войны Марк Трофимович ушел из аула, а вернулся во главе красногвардейского отряда.

Здесь создавал он комитеты бедноты, разъяснял горцам политику Советской власти. Потом ворвались белые, красным пришлось отступать. С отрядом пришел Марк Трофимович, с отрядом и ушел, а окончательно вернулся, когда совсем разгромили денкинцев. Пришел он не один, с женой. И опять поселился в гостиной Ожбаноковых. Осман уступил ему часть усадьбы под огород, помог продуктами и необходимыми в доме вещами. Более десяти лет прожил Марк Трофимович у своих друзей, а потом, когда его избрали председателем хуторского

Совета, перебрался на хутор.

Друзья-адыги помогли соорудить каркас домика. Как-то в воскресенье собрались аульчанки вместе с хуторянками и в один день обмазали хату. Когда организовали в хуторе колхоз, Марк Трофимович стал его первым председателем. Руководил артелью до самой войны. Захватили хутор фашисты — ушел в партизаны. Выгнали гитлеровцев, и снова возглавил колхоз русский мастер, вывел его в ряды передовых.

Давно перебрался на хутор Марк Трофимович, а до сих пор не потерял связи с аульчанами.

По первому зову приходил Марк Трофимович на помошь к тому, кто в этом нуждался, последним куском делился с друзьями.

Печалило Марка Трофимовича, что отстают соседи-адыги, что слаб у них колхоз. Помогал он соседям и советом, и семенами, понимая, однако, что всего этого недостаточно. Но трудно было ему найти общий язык с самоуверенным Дзегаштом. Иное дело Асхад Ожбаноков. Агроном часто приходил к Марку Трофимовичу. Асхад ценил его опыт и шел к нему со своими новыми мыслями и планами. Старший друг умел слушать и рассуждать, умел разложить по полочкам все «за» и «против», предусмотреть, предвидеть, что может помешать осуществлению задуманного.

Асхад разостлал на столике под шелковицей самодельную карту местности.

— Узнаете, Марк Трофимович?

— Как не узнать! Наши места. Только для чего ты мне это показываешь? Я тут и без карты каждый кустик знаю.

— Так с картой видней все же. Поглядите на нее еще разок, Марк Трофимович. Сами вы знаете — иной раз трудно понять, где кончатся ваши земли, где начинаются ваши. Вот эти три балки рассекают и ваши, и наши поля и уходят в плавни. Добрая половина плавней на нашей территории. А у границы земель — котлован. Вот он. Понимаете, Марк Трофимович, и воды много зря течет, и земли пропадает изрядно. А если бы котлован расчистить и кое-где подсыпать валы, можно собрать здесь воду. Море получится — хоть на пароходах плавай. Главное же — появится возможность осушить плавни, наладить поливное

хозяйство. Сколько здесь кукурузы, овощей, риса вырастим! Трудно. Понимаю. Но заманчиво. Одни, конечно, мы не справимся. Но вместе, два колхоза, пожалуй, одолели бы. Ну, как вы на это смотрите?

Марк Трофимович, низко опустив голову, разглядывал карту, и Асхад не видел его глаз. Лицо председателя казалось невозмутимым, и только по тому, как он крепкими пальцами выбивал на столешнице какой-то быстрый ритм, можно было догадаться, что он взволнован. Очень важно Асхаду было знать, что скажет по поводу этого такой бывалый человек, как Марк Трофимович. А Марк Трофимович все молчал и молчал. И Асхад потерял терпение:

— Что же вы молчите?

Не поднимая головы и только перестав выстукивать, Марк Трофимович спросил:

— Ты с Дзегаштом уже говорил?

— Говорил. Высмеял он меня, назвал бесплодным мечтателем.

— Ну, это он зря. Мечтать хорошо, без мечты шага вперед не сделаешь.

— Об этом вы Дзегашту скажите. Он, если б только мог, за каждую мечту штрафовал бы.

Марк Трофимович поднял голову, пытливо посмотрел на Асхада спокойными, умными глазами. Заговорил негромко, медленно, словно еще раз, уже вслух, проверяя себя:

— Большие планы у тебя, Асхад, большие. Интересные. Но очень трудно придется. Трудно. И все же, думаю, это нам по силам. Ты мне — план, и я тебе — план. Послушай одну мою давнюю думку. Чтобы выполнить твой план, надо объединить наши силы. Значит, сама жизнь подсказывает: хватит работать врозь на своих делянках. Объединиться надо, в один колхоз сходиться. Земли у нас рядом. Друг друга знаем. Жить и работать вместе сумеем. А выгоды сколько! Даже начальства меньше станет. Вместо двух правлений — одно. В других областях уже попробовали сделать так. Можно поучиться у них.

Асхаду такое не приходило в голову. Он даже растерялся и сразу не знал, что сказать.

— Подходит такой вариант? — допытывался Марк Трофимович.

— Это, кажется, здорово. Как ваши люди посмотрят? Ведь вы-то побогаче, а мы все в долгах.

— Свои люди — столкнемся. А пока будем обговаривать в верхах и низах, тыстрой свои планы в расчете на объединенный колхоз. Ты же понимаешь, какая сила рождается из братства двух колхозов — адыгейского и русского?!

Асхад крепко пожал его руку.

— Молодец, что зашел, — сказал Марк Трофимович, — видишь, о каких делах потолковали. Передай привет отцу.

* * *

Мысль о слиянии двух колхозов в один заинтересовала секретаря райкома Кочаса Зарамукова.

— Вот здорово, — это же живое воплощение братства наших народов, первый в Адыгее адыгейско-русский колхоз!

В обком и в облисполком они пошли втроем. Кочас, Асхад и Марк Трофимович. Посчитали, прикинули, какой экономический эффект даст объединение хозяйств.

— Что ж, — сказали им в обкоме, — пусть Зулих собирает открытое партийное собрание с докладом Асхада о плавнях, о земельных резервах колхоза. Пригласите на собрание и хуторян с Марком Трофимовичем. А там — как решит народ, так и будет.

...Собрание было необычно многолюдным.

Перед самым началом в кабинет Дзегашта, где все собирались, протиснулся Марк Трофимович с хуторянами. Вошла Зулих, с трудом пробралась к столу, открыла собрание, предоставила слово Асхаду.

Асхад поднялся, стал боком к стене, на которой висела большая карта земельных угодий колхоза. Сначала он говорил о повседневных, всем известных делах. Но потом в своей речи все чаще и чаще почему-то стал упоминать о хуторянах, об их делах. Он провел указкой по карте:

— Вот они — плавни. Здесь река уходит в сторону от наших полей, которые ниже аула. А в нескольких километрах выше от реки отходит рукав. Он рассекает поля и, пройдя через котлован, растекается в плавнях. Параллельно — вот эта балка, по ней тоже уходят воды. Сколько влаги мы теряем даром! Не поля орошает река, а камыш да кутугу!

Гусарук не любил долго молчать. Сверкая всеми своими нержавеющими зубами, он засмеялся, перебил агронома:

— Ты что, решил воду обратно погнать? Так это и аллаху не под силу!

— Ну, аллах нам не указ, — спокойно ответил Асхад, — а гнать воду обратно не надо. Без больших затрат мы построим здесь, в котловане, водохранилище, соберем и сохраним влагу. Тогда, Гусарук, в любое время поливай кукурузу, огороды, бахчи и (добавил он, вспомнив старый шутливый разговор) посытай свою Пак на базар продавать помидоры.

Старики засмеялись.

Хусен выкрикнул:

— Ой, Гусарук, сколько хлопот прибавится твоей длинноносой!

А Асхад уже горячо убеждал колхозников, показывая на карту:

— Богатства у нас под боком, лишь надо протянуть руку и взять их. Тысячи гектаров осушим, рисовые плантации заведем, рыбные пруды.

Дзегашт усмехнулся и со скрытой издевкой сказал:

— Ну, если на наших полях будет рис, то надо позаботиться и о кишмише. Ты же знаешь, адыги любят кислое молоко с рисом, посыпаным золотистым кишмишом!

Асхад как будто и не заметил издевки:

— Ты прав, Дзегашт, — сказал он, — нужен нам и виноград. На той стороне реки сразу от берега идет хороший солнечный склон. Его следует отвести под виноградник.

Дзегашт словно заранее знал, что скажет Асхад. И сразу же заговорил снова:

— Ты у своего отца спроси — будет ли в наших местах расти виноград? Сколько лет потратил он на это дело — и ничего, ни одной ягодки. Осман возился всего с несколькими кустами, а ты предлагаешь занять под виноградники десятки гектаров.

Зулих недовольно повернулась к Дзегашту:

— Дай же человеку высказаться. Мы не подтрунивать друг над другом собрались, а обдумать нашу судьбу.

Но Дзегашт с досадой отмахнулся от нее, вскочил и заговорил хриплым от волнения голосом:

— Как можно слушать спокойно человека, который знает эти места, родился здесь и предлагает такие нелепости! Адыги не знают, где и как растет рис: на дне морском или на самшитовых деревьях? А он хочет, чтобы мы рис выращивали! Чего только не наговорил: «плавни! богатство! клад под руками!». А я скажу: фантазер Асхад. Фантазер и сказочник не хуже Бачмиза! Где средства, техника, люди? Об этом он подумал? А партторг об этом подумала?

Одни, слушая Дзегашта, недовольно хмурились. Другие согласно кивали. Действительно, высоко, ох, высоко заносится Асхад. Сулит журавля в небе, а нам хотя бы синицу в руках удержать. Неужели не знает или забыл агроном, сколько дыр, долгов, сколько нужд у колхоза?

Хусен беспокойно вертелся на своем месте.

Слухи о поездках Асхада и Марка Трофимовича в район и в область, видимо, уже дошли до него. Но он поколебался и на всякий случай бросил негромко:

— Насчет риса и плавней — не знаю... Не берусь судить. А водохранилище — это неплохо. Если, конечно, справимся со строительством.

Кто-то крикнул:

— Хусен не хочет рис сеять!

Бригадир смущенно отбивался:

— Как не хотеть? Я не против. Но не пойдет у нас эта культура.

Этот короткий спор словно расшевелил остальных. Теперь уже трудно было попять, кто что говорит. Кричали все сразу.

— Вот-вот: и виноград не для наших мест!

— Табак тоже не для наших мест?

— И овощи тоже?

— А молочное животноводство?

— Что же, по-твоему, для наших мест? Покой и тишина?

Люди спорили, совсем забыв и о президиуме, и о докладчике. Асхад стоял у карты, вглядываясь в лица спорящих, вслушивался в их голоса, стараясь понять, кто поддерживает его предложение, кто — против. На миг его глаза встретились с глазами Марка Трофимовича. Старик, держа руку у сердца, слегка покачал ею — дескать, спокойно, спокойно!

Асхад терпеливо ждал, пока страсти утихнут.

Наконец люди наговорились и, подталкивая друг

друга локтями, стали кивать на агронома — мол, давайте дослушаем его. Тогда Асхад заговорил снова:

— Всех нас беспокоит, что наш колхоз давно уж числится в отстающих. А где выход? Кто нам поможет? А наш председатель? Да ведь он обеими руками отталкивается от всего нового, требующего поисков и риска!

Последние слова задели Дзегашта не на шутку. Не дав Асхаду закончить, он вновь вскочил и тоном человека, обманутого в лучших своих ожиданиях, начал:

— Кто больше всех радовался приезду Асхада? Я! Наш аульчанин, коммунист, с высшим образованием, много повидавший в жизни. Вот, думаю, поможет, научит. Вместе станем работать, мало-помалу хозяйство поднимем. А что получается? Ошибся я в нем. Зря надеялся, зря. Он много говорит о земле, а сам оторвался от нее, фантазиями тешит и себя и других. И меня на это же подбивает. Я знаю, — Дзегашт повысил голос, — я знаю, что за спиной меня называют «сомневающимся». Но как тут не будешь сомневаться, если нет средств, мало техники, не хватает рук. Все, что говорил Асхад — только идея, увлекательная, но неосуществимая. За невыросшим кустом Асхад увидел неродившегося зайца. А нам пока надо бороться за самое доступное — постепенно поднимать отрасли хозяйства. Надо по одежке вытягивать ножки, а с высокими мечтами подождем. Реки, моря, плавни, рисовые плантации, виноградники... Еще неплохо бы и комаров в один день уничтожить, а?

— Надо дальше собственного носа смотреть, Дзегашт, — звенящим от возмущения голосом сказала Зулих. — Ты думаешь — те передовые колхозы, которым мы сегодня завидуем, легко добились успеха?

— Не задавай мне детских вопросов! — оборвал ее Дзегашт.

— Так в чем же дело? — уже обращаясь ко всему собранию, продолжала Зулих. — Неужели, если скот перезимовал без потерь, мы уже можем бить себя в грудь и кричать: — Смотрите, какие мы молодцы! Вот какой подвиг совершили! Дескать, вот так не спеша, потихонечку двинемся к новому рубежу.

— А что, этого мало?

— Очень мало! Посмотри, сколько молока дают наши коровы? Голов в стаде много, а что толку?

— Это уж спрашивайте с невестки Ожбаноковых. Она зоотехник, ее государство учило, пусть возвращает долг,

поднимет наше животноводство, — кивнул Дзегашт в сторону Асхада.

Зура сказала совершенно спокойно:

— Дай коровам вдоволь кормов, будет и молоко, и масло.

Поддержал Зуру и чабан Салех:

— Наши деды и прадеды говорили — у кого есть корова, у того и губы блестят от жира! Но что-то не видно, на наших губах жиру. Скота много, головы сразу и не пересчитаешь, а молока нет. У моей старухи во дворе бегает тридцать кур, и они несут два десятка яиц каждый день. А на ферме пятьсот кур, а яиц собираем не больше, чем моя старуха. А почему? Ты не знаешь, Дзегашт? Нужен уход и корма! Понимаешь — корма!

И снова все заговорили, заспорили, и трудно было попять, кто поддерживает Асхада, а кто Дзегашта. Постепенно стало проясняться, что сторонников агронома больше.

В этот момент Зулих удалось вновь овладеть вниманием собрания и навести порядок.

— Слово имеет Марк Трофимович!

Гость встал, и все сразу умолкли.

Марк Трофимович, не трятя лишних слов, прямо заявил, что во всем согласен с Асхадом.

— Хорошее дело предложил Асхад. И не только я так думаю, все хуторяне того же мнения. И те, что со мной пришли сюда, и те, что на хуторе остались. Верь, Асхад, много у тебя друзей, и все они зажглись твоей мечтой. Мы просим принять и нас в долю, хотим начать работу имеете с вами. Да, у каждого колхоза в отдельности и средств и сил не хватит, но если мы объединимся... Будет нелегко. Но лучше драться с трудностями и побеждать их, чем топтаться на месте.

— Или сидеть, поджав хвост от страха, — выкрикнул Темир. И все заулыбались.

— А теперь вот еще что хотелось мне сказать, — продолжил Марк Трофимович. — Мы живем рядом, мы большие друзья. Вместе делим радости и горести, помогаем друг другу в беде и веселимся на праздниках. Мы дрались в одном партизанском отряде. Рядом легли в могилы аульчане и хуторяне, павшие за Родину. На одной

виселице погибали наши герои во время фашистского нашествия. У наших жен и матерей одинаково соленые слезы. И теперь мы начинаем дело, которое должно еще больше сблизить нас. Подумали мы, подумали и вносим такое предложение: давайте объединимся в один колхоз, сольем земли, машины, скот, рабочие руки. Подумайте над этим. Мы вас не торопим с ответом, но плавни — они торопят. Может, в другой раз соберемся еще разок? Вот тогда и обсудим все до мелочей, прикинем, как лучше взяться за плавни, и за котлован, и за объединение наших сил.

С благодарностью и удивлением смотрели аульчане на Марка Трофимовича. Да и как не удивляться: люди богатого, крепко стоящего на ногах колхоза протягивали руку их слабому хозяйству, готовы были разделить с ними все, что у них есть, не боясь трудностей, неизбежных на первых порах. Так мог поступить только брат, озабоченный неудачами брата, принимающий близко к сердцу его тяготы!

— Ну, что, товарищи, как решим? — спросила Зулих.
— Сейчас будем отвечать или еще подумаем?

— Надо объединиться, как говорит Марк Трофимович, — подал голос Осман Ожбаноков. — Разве можно отказываться от помощи братьев! Друг открывает нам свое сердце.

— Тогда так, — предложила Зулих. — Примем план Асхада. И пусть он вместе со специалистами подготовит расчет на два колхоза. Ну, а предложение Марка Трофимовича в ближайшее время обсудим на общем собрании обоих колхозов. Согласны?

Собрание закончилось, но люди еще долго не расходились. Они разбрелись на группки и стояли, переговариваясь, в коридоре и у входа вправление.

— Чудеса! — удивлялся Гучесав. — Чудеса, да и только! Ну и жизнь пойдет! Это ж конец бездельникам. Теперь каждого работать заставим, если он хочет по-новому жить. А не хочет — пусть остается на старом месте, мы его с собой не возьмем!

— Куда не возьмем? Куда ты собрался, Гучесав?

— Куда, куда! В коммунизм. Не понимаешь, что ли?

— И бросаешь людей здесь?

— Не людей — бездельников. Теперь и Пляши-нога по-иному запляшет.

А над аулом уже стояла ясная лунная ночь. Придорожные камни поблескивали в лунных бликах, гравий дорожек скрипел под ногами множества людей. Непривычно, необычно шумно было в ауле в эту ночь. Но ведь и дело, которое начинали аульчане, тоже было и непривычным, и необычным!

19

Вернувшись из Майкопа, Сурет старалась не выходить из дома, избегала подруг и особенно старшего брага. Спрятаться от аульских девчат было нетрудно. Но удивительно, как ей удавалось не встречаться с Файзет и с Асхадом? А может быть, и сам Асхад не стремился в первые дни к прямому разговору с сестрой, к разговору, которого она боялась больше всего. Может быть, это он шепнул Файзет, что надо пока оставить Сурет в покое, дать ей время выплакаться и привыкнуть к мысли, что ни завтра, ни послезавтра не будет у нее в жизни ничего потрясающего и необыкновенного.

А плакала Сурет часто, и старая Мамерхан горестно вздыхала, не зная, чем утешить дочку. Как-то она попыталась успокоить Сурет, заговорила с ней тихо и ласково:

— Что же делать, доченька, если все так сложилось? Наверно, правду говорят старые люди: у каждого человека с первого дня жизни своя судьба. Одному — счастье, другому — беда. Но у тебя же не все еще потеряно. Ты молода, ты еще порадуешься. Не плачь, разве можно в твоем возрасте так много плакать? Сходи к подружкам, повеселись, рассейся. Что ты все одна да одна?

Но чем ласковей была с пей мать, тем сильней горевала и плакала Сурет.

От разговора с Айдамиром и Капланом осталась у нее в душе только обида. Как и Асхад, не поняли они ее, остались равнодушными к ее судьбе!

Как теперь жить ей дальше? Что делать?

Ничего не могла ни придумать, ни решить Сурет, и только где-то в глубине сердца теплилась у нее последняя надежда, что все образуется, если уедет она к Касиму. Там, в далеком краю, в незнакомых местах, все устроится так, как мечтала она все эти годы.

В короткие часы отдыха Асхад вел себя дома так, будто он и не знал, что Сурет давно уже вернулась из

Майкопа. В эти дни сам бывал дома очень редко. Уходил рано, возвращался поздно.

Занятый мыслями о колхозных делах, он молча съедал ужин, молча уходил к себе, садился за стол, перебирал какие-то бумаги или ложился в постель и мгновенно засыпал.

Асхад ни о чем не расспрашивал суевившуюся возле него мать, не интересовался, отчего так суров и угрюм отец.

Осман несколько раз заходил в комнату, когда в ней сидела Сурет, но не заговаривал с нею, обходил ее, будто перед ним были стол или стул. О здоровье Дачмуковых и их делах Осман подробно расспросил Мамерхан, словно это она воротилась из Майкопа, а не Сурет. И ото особенно больно задело девушку.

«Никому я не нужна. Обузой стала. Лишний рот, от которого рады бы избавиться, да нельзя. Терпят, и все. Даже говорить не хотят. Если даже умру, никто, небось, не заплачет. Нет, заплачут, но поздно будет», — так думала Сурет, обливаясь слезами от невыразимой жалости к себе.

Плакала и Мамерхан. Ей казалось, что сын и муж слишком уж строги к младшей в семье. Неужели им в самом деле безразлична судьба Сурет? А может быть, у всех у них — и у Асхада, и у Сурет, и у Османа — взяло верх их природное ожбаноковское упрямство, и ей, Мамерхан, надо что-то сделать, что-то подсказать, чтоб они смягчились и нашли путь к примирению?

Как-то, наплакавшись вволю, Сурет вдруг решила, что пора перестать реветь и надо начать действовать. Она села за стол и написала Касиму длинное жалобное письмо.

Сурет знала, что Касим характером в мать. Он мягок, уступчив, впечатлителен. Его непременно тронут жалобы и просьбы сестры.

И Сурет начала с того, что назвала Асхада жестоким и черствым, потерявшим к ней, к Сурет, всякое братское чувство.

«Пусть он купит себе сестру на базаре, — гневно писала Сурет. — Пусть сам сохнет в ауле, а я тут жить не могу.

— Касим, милый брат мой, умоляю тебя, забери отсюда свою жену и сына. И я вместе с ними приеду к тебе. Поторопись, Касим, пришли нам вызов. Зура истосковалась но тебе, заждалась. Из-за того, что ты не можешь перевезти семью, по аулу пошли сплетни. Этого не

избежиши. Ведь ты так долго молчал, а у людей чешутся языки, они рады посудачить».

Подавив неприязнь к невестке, Сурет не жалела слов и расхваливала Зуру, точно не сама она еще недавно упрекала молодую женщину в том, что та забыла о доме, променяла его на ферму, точно не сама Сурет не разозлилась на Зуру за то, что поддерживает Зура Асхада и настаивает на «трудоустройстве» младшей Ожбаноковой.

Весь вечер писала Сурет, нанизывая на голубые линейки ученической тетрадки мелкие буковки, тесня слова одно к другому. Уже три листа исписала она, а конца посланию все еще не было видно.

В соседней комнате раздалось легкое покашливание. Сурет вздрогнула, испугалась, что сюда может войти Асхад.

Она схватила незаконченное письмо, сунула его под скатерть, напряглась, прислушиваясь к неторопливым шагам. Шаги затихли, раздался щелчок выключателя, послышались обрывки мелодий и речей, тонкое характерное посвистывание морзянки. Асхад включил радиоприемник и крутил ручку настройки.

Невольно вспомнилась Сурет ночь в Майкопе и Айдамир, вот так же, как сейчас Асхад, ловящий какую-то волну в эфире.

Сурет немного успокоилась, извлекла листочки и снова занялась письмом, не забывая, однако, прислушиваться к тому, что происходит в соседней комнате.

Асхад «поймал» Майкоп. Диктор читал программу передач. Предлагалось прослушать двадцатиминутную беседу, после которой начнется концерт по заявкам тружеников села.

И тут сквозь шум приемника Сурет услышала:

— Входи, входи, Файзет.

Видно, Файзет остановилась у порога, потому, что Асхад с обычной для него непринужденностью повторил:

— Входи же! Ты вовремя пришла, Файзет. Сейчас начнется концерт по заявкам наших ребят и девчат. Садись, послушаем вместе.

— А Сурет дома? Я к ней.

С давних времен установилось: девушка-адыгейка не

имеет права входить в комнату неженатого мужчины, тем более в комнату любимого. Даже самая сильная любовь не заставит ее сделать такое. Она должна ждать. Дорогу к любимой пусть ищет сам джигит.

Асхад верил, что Файзет пришла не к нему, а к его сестре, верил и не обижался, что ее привело в дом к Ожбаноковым желание видеть Сурет, а не его, Асхада.

Чем больше думаешь о девушке, чем больше мысленно говоришь с нею, тем труднее начать с ней разговор при встрече. Слова разбегаются, а сердце бьется так, что никак его не смирить! Все осложнялось еще и тем, что Асхад был намного старше Файзет, что за ним тянулась печальная слава вдовца.

Работа ежечасно сталкивала Асхада с аульскими девушками. Он говорил с ними о делах, при случае шутил и легко выслушивал ответные шутки. Много красивых девушек было в ауле, но, казалось, Асхад не замечал их. Никто не догадывался, что сердцем Асхада давно владеет маленькая Мазагова. Стоит остаться ему одному, и тотчас перед его глазами, заслоняя все пережитое, встает образ Файзет. Стойная, как тополек. Смуглолицая. Черные косы, как два ручья, сбегают по спине. Большие глаза опущены густыми длинными ресницами. А какой у нее голос! Нежный и звонкий, проникающий в самую душу. Все в ней прекрасно: каждый жест, каждое сказанное ею слово. И когда эта соседская девчонка — подружка его сестры — и сама почти сестренка успела стать такой красавицей? Но тут невольно на память приходила Дариет. Тогда Асхад начинал убеждать себя в том, что он не пара Файзет, что она не будет счастлива с ним. А Дариет? С нею они никогда не будут вместе. Чистых юношеских чувств не вернуть...

Сурет ревниво прислушивалась к тому, что происходит в другой комнате. Вот Асхад подвинул Файзет стул, снова заговорил:

— Садись, Файзет. Разве к нам заходить можно только из-за Сурет?

— Мне Сурет нужна...

— Она где-то здесь, и ты успеешь повидаться с нею. Ты стала избегать меня, Файзет. Может, я обидел тебя чем-нибудь?

— Нет, не знаю, ничем не обидел...

— В чем же тогда дело? Почему же так получается, все чаще мне хочется видеть тебя, а ты все больше

стараешься не встречаться со мной.

Файзет ответила быстро-быстро, и радостно зазвенел ее голос:

— Не говори так, Асхад! Где Сурет?

— Я же сказал — тут, тут она. Я знаю, что ты пришла только из-за нее и никогда не придешь к нам из-за меня.

— Ты же знаешь, что нельзя. Не принято...

— Знаю, знаю. Но я не хочу, чтобы старый обычай мешал тебе. И думаю, что ты не стала бы считаться с ним.

— Ничего ты не понимаешь, Асхад! — воскликнула Файзет и, побежав через всю комнату, распахнула дверь и едва не сбила Сурет с ног.

А Асхад замер у приемника, словно застигнутый внезапным выстрелом.

В ушах его звенело: «Ничего ты не понимаешь, Асхад». Он повторял эти слова на разные лады, делая ударение то на одном, то на другом слове, и каждый раз фраза принимала новый оттенок. И слышалось ему то огорчение, то удивление его недогадливостью, то упрек, то призыв.

«Ничего ты не понимаешь, Асхад», — сказал он сам себе с веселым отчаянием. — Река перед тобой, зеленые волны перед тобой, если ты храбр, бросайся в них, переплыви реку, если умеешь плавать. А не умеешь — тони! Вчерашняя девчонка за этими волнами, заветная девушка на том берегу. Бросайся в волны. Выберешься — твое счастье, пропадешь — так тому и быть!?

А в соседней комнате Файзет обеспокоенно допрашивала его сестренку:

— Что с тобой, Сурет, ты больна? Почему тебя нигде не видно?

— Спасибо, я здорова, — резко ответила Сурет.

— Нет, что-то у тебя случилось...

Глаза Сурет потемнели, сжатые губы искривила злая усмешка. Но Файзет сделала еще одну попытку пробиться к сердцу подруги:

— Ну хватит, Сурет! Не напускай на себя меланхолию! Я тебя такую не люблю! Все девчата по тебе соскучились. Ты хотя бы разок к нам в звено зашла. Может, захотелось бы и тебе у нас остаться.

— Не притворяйся, пожалуйста, что ты обо мне беспокоишься, — резко сказала Сурет.

Глаза девушек встретились, и вдруг Файзет поняла, что Сурет ревнует ее к ясной радости, которой наполнена душа Файзет, а Сурет, подхваченная темной и злой волной, уже не могла остановиться:

— Ненавижу, ненавижу вас всех!

Обида на отца и брата, на Айдамира и Каплана, зависть и ревность — все смешалось в сознании Сурет, порождая желание всем делать неприятности. Сурет, скорей инстинктивно, чем осознанно, нашла, как больней ударить подругу. Она старалась попасть ей в самое сердце, оскорбить ее стыдливое, робкое чувство к Асхаду.

— Объяснилась в любви со своим Асхадом? Чего тебе еще надо?

Удар был нанесен так точно, что Файзет готова была расплакаться. Губы ее вздрагивали, повлажневшим глазам стало жарко. И, не найдя нужных слов, чтобы ответить, переубедить Сурет, девушка выбежала во двор и залилась слезами. Там и догнал ее Асхад, но она вырвалась и скрылась в своем доме.

Сумрачный, молчаливый Асхад вернулся в комнату, опустился на стул у радиоприемника. Он крепко сжал зубы, так крепко, что зашумело в ушах, и сквозь этот шум, точно сквозь вату, донесся до него голос диктора: «Говорит Майкоп! Начинаем концерт по заявкам молодых кукурузоводов звена Файзет Мазаговой».

Асхад выключил приемник и пошел к Сурет. Сестра стояла у окна, кусая губы и комкая в руках платочек. Она была бледна, в суженных глазах полыхал холодный огонь. Асхад широкими шагами пересек комнату и, задыхаясь, будто долго бежал, проговорил:

— Что ты сказала Файзет?

Сурет испуганно отшатнулась. Она поняла, что оскорбила и Файзет и брата. Но отступать, казалось ей, поздно, и она, со свойственным ей упрямством, молчала.

— Я спрашиваю, что ты сказала Файзет? — тихо и уже мягче повторил Асхад, глядя в глаза сестры.

Плечи Сурет обмякли, безвольно опустились. Она по-детски всхлипнула, и по ее щекам побежали слезы. Отвернувшись, она прижала к глазам скомканный платочек. Ей хотелось сказать брату: «Я виновата, Асхад».

Но слова не подчинялись ей, и она молча смотрела в окно, смотрела, ничего не видя.

Асхад положил руку на плечо Сурет. Она вздрогнула, как от удара, сжалась, Асхаду стало жаль ее — маленькую, совсем юную, глупую и обозленную. В груди у него потеплело, и он заговорил негромко, медленно, со сдержанной ласковостью:

— Дурочка ты, дурочка. С кем ты воюешь, в ком ты увидела врагов? Кто тебя любит больше, чем мы? Отец, и, Айдамир, Зура, Файзет... Мы же хотим, чтобы ты была счастлива.

Асхад снял руку с плеча сестры, хотел приласкать ее, но сдержался и крупно зашагал по комнате — от окна к двери и обратно.

— Не знаешь ты, какое оно настоящее счастье, и ищешь легких удач. Ты слышишь меня, Сурет?

Асхад остановился возле сестры, нежным и настойчивым движением рук повернул ее к себе.

— Плачешь? Эх, маленькая, что ты оплакиваешь? Ты видела Каплана? Неужели ты думаешь, что Айдамир не любит своего сына, не желает ему удачи? Или он не может прокормить сына и потому послал его на завод? Он хочет, чтобы его сын вырос настоящим, сильным, уважаемым человеком. Пойми, Сурет, мне хочется, чтобы подруги завидовали тебе не оттого, что у тебя щедрые братья, а оттого, что ты сама хороший человек.

Асхад осторожно посадил сестру на стул, чуть наклонясь, стал перед нею. Он помолчал, потом произнес задумчиво:

— Когда я был маленьким, бабушка часто сидела под деревом, что растет у нас во дворе перед самым домом. Как-то она пряла шерсть. А может, вязала носки. Не помню уже. Помню только, что она что-то делала. Она никогда не сидела без дела, всегда о чем-то и о ком-то заботилась. Так вот, как-то летом бабушка сидела под деревом, а я и старшие братья играли тут же, рядом. В это время в небе появился коршун, окруженный множеством маленьких птиц. Они со всех сторон налетали на него, в воздухе носились перья.

Знаете, что там происходит? — спросила бабушка. Знаете, почему эти маленькие птицы так храбро нападают на грозного коршуна?

Откуда ж нам было это знать? Мы тогда были совсем маленькими. Мы устроились у ног бабушки, и вот что она

нам рассказала:

— Сейчас лето, дни стоят жаркие. В такую пору всем, и людям, и зверям, и птицам, особенно хочется пить. Хочется пить и этому коршуну. А птицы мешают ему напиться. Вы слышите, как он кричит? Горло его пересохло от жажды. Он просит воды, он стремится к воде, а птицы гонят его от реки, они ему и капли не дадут, хоть трижды лопни его пересохшее горло!

А началось все с того, что люди, звери и птицы решили выкопать русло для будущей реки. Кто пришел с лопатой, кто с киркой, а кто просто с когтями. Все работали, все рыли русло, только коршун отказался.

Он оказал:

— Подумаешь, стану я пачкать в грязи свои красные сафьяновые сапожки! Нет, только подумайте, это землю он назвал грязью!

Коршун летал над тем местом, где дружно работали и люди, и звери, и птицы. Он любовался своими сафьяновыми сапожками и смеялся:

— Копайтесь, копайтесь в грязи, землеройки несчастные!

А когда река потекла, он первым захотел напиться и стал спускаться к воде. Но тут навстречу ему поднялись птицы. Их было много, и он не мог справиться с ними. А они гнали его прочь от воды и кричали:

— Что делал ты, когда мы копали русло? Убирайся, бездельник!

— Бабушка, в лесу есть маленькое озерцо. Там коршун может тайком напиться, — сказал тогда я.

— Нет, внучек, — ответила мне бабушка, — и там его заметят и прогонят. Не простят ему, что он не хочет работать вместе со всеми.

Сурет перестала плакать, невольно прислушиваясь к старой сказке. Асхад усмехнулся.

— А ведь сказка эта, Сурет, не про коршуна, а про человека. И не завидую я тому, кому она предназначена.

Асхад подсел к сестре, сказал ей тихо:

— Ты думаешь, я вернулся в аул потому, что мне больше некуда деться? Но больше всего я нужен здесь. Сейчас надо рыть русло новой реки. Как зовут эту реку, ты знаешь. Одни зовут ее жизнь, другие — коммунизм, 166

трети — счастье... Названия разные, река — одна. Думал я, что и ты поможешь мне в этой работе. А тебе приходится сказки рассказывать о красных сапожках.

Может, Асхад поспешил. Может, не надо было сразу делать выводы из этой сказки, только Сурет снова насторожилась, поджала губы. И, почувствовав это, Асхад резко оборвал дружелюбный, ласковый разговор и устало сказал сестре:

— Подумай, поразмышляй, Сурет. Подумай, потом поговорим еще.

Асхад забыл о том, что собирался слушать концерт. Возвратясь в свою комнату, он даже не включил приемник.

А Сурет в эту ночь преследовал один и тот же сон: и синем небе мечется коршун, его надрывный стон заглушают безжалостные крики птиц, в воздухе носятся пух и перья, они медленно и плавно падают вниз, ложатся на быструю воду реки, а коршун никак не может напиться. Птичья карусель вертится все быстрей и быстрей. Вот-вот она подхватит и понесет Сурет. Девушка бьется в этих быстрых и пестрых кругах, разрывает их, но снова слышен жалобный крик коршуна, и летят, летят, летят птицы...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

аннее лето. Все вокруг зелено: В степи на легком ветру качаются цветы и трава. Дни безоблачные, теплые и сухие, а ночи прозрачные, залитые лунным светом, полные освежающей прохлады.

В эту пору возвратился домой сослуживец Касима

демобилизованный сержант Мухтар. Приехал он поздно ночью, и никто его не видел. Поэтому, когда он ясным утром прошелся по родному аулу, друзья его ахнули от удивления: Мухтар дома, а мы ничего и не ведаем!

Еще в дороге он решил первым делом побывать у Ожбаноковых, передать им салам от Касима, рассказать о его житье-бытье, о его добром здоровье и благополучной службе. Когда же пришло время выполнить это, Мухтар заколебался. Он побаивался Асхада, которого знал по рассказам его младшего брата. Мухтару возложенная на него миссия представлялась все более трудной, и он уже сомневался в том, что сможет с нею справиться. Самое главное — выбрать удобный момент, такой, когда Асхада не будет дома. В его отсутствие говорить с родными Касима будет легче. Лучшего времени, чем раннее утро, не выберешь. В эти часы агроном Ожбаноков наверняка в поле.

Мухтар шел к дому старого Османа, на ходу подбирая необходимые для нелегкого разговора слова. Но еще издали он заметил бедарку, свернувшую к воротам во двор Ожбаноковых, а в ней Асхада. Мухтар растерялся и в нерешительности остановился.¹⁶⁸

Оказывается, неугомонный Асхад уже побывал в поле и, наверное, решил позавтракать. «Что ж, — подумал Мухтар, — пойду поброджу по степи, а Ожбаноковых навещу вечерком. Другого выхода нет».

Накануне, собравшись за обильным столом, родные Мухтара обрушили на него поток самых свежих и самых важных аульских новостей. Рассказали они о том, что по настоянию Асхада Чертово гнездо было распахано, и теперь там красуется выращенная девушкиами невиданно богатая кукуруза. Такое чудо не обойдешь, тем более, что среди молодых «чудотворцев» была и Асиет, о которой Мухтар не забывал все годы службы.

Жадно вдыхая чистый воздух, Мухтар легко взбежал на возвышенность и окинул взором поле, на котором безупречно ровными рядами выстроилась рослая и сочно-зеленая кукуруза. Зрелице было изумительное, не случайно оно привело в смятение старииков, прежде трепетавших от одного упоминания Чертова гнезда. Давние страхи, ожидание безжалостной кары, которая должна была постигнуть молодых святотатцев, — все это было опровергнуто здравым и завидным успехом.

Мухтар невольно рассмеялся. Он вспомнил одну нелепость, которая случилась с ним в детстве. Отец работал в поле, и мать послала к нему Мухтара с обедом. Мальчик взгромоздился на коня и, воображая себя джигитом, проскакал по аулу, лихо вынесся за окопицу. Но поравнявшись с проклятым стариками местом, оробел: слишком много слышал он о черных джинах, молча плясавших в густой тени деревьев. Придерживая коня, чтобы тот шелтише и не стучал копытами, Мухтар не сводил взгляда с зарослей, готовый в любую минуту бежать от опасности. И вдруг ему почудилось, что между деревьями появилась женщина-джин, кривобокая, с вывернутыми ногами, с длинными, рассыпанными по плечам волосами. Она вытянула вперед руки и шла прямо к маленькому всаднику. Мухтар похолодел и задрожал от страха. Ему хотелось закричать и погнать коня, но он с перепугу лишился голоса, лихой скакун, как назло, стал замедлять шаг и, довольно всхрапывая, готовился пощипать траву.

А джин был уже совсем рядом. Мухтар ударили пятками в бока коня и закрыл глаза, прощаясь с жизнью.

Конь рванул, и мальчик тут же почувствовал, как джин ударил его под бок, да так сильно и резко, что он мгновенно оказался на земле. Уткнулся лицом в траву, ожидая самого невероятного, бессильный что-либо предпринять. Однако время шло. Джин не спешил, конь спокойно шлепал мягкими губами над головой Мухтара. Мальчик осторожно приподнялся, огляделся. Джина и в помине не было, а рядом с тропой покачивался куст боярышника. Всматриваясь в заросли, Мухтар даже не заметил куста, о который больно ударился. Юный всадник уже понял, что испугался зря, но справился с собой не сразу. Он торопливо вскочил на коня и погнал его, вцепившись в спутанную гриву.

Тогда Мухтар утаил от отца и друзей это происшествие. Только перед уходом в армию, когда он стал совсем взрослым, рассказал, напирая на самые смешные места и хохоча вместе с теми, кто его слушал.

И вот заклятая земля возвращена людям. Древние поверья запаханы в нее вместе с травами. Мухтар вслушивался в неторопливый задумчивый шелест кукурузы, с удовольствием смотрел на ее широкие саблевидные листья. Мухтар зашагал по узкой тропе туда, где бывшее Чертово гнездо обрывается у реки. Над берегом тропа раздваивалась. Одна вела к аулу, другая — дальше в поля. Мухтар пошел по второй, всматриваясь в волны реки, в прихотливое переплетение колючих прибрежных кустов, в плотный травяной ковер, стелившийся вдоль тропы, в синеватую долину за тем берегом, в чистое безоблачное небо. Не будь у него мечты стать художником, ни за что не покинул бы родной аул, не обрекал бы себя на новую разлуку с Ленет.

Вдруг до него донесся нестройный девичий говор, беззаботный смех. Он замер на секунду и торопливо бросился за терновый куст. Чуть наклоняясь, осторожно раздвинул колючие, ветви. Когда хохотушки вышли на тропинку, он узнал Ленет и Бибу — первую жену Ахмета. Они остановились метрах в пяти от этого места, где притаился Мухтар, опустили ведра на землю с чем-то тяжелым, сели на траву лицом к реке, видно, продолжая разговор. Мухтар сразу понял, что речь идет о близком замужестве одной из них, и пожалел, что стал невольным свидетелем такого разговора. Подслушивать тайную беседу девушек некрасиво, но и незаметно уйти теперь уже не удастся. Мухтар покраснел от стыда, а ничего

не подозревавшие подружки толковали о своем. Они уже не смеялись, в голосах их была озабоченность.

— Ой, Асиет, не теряй головы, — говорила Биба. — Вспомни, на чем я обожглась. Поверь, мне совсем не безразлично то, что может произойти с тобой. Ты и не думай о нем. Тебе мало моих бед, тебе мало, что он пытался втянуть в свою паутину Файзет. Это страшный и грязный человек!

Столько горечи и презрения было в словах Бибы, что Мухтару стало жаль се.

— Да я не думаю о нем, — возразила Асиет. — Это он сам слухи распространяет, а ты и поверила!

Мухтар забыл о предосудительности своего поступка и, затаив дыхание, ловил каждое слово Асиет. Даже от одной мысли о том, что кто-то другой пытается жениться на Асиет, в груди его поднимался гнев. Этот хвастун и бездельник Ахмет, видно, всерьез решил завоевать девушку, ради которой Мухтар пойдет на все!

— Понимаешь, он хитрый притворщик, — продолжала убеждать Биба. — Посмотришь, вроде бы мягкий и добрый человек, а на самом деле грубый и безжалостный себялюбец, которому нужна жена-рабыня.

— Не беспокойся, Биба, я никогда не сделаю глупости.

Подружки поднялись, и Мухтар, крайне смущенный, вышел к ним. Биба и Асиет растерянно переглянулись.

— Доброе утро, — проговорил Мухтар.

— Как ты оказался тут? — наконец нашлась Асиет. — Откуда ты?

— Здравствуй, — сказала Биба с улыбкой. — Давно дома не был и заблудился, да?

-- Нет, не заблудился. Следы Асиет привели меня сюда.

— Мухтар с облегчением подумал, что подружки, видно, не подозревают о том, что он слышал их разговор.

— Скажешь тоже! — рассмеялась Асиет.

— Я же тебе говорила, что наши джигиты научились находить красивые слова, но поступают вопреки словам, - не без яда произнесла Биба.

Это тоже искусство, правда, Мухтар? — подхватила Асиет.

Возможно. Но я действительно пришел сюда, мечтая увидеться с тобой. Дома тебя теперь не застанешь.

— Ты говоришь так, словно уже заходил к нам, — упрекнула Асиет. — Небось, уехал бы снова не повидавшись, если бы не эта случайная встреча.

— Что ты! Не выдумывай! — горячо возразил Мухтар.

— Я и не выдумываю! Мало ли таких, которые вернутся из армии, денек-другой погуляют и исчезают из аула.

— Я за них не в ответе.

— Воздух наш им не подходит, солнце печет, тяжело на земле работать — вот и бегут в город, — продолжала Асиет.

— Захребетники! — воскликнула Биба. — Знаю, как они работают в городе. Как воскресенье, являются домой с пустыми кошельками. Родные снабдят продуктами, и сынки снова тю-тю! А через неделю опять их встречай и готовь припасы! И никто не знает, чем они там занимаются.

— Ну и злые у вас языки, — озадаченно произнес Мухтар. Мечта стать художником может сделать и его мишенью для таких безжалостных критиков.

— Языки тут ни при чем, мы правду говорим, — сказала Биба.

— Э, если вы пожелаете, на любого из нас узду наденете, — проговорил Мухтар, желая шуткой смягчить тон беседы.

— Никого мы принуждать не будем, — не принимая шутливого тона, сказала Асиет. — Хочешь с нами работать — рады будем. Не хочешь — катись на все четыре стороны.

— А: как мне поступить?

Асиет взглянула на Бибу и быстро ответила:

— Сам выбирай тропу.

— Сам, — поддержала Биба подругу. — А мы посмотрим, на какую тропу направишь ты своего коня.

— Мне по душе воздух наших мест. Мне дороги наши поля, а всего больше мне любы наши девушки. Я охотно шел бы по тропе с одною из них, только захочет ли она стать моей спутницей? — с трудом скрывая волнение, проговорил Мухтар и испытующе посмотрел на Асиет.

— Не бойся, спутница найдется, — беспечно сказала Асиет.

— Но я имею в виду ту, о которой мечтаю, — настаивал Мухтар. — Захочет ли она? А вдруг скажет, что нам не по пути? Бывает же так...

— Бывает, но...

— Давай без «но». Там, где в дело вступает «но», добра не жди. Ненавижу это «но».

— Я тоже не люблю «но».

— Не любишь, а избавиться не можешь даже сейчас! Кто придумал его на мою голову?

— Ладно, — вмешалась Биба, — я помогу вам. И без всяких «но». Так вот, есть девушка, которая может стать твоей спутницей, но...

Асиет расхохоталась и больно ущипнула Бибу. Та взвизгнула, отскакивая в сторону, и едва не сбила с ног Бачмиза, вышедшего из кукурузы. Старик нахмурился, строго кашлянул, однако не успел начать речь: подружки подхватили ведра и метнулись в кукурузу. Шелест тугих листьев и смех Асиет и Бибы смешались и скоро затихли.

Старик усмехнулся, покачал головой и шагнул к Мухтару, пытливо всматриваясь в него.

— Ты кто? Мухтар, что ли? С приездом, сынок! В отпуск или совсем приехал?

— Совсем, дедушка!

— Молодец, — неведомо за что похвалил Бачмиз. — Молодец. Ну, налюбовался? Хороша кукуруза, а?

— Да, вчера мне рассказали о делах наших комсомольцев, и вот я смотрю тут...

— Молодец, воллахи, молодец, что не забываешь о родном ауле, интересуешься нашей жизнью. Ну, пойдем со мной!

Бачмиз двинулся по тропинке вдоль кукурузного поля, а Мухтар по обычанию пошел слева от старика, внимательно слушая его. Они обогнули плантацию и увидели все звено, расположившееся на траве. Видно, у них сейчас передышка. Девчата и ребята дружно и весело пели.

Бачмиз широко улыбнулся и, взмахивая жилистой рукой, проговорил:

— Вот они, победители джинов! Аферам! Они свершили то, что не под силу было нам в дни нашей молодости! Что делает с людьми новая жизнь, что делает!

Файзет, запевавшая новый куплет, оглянулась, увидала гостей, вскочила и прервала песню, пошла им навстречу. Поднялись и другие, побежали, обгоняя друг друга. Ребята обнимали Мухтара, (крепко хлопая ладонями по спине. Девушки чинно пожимали руки. Вопрос за вопросом сыпались со всех сторон. Мухтар отвечал. От спешки порой говорил невпопад, но никого это не беспокоило. В конце

концов выяснилось, когда и насколько он приехал, как чувствует себя.

Постепенно шум стал стихать. Бачмиз взял у одного из парней тяпку, оперся на нее и предложил молодежи присесть на траву. Все поняли, что старик и на этот раз не упустит возможности произнести речь, вспомнит одну из легенд, может быть, даже уже слышанную ребятами и девушками раньше. Но никто бы не взял на себя смелость сказать об этом Бачмизу, если бы это было так.

Случилось то, чего все в душе побаивались. Бачмиз длинно, с подробностями и отступлениями в который раз рассказал о Чертовом гнезде, настоятельно советую запомнить легенду и передать ее своим будущим детям, внукам и правнукам. Выслушали его внимательно, словно в первый раз —уважение к старшему превыше юношеского нетерпения.

А Бачмиз разошелся. Витиевато и торжественно закончив легенду, он поднял руку и, вытянув указательный палец, назидательно произнес:

— Меняются времена, меняется и жизнь людская. Теперь раскован человеческий ум. А ум — это сила, это крылья для полета! Запомните это! Пусть ваш ум служит благородному делу, пусть ваши крылья несут вас далеко, не боясь встречного ветра. Я все сказал, дети мои.

Большую часть обратного пути Бачмиз и Мухтар проделали вместе. Старик на этот раз много и уважительно говорил об агрономе Асхаде Ожбанокове. Мухтар недоумевал. То, что говорил Бачмиз, было прямо противоположно рассказам Касима о старшем брате. Однако это не делало положение Мухтара более легким: все равно надо было принести человеку, перед которым Мухтар невольно робел, плохие вести. Не мог он умолчать о правде. Да, а как быть с товарищеским чувством, с тем, о чем просил Касим?

Совсем запутался Мухтар. Он расстался с Бачмизом как только они прошли кукурузное поле и поднялись

на возвышенность. И всю дорогу до аула Мухтар пытался найти правильное решение. Как ни верти, а глядеть в глаза людям и лгать невозможно. Все надо сделать так, чтобы его совесть по-настоящему была чиста.

Вторую половину дня Мухтар провел дома, а вечером пошел к Ожбаноковым. Вся семья была в сборе. Осман рассказывал внукам сказку. Зура была занята шитьем. Сурет читала книгу, положив ее на подоконник. Асхад слушал радио, а Мамерхан суетилась на кухне, готовя ужин.

Ожбаноковы встретили Мухтара радостно и шумно. Сурет немедленно была командирована в магазин, Зура стала помогать Мамерхан, и скоро стол был заставлен тарелками с едой.

Пока Осман произносил тост в честь гостя, пока все пили и уговаривали Мамерхан пригубить рюмочку, пока все закусывали, Мухтар чувствовал себя сравнительно спокойно. Но вот приличия соблюdenы и, хотя хозяева не торопятся с расспросами, пора облегчить их участ — заговорить самому. Мухтар, растягивая каждую фразу, рассказал о том, что Касим жив и здоров, что товарищи уважают его.

— А когда он думает приехать к нам? — не удержалась Мамерхан.

— Этим летом не сможет. Ему обещали путевку в санаторий.

— Санаторий? — забеспокоилась Мамерхан.

— Не из-за болезни, — поспешил Мухтар. — Он здоров, но служба нелегкая, и он устал.

Зура напряженно прислушивалась к разговору, но ни слова не проронила. Она следила за каждым жестом гостя, словно из этого можно было узнать то, чего не могла она узнать из разговора — вежливого и обязательного. По-иному была настроена Мамерхан.

— Люди уже аллах знает что выдумывают. А может, и правду говорят. Скажи, сынок, все, что знаешь, — попросила Мамерхан Мухтара.

Долго готовился Мухтар к этому разговору, боялся его и уверен был, что разговора не избежать. И вот отвертесь больше нельзя. Мамерхан своим вопросом, как каменной плитой к стене, приперла парня. Отводя в сторону глаза, он засыпал скороговоркой:

— Кто, что говорит? Кому это нужно? Болтают, кому делать нечего. Выдумки! Не надо верить рассказням, зачем зря волноваться? Касим очень скучает по семье и хочет приехать в аул, но это не так просто сделать.

Мухтар как по наклонной плоскости покатился. Слова лились сами собой, после каждой фразы вырывалось противное самому «хи-хи». А он говорил, говорил, избегая тяжелого взгляда Асхада. Однажды, когда Мухтар заметил, что взоры Асхада и Зуры сошлись, ему стало совсем не по себе, но остановиться недоставало сил.

Легче всего было обращаться к Сурет, которая довольно улыбалась и поощрительно кивала Мухтару. Касим хороший брат, и все, кто укоряет его и распространяет сплетни, посрамлены. Ее ничто не могло насторожить, даже то, что сразу же после ухода Мухтара все закрылись по своим комнатам.

Сурет не могла лишить себя удовольствия задеть Асхада. Утром она с наигранным доброжелательством сказала ему:

— Зря ты обижал Касима. Видишь, как ты был неправ. То, что люди болтают, еще не беда, а вот то, что родной брат заподозрил его в нечестности, — это плохо. Теперь ты жалеешь об этом, а?

— Ничего, переживу, — промолвил Асхад, глядя' прямо в торжествующие глаза Сурет. — Я рад, что мое подозрение не оправдалось.

Сурет снова стала мечтать о поездке к Касиму. А старики Ожбаноковы решили, что надо готовить Зуру к отъезду, не ожидая больше вызова. Молодая женщина без размышлений согласилась с родителями мужа. Она побывала у Мухтара, подробно расспросила его обо всем, что было связано с предстоящей поездкой. Мухтар, промычав что-то о любви Касима к жене и сыну, стал расписывать трудности пути, который придется Зуре преодолеть. Говорил он так, словно хотел отговорить ее от подобного намерения.

— Ты все-таки подождала бы Касима, — сказал он, видя, что никакие невзгоды не пугают Зуру. — Как ни говори, а с мужчиной легче в такой дальней дороге.

Зура и эти слова пропустила мимо ушей.

Встречи с Мухтаром искал и Асхад. Выбрал для этого время, но не застал его дома. Однако в тот же день они столкнулись в конторе колхоза. Мухтар говорил по телефону. Увидев Асхада, он быстро закончил разговор и

поспешил к выходу.

— На почту надо, отсюда плохо слышно, — говорил Мухтар, точно от него требовали отчета.

— Погоди, — остановил его Асхад. — Я на минутку тебя задержу.

Мухтар опустил голову.

— Что же это ты, — продолжал Асхад, — обещал зайти к нам, а сам исчез!

— Да так получилось. То к одному зовут, то к другому. Времени в обрез, ни минуты свободной со дня приезда.

— Это я по себе знаю, — подтвердил Асхад. — Ну, ладно. Я о другом спросить хочу. Ты у нас тут останешься или куда-нибудь подашься?

— Как сказать тебе? Окончательно еще не решил. Мне учиться хочется. А если я останусь здесь, что буду делать?

— А ты подумай хорошенъко. Я не хочу навязывать тебе свое мнение, но мне кажется, что и здесь ты сможешь применить свои силы.

— Что же тут делать художнику?

— Что делать художнику, говоришь? — повторил Асхад. — Ты пытался в завтрашний день нашего аула взглянуть? Нам много людей нужно уже сейчас и еще больше их понадобится в будущем. Самые разные люди. И художнику дело найдется, и инженеру. Здесь сама жизнь, и здесь тебе полезно было бы начать свой путь. Картинную галерею откроем. В общем, поразмышляй.

Мухтар с искренним удивлением слушал агронома. Такого отношения к искусству у человека, занятого массой беспокойных хозяйственных дел, он не ожидал. Тем более не ожидал, что Асхад поведет речь о непосредственной связи Мухтара, как художника, с колхозом, которому еще предстоит подняться на ноги, у которого на самое неотложное пока нет денег, не то что на приобретение картин.

— Никогда, Асхад, не думал я над этим. Честно говоря, мне хотелось бы устроиться в городе, учиться дальше. Ведь я только художественное училище закончил, а мне хочется в академию поступить.

Так они говорили, а где-то в душе Мухтар побаивался, что сейчас Асхад повернет разговор в другую сторону,

коснется того, что Мухтару, кажется, удалось скрыть при посещении дома Ожбаноковых. Иногда он думал с облегчением, что Асхад удовлетворен тем, что узнал. Мухтар хотел было распрощаться с агрономом, но не уходил и сам не мог бы сказать — почему.

Асхад крепко потер ладонью лоб, словно старался избавиться от сильной головной боли, и из-под насупленных бровей взглянул на Мухтара.

— Скажи-ка, — медленно проговорил Асхад, — давно Касим обзавелся второй семьей?

Мухтар торопливо огляделся, точно ища помощи от кого-то со стороны, потом поднял глаза на Асхада. Тот стоял спокойный, терпеливый и непреклонный. Сколько ни увертывайся, его не выведешь из себя и все равно расскажешь всю правду.

— Я не спрашиваю тебя, есть ли у него другая жена? Я спрашиваю — давно ли это случилось? — Асхад говорил, как учитель, помогающий провинившемуся и растерявшемуся ученику понять, чего от него хотят. — Ты у нас говорил неправду. Это было видно по тебе. Я не обижаюсь. Ты пожалел старииков, хотя, вероятно, руководило тобой иное. Ты старался сдержать слово, данное Касиму. Ты в нелегком положении, но разве хорошо быть честным перед бесчестным человеком? А ты подумал о Зуре, о ее сыне? Ты подумал о стариаках, которых сын так давно обманывает? Этот человек — мой брат, нас родила одна мать. И я должен знать правду о нем.

Асхад говорил ровным, спокойным тоном. Мухтар понимал, чего стоила ему эта выдержка. Но откуда он все знает? Мухтар залился горячей краской стыда, что-то сдавило ему горло. Уронив голову, он начал глухо и сбивчиво:

— Я виноват. Не так я поступил, Асхад. Не так, не так. Три года в одной части служили. Земляки. Далеко, очень далеко от дома. Всякое бывало. Места там трудные, служба тяжелая. Касим много хорошего сделал для меня, я благодарен ему. Но ты прав. Прав. Что теперь скрывать? Есть у него жена. Там.

Мухтар рассказывал, и ему казалось, что стены сходятся, потолок опускается, давит на него. Воздуха в комнате становится все меньше. Открывая правду, он не только не освобождался от чувства собственной вины, но, наоборот, думал, что усугубляет ее. Теперь ему было

стыдно и перед Асхадом, и перед Касимом. И Мухтар вдруг разозлился на себя, замолчал. Он бросил быстрый взгляд на Асхада и увидел, что тот смотрит на него с сожалением. И как-то сразу Мухтар понял, что Касим бесчестно поступил с родными, товарищами, со своей честью и долгом. А он, Мухтар, пошел у него на поводу и даже секунду назад не судил Себя, а искал оправдания, выгораживал себя тем, что Асхад сам обо всем догадался. Сокрущенно вздохнув, Мухтар заговорил снова:

— Он много говорил о вас. Читал мне ваше письмо. Он боялся этого письма, даже распечатал не сразу, и руки Касима дрожали. Мне было жаль его. Я бы не хотел получить такое письмо от старшего брата. Он советовался со мной, хотя я моложе его. А что я мог сказать, как я помог бы ему? Он очень переживал, перебирал всякие возможности, кроме одной — сообщить родным правду. Мне было жаль его, но не меньше я жалел его родных, его жену Зуру. Что мне было делать? Пусть мой язык отвалится за то, что он говорил ложь. Но я не шал, как быть, и поступил так, как просил Касим.

— Когда это случилось?

Мухтар задумался, припоминая.

— Когда Касим был в отпуске и женился на Зуре, он уже встречался там с этой женщиной. Вернувшись на службу, он рассказал мне о своей свадьбе в ауле, говорил, что любит только Зуру. А другая уже ждала ребенка.

Заложив руки за спину, Асхад ходил по комнате. Он так сжал руки, что пальцы побелели. Шаги его гулко отдавались в просторном помещении. Наконец он остановился перед Мухтаром и срывающимся голосом произнес:

— О чем он, бессовестный, думал? О чем?

Мухтар испуганно отшатнулся и виновато промолвил:

— Он хотел выиграть время и как-нибудь все постепенно уладить.

— Мерзавец! Он, видите ли, хотел время выиграть! Обманул двух женщин и хочет теперь остаться безнаказанным!

Асхад сжал руками виски, полуприкрыл глаза и молча смотрел куда-то в сторону, точно забыл о присутствии Мухтара. А тот растерянно смотрел на Асхада.

Три дня Асхад был в таком состоянии, будто похоронил близкого человека. Пожелевший, с бессильно опущенными плечами, он появлялся среди людей лишь в самых необходимых случаях. Он почти ничего не ел, на расспросы матери или не отвечал, или бросал что-то резкое, почти грубое, что ставило стариков в тупик. Таким они Асхада никогда не видели. Они попытались объяснить состояние сына скопой с Сурет. Но какая это была скора? Да и не мог Асхад так расстроиться из-за девчонки, которую в силах заставить покориться, если не убеждением, то приказом по праву старшего брата.

А Сурет, напротив, была в отличном настроении. Она готовилась ехать к Касиму, и все остальное не имело для нее значения. Асхад мрачен? Ну и пусть! Самолюбие его задето. Права оказалась она, Сурет, а не он, несправедливо заподозривший младшего брата. Кроме того, он, наверное, переживает из-за обиды, нанесенной ею Файзет. Это обойдется. Перед отъездом Сурет помирится с Файзет, поделится последними новостями, своей радостью, а там и Асхад найдет с девушкой общий язык, если не будет таким растяпой и впечатлительным, как барышня.

Между тем обстановка в доме становилась напряженней, и Асхад решил рассказать обо всем отцу. Рано или поздно тайное станет явным, и стариков от удара не убережешь, как ни старайся.

Осман слушал сына, мрачный, как туча.

— Откуда ты все это взял? — выкрикнул он, когда Асхад замолк.

— Не спрашивай, отец, но это правда. Не знаю, как сказать обо всем Зуре.

Осман сидел на стуле, бессильно опустив плечи и положив ладони на колени. Живые глаза его потухли, залитые болью и стыдом.

— О, аллах, если бы я мог достать его своими руками, — простонал Осман. — Если бы я мог сейчас задушить этого наглеца, опозорившего меня, обесчестившего мать своего сына. Что ты наделал, грязный червяк, что ты наделал?

Последнюю фразу Осман прокричал с нескрываемым отчаянием. На крик прибежала Мамерхан, по обыкновению возвившаяся на кухне.

— Что случилось? Тебя слышно на весь аул!

— Радуйся, мать, радуйся! У твоего младшего сына есть еще другая семья!

Мамерхан ничего не поняла и переводила недоумевающий взор с мужа на сына. Она никогда не видела Османа таким растерянным и вместе с тем таким разъяренным. Старик вскочил, ногой отшвырнул стул, поднял перед собой сжатые кулаки, потряс ими, силясь что-то сказать. Он поводил черными злыми глазами, словно искал виновника оскорбления, нанесенного его честной и уважаемой семье.

В эту минуту в комнату вошла Сурет. Она прильнула к матери, и заговорила шепотом, чтобы не услыхал отец:

— Нана, что тут происходит? Кто так рассердил отца? О ком он так говорит?

Осман все рассыпал и, вдруг обернувшись к дочери, воскликнул:

— И о тебе тоже говорю! Обо всех, кто позорит нашу семью, кто хочет жить, не утруждая себя работой, кто строит свое благополучие за счет других!

Неожиданно для всех старик размахнулся и ударил Сурет по щеке. Этого в семье Ожбаноковых никогда не бывало. Отец мог выругать, накричать, прогнать с глаз долой, но чтобы он ударил... Нет, это невиданно! Из глаз девушки брызнули слезы, но она не издала ни звука и не ушла из комнаты. Она стояла рядом с матерью и плакала, глядя прямо перед собой. Щека ее горела, губы ощущали соленый вкус слез. По словам отца девушка поняла, что гнев его был вызван не только ею, но это малое утешение. Однако она и не пыталась выяснить причину наказания, долю своей вины. А Осман, вытянув шею, точно собрался бодаться, выкрикивал:

— Кого породила ты? Кого? Негодяя вместо человека, негодяя! Как же мы дальше жить будем?

Мамерхан молчала. Она не узнавала Османа, с которым прожила полвека. Много радостей принес ей суровый, но справедливый, требовательный, но заботливый муж. Он всегда помнил о той ответственности, которую несет, как глава семьи, высоко ценил свой авторитет, но никогда не попирал достоинства своих домашних. Честный в большом и малом, он того же требовал от своих детей. И если он перешел границу, которой никогда не переходил, значит у него есть на то основания, значит.

случилось нечто необычайное, совершенно несовместимое с нравами, принятыми в доме Ожбаноковых.

Вконец рассерженный Осман ушел в спальню. Мамерхан увела плачущую Сурет в ее комнату и уложила в постель. Мать ни слова не сказала дочери, только ласково провела усталой рукой по черным волосам Сурет. Асхад сидел у приемника, не включая его, грустным взглядом встречал и провожал мать, бесшумно проходившую мимо.

Возвратясь с работы, Зура сразу поняла, что в доме что-то произошло. Она терялась в догадках, но не решилась расспросить кого-либо. Молча умыла ребенка, разобрала его постель, уложила мальчика, поцеловала его и, засветив лампу, занялась расчетами, беря нужные данные из толстой общей тетрадки. Однако дело не клеилось, и Зура часто поднимала голову и потемневшими от горя глазами смотрела на небольшой портрет Касима, висевший в рамке над столом.

Когда Асхад вошел в комнату, она даже не оглянулась. А он присел на кроватку племянника, полушепотом рассказал мальчику сказку и, увидев, что он заснул, поднялся, прошел через комнату, стал за спиной Зуры.

— Помнишь, Зура, ты говорила о том, что с Касимом неладное творится, что у тебя неспокойно на душе?

Зура повернулась к Асхаду, вскинула на него глаза, в которых застыл немой вопрос.

— По-моему, ты была права. Я зря тебя разубеждал. Мне кажется, у него что-то там не так. Нельзя больше ждать. Тебе действительно надо поехать к Касиму и на месте во всем разобраться, прийти к какому-то выводу.

Асхад так и не посмел рассказать Зуре обо всем, что он знал, главным образом потому, что не мог дать молодой женщине достаточно точного совета. Он понимал, что Зуре предстоит сделать какие-то шаги, от которых будет зависеть дальнейшая судьба Касима, его сына и ее самой. Долг Асхада — помочь Зуре в эту трудную минуту. Но он-то знал только факты, принесенные другим! Многое, лежащее за этими фактами, пока было неведомо. И самое правильное — дать Зуре возможность увидеть и понять все самой и самой принять решение.

— Да-да, Асхад, — машинально произнесла Зура. — Я и готовлюсь к этому. Раз и ты так считаешь, не буду терять времени. Поеду.

— Знай, Зура, что я не прощу Касиму ничего бесчестного. Не посмотрю на то, что он мне брат. Ты сестра

моя, и я не покину тебя в беде, поддержу всеми своими силами.

— Да-да, Асхад, я понимаю. Спасибо тебе.

2

Дом Химсад на замке. Более недели назад она попросила соседку присмотреть за хозяйством, отдала ей ключ от летней кухоньки, в которой стоял сепаратор, и исчезла. Никто не знал, куда она подалась. Правда, случалось, что она и раньше уезжала до восхода солнца и возвращалась почти через сутки после того, как в городе на рынке сбывала то, что приносил ей сепаратор, за пользование которым аульчане платили натурой.

Первые два дня отсутствие Химсад никого не беспокоило. Но прошло уже много дней, а Химсад не появлялась. Соседки заволновались. Даже Карбеч Пляши нога, самый частый гость Химсад, в недоумении разводил руками.

Потом разнесся слух, что вдову в тяжелом состоянии положили в городскую больницу. Что бы там ни говорили о Химсад, как бы к ней не относились, а все-таки она родилась в ауле, муж ее погиб на фронте, со многими она была связана родством, поэтому известие о ее недуге было воспринято с чувством искреннего сострадания. Ближайшие ее соседки решили поехать в город и проводить больную. Собрали угощение, договорились, что подойдут к первому автобусу, и разошлись по домам.

В тот же вечер в аул приехал студент, сын Маруха. Его мать была в числе тех, кто собирался навестить Химсад. Разузнав о цели предстоящего путешествия, студент, к удивлению матери и ее подруг, рассказал, что несколько дней назад видел Химсад в Тбилиси, в одном из промтоварных магазинов. Он не решился подойти к ней. Вдова покупала покрывала и спорила о чем-то с продавцом. Сын Маруха ручался, что не обознался, что видел он Химсад, а не другую, похожую на нее, толстуху. Это было так неожиданно, тем более еще и потому, что многим аульчанам казалось, что Тбилиси находится где-то на краю света. Наиболее сердобольные и этой новости нашли подходящее объяснение: дескать, Химсад

прослышила о мудром целителе и направилась к нему в Грузию, а в магазин завернула попутно. Так поступил бы каждый.

Аульчане были поражены еще больше, когда через сутки сама Химсад появилась в ауле цела и невредима. Что же правда и что неправда?

По поводу вести, привезенной сыном Маруха, Химсад сказала: «Ва аллах, что придумал! Зачем ему наговаривать на меня? Разве с моим здоровьем ездят так далеко? До Майкопа и Краснодара я добираюсь с трудом. Два часа проведу в автобусе, а потом неделю болею! Аллах, аллах, почему люди так любят сплетни?» Вдова была ужасно обижена, всплескивала толстыми руками и даже пустила слезы.

Кукушкина песня — плач — на некоторых произвела впечатление. Вдову жалели, а студент чувствовал себя неловко. Выходит, обознался и наговорил напраслину.

Ахмет первым пришел к Химсад и дал исчерпывающую информацию о слухах, ходивших в эти дни по аулу.

— Аллах с ними, главное, что ты наконец вернулась, — с облегчением закончил Ахмет. — Еще день-другой и я тоже поехал бы искать тебя. Ну как, все в порядке?

— Слава аллаху, все хорошо. Удачно поторговала. Будь он неладен, этот студент. Я его видела, помешал он мне. Растряялась я и раньше, чем нужно, ушла из магазина. Но кое-что достала.

— Сын Маруха наделал дел, — начал Ахмет и замолк — в дверь кто-то стучал.

Химсад торопливо сунула под перину один из свертков, привезенных из Грузии, схватила сложенную в несколько слоев косынку и повязала голову. На лице ее мгновенно появилось выражение страдания, она даже побледнела. Стук повторился.

— Кто это может быть? И стучится-то как сильно.

— Отвори, Химсад, все равно по свету в окне видно, что ты дома. Может, соседка.

— Я лягу, а ты открай, — слабым голосом произнесла хозяйка.

Не спеша Ахмет направился к двери и, откидывая крючок, игриво пригласил:

— Входи, входи!

В комнату влетел Карбеч Пляши-нога. Он весь сиял. Глаза его излучали веселый свет, нос и большие уши порозовели. В руке у него была плеть, которой он - похлестывал по голенищу сапога.

— Салаим алейкум, парень, — лихо воскликнул Карбеч.

— Фу ты, — отмахнулся Ахмет, меньше всего ожидавший появления Карбеча. — Черт бы тебя побрал, вечно ты появляешься не вовремя! И стучишь, как хозяин!

— Чего перепугались? Грех какой за вами?

Химсад привстала на постели, а Пляши-нога шагнул к ней, с тем же оживлением приговаривая:

— Хватит, хватит, толстушка! Сними эту противную повязку, покажись мне! Никто так не соскучился по тебе, как я. Ну, снимай же! О, как я ненавижу эту проклятую тряпку! Вечно ты за нею прячешься. Аллах свидетель, я когда-нибудь сожгу ее, чтобы тебе нечем было уродовать свою голову!

Карбеч Пляши-нога ловким движением сорвал повязку, бросил на кровать. Химсад схватилась за голову, и, явно кокетничая, сморщилась и простонала:

— Ой, голову оторвешь, бессовестный!

— Посмотри на меня, Ахмет, — не унимался Карбеч. Он хлестнул плетью по носкам сапог, засвистел, пошел по кругу, словно собирался сплясать зафак.

— Сколько? — с усмешкой спросил Ахмет.

— Двести граммов! Погляди на ноги — не гнутся?

— Нет, все в порядке! Норму принял!

Химсад уже поднялась. Поправляя перед зеркалом волосы, она оглянулась, посмотрела на расходившегося Карбеча повеселевшими глазами.

— Перестань дурить! Раскричался на весь аул! Кто твой язык развязал?

— Есть еще добрые люди на земле! — Карбеч расхохотался, остановился у стола и несколько раз звучно хлестнул по kleenke.

— Старая плеть, верная плеть, пусть после каждого твоего удара появляется вкусно накрытое анэ! Удар — появись, шалям!¹ Удар — появись, четлибж!² Удар —

¹ Шалям — тонкие лепешки, жаренные на масле.

² Четлибж — жареная курица.

появясь, холодная сметана! Удар — появись, прозрачная целебная вода!

— Не мучай плеть свою зря! Я не была дома, у меня нет ничего готового. Стучи не стучи — анэ не появится!

— Нашел время требовать угощения, — недовольно сказал Ахмет. — Откуда ты на голову свалился?

Карбеч снова прошелся по комнате, взмахивая перед собой плетью.

— Неужели непонятно откуда? Из степи прискакал, спрыгнул с гнедого и вот я здесь!

— А когда ты спрыгнул с гнедого, кто подвел тебе белого коня? — подмигнула Химсад.

Карбеч расхохотался:

— Чтоб могила взяла этого негодника, моего гнедого! Слаб стал, ни галопа, ни рыси. Ползет, как черепаха. А вот белый конь хороший! Как ветер, рвется вперед, несет так, что не удержишься, — Карбеч расставил ноги и чуть присел, вытянул руку, точно сжал в ней поводья и пытается смирить злого скакуна. — Ах, какой конь, так и норовит вырваться! Необъезженный, что ли? Куда ты несешь меня? Тпру!

— Держись! Держись, крепче! Сбросит! — смеялся Ахмет.

Карбеч выпрямился, передохнул, надвинул на лоб шапку.

— Вот так мы в молодости покоряли одичавших коней! Скакун взвивался на дыбы, под самое небо, пена хлопьями падала на землю, а я сидел, как прибитый к седлу, — похвалился Карбеч и тут же с видом заговорщика прошептал Ахмету на ухо: — Откровенно говоря, никаких подвигов и в юности я не совершил. Сидел у очага и слушал бабушкины сказки.

— Хорошо хоть честно признаешься, — пренебрежительно бросил Ахмет.

— Ладно, ладно, — примирительно сказал Карбеч, — Дело есть... Был у меня сегодня давнишний приятель, завмельницей. Просил помочь — достать пару возов сена.

— Так для тебя это пустяки. Захочешь — десять возов раздобудешь.

— Умен ты, Ахмет, умен, сразу все понимаешь! Ты вот этой толстушке растолкуй, на что я способен, а то она думает, что я бессилен, как последнее колесо!

Вдова хорошо знала слабость Карбеча — честолюбие. Похвалой его можно было толкнуть на любое предприятие.

Прихваливая, она заставляла его привозить ей и сено, и дрова, и многое другое.

— Откуда ты взял, что я так думаю? — вдова изобразила изумление. — Ты и последнее колесо? Ну, нет! Если бы ты был бессилен, люди не говорили бы: «Понадобится что-нибудь, не ходи к бригадиру, обращайся к Карбечу!»

— Э-э, закрой рот, закрой рот, толстуха! Из-за твоих разговоров я горю! Прошли те времена, когда я все мог.

— Просто ты любишь, чтобы тебя упрашивали, на колени перед тобой становились, четлибжем угощали! Притворяешься беспомощным, нагоняешь страху, будто конец света настал, — Химсад погрозила Карбечу пальцем. — Цену себе набивай, по обо мне не забывай! Не оставь меня в этом году без сена! На кого же мне еще надеяться, если не на тебя!

Отношения Карбеча и Химсад имеют давнюю историю. Овдовев, Пляши-нога сделал попытку жениться на краснощекой толстухе. Он хотел перебраться к ней и стать хозяином ее дома. Химсад не отвергала жениха, но как только дело доходило до переезда, она под всякими предлогами его откладывала. Ей не хотелось терять дружбу с ним. Вместе с тем она надеялась, что подвернется более выгодная партия: мечтала она о муже помоложе. Да и побаивалась, что гуляка Пляши-нога промотает ее добро. Карбеч клялся, что, женясь на Химсад, ни капли водки в рот не возьмет, все свое время и силы отдаст хозяйству. Он и без женитьбы многое делал в доме Химсад, но вдова не спешила. Несколько лег продолжалось затянувшееся сватовство. Карбеч порой начинал сердиться, но Химсад умела успокоить его.

— У меня есть одна новость для тебя, — таинственно говорила вдова. — Секрет... попозже расскажу...

— Ради бога, оставляй свои секреты при себе. Ты же знаешь, что я не выдержу и поделюсь с другими. И станет известен твой секрет всему аулу.

Карбеч не лукавил. Самое приятное для него — блеснуть своей осведомленностью. Когда он не хотел подвести человека, то старался уйти, как только речь заходила о том, что предназначалось не для всех.

— Да, Карбеч, ты тут что-то о новых временах сказал. Может, что произошло? — спросил Ахмет.

— А, и не говори, — сокрушенно вздохнул Карбеч. — С нынешнего дня я не охранник. Правление по шапке мне дало. Ну и Зулих! Не баба, а огонь! Потрепала она мои седины, думал, лысым останусь! Асхад не много говорил, но жару дал основательно. Места я себе не находил. В общем, вышибли меня из седла. Обидно, конечно, но буду справедливым — умен сын Османа. Дело знает, видит, что к чему. С таким дела в колхозе пойдут. Это я вам говорю!

— За что же тебя так? — спросил Ахмет.

— Аллах ведает, что за напасть, — недовольно произнесла Химсад. — Как только появился в ауле этот Ожбаноков, все вверх дном перевернулось. Всюду свои порядки вводит, будто до него тут дураки были. Всюду лезет. Всё говорят, что неработающих лишат права жить на колхозной земле. Что же — клади дом в чемодан и поехал?

Карбеч ничего не сказал. Пододвинул стул к столу, сел, положив на него локти и подперев голову ладонями. Беспечный заводила, весельчак и гуляка совсем помрачнел. Хмель проходил, а действительность больше не улыбалась ему. Химсад стояла, привалясь боком к никелированной спинке кровати, недоуменно смотрела на Пляши-ногу. Ахмет подошел к старику, хлопнул его по плечу:

— Брось сокрушаться! Подумаешь, беда какая! Не пропадешь! Полагайся на меня — все будет в порядке!

Карбеч поднял голову, прищурясь посмотрел на Ахмета.

— Между прочим, о тебе тоже разговор был. Мол, был когда-то парень как парень. А теперь совесть потерял, темных дружков завел. Нет дыма без огня, — Карбеч в сущности повторил то, что сказано было о нем самом, но он не делал разницы между тем, что относилось к нему, и тем, что относилось к Ахмету. На заседании правления одинаково строго и беспощадно говорили о них обоих.

— Обо мне не печалься! Не их и не твоя забота! Что ты о себе думаешь? — резко сказал Ахмет.

— А что тут думать? Что я могу предпринять? Пойду работать туда, куда пошлют. Выбора у меня нет. Да и хватит, наверное, гарцевать. Помрешь, люди доброго слова не скажут. Пока не поздно, пойду в поле. Урожай завидный, руки нужны. Попытаюсь жить по-новому, как другие.

— Что ты все по-новому и по-новому? Что ты там узнал особенного? — обеспокоенно спросила Химсад.

— А ты не знаешь? Может, не слыхала, что море хотят

у нас построить? Что искусственный полив будет, что плавни осушат, что вместо лягушек и пьявок рыбу напустят, а вместо куки рис станут выращивать?

Ахмет зло усмехнулся и с издевкой в голосе спросил:

— А что Асхад с комарами будет делать? Если он такой ученый и мудрый, поискал бы себе другое место, что ему наш аул?

— Комаров на баз сгонят, — нашелся Карбеч, — а тебя пастухом к ним назначат! Не вечно тебе без дела ходить.

— Дожить бы до тех дней, когда ожбаноковское море построят, искусственный дождь создадут и рис сеять начнут. Только боюсь, что от старости умру, не дождусь, — не унимался Ахмет.

— Ты послушал бы Асхада, тоже поверил бы, — сказал Карбеч.

Ахмет отмахнулся:

— На чьей арбе ты сидишь, того и песню поешь! Теперь ты стал честным и преданным, как передовик. Ожбаноков просветил тебя, новые мозги вставил. Когда в голове солома, и это неплохо! Вот только беда, что ты не перестал быть подхалимом!

Карбеч обиделся. Он был болтлив, неустойчив, но в сообразительности никогда ему не отказывали. Кто знает, если бы не его честолюбие, не его пристрастие к развлечениям да не собутыльники, может, и не пришлось бы ему краснеть на заседании правления. С Ахметом у Карбеча никаких дел не было, но они часто встречались в доме Химсад. Старик не мог не считаться с ним — он, видно, был нужен вдове. Но сегодня ничто не могло удержать Карбеча:

— Постой, постой, парень! Ты сам нуждаешься в новых мозгах! Тебе самому надо подлечиться! Я получил по заслугам и у меня хватит ума выкарабкаться! А вот ты мечешься, как таракан на свету! Слюной брызжешь, словно тебе хвост прищемили! Ты ненавидишь Ожбанокова, это я знаю, но не наговаривай зря!

— Он тебя, глупого, совсем заворожил! — рассвирепел Ахмет. — Не смей при мне имя его произносить!

Карбеч вскочил, хлестнул плетью по голенищу, презрительно скжал губы и, направляясь к двери, негромко, неотчетливо сказал:

— Дураки, к сожалению, не мечены. И люди не всегда знают, что перед ними дурак. Но я разглядел тебя. Пустой ты человек!

С грохотом захлопнулась дверь. Стекла в окнах жалобно прозвенели.

Ахмет, не ожидавший такого бурного отпора, не смог даже ничего ответить. Наливши мися кровью глазами он смотрел на дверь и медленно шевелил губами, неслышно ругаясь.

Химсад бросилась вслед за стариком:

— Карбеч, подожди! Ну, куда ты побежал! — Она догнала его у калитки.

— Что ты связался с ним! Ты не из его дома уходишь, а из моего! Пойдем обратно!

— Не хочу видеть этого грязного сопляка!

— Помиритесь.

— С ним? Никогда! И в твой дом не зайду, пока он ходит к тебе!

— Не будет ходить, — сгоряча сказала Химсад и поперхнулась, но слово было сказано. Ахмет, слышавший этот разговор в распахнутую дверь, показался на крыльце, сплюнул и, грязно ругаясь, побежал на улицу.

Карбеч и Химсад вернулись в дом. Старик дрожал от гнева, а вдова, пытаясь успокоить его, примирительно говорила:

— К чему так горячиться и оскорблять друг друга? Зачем вам враждовать? А мне как быть? Он полезный человек. И без тебя я не могу. Ты даже нужней мне, но и он не лишний, поверь мне.

Слова Химсад вновь пробудили надежды Карбеча, и старик без недавней ненависти слушал то, что она говорила об Ахмете. Он решился вернуться к тому, чего безуспешно добивался не первый год. Теперь он мог поймать вдову на слове.

— Оставим его. Если он так полезен в твоих делах, дождешься, пока перебесится и вновь появится у тебя.

— Его вернут сюда деньги. Он, наверное, на них и рассчитывал. Иначе зачем ты ему? Давай поговорим о наших делах. Пора решать окончательно. Годы уходят, в нашем возрасте каждый день дорог. С каждой ночью, с каждым утром ближе к могиле. Так незаметно жизнь и пройдет. Сколько я могу плясать вокруг тебя? Надо нам под одной крышей устраиваться. Я должен знать, что меня ждет дальше. Если «да» — говори «да», если нет — говори «нет». Согласна — хорошо, не согласна — насильно в твой дом не войду. Пусть не такую краснощекую и пышную, как ты, но все же не хромую и не слепую я себе подыщу. Кто не знает, тот думает, что мы с тобой тайком живем. Стыдно перед людьми. А знали бы, что я вроде придворного у тебя, еще стыдней было бы. Сколько я могу быть на этой незавидной должности?

Химсад внимательно слушала Карбечा, а когда он смолк, задумалась.

Она как бы заново пересмотрела свою жизнь и жизнь того, кто сидел рядом и хотел оставшиеся годы пройти вместе с нею. Ей сорок шесть лет, это она знает точно, хотя давно уже говорит, что ей больше. И документы говорят о том же. Путаница с возрастом была ей выгодна. Да и не трудно было внести эту путаницу. Когда у Химсад спрашивали год рождения, она отвечала пространно: «Кто из адыгов знает день своего рождения? Ведь тогда, когда мы появились на свет, не было у нас ни грамоты, ни писарей. Помню, мать рассказывала, что родилась я и ту пору, когда на аульной площади выкорчевывали остатки леса и оставили только одно деревцо, названное «счастливой грушей». Это было в субботу, весной, ранней весной, когда хлеб старого урожая уже закончился, и до нового было еще далеко. Вот и считайте, сколько лет прошло с той весны!» Кому охота считать? Многим было все равно — сто лет Химсад или двадцать. Только старый Гусарук однажды разозлился и сказал: «Короче говоря, в поганую весну ты родилась, Химсад». Вредный старик. Он тоже забыл, что Химсад когда-то работала в одном звене с Зулих, причем в самое славное для звена время. Потом, потеряв мужа, наголодавшись, она нашли возможность жить безбедно, даже не работая. Теперь у нее просторный дом под черепицей, в доме хорошая мебель. За домом — сад. А в летней кухоньке — сепаратор. Разве другие не могут приобрести эту выгодную машину?

Пожалуйста, обзаводитесь и зарабатывайте деньги! Да и выгодные поездки никому не возбраняется делать. Правда, это опасно и может плохо кончиться. Но каждый выбирает то, что ему выгодно. А вообще-то лучше бы без всего этого обойтись, жить спокойно, без косых взглядов тех, кто были подругами юности. Завести семью, быть вместе с людьми, от которых она все больше и больше отдаляется.

Пойти за Карбеч? Ему около шестидесяти. Он еще крепок и подвижен. Живой и общительный человек. Со стариками он равный, с молодыми — молод. Много лет проработал охранником. Ветром носился по полям, на коне ли, пешком ли, всюду успевал. После смерти жены заботливо растил сына. Юноша погиб на фронте. Карбеч во время войны был в горах, в партизанском отряде. После войны живет один, живет, как придется, ночуя в доме младшего брата. Пристрастился к спиртному, благо положение охранника привлекало к нему людей, щедро угощающих за недозволенные услуги. Катился, катился Карбеч, и вот сбросили его с седла.

Оба они у разбитого корыта. Сойтись под одной крышей, зажить по-новому? В их возрасте — какая любовь? Но уважать друг друга, заботиться друг о друге они смогут. Спешить не хочется, но и Карбеч не станет больше ждать. Может, и правда приметил какую-нибудь, не слепую и не хромую — мало ли вдов в аулах!

Карбеч, нахмуренный, сидел за столом и ждал. Химсад улыбнулась ему, но он не оттаивал.

— Ну, куда ты спешишь, Карбеч? Отдышаться мне не даешь.

— Что ж, на этом закончим. Не хочешь — не надо, принуждать тебя не собираюсь.

Пошел к двери.

— Разошелся же ты сегодня, — проворковала Химсад. Догнав его, взяла за локоть. — Не отказываю я тебе, не отказываю. Пусть будет по-твоему, но хоть до утра погоди. Сделаем все, как принято. Пригласим кого-нибудь из близких нам, посидим, поговорим. Знаешь, что люди скажут, если все сделаем лишь бы как?

— С каких это пор ты стала бояться того, что подумают или скажут люди? И что до утра изменится? — напирал Карбеч, почувствовавший, что Химсад сдается.

— Если ты согласна, с сегодняшнего вечера, сейчас начинаем совместную жизнь. Хватит меня за нос водить, я не мальчик.

— Аллах свидетель, что я согласна стать твоей женой. Только давай завтра позовем людей. Завтра же ты переедешь. Все по-твоему — чего же ты горячишься?

— Ладно, завтра так завтра, к вечеру пригласим друзей и все!

3

События последних дней потрясли Сурет. Гордая и самонадеянная, она, растерялась. Все надежды на Касима рассыпались в прах. Он оказался не таким, каким считала его Сурет. Зура готовилась к отъезду, и все старшие члены семьи заботились сейчас о ней. Не было рядом и Файзет.

Сурет казалось, что вокруг нее образовалась пустота. Грустная и молчаливая, она сидела в своей комнате или уходила куда-нибудь за аул, где можно было провести время, не встречая людей. В доме Ожбаноковых не все ладно, аульчане, несомненно, знают об этом, и Сурет боялась расспросов и насмешек.

Но постепенно нервы девушки успокаивались, и она подолгу размышляла, перебирая всю свою короткую жизнь. Вспомнила, как горько плакала, когда Асхад привез сына. Сурет привыкла, что их невесткой будет Дариет, а тут вдруг все сразу изменилось. Теперь и Зура может уйти из их дома. Кто знает, чем окончится ее поездка к Касиму?

Надо было определить свое место в семье, в ауле, который покинуть не так просто, как думалось. Пойти работать? Но куда? Попроситься в звено Файзет? А не лучше ли поступить на ферму? Сурет уже было жаль Зуру, она чувствовала вину перед невесткой. Мысль о ферме показалась заманчивой. Сурет сможет быть полезной Зуре и пройдет по тропе, на которую аульская молодежь еще не становилась. Это же здорово!

Сурет лежала на синие, заложив руки под голову. На потолке ее небольшой комнаты играли первые утренние блики. День обещал быть ясным, солнечным, теплым. Довольная принятым накануне решением, она встала и быстро оделась. Снова представила, как удивит родных и колхозное начальство, когда потребует назначить ее дояркой, как все станут недоверчиво

покачивать головами и отговаривать ее, но она отвергнет все сомнения и докажет, на что способна. Она будет тайком плакать, столкнувшись с трудностями (ведь они, несомненно, будут!), но не сдастся, да, не сдастся!

Убрав постель, Сурет вышла из комнаты. В столовой были отец и Асхад. Они молча завтракали. Пройдя мимо них, она на секунду задержалась у двери.

— Вы говорите, что я позорю Ожбаноковых? Так вот, я смою этот позор, — сказала она, словно была на сцене, а не в своем доме.

Осман и Асхад недоуменно переглянулись, а Сурет резко захлопнула дверь, выскочила на крыльцо.

— Куда она, сумасшедшая? Не позавтракала же! — заволновалась Мамерхан, прибежавшая из кухни.

Отец и сын вновь переглянулись.

— Тебе видней, — усмехнулся Осман.

— Кто ее поймет? То молчала, убегала из дома, а вчера вечером пришла в хлев и попробовала доить корову.

— Ну, если дочь начинает доить корову, переворачивай в печи дубовое полено, — озадаченно проговорил Ожбаноков-старший. — Пошли, Асхад. Поживем, увидим.

Целый день Сурет не появлялась дома. Мамерхан выходила за калитку, смотрела вдоль улицы, надеясь увидеть дочь. Спрашивала у девчят, возвращавшихся с поля, но они ничего не знали о Сурет.

«Ой, аллах, куда могла деться моя девочка? Как сквозь землю провалилась!»

Под конец дня ездовой, проезжавший мимо дома, сказал, что видел Сурет на ферме.

Темнело, когда Сурет возвратилась домой. Тщательно умылась, молча поела и пошла к себе переодеваться. Нарядная и старательно причесанная, ушла из дома, на ходу бросив матери:

— Я в кино!

Кинопередвижка давно не приезжала в аул. Перед помещением, в котором когда-то табачная бригада занималась папушковкой, было многолюдно. Все девушки и ребята были здесь.

У входа Сурет увидела Файзет, шедшую под руку с двумя подругами. Девушки задержались было, но Файзет,

опустив глаза, прошла мимо. Сурет вспыхнула. А тут еще Алик, вместе с мальчишками вертевшийся меж взрослыми, бросился к Файзет, попросил провести его в кино.

Оказывается, не так-то просто помириться с подругой — обида не прошла. Можно ли быть такой злопамятной? С горящими щеками Сурет стояла у входа, а люди спешили в кино и скрывались в помещении, не обращая на нее внимания. Сурет уже не хотела идти в кино.

Дома она тихо проскользнула в свою комнату, разделась, легла в постель и попыталась читать. Глаза бегали по строчкам, но смысл прочитанного не доходил до Сурет. Она отложила книгу.

«Дура я, дура, — ожесточенно думала она. — Оскорбила подругу и хотела, чтобы она первая протянула мне руку. Самой надо было заговорить, самой...» Сурет расплакалась, покусывая губы.

Наследующее утро, покормив мужчин, Мамерхан заглянула к дочери. Пора уж ей вставать, завтрак стынет. Сурет в комнате не было. «Когда она успела исчезнуть? Ведь недавно еще спала?» — думала мать, стоя над аккуратно убранной постелью.

Днем Мамерхан сообщили, что Сурет на ферме.

— Помогает, — пробормотала старая женщина. — Помогает Зуре, пока та готовится к отъезду. Это неплохо. Пусть люди знают, что Ожбаноковы любят свою невестку, дорожат ею.

Немолодые женщины терпеливо учили Сурет. Тихие и трудолюбивые, они знали, как трудно их дело, и думали, что Сурет забавляется этим занятием от скуки, но встречали ее приветливо.

Через несколько дней Сурет пошла к Дзегашту. Тот, увидев ее в своем кабинете, удивленно вскинул глаза. Ни слова не говоря, Сурет протянула ему заявление; Председатель не спеша прочел и вдруг расхохотался. Сурет, насупившись, смотрела на него, а он сложил листок, исписанный разборчивым ученическим почерком, и спрятал его в карман.

Дзегашт смеялся и покачивал головой: изнеженная дочь Османа, белоручка, просится на трудную и грязную работу! Ну и дела! Черт знает, что происходит в ауле!

Председатель оборвал смех и пробурчал:

— Ладно, рассмотрим твое заявление. А пока иди домой.

Под вечер, встретясь с Асхадом в конторе, Дзегашт дал

ему заявление Сурет.

— Это ты ее сагитировал?

Асхад не ответил. Долго читал заявление, точно впервые видел почерк сестры и не мог сразу разобрать его. Он был удивлен не меньше Дзегашта, но не понимал настороженности и раздраженности, прозвучавшей в его вопросе. Асхад хотел, чтобы Сурет пошла в молодежное звено, а она просится на ферму. В колхозе животноводством занимались, как правило, немолодые люди. Доярками в большинстве были вдовы, потерявшие мужей на фронте, в одиночку растившие детей. Что привлекло на ферму Сурет? Для девушки, начинающей трудовой путь, там слишком тяжело. Это может оказаться на отношении к труду, разочаровать, тем более такую избалованную девчонку, как Сурет.

— В жизни щепки не подняла, а теперь на ферму решила пойти, — будто прочитав мысли Асхада, язвительно проговорил Дзегашт. — Дело! Твои фантазии действуют на нее! Тоже решила отличиться! С такими мы поднимем хозяйство! Сразу в гору пойдем! Уж если захотелось ей работать, шла бы в поле.

Дзегашт долго разглагольствовал бы так, но Асхад остановил его:

— Хорошо, я потолкую с нею, узнаю, в чем дело. А тебе не к чему в остроумии упражняться. На такие вещи серьезней смотреть надо.

— Потолкуй, но не забудь, — начал Дзегашт и осекся — в дверях стояла Сурет.

— Что вы решили по моему заявлению?

Председатель перевел взгляд со строгого лица девушки на ее брата, взял из рук Асхада заявление, снова прочел его и грубо спросил:

— Скучно дома сидеть? Думаешь, на ферме веселей будет?

— Я прошу назначить меня дояркой. А где мне веселиться, я сама знаю, — не менее грубо ответила Сурет.

Стремясь прекратить перебранку, Асхад как можно мягче сказал:

— Ты хорошо подумала, сестренка? Может быть, тебе лучше присоединиться к девчатам?

Настроившаяся на спор, Сурет была обезоружена ласковым голосом брата. Она отвыкла от теплого «сестренка», видела в брате человека, но только не одобряющего ее намерений, но и готового сделать ей любую неприятность, лишь бы добиться своего. А тут такая усталая, задумчивая

мягкость. Сурет посмотрела в глаза Асхада. Они были внимательны и дружелюбны. Сердце девушки защемило. Асхад после приезда выглядел хорошо, а теперь лицо его потемнело и осунулось. Целыми днями он на ветру, с рассвета дотемна в заботах, недосыпает и недоедает. Ей стало жалко брата.

— Вот что, Сурет, — перебил ее мысли председатель. — Иди-ка ты в звено к девчатам. На ферме тебе делать нечего. Женщины, много лет провозившиеся с коровами, неправляются, а ты тем более не справишься.

— Если все пойдут в поле, кто же на ферме работать будет? — спросила Сурет. — Или вам животноводство больше не нужно?

— Дойка коров женское, а не девичье дело, — не сдавался Дзегашт.

— Вы давно были на ферме, знаете, что там делается? Зура бьется, как рыба об лед. Да что она одна сделает? Халатов у доярок нет. Коров они выдаивают плохо — спешат домой!

— Ишь ты, критикой занялась! Язык у тебя остер, какими руки окажутся? Зуру пожалела! Мало она мне голову морочит!

— О моих руках не беспокойтесь! А Зуре я помогу, если получится. Не зря она вам жить не дает! Только побольней бить надо!

Дзегашт только охнулся и смог, отвернувшись, стал перед окном, показывая этим, что хочет закончить разговор.

Асхад знал, что дела на ферме идут плохо, что стоит Зуре взяться за одно, как валится другое.

— Ты все-таки скажи мне, сестренка, ты хорошо подумала? Лучше не пойти на ферму, чем пойти, а потом, не выдержав, убежать. Пойми, что это, пожалуй, самое запущенное место в колхозе.

— Я хочу взяться за самую трудную работу! За самую

трудную! И никто не отговорит меня! Только на ферму, и никуда больше!

— Крапивой по тебе пройтись! — взорвался Дзегашт. — Пока человеком станет, всем душу вымотает! Иди, без тебя тут решим!

— Попробуйте отказать! — крикнула Сурет и ушла.

Долгим и бурным был спор между председателем и агрономом. Асхад настаивал на том, чтобы просьба Сурет была удовлетворена. И чем больше он настаивал, тем упорней было сопротивление Дзегашта. В спор были втянуты пришедшие в контору члены правления. После длительных переговоров они пришли к мнению: хорошо, если на ферму придет молодежь. Пусть Сурет Ожбанокова будет первой. Дзегашту пришлось уступить. Затрещала еще одна традиция...

За Сурет закрепили девять коров. Поначалу все шло неплохо. Девушка старалась. Первые коровы, которых она стала доить, были тихими и покорными.

Беда случилась, когда Сурет взялась доить первотелку. Корова пугливо оглядывалась на молодую доярку, но подпустила ее к себе. Сурет присела на скамеечку, и в дно ведра звонко ударили упругие струйки. Скоро звон сменился сочным шуршанием. В ведре пенилось теплое парное молоко. Сурет уже радовалась тому, что справляется и с самым сложным делом. Да видно рано: корова вздрогнула, подалась вперед, опрокинула ведро, свалив Сурет на спину. Девушка попыталась подняться, но со стоном упала на землю — ногу пронзила острыя боль.

Доярки бросились к Сурет, оттащили ее в сторону. Одна из них сбежала за ездовым. В подводе, до краев нагруженной пахучим сеном, Сурет отправилась домой.

Осман осмотрел припухшую ногу дочери.

— Э, больше страха, чем дела! Полежишь сегодня с компрессом и завтра на работу побежишь! Даже доктора звать не надо. Простой ушиб!

Известно, что слухи растут, как снежный обвал в горах. Через час после происшествия по всей округе разнеслось, что Сурет покалечена коровой и находится в тяжелом состоянии, чуть ли не при смерти. Услышав об этом, Файзет побежала в аул, мгновенно забыв об обиде. В дом Ожбаноковых Файзет вбежала вся в слезах. Немедленно разревелась и Сурет.

Подруги плакали и радовались, что ушиб не страшен, а еще больше тому, что наконец помирились.

— Если бы я знала, что ты прибежишь ко мне, — улыбаясь мокрыми глазами, говорила Сурет, — я бы раньше подставила ногу корове. Больше никогда не буду обижать тебя, милая Файзет! Я такая противная, такая противная, что не заслуживаю прощения. Но на этот раз ты прости меня!

— Ты просто погорячилась, — заявила Файзет. — Мне надо было быть более чуткой, и все обошлось бы! Давай все забудем! Пусть больше не повторится такая долгая размолвка!

Наутро, немного прихрамывая, Сурет отправилась на ферму.

Кочас Зарамуков не застал председателя колхоза в кабинете и по совету одного из служащих поехал на ферму — Дзегашт собирался там побывать. Машину председателя Зарамуков нагнал у ворот фермы.

Кочас и Дзегашт двух слов сказать не успели, как за коровником послышались слишком громкие для делового разговора голоса.

Кочас вслушался.

— Что там происходит?

— Опять тарарам... Все Сурет Ожбанкова шумит. Без году неделя как пришла на ферму, а всем недовольна.

— Тяжело пришлось?

— Да нет. Особых условий требует.

В это время из-за угла коровника выскочил раскрасневшийся заведующий фермой Карбеч-Камиль.

— Пиши куда угодно, хоть в Москву! — крикнул он напоследок и тут увидел секретаря райкома.

Вслед за ним выбежала Сурет и тоже замерла.

Зарамуков знал обоих Шнаховых — Карбеч-Камиля и Карбеча Пляши-ногу — еще в те годы, когда учительствовал в средней школе.

— Если ты будешь так кричать на девушек, — пошутил Кочас, — они разбегутся с фермы.

— Они разбегутся! — недовольно проговорил Карбеч-Камиль. — Их шайтан не испугает. Особенно эту...

— Наверно, опять какое-нибудь распоряжение не хочет выполнить? — вмешался Дзегашт, сверля Сурет прищуренными глазками.

— Погоди, — остановил его Кочас. — Чем ты недовольна?

— Пусть сам скажет, — не поднимая головы, произнесла Сурет.

— Хорошо, что вы оба здесь, — начал Карбеч-Камиль. — Слушай, Дзегашт. Пользуясь присутствием секретаря райкома, официально заявляю: заведовать фермой больше не буду! Освободите меня, пожалуйста! Избавьте от этих упреков, бесконечных требований.

— Испугался, Карбеч? Не похоже на тебя! — криво усмехнулся Дзегашт. — А о коровах ты подумал? Узнают, что ты уходишь и их на одних женщин бросаешь, бунт поднимут!

Юмор Дзегашта не дошел до Карбеча-Камиля. Оглядываясь на девушки, он быстро заговорил:

— Что за работа пошла! То Зура нервы мне мотала, теперь вдвоем за меня взялись! Все им не нравится! То бидоны им подавай — мало их у нас! То новые халаты требуют, то дополнительно лампы нужны, то немедленно открывай комнату отдыха. Покупай шахматы и домино, заказывай доску показателей! Э-э, всего не перечислишь!

— Разве это похоже на капризы? — воскликнула Сурет.

— Вот-вот, слышите? — развел Карбеч-Камиль руками. — Каждый день новые требования. Я больше не могу!

— Плохи твои дела, — сказал Кочас и нельзя было понять — сочувствует он или осуждает.

— Хуже некуда!

— А если на ферму придет много молодежи, как быть? — продолжал Кочас.

— Конец света наступит! — в отчаянии протянул Карбеч-Камиль. — О-о... Вот еще одна появилась...

Подошла Зура, грустная и тихая, какая-то растерянная.

— Тут сражение идет, — смеясь, проговорил Кочас.

— Я знаю, о чем тут речь, знаю, что может сказать Сурет и что ответит Карбеч. Надо этому положить конец. Говорили, говорили, что люди самое большое богатство, а ничего для них не делали. Нужно позаботиться о доярках, создать хорошие условия для их труда.

Кочас сосредоточенно слушал молодую женщину. Когда она замолчала, он попросил:

— Покажите мне вашу ферму, так легче будет продолжить разговор.

Осмотр помещений произвел на Кочаса гнетущее впечатление. Многое обветшало, а это означает: сколько ни старайся навести порядок и чистоту, успеха не будет. Следовало принимать решительные меры. Но правление колхоза и его председатель, видимо, свыклись или просто не придавали значения неустроенности фермы. Дескать, работали раньше, почему бы и теперь не работать в тех же условиях.

— Плохо, очень плохо, — только и мог сказать Кочас.

— Да, ремонт, ремонт нужен, — с подчеркнутой заботочностью произнес Дзегашт.

— Кому же это делать, как не тебе? — спросил Кочас, которого неприятно задел тон Дзегашта.

Председатель вел себя так, словно он сам судил кого-то виноватого, оставаясь в стороне.

— Конечно, — поспешил сказать Дзегашт, — я должен позаботиться, выделить средства. Но сразу всего не сделаешь.

— Сколько же можно ждать? Ферма почти в аварийном состоянии! — повысил голос Кочас.

Сначала с оглядкой, а потом все смелей к разговаривающим стали подходить доярки. Образовался кружок с Кочасом, Зурой и Сурет в центре. Секретарь райкома партии, как бы забыл о Дзегаште и Карбече-Камиле. Беседуя с доярками, он ходил по ферме, обнаруживая все новые и новые неполадки.

Дзегашт и Карбеч-Камиль двигались на некотором расстоянии от этой группы.

— Поддался ты, Карбеч, — тихо сказал Дзегашт. — Ожбанокову это на руку. Тебе надо быть умней.

— Нет, я не могу ждать, пока меня погонят. Вижу, не к силах я эту лямку тянуть.

Кочас, закончивший беседу с доярками и попрощавшийся с ними, уже стоял у своей машины.

— Давай в мою телегу, — позвал он Дзегашта. — По пути поговорим кое о чем!

Кочас и Дзегашт устроились на заднем сиденье райкомовской машины. Колхозная машина шла следом.

Дзегашт понимал, что речь пойдет не только о ферме, даже главным образом не о ферме. Не случайно так задумчив секретарь райкома. Проехали изрядное расстояние, а он и не начинал разговора.

Кочас закурил, несколько раз глубоко затянулся, повернулся к Дзегашту, подперев плечом спинку сиденья.

— Ты хорошо запомнил то, о чем шел разговор на ферме?

— Все запомнил, Кочас. Меры буду принимать. Конечно, доступные меры...

— Ты задумывался когда-нибудь над тем, что теперь работать в хозяйство идет грамотная и энергичная молодежь? Пусть пока единицы, потом их больше будет.

— Это хорошо, только беспокойно с ними, не столько умеют, сколько шумят.

— Легкомысленно рассуждаешь, Дзегашт; легкомысленно. С ними иначе работать надо. Новые времена, новые люди, новый подход. Это видеть надо и перестраиваться. Руководитель, который не видит этого, вылетит из седла.

— Это так. Но беда, если карьеристы воспользуются моментом.

— Ты о чём?

— Да так... Работаешь день и ночь, стараешься всюду поспеть, некогда побриться и даже поесть. И меня же всюду ругают. А агроном, вместо того чтобы помочь, палку в колеса ставит, авторитет подрывает, носится со своими фантазиями, людей с толку сбивает.

— Крепкий и трудом нажитый авторитет не подорвешь.

— Да, но я говорю одно, а он делает другое. Не знает Ожбаноков жизни и путается в моих ногах.

Слушая Дзегашта, Кочас смотрел в окно, на поля, холмы, на редкие облака, повисшие под синим небом, а тут снова повернулся к председателю, словно хотел по только слухом, но и зрением воспринять его последние слова.

— Что-то тут не так! Чем мешает тебе Ожбаноков? Тем, что покой нарушил, хочет направить усилия людей по новому руслу?

— Полезное я всегда готов поддержать, — с

досадой отозвался Дзегашт. — Я, конечно, не академик, но людей и здешнюю землю знаю лучше Асхада. Поэтому не могу согласиться с его фантазиями.

— Но ведь того, о чём говорит он, требует жизнь! Чего же еще тебе? Ты с гордостью докладываешь в райком о видах на высокий урожай кукурузы на вновь распаханных землях. А ведь это заслуга Ожбанокова! А ведь, кажется, и это его предложение ты ставил под сомнение? Я сегодня был у твоего соседа, у Демченко. Он познакомил меня с общими вашими замыслами. Разумеется, нужны средства, однако уже сейчас видно, что идеи хороши и реальны!

Дзегашт с трудом сдерживал раздражение. Стارаясь показаться объективным, он заговорил, как бы колеблясь и с трудом выкладывая неприятное:

— Да, Асхад, конечно, человек энергичный, но есть одно «но». Не все ладно в его биографии. Может, и райкому следует заинтересоваться этим.

— Чем тут интересоваться, — возмутился Кочас. — Асхад наш человек, на наших глазах вырос. Какие могут быть сомнения? Сплетни собираешь. Работать надо, дружно работать, а не искать пятна друг у друга. Понятно?

Кочас недовольно замолчал, а Дзегашт, несколько растерявшийся от полученного отпора, все-таки подумал, что, как бы ни говорил секретарь райкома, а зерно сомнения он посеял, и при благоприятных условиях оно может взойти.

4

Если бы Зуру спросили о том, как она проделала долгий путь из аула в городок, в котором служит Касим, она не смогла бы припомнить ничего определенного. У нее не получился бы связный рассказ ни о виденных из окна вагона местах, ни о разговорах со случайными и, как водится, словоохотливыми и внимательными попутчиками, ни о мыслях, одолевавших ее. Какая-то странная апатия охватила ее. Она почти наверняка знала, что поездка к Касиму ничего, кроме боли, не принесет, что рухнувшего восстановить не удастся. Да она и не намеревалась восстанавливать его. Необходима ей сейчас ясность.

Поезд подошел к крошечному вокзальчику около

полуночи. Перрон был пуст. Зура опустила чемодан на землю, огляделась и увидела, что от вокзальчика к ней идут двое: офицер и рядовой с автоматом. Лейтенант с красной повязкой на рукаве остановился в двух шагах от Зуры, вежливо козырнул и, заметно стесняясь своего официального тона, сказал:

— Прошу показать документы.

Лейтенант тщательно, строка за строкой, все прочел, внимательно вгляделся в лицо Зуры, а потом на фотокарточку в паспорте.

— Пожалуйста, — лейтенант вернул документы, козырнул и пошел к вокзальчику.

Зура растерянно смотрела в его спину: куда идти теперь, где искать Касима, она не знала.

— Товарищ лейтенант!

Офицер остановился и обернулся, жестом показав солдату, что тот может идти дальше.

Зура подхватила чемодан и быстро направилась к лейтенанту, будто боялась, что он уйдет.

— Простите, пожалуйста, мне нужно найти одного офицера, он здесь служит, но как это сделать, я не знаю, я здесь впервые.

— Кто он?

— Может, вы вместе с ним служите?

— Это не важно, где я служу, — улыбнулся лейтенант.

— Скажите, кого вам нужно, я помогу найти его.

— Я приехала к Касиму Ожбанову.

— К Касиму? — лейтенант с интересом оглядел Зуру.

— А вы кто?

— Вы его знаете? — обрадовалась Зура.

— Да, мы знакомы, — ответил лейтенант.

— Я сестра его, — неожиданно для себя солгала Зура.

— Насколько я помню, в вашем паспорте другая фамилия.

— Я замужем и ношу фамилию мужа, — уже машинально продолжала Зура. — Вот приехала повидаться.

— Погодите немного, я сейчас позвоню. Найдем вашего брата.

Вместе с лейтенантом Зура подошла к вокзальчику. Он вошел в дверь, соседнюю с главным входом, но не закрыл ее, и Зура слышала, как он говорил кому-то на другом конце провода:

— Говорят лейтенант Марченко. Пошлите кого-нибудь

к Ожбанокову. К нему приехала сестра. Да, ждет его на вокзале.

Лейтенант вышел к Зуре, взял ее чемодан:

— Посидите немного на скамейке. Сейчас сообщат ему, и он прибудет сюда. Долго ждать не придется. Он недалеко.

— Спасибо вам, большое спасибо. Я даже не знаю, что делала бы, если бы не вы.

— Не пропали бы! Не я, так другой помог бы!

Зура села. Лейтенант поставил рядом с нею ее чемодан и смущенно переступил с ноги на ногу. Уйти? Да вроде невежливо бросать сестру сослуживца одну. Остаться — тоже неловко. Женщина незнакомая, подумает, что офицер навязчив.

Выручила его Зура:

— Спасибо вам. Я отдохну немного. Дорога дальняя, устала. Большое вам спасибо.

Офицер понял, что ей хочется побывать одной, пожелал всего хорошего и ушел.

Ночь была звездная. Легкий ветерок доносил незнакомый, по приятный запах трав. Но Зура задыхалась от волнения, от боязни предстоящего разговора. О чем они станут говорить, как все сложится, как поведет себя Касим, сможет ли она держаться с достоинством? Зура сверла локти в колени и положила подбородок на горячие ладони. Она смотрела на землю, которая даже ночью была рыжей, вглядывалась в черные острые трещинки, точно могла найти в них ответ на встававшие перед нею вопросы.

— Вот она, на скамейке, — услыхала Зура и подняла голову. Вместе с уже знакомым лейтенантом к ней приближался Касим. Она поспешило встала, уронив сумочку. Лейтенант быстро наклонился, поднял сумочку, отдал ее Зуре и пошел к вокзальчику.

А Касим замер. Радость, которую он переживал, ожидая, что встретит Сурет, мгновенно исчезла. Он смотрел на Зуру со смешанным выражением стыда и страха. Касим побледнел, губы его вздрагивали. Он подошел ближе, густые брови его низко нависли над глазами. Во взгляде теперь была просьба, почти мольба вести себя и говорить так, чтобы все, что будет

сказано, осталось между ними. Зура поняла этот взгляд. По губам ее (пробежала презрительная усмешка).

И все-таки Зура протянула ему руку:

— Здравствуй, Касим...

Касим двумя руками схватил ладонь Зуры, потряс ее и, проглотив слону, глухо спросил:

— Ты приехала так далеко... Без моего вызова...

— Ничего, дорога была не такой уж трудной.

— Не надо было. Да и лишние расходы.

— Ах, вон что тебя беспокоит, — сухо отрезала Зура.

Чем неуверенней он вел себя, тем тверже держалась она. — Деньги у меня есть, и я не стану настаивать на том, чтобы ты возместил убытки. Ты даже не спрашиваешь о матери, отце, брате и сестре, — она едва не назвала имя сына, по удержалась.

— А ведь ты не виделся с ними два года.

— Ты же приехала не затем, чтобы рассказывать о родных? — уже грубо спросил Касим. Тон, которым говорила с ним Зура, задел его.

— Верно, не затем. Ты обманул меня, обманул своих родителей, своего брата и сестру! Ты обманул своего сына, о котором, кстати, еще ни слова тоже не сказал.

— Ты все знаешь, что еще тебе нужно?

— Что мне еще нужно? — Зура смотрела в глаза Касима, а он, избегая этого взгляда, стал к ней боком, вскинул подбородок: мол, можешь говорить все, что хочешь, а я непреклонен. Он был смешон, но не замечал этого.

Зура снова усмехнулась. Но в этой усмешке уже было не столько презрения, сколько жалости. Она положила сумочку на скамью, запахнула плащ, словно вдруг озябла, и села.

— Садись! — пригласила она.

Касим сел, откинулся на спинку скамьи, и Зура снова увидела его заносчиво вскинутый подбородок.

— Я приехала не для того, чтобы просить тебя вернуться ко мне. Того, что я знаю, достаточно, чтобы постараться забыть тебя. Но мне кажется, что я имею право не пользоваться слухами и случайными вестями, а узнать все от тебя самого, получить объяснения. В конце концов, я должна понять, почему так скоро распалась наша семья. И потом придет время, когда мой сын спросит меня, почему у него нет отца, и я

должна сказать ему правду. Могу же я разобраться в причинах такой горькой платы за мою первую любовь, за мою веру в тебя, за мои надежды? — Она вдруг перестала владеть собой и с отчаянием в голосе спросила: — Касим, почему ты меня обманул? Ты мне казался искренним, я не сомневалась в твоей любви. Меня не пугало то, что ты не вызывал меня к себе и не ехал к нам. Что такое год-два для тех, кто любит? Но ты не писал нам, не интересовался моей жизнью и жизнью сына. Я и это старалась перенести. А ты обманывал... Мне было бы горько, если бы ты написал правду, горько, но не так плохо, как сейчас...

По лицу Зуры текли слезы. Она достала из сумочки платок, приложила его к вздрагивающим губам.

Касим опустил голову, схватился руками за планку скамьи, точно боялся упасть. Под кожей на скулах ходили упругие желваки.

После долгой и мучительной для обоих паузы он хрипло сказал:

— Я видел, что попадаю в сложное положение, что могу подвести не только тебя, но и себя. Я надеялся найти выход, остаться с тобой. Однако все получилось не так, как мне хотелось.

— Ты шел на обман, надеясь, что выпутаешься! Как тебе не стыдно! Разве счастье, купленное такой ценой, могло устроить меня! И тебя не мучила бы совесть?

— Тогда она не была моей женой. Обстоятельства вынудили меня остаться с нею.

Лицо Зуры вспыхнуло от гнева. Каждым с новом своим он оскорблял Зуру. Тяжелый ком подступил к горлу Зуры, где-то в затылке возникала и нарастала тупая боль, голова кружилась. С таким чудовищным бесстыдством, с таким бесцеремонным отношением к судьбам людей, ни в чем не виновных перед ним, она еще не сталкивалась. Он перебирал людей, как вещи, забывая, что и у них есть свои надежды, свое самолюбие, свои взгляды на жизнь, право на счастье.

— Уйди! — выдохнула Зура. — Уйди!

Касим не двигался. Зура схватила чемодан и побежала по перрону, в сторону от вокзала, туда, где у неясных построек сгущалась тьма. Она задыхалась, захлебывалась в слезах и бежала, не зная куда и зачем.

Но кто-то гнался за ней, схватил ее за руку. Это был Касим.

Он больно сжал се локоть п, громко дыша, проговорил:

— Куда ты? Не делай глупостей!

— Что тебе нужно?

— Ночь, ты никого тут не знаешь.

— Не пропаду!

— Я не могу тебя пригласить к себе, да ты и не пошла бы. Пойдем, я устрою тебя в гостинице.

— Мне твои заботы не нужны!

— Хорошо, подождем здесь, через несколько часов будет обратный поезд.

— Мне некуда спешить. У меня еще есть дела!

Касим испуганно отшатнулся, но руки ее не бросил.

— Ты что задумала?

— Не пугайся, руки на себя не наложу. Я просто расскажу твоим товарищам о тебе. Пусть знают, что ты из себя представляешь.

— Ты понимаешь, чем это мне угрожает? И семью не спасешь, и меня погубишь.

— Семьи у меня нет и спасать нечего. И мстить я не собираюсь. Но ты должен ответить по заслугам. Нельзя допустить, чтобы и другие в тебе обманывались.

— Но ты подведешь тех, кто перед тобой не виноват.

— Я не виню ту женщину. Убеждена, что она и не подозревает о моем существовании. И ее ребенок ни при чем. Но ты, ты...

— Меня накажут. Меня уволят. Если бы я был один! А куда я с семьей? Я и так наказан... Что будет с моим отцом?

— Ты опозорил своего отца. И даже если товарищи твои ничего не узнают, отец все равно узнает. Ты достаточно натворил для того, чтобы родители не пускали тебя на порог, а брат перестал считать тебя братом...

— Я знаю, что мне нельзя появляться в ауле, знаю, что, может быть, больше не увижу родных, но неужели ты хочешь, чтобы я лишился всего?

Зуре неприятно было смотреть на него, униженного и слабого. И сердце Зуры дрогнуло. Она уронила чемодан, спрятала лицо в ладонях и заплакала безутешно.

— Уходи. Я никуда не пойду. Я без тебя дождусь поезда.

— Ухожу, ухожу, Зура. Может, тебе деньги нужны? Я принесу.

— Ничего мне не нужно. Оставь меня.

— Я буду помогать сыну.

— Я в состоянии его вырастить сама. Если ты раньше о нем не думал, не утруждай себя и теперь. Иди.

— Прости меня, Зура, — срывающимся голосом произнес Касим.

Зура ничего не ответила. И он ушел.

Зура вытерла лицо, подняла чемодан и, едва переставляя ноги, направилась к скамье. Она тяжело села, прислонилась к спинке.

На часы она не глядела и не знала, который час. Полузабытье охватило ее. Она вздрогнула, когда услышались неторопливые шаркающие шаги. Шаги затихли. Перед Зурой остановился человек, высокий, сутулый, с сухим темным лицом и длинной белой бородой. Он был в тюбетейке и полосатом халате.

— Дочка, почему ты здесь в такую пору и одна? — спросил он негромко, но внятно. Сердечный тон его голоса тронул Зуру.

— Я жду поезда...

— До ближайшего поезда несколько часов. Ты устала и огорчена. Тебе надо отдохнуть.

— Спасибо, отец, мне тут неплохо.

— Как же ты тут будешь? Идем ко мне, я близко живу. Поспиши в комнате моих дочерей. Чаю приготовим, подкрепишься.

— Спасибо, отец, извините, что я отказываюсь, но мне хочется побывать тут.

Дарик провел большой ладонью по волосам Зуры и по-прежнему негромко сказал:

— Какой бы ни была твоя беда, не забывай о своей молодости. Старика и легкая болезнь убивает. Молодой побеждает самые тяжелые недуги, если не падает духом. Пусть дорога твоя будет доброй, а родители встретят тебя здоровыми.

Поезд пришел перед рассветом. За несколько минут до его прихода Зура купила билет, и теперь пошла к синему вагону. Из двери, что рядом с центральным входом в вокзальчик, вышел знакомый лейтенант. Он с удивлением посмотрел на Зуру, но не успел ни о чем спросить ее, она отвернулась и, торопливо показав проводнице билет, скрылась в вагоне. Поезд быстро набрал спорость, и перед глазами Зуры, стоявшей у окна,

проплыли размытые огни. Потом они отстали, канули во тьму, которая осталась позади.

5

Файзет поехала в город с твердым намерением во что бы то ни стало выполнить наказ комсомольцев: без билетов в театр не возвращаться, брать билеты на субботу. Из аула она смогла выбраться только под вечер. В вестибюль театра попала в тот момент, когда опоздавшие зрители один за другим пробегали мимо билетерш.

Девушка просунула в маленькое окошко кассы кулак, в котором зажала деньги.

— Сорок билетов на субботу.

— Что-о-о? — билетерша хотела разглядеть покупательницу и приблизила лицо к окошечку. — Билетов на субботу нет!

— Как нет?

— Нет. Все проданы.

— Я к директору пойду.

— Пожалуйста, его кабинет рядом.

Директора в кабинете не оказалось. Билетерша предложила позвать администратора, но Файзет не захотела с ним говорить:

— Только с директором.

— Что ж, подождите директора, он обязательно будет, — билетерша обиженно поджала губы.

В просторном вестибюле было пусто. Файзет ходила от стены к стене, прочла все афиши, запомнила цены на билеты, нагляделась на план зрительного зала, а директор все не приходил. На последний автобус Файзет опоздала. Все равно ночевать в городе. И она решила, что будет ждать директора, даже если придется пробыть тут до утра. Файзет прислонилась к стене у двери в его кабинет и снова стала читать длинную репертуарную афишу.

В вестибюль с улицы вошел невысокий полнолицый человек в строгом костюме, ослепительно белой рубашке и красиво повязанном галстуке. Мужчина был чисто выбрит, гладко причесанные волосы влажно блестели.

Он остановился перед Файзет и, чуть наклонив голову, спросил:

— Вы ко мне?

— Мне нужен директор...

— Прошу, — он открыл дверь, пропустил Файзет в кабинет, в котором стоял большой стол, мягкие кресла. Стены были увешаны многоцветными афишами и большими фотографиями.

Прикрыв дверь, мужчина пошел за стол, жестом пригласил Файзет сесть в кресло. Когда Файзет села, он с улыбкой представился:

— Я — директор. Слушаю вас...

Этот неторопливый и вежливый ритуал подействовал на девушку так, что она оробела и о сорока билетах на субботу пробормотала невнятно, совсем не так, как думала после разговора с кассиршей.

— Сорок билетов на субботу! — директор вскинул брови. — Что вы, что вы! Все давно 'продано! Если бы вы заранее предупредили, мы оставили бы. А сейчас... Я могу предложить на любой другой день ближайшей недели. Или на следующую субботу.

— Нет, мы не можем. Только в эту субботу, так до-творились. И только на этот спектакль.

— Вы завтра посоветуйтесь со своими товарищами и зайдите.

— Чтобы посоветоваться, мне нужно вернуться в аул.

— В аул? А вы разве не из института?

— Я из колхоза.

— Вон как! Никогда бы не подумал! — удивился директор и тут же смущился. Его удивление могло бы обидеть Файзет. — Простите, к нам пока редко приезжают из колхозов. Ах, жаль, жаль...

Файзет, потерявшая большую часть своего прежнего пыла, уже встала и, собираясь уйти, упавшим голосом сказала:

— Впервые в жизни мы решили все вместе побывать в театре, и вот не удалось.

Погодите, присядьте, — проговорил директор. — Попробуем что-нибудь придумать.

Он постучал в стену. Файзет догадалась, что за стеной была касса. Через минуту в кабинет вошла кассирша. Она важно посмотрела на Файзет и остановилась перед столом директора.

— Софья Львовна, вы не могли бы сказать — по чьим заявкам билеты еще не выкуплены?

— Станкостроители еще не выкупили, но они завтра

днем придут. Это наши постоянные зрители.

— Да, да... Позвоню в комитет комсомола завода. Правда, поздно, но вдруг застану кого-нибудь? — Директор вопросительно взглянул на Файзет. — Попытаемся, а?

Он набрал номер, но ответа не дождался.

— А, была ни была! Завтра позвоню и как-нибудь оправдаюсь! Не так часто у нас колхозники бывают. А заводским проще, они в городе живут. Софья Львовна, выдайте девушке сорок билетов на субботу.

— Но...

— Милая Софья Львовна, под мою ответственность. Рабочие, нас поймут, уверяю вас. Вы удовлетворены? — обратился директор к обрадованной Файзет. — Милости просим к нам в театр! А сейчас пойдите в кассу, там все вам устроят.

Когда счастливая, сияющая Файзет выскочила из кассы, дверь директорского кабинета отворилась.

— Девушка, а теперь вы куда? Машина с вами?

Файзет отрицательно качнула головой.

— А в гостинице вы устроились? Нет? Ну что же вы! Этак вы на улице останетесь. Я вам сейчас помогу!

Вместе с Файзет директор вышел на улицу, довел Файзет до гостиницы и быстро договорился обо всем с дежурным администратором.

— Ну вот и все в порядке. Спокойной ночи, до встречи в театре, — откланялся вежливый директор.

Рано утром Файзет добралась до аула. Когда она не выспавшаяся, но довольная выбралась из автобуса, ей навстречу бросилась спешившая на ферму Сурет.

— Что же ты, Файзет, так долго ездила? А Зулих волнуется! Почти всю ночь у нас пробыла! Мы не знали, что и подумать.

Выслушав рассказ Файзет, Сурет подскочила от радости:

— Значит, все хорошо, значит, едем! Надо получше одеться. Может, кому-нибудь в городе понравлюсь!

— А то ты так никому не нравишься! На город надеешься! Юла болтливая.

— Недотроги с каменными сердцами легче покоряют ребят, чем болтливые вертушки! — Сурет больно ущипнула подружку.

— Да ты что? Больно же! — Файзет сморщилась и крепко потерла плечо. — Слабовольных, ой, как не люблю, но насчет каменного сердца ты придумала. Еще надо посмотреть, у кого каменное.

— Нечего смотреть, нечего смотреть! Каменное, да еще с замком! А ключ от этого замка за семью другими замками!

— Сердце не дом, нельзя в него держать дверь распахнутой.

Сурет очень хотелось вернуться к тому разговору, который произошел у них в доме между Файзет и Асхадом. Теперь, когда девушки помирились и все, испортившее их отношения, забылось, Сурет с еще большей силой желала счастья брату и своей ближайшей подружке. Словно не было дней, когда Файзет раздражала Сурет, словно не было тех дней, когда она желала Асхаду неудачи. Она с нетерпением ждала, что чувства Асхада и Файзет выплеснутся, волна сойдется с волной и подруга станет женой брата, соседка войдет в семью, как своя, Смолчать — это было не в силах Сурет, все ей казалось простым и ясным.

— Ах, Файзет, сколько можно колебаться. Я прямо спрашиваю тебя, станешь ты, наконец, моей невесткой?

Файзет отрицательно покачала головой:

— Из меня никогда не получится такая невестка, о которой ты мечтаешь. Я же знаю твои взгляды...

— Вспомнила старое! Спаси меня, аллах, от такой невестки! Я хочу, чтобы она была у меня совсем другой.

— Зачем же лишать себя желанного! Тебе ничто не угрожает, во всяком случае я не собираюсь ущемлять твои интересы, и можешь себе подыскать подходящую невестку, а брата, я думаю, ты уговоришь.

— Файзет, не будь такой злой! Не нужна мне невестка-прислуга, не нужны подарки!

— Это другой разговор! Такие условия меня устроят!

— Вот и хорошо! Как я рада! — Сурет обняла Файзет и закружила ее, смеясь и приплясывая.

— Раз так, проводи меня немного, — улыбаясь скачала Файзет. Они прошли по улице, держась за руки и беспечно болтая. У конторы расстались.

Еще в коридоре Файзет услышала рассерженный голос председателя. Судя по тому, что Дзегашту никто не отвечал, он говорил по телефону. Дверь в кабинет

председателя была распахнута. Стоя перед нею, Файзет смотрела, как Дзегашт рубил рукой воздух и что-то кричал в трубку. Он был так возбужден, что не делал пауз и съедал окончания слов. Сразу нельзя было понять, о чем идет речь. Случайно кинув взор на дверь, Дзегашт заметил Файзет и крикнул в трубку:

— А вот она сама пришла! — и швырнул трубку на рычажок, вскочил, уставился на девушку сузившимися глазами. — Что это за поездку ты затеваешь, а?

— Коллективное посещение театра, — сухо ответила Файзет.

— Посещение! Коллективное! — передразнил Дзегашт. — Мало, что наших людей от дела отрываешь, еще и трактористов подбиваешь на прогулки в город! Почему мне до сих пор ничего не известно об этом, почему я должен узнавать о том, что у меня в колхозе затевается, в последнюю очередь?

— Мы поедем смотреть спектакль. Так решили комсомольцы. Билеты уже куплены. В субботу выезжаем, — сдержанно проговорила Файзет.

Она не собиралась подробно рассказывать Дзегашту о своей поездке в город. Навряд ли это его заинтересует. Но манера, в какой говорил с нею председатель, заставила ее вспомнить о вежливом и элегантном директоре.

Дзегашт уже снова сидел на стуле. Он откинулся на спинку, презрительно вытянув вперед нижнюю губу и барабаня пальцами по столу. Худое лицо его заросло рыжеватой щетиной. Под мятым пиджаком — мятая несвежая сорочка, на галстуке большой засаленный узел, сбитый в сторону. Верхняя пуговица на пиджаке вырвана с «мясом». Дзегашт никогда не следил за собой. Он надеялся таким образом вызвать сочувствие, показать людям, что занят и захвачен делом настолько, что не имеет возможности заниматься своей внешностью. Однако это вызывало совершенно обратное действие. Злой на язык Гусарук даже сказал ему как-то: «Ты, Дзегашт, носишь ежа под носом! Что за удовольствие!»

— Лучше ежа под носом, чем змею под рубашкой, — зло огрызнулся Дзегашт.

Бороду председатель не носил, поэтому он иногда сбивал щетину, однако этого никто не замечал, привыкнув к тому, что лицо Дзегашта постоянно покрыто рыжеватыми зарослями.

— Значит, задумали, решили, билеты купили, и все без моего разрешения? — продолжая выбивать на столе барабанную дробь, спросил Дзегашт.

— Вообще, это дело общественное... Но мы поставили в известность главного агронома. Вас как раз не было дома. Да и к чему об этом столько разговору? Какой председатель станет противиться такому делу?

— Какой председатель? Всякий, болеющий за дело, да! А вы, видите ли, главного агронома в известность поставили, не могли меня подождать!

Файзет чувствовала, с каким озлоблением говорил Дзегашт об Асхаде. Вообще он в последнее время пользовался малейшей возможностью, чтобы унизить Асхада, подчеркнуть, что тот неправильно разбирается в хозяйственных вопросах, уводит людей от главного, увлекает их обманчивой красотой своих планов. Дзегашт был хитер. Он не начинал разговоров без повода, кажущегося для других благовидным. Найдя же повод, он использовал его с выгодой для себя. Единственное, чего он не умел, вернее, на что не хватало у него выдержки, — это спрятать озлобление и не произносить «разоблачительных» речей перед любым, кто окажется в этот момент под рукой. Если бы Дзегашт лучше владел собой, он, наверно, иначе повел бы себя и в разговоре с Файзет, которая всею душою была за начинания Асхада. Но дело в том, что Дзегашт знал это, а свою неприязнь к Асхаду переносил на всех поддерживающих агронома людей. Поэтому его задевало и то, что задумала и проводила в жизнь юная звеньевая.

— Мы знаем, что Асхад не председатель, — глядя в глаза Дзегашта, сказала Файзет. — Но он не меньше вашего заинтересован в делах колхоза. И в том, что он поддерживает нашу поездку, нет ничего плохого!

— Ну да, ну да! Развлечение прежде всего! — крикнул Дзегашт, выскоцил из-за стола и стал ходить по кабинету с заложенными за спину руками.

Файзет следила за ним и мысленно продолжала разговор. Она доказывала, что Асхад очень хороший человек, знающий интересы молодежи. Разве не Асхад добился того, что многие девушки и юноши вернулись в колхоз, работают на полях и на ферме? Разве не по инициативе Асхада начинаются большие дела по преобразованию плавней и орошению земли?

Файзет могла бы произнести большую и яркую речь, если бы уверена была, что Дзегашт выслушает и поймет ее, а главное, не станет объяснять ее заинтересованность в общественных делах личными отношениями, чувством к Асхаду. Да и не примет Дзегашт упрека в пристрастии к спокойной жизни. Он убежден, что ведет хозяйство правильно: не нарушает традиции, постепенно накапливает силы, начинает с малого, не живет без оглядки на других, не старается казаться умней других и не предпринимает серьезных шагов, не получив директив или не согласовав замыслов с вышестоящими организациями.

А Дзегашт меж тем бегал по кабинету. Потом остановился перед Файзет, всплеснул руками:

— Половина молодежи едет в театр! Почти половина! В город, в город собирались! Развлекаться за тридевять земель! Где это видано, скажи мне, где? Вы соображаете, что делаете? Сколько рук от работы отрываете! Потерянное время!

— Но ведь всего на два часа раньше надо освободить людей. Мы потом все наверстаем!

— Никаких двух часов! Вам и транспорт, небось, нужен?

— Я за этим и пришла. Нам нужны две машины., — За этим и пришла? Пусть Ожбаноков дает машину! У меня свободных машин нет. Черт знает что творится! Просто удивительно!

— Вам еще не раз придется удивляться! Когда вы видели, чтобы девушка-адыгейка на ферме работала? А у нас уже есть это! Вы видели, чтобы столько молодежи выходило в поля? А у нас выходят, и не от случая к случаю! А театр... Это только начало. Еще не то будет, хотя вам это и не нравится. Когда вам нужны рабочие руки, вы от молодежи не отмахиваетесь, в последнее время по крайней мере. А когда мы захотели хорошо отдохнуть, вам худо стало? Клуба у нас нет? Нет! Так что же мы должны по домам сидеть или по улицам бродить? Вы не беспокоитесь, а клуб сам на буряне не вырастет! Вот мы и решили начать с поездки в театр!

— Столько любителей поразвлечься появилось, а? И откуда они берутся? Смех один. Почти всем колхозом я театр! Люди узнают, анекдоты будут сочинять. Дзегашт своих людей возит в город веселиться! Нет, ничего из этого не выйдет!

— Выйдет! Выйдет! Вам придется не только о навозе и силосе, цыплятах и телятах думать! И о нас заставим думать!

— Ух ты! — искренне изумился Дзегашт. На какой-то момент даже озлобление оставил его. — Как ты воюешь! Здорово тебя научили! Вот что значит личный пример!

— Я... — Файзет покраснела от обиды. — Нечего все на Ожбанокова сваливать!

— Ну да, вы все сами! Умные стали! Театр! Ансамбль! Цирк! Стадион! Народные артисты! Футболисты! Скоро и меня заставите в трусах за мячиком бегать! Хватит! Делом надо заниматься! У нас колхоз, а не парк культуры и отдыха!

— Да, и футбол, и цирк будет! И нечего издеваться!

— Посмотри на нее!

— Смотрите, если хотите! Потом мы вас краснеть заставим, когда все исполнится!

Дзегашт перестал бегать из угла в угол. Он чуть наклонился, и руки, закинутые за спину, торчали, как крылья у рассерженного петуха. Глаза у председателя сузились, казалось, из щелок бьют два острых холодных луча:

— Ишь как ты со мной разговариваешь! Я всему мешаю, да? Узнаю, узнаю, чьи слова повторяешь!

— Это ново! Говорите, дадите машины или нет?

— Нет! — взвизгнул Дзегашт. — Нет! Не дам!

— Эх вы, а я вас настоящим коммунистом считала! — выкрикнула Файзет и выбежала из кабинета.

Дзегашт так и застыл с открытым ртом. Он смотрел на дверь, точно ждал, что Файзет снова войдет и он сможет ответить ей. Но ее и след простыл. Председатель опустил руки, устало прошел к столу, повалился на стул и громко выдохнул:

— Черт знает, что происходит...

Файзет пошла домой. На улице было пустынно. Люди еще не вернулись с работы. Девушка с досады кусала губы и, не боясь, что кто-нибудь это заметит, смахивала со щек слезы. Угроза Дзегашта была не такой уж безобидной: машины мог дать только он. А теперь поездка в театр наверняка сорвется. Но понимая это, Файзет не собиралась сдаваться. А слезы — это так...

Дома она переоделась, наскоро поела и сразу же пошла в поле. Прежде всего надо было найти мать.

Зулих была на том хлебном массиве, где комбайны делали обкосы. Начиналась жатва, и вся жизнь переносилась в степь. Звено Файзет в эти дни должно было работать на току.

Увидев dochь, Зулих пошла ей навстречу.

— Почему ты вчера вечером не вернулась? — встревоженно спросила мать.

Файзет коротко рассказала ей о своих делах.

— Ты завтракала? — Зулих обняла dochь, заправила под платочек выбившуюся прядь волос, тронула ладонью лоб. — Ты не заболела? Что с тобой?

— Не заболела... Хуже.

Горячясь и повторяясь, Файзет поведала матери о разговоре с Дзегаштом.

— Так и не дает машины?

— Сказал, что не даст.

— Вечером я с ним поговорю.

— Что с ним говорить! Упрется, скажет, что уборка начинается.

— Ну, уборка не причина. Косим выборочно, и на субботний вечер молодежь отпустить можно.

— Это ты так рассуждаешь...

— Хорошо, хорошо, не волнуйся. Кроме Дзегашта, у нас есть еще правление.

— То-то вы с ним возитесь!

— Какая ты прыткая, — улыбнулась Зулих. — Скоро и меня в оборот возьмешь!

— Возьму, если понадобится! — уже весело воскликнула Файзет и пошла в ту сторону, где был оборудован ток.

Нельзя сказать, что теперь Файзет совершенно была уверена в благополучном исходе мероприятия для молодежи, но тон, которым говорила мать, поднял ее настроение. Да и не могла сорваться такая поездка, никак не могла! Так мечтали о ней, так к ней готовились. И день такой, что о неудаче думать не хочется. Небо ясное, солнце жаркое, но зной приятный. Легкий ветерок доносит запах зрелой пшеницы. А по другую сторону дороги задумчиво шуршит высокая кукуруза. Где-то высоко в небе льются прозрачные звуки песни жаворонка.

И столько света, столько света вокруг! Еще день-другой — и вовсю развернется уборка урожая. На дорогах появится множество фыркающих и пыльных грузовиков с кузовами, наполненными зерном. На току день и ночь будет людно и шумно. Сто потов прольет каждый в недолгий срок между первой и последней квитанцией. А там не за горами уборка кукурузы.

Впереди взметнулось и пропало в ложбине облачко пыли. По дороге, полускрытая пшеницей, шла линейка. Вот она приблизилась. В пожилом человеке, ехавшем на ней, Файзет узнала Марка Трофимовича Демченко. Увидев Файзет, он придержал коней.

Девушка поздоровалась.

— А, дочка Зулих! — Марк Трофимович потянул на себя вожжи. — Стойте, оглашенные! Здравствуй, Файзет! Куда путь держишь?

— На ток, Марк Трофимович!

— Жалко, тороплюсь, а то подвез бы. Что новеньского? Чего плечами пожимаешь? Косить у вас начинают, разве это не новость?

— Новость, — произнесла Файзет и вздохнула.

— Вот те на, ее жатва не радует! Ты же крестьянка, Файзет.

— Я о другом, Марк Трофимович, сейчас думаю... — О чем? Говори, может, совет дам, а то и помогу. — Свое начальство не помогает, а вы...

— Скоро мы все будем своими. Да и когда мы не помогали соседям?

— В субботу мы, Марк Трофимович, коллективно в город едем, в театр...

— Это здорово! Будь у меня время, обязательно поехал бы с вами! Давно я в театре не был. А кто едет?

— Молодежь собирается. Боюсь, что сорвется все.

— Как это сорвется? Такое нельзя срывать.

— Дзегашт машины не дает, — выпалила Файзет.

— Это почему?

— Не дает и все. Говорит, что не время развлекаться, работать надо.

— Ну и сказал! Может, он пошутил?

— Нет, не пошутил. Злой был, всерьез говорил. Мама обещала поговорить с ним, но вы же знаете, какой он. Пока разберутся, поздно будет.

— Так, так, — задумчиво проговорил Марк Трофимович и погладил подбородок. — Машины, значит, нужны... Что ж, дам машины.

— Дадите?

— А чего ж не дать? Правда, Дзегашт и на меня рассердится, скажет, что суверенитет нарушаю, но пусть. Все равно скоро объединимся в один колхоз. Будем считать, что молодым помог один из бригадиров. Пойдет?

— Пойдет, Марк Трофимович, пойдет! Какой вы хороший!

— Ну уж и хороший... Так когда машины вам нужны?

— В субботу...

— Значит, завтра?

— Угу, — Файзет настороженно взглянула на Марка Трофимовича. Вдруг день окажется неподходящим.

— Что ж, завтра и пришло. Куда и во сколько?

— К шести часам к конторе.

— Хорошо, в шесть часов около конторы вас будут ждать машины. Двух хватит?

— Хватит! Нам как раз две и нужно! Ой, спасибо вам, спасибо, Марк Трофимович!

— Пожалуйста, пожалуйста! Желаю хорошо отдохнуть! В другой раз с вами поеду.

— Обязательно, самое лучшее место будет ваше!

— Запомню! Ну, счастливо! Привет матери!

— Спасибо, передам! До свидания, Марк Трофимович!

Файзет проводила глазами рванувшуюся с места линейку и побежала по дороге, спеша принести своим друзьям приятную весть.

На следующий день около шести вечера у конторы стояли два грузовика с наскоро сделанными скамейками. По свежим доскам, которыми были нарощены борта, видно было, что машины подготовлены к перевозке зерна.

На площади перед конторой собирались едущие в театр. Вокруг них — провожающие и любопытная детвора. К водителю одной из машин подошел Дзегашт.

— Вы с хутора? Чего приехали?

— С хутора. Да вот вас в театр велено везти.

— Меня?

— Ну, людей ваших.

— Кто вас послал?

— Марк Трофимович. .

Дзегашт побагровел:

— Что он не в свои дела лезет!

— Это уж нас не касается. Нам велено отвезти, мы и отвезем, — пробасил шофер и забрался в кабину.

— Дзегашт, — позвал председателя Асхад. — Успокойся. Лучше поезжай с нами. Есть два билета. Иди зови жену. А в остальном после разберемся.

— Больше мне делать нечего! О твоем своеволии мы в другом месте поговорим!

— Обязательно поговорим, — спокойно ответил Асхад и скомандовал: — Быстро по машинам!

Молодежь запела, как только машины отошли от правления. Пели всю дорогу до города и, только проезжая по улицам, затихли.

Возле театра парни и девчата снова радостно зашумели. Ставясь опередить друг друга, они спрыгивали на тротуар. В это время на ступеньках главного входа показался директор театра. Увидев самого старшего, Асхада, он подошел к нему, протянул руку:

— Добро пожаловать, дорогие гости! Хорошего представителя вы за билетами прислали, настойчивого, — говорил директор, с улыбкой пожимая руку Файзет и всем остальным. — Прошу, прошу в театр.

Директор целую экскурсию устроил. Рассказал гостям о репертуаре театра, познакомил с актерами, портреты которых висели в фойе, похвастался хорошими денежными сборами и частыми коллективными посещениями.

Воспользовавшись тем, что все слушают директора, Файзет и Сурет выскользнули в вестибюль, о чем-то пошептались с билетершей и убежали куда-то. Вернулись перед третьим звонком, неся два больших букета.'

Гости из аула заняли два ряда недалеко от сцены. Асхад сел между сестрой и Файзет. Сурет все время наклонялась и что-то говорила Файзет, но та почти не слушала ее. Сидела она очень прямо и, казалось, старалась отрешиться от всего, что не относилось к спектаклю. Уже медленно гас свет, уже неторопливо раздвинулся занавес, уже началось действие.

Зал замер и через мгновение разразился

апплодисментами. Файзет тоже восторженно хлопала в ладоши. Повернув голову влево, она увидела улыбающееся лицо Асхада. Он что-то шептал ей. Файзет не разобрала его слов, но закивала ему, чувствуя, что он хочет сказать о чем-то хорошем и понятном им обоим.

Аплодисменты затихли. Файзет ‘положила руки на подлокотники и даже не заметила, что прислонилась к сильному, напряженному плечу Асхада. А заметив это, она не отстранилась, только порозовела, и темные глаза ее стали еще темнее. Сердце гулко стучало. Ей казалось, что она слышит, как упруго и громко бьется сердце Асхада. Девушку захлестнуло неведомое дотоле чувство близости к нему. Словно подтверждая это, Асхад положил ладонь на пальцы Файзет, сжал их и мягко отпустил. В груди ее поднялась горячая волна. На минуту Файзет испугалась, застыдилась своего чувства, такого раскованного и звонкого.

После окончания первого акта Асхад, Файзет и Сурет вышли в фойе, влились в людской ‘поток, медленно круживший в просторном помещении. Людей было много, они невольно подталкивали друг друга, и Асхад взял Файзет и сестру под руки. Сурет без устали вертела головой, о чем-то говорила без умолку. А Файзет молчала, ни на секунду не забывая, что пальцы Асхада сжали ее руку чуть выше локтя, и ей было хорошо.

Так же, под руку, они снова вошли в зал. Наконец отгремели последние аплодисменты и опустился занавес. У выхода из зрительного зала молодых аульчан встретил директор. Он провел их через фойе, пропустил в небольшую, спрятанную за бархатной портьерой дверь. Скоро все они оказались на площадке, с которой видна была сцена, теперь полутемная, декорации. На площадке, устало переговариваясь, толпились актеры. Увидев гостей, они оживились, заговорили с молодежью. Спрашивали, понравился ли спектакль. Обещали сами приехать в аул и дать там представление.

Зура добралась до аула глубокой ночью на попутной машине. К Ожбанковым не пошла. Отправилась в дом матери. Уставшая, с воспаленными от бессонницы глазами, она казалась постаревшей.

— Ну вот, мама, ты жаловалась, что осталась одна. Теперь мы будем вместе.

Казалось, что все в душе Зуры перегорело — и боль, и обида, и отчаяние. Мать не стала плакать и причитать. Сердцем она поняла, что слова сочувствия и слезы не помогут дочери, а, наоборот, расстроят ее.

— Что поделаешь, доченька... Будем жить вместе. Сейчас тебе надо отдохнуть.

Благодарная матери за чуткость и сдержанную нежность, Зура ушла в комнату, в которой прошли ее детские и девические годы, и легла в постель. Заснула она почти мгновенно, и последнее, что возникло перед ее взором, было лицо матери, спокойное, изборожденное следами многих горестей, лицо матери, готовой поступиться всем, лишь бы помочь дочери.

О материнская любовь! Ни с чем нельзя сравнить ее. Кровью собственного сердца согревает она жизнь в маленьком комочке, который превращается в слабого, беспомощного еще человечка. Все тепло свое, всю силу и время отдает мать тому, чтобы вырастить ребенка, научить его ходить по неровным дорогам жизни. Преданная, терпеливая, безгранично стойкая и бескорыстная, мать по первому зову жертвует всем, что у нее есть, чтобы поддержать, спасти, оградить от несчастья свое дитя, даже если оно уже стало взрослым и дало жизнь своим детям. Никакие невзгоды не заставят мать опустить руки, самое лютое пламя не остановит ее, когда она идет на помощь своим детям. Она может обречь себя на несчастье, лишь бы дети были счастливы. Она умрет с голода, но последний кусок хлеба сохранит для своего ребенка. Она своим телом укроет дитя от стужи. И не случайно горцы, обращаясь к кому-либо с большой просьбой, говорят: «Заклинаю тебя молоком твоей матери!» Ибо с молоком матери человек вбирает в себя жизнь, силу и мудрость, честь, совесть и храбрость, смелость, стойкость и мужество, веру в правду, презрение к трусости, сострадание к слабому.

Что бы ни делал человек, он никогда не возместит того, что бескорыстно отдала ему мать! Человек всегда в неоплатном долгу перед матерью.

Зура особенной, скромной и безмерной любовью любила свою мать, заботливую, внимательную и тихую. Умело ограждая дочь от многих тягот жизни, мать Зуры тем

не менее с детства приучала ее к труду, воспитала в ней отвращение к бездеятельности и лени, к нечистоплотности и нечестности. И Зура понимала и помнила это, никогда ни словом, ни жестом она не нанесла обиды матери, никогда не забывала о ней.

Обе они сознавали, что изначальная судьба женщины — рано или поздно расстаться с родным домом. И они расстались, когда любовь позвала Зуру в дом Ожбаноковых, один из самых уважаемых домов аула. Не ждала мать, что дочь вернется в отчий дом, вернется оскорбленная. Но это случилось, и им предстояло начинать жизнь заново.

Проснулась Зура, когда солнце стояло высоко и его лучи, упавшие на постель, были уже горячи.

Зура открыла глаза. Ей не хотелось вставать. Тело не отдохнуло, а сердце чувствовало, что ему немало еще придется перенести. Единственное, что сейчас было необходимо Зуре, это увидеть сына, прижаться к его теплому тельцу, поцеловать в пушистый затылок. Послать мать за ним? Ожбаноковы обидятся и будут правы. Надо пойти к ним самой. Сказать им правду об их сыне и уйти, не таясь, не оскорбляя их равнодушием, незаслуженной холдностью. Ведь они-то не виноваты, им самим больно.

Дома, под родительским кровом, думалось легче. Зура уже поняла, что случившееся неотвратимо. Нет, она не смирилась, она не собиралась полностью подчиниться горю и перечеркнуть свою жизнь. Она знала, что будет жить и работать. И словно желая отрезать все то, что омрачило ее молодость, Зура снова припомнила недавнее: встречи с Касимом, любовь к нему, беззаветную и полную надежд. Зура доверчиво шла навстречу всему, что ее ждало. Она была убеждена, что ждет ее только хорошее. Ошиблась, обманулась, ложное приняла за настоящее. Три года назад, уходя в дом Ожбаноковых, Зура много и долго говорила с матерью. Мать не перечила: даже ее сердце не чуяло беды. Ничто не давало основания для сомнений. Будь сомнения, можно было бы остановиться. А можно было? Навряд ли! Зура любила и верила, и если бы кто-нибудь тогда сказал ей, что ее ждет разочарование, что надо постелить войлок, ибо можно упасть, Зура бы сочла такого человека клеветником.

Сердце говорило: не бойся, иди смело, тебя ждет радость.

Любимый говорил: идем со мной, я дам тебе счастье.

Отец мужа сказал ей, встречая у порога: ты будешь дочерью моей.

Мать любимого сказала: я не буду тебе свекровью, я буду тебе второй матерью.

Брат любимого сказал: входи в наш дом, как своя сестра!

И вот все рухнуло.

...Она была далеко от дома, в районной больнице — там она родила сына, маленького и слабенького. Она плакала от невыразимого и незнакомого чувства, когда услыхала его крик. Она кормила его грудью, растила его и гордилась им, узнавая в нем отцовские черты.

Теперь ей будет больно видеть эти черты; теперь она все сделает, чтобы в мальчике не проявился слабый характер отца.

Скорей увидеть сына! Пусть к этому свиданию надо идти через трудный разговор с родными Касима, пусть ей снова придется пережить горечь и боль, но скорей к сыну!

Зура быстро оделась и вышла. Мать готовила завтрак.

— Сходи к ним, доченька, — мягко посоветовала мать. — Пока ты спала, Сурет несколько раз прибегала. Переживаю люди. Не захотели будить тебя, а ждут не дождутся.

Есть не хотелось, хотя Зура почти сутки ничего не ела. Поковырявшись в тарелке, она отодвинула ее, пошла к Ожбаноковым.

Вся семья была в сборе. Плачущая Сурет держала на руках Рашида. Увидев мать, мальчик потянулся к ней, прижался к ее лицу, обхватил шею ручонками.

— Что... было? — срывающимся голосом спросила Сурет.

— Жив и здоров, — коротко сказала Зура. — У вас новая невестка.

Вспыльчивая Сурет кулаком стерла слезы и крикнули:

— Чтоб он провалился вместе с нею!

Осман жестом попросил дочку замолчать и, тяжелый, словно каменный, не издав ни звука, выслушал рассказ

Зуры. И у всех остальных было такое состояние, точно они похоронили близкого.

— Ой, аллах, он с ума сошел! Джигит должен защищать честь женщины, а мой сын опозорил жену, опозорил семью, — жалобно сказала Мамерхан.

— Как может бесчестный защищать честь другого? — взорвался Осман. — Не сын он мне!

Асхад, стоявший в стороне, спросил:

— Ты с его товарищами говорила?

— Нет, только с ним.

Осман поднялся, подошел к двери, попытался толстым ногтем подвинуть ослабший шурп, снова сел на стул. Делал он все механически, может быть не подозревая, что в отчаянии совершает не то, что нужно.

В комнате установилась какая-то горестная тишина. Никто не решался нарушить ее, хотя она угнетала. Все внимательно следили за каждым движением Османа, боясь за него и не зная, как ему помочь. Старик поднял голову, посмотрел на Зуру, и нельзя было понять, что означает этот взгляд.

Не спуская глаз с Зуры, Осман подошел к ней, положил руку на плечо:

— Мне легче было бы, Зура, — дрожащим голосом произнес свекор, — если бы ты сказала, что его уже нет в живых. Мне было бы больно, но не было бы стыдно. Он не заслуживает прощения. Дочь моя, верь, что мы разделяем твое горе, мы с тобой. Ты вправе осудить нас. Поступай так, как велит тебе твоя совесть.

Осман отвернулся и, понурый, убитый тяжелой вестью, медленно пошел из комнаты.

Тотчас же ушла Зура. Она увела сына. Вечером она не вернулась в дом Ожбаноковых, и никто не знал, покинула она его или еще придет.

В эту ночь в доме Ожбаноковых не спали. Каждый переживал беду в одиночку, каждый был занят своими думами. Такого в семье переносить еще не приходилось, и все растерялись.

Большая, многодетная семья была у Османа Ожбанокова. Он помнил все о своих сынах и единственной дочери со дня их рождения: первые слова, первые шаги, болезни и радости и многое, многое другое. Самые старшие сыновья не успели обзавестись семьями. Они погибли на войне. О них осталась память и два ордена —

«Славы» и «Отечественной войны». Отец бережно хранил награды сынов своих, в дни праздников доставал их, чистил до блеска и выставлял на самом видном месте. Старик горевал и гордился. В трудную минуту они не звали «спаси вас, папа», — лицом встретили опасность, отдали жизни, но не струсили, не опозорили земли отцов.

Старшим после отца мужчиной в доме стал Асхад. У него и ранений, и наград столько, что на двоих хватит. Седина уже пробивается на висках, во нет у него семьи. Живет под отчим кровом, обойденный личным счастьем. Погибла жена, сиротой растет белоголовый мальчик, оплакивает свою судьбу первая любовь Асхада. Все так сложно, все так горько! Трудно Асхаду. Как был он прям, честен, вдумчив, таким и остался, ничуть не обеднев душевно. Само собой, получилось, что сын стал рядом с отцом и, что говорить, приобретает все больший и больший вес в семье. И не только в семье. Нужным иуважаемым человеком он стал в ауле. Все свои силы отдает колхозу, и люди идут за ним, верят ему, поддерживают его, хотя многое складывается не просто. Осману дороги начинания сына, он готов в большом и малом помогать Асхаду, охотно делится накопленной годами жизни мудростью, опытом, знаниями. Каждую удачу и каждую неудачу сына Осман встречает, как свои собственные. И вместе с Асхадом верит, что препятствия будут преодолены, цели достигнуты. И счастлив отец, что смог быть нужным сыну, живущему поновому, устремленному в будущее, смело ломающему каноны. Не огорчает его необходимый и печальный закон — рано или поздно отец уступает тропу возмужавшему сыну.

Разве станешь отрицать, что сына воспитывало новое время, что усилия отца были бы менее успешными, если бы не новая судьба народа? Но как быть с другим, выброшенным из сердца? Его можно проклясть, но от позора, принесенного им, не избавишься. Как могли они с матерью не заметить раньше чего-то плохого в Касиме? Просмотрели. И вот теперь результат. Что делать, что делать? Никто не мог ответить на этот вопрос.

Только на второй день Асхад, твердо решив, что поступок Касима не только личное дело семьи Ожбаноковых, предпринял нелегкий, но, на его взгляд, неизбежный шаг: он написал письмо его товарищам по службе.

Долго искал он слова, записывал их, потом вычеркивал и все начинал сначала. Письмо получалось прямым и беспощадным. И когда показалось ему, что все сделано, как надо, прочел его отцу.

— Больше не будешь переделывать? — спросил отец.

— Перепишу начисто и немного поправлю, если ты согласен с основным. Я понимаю, отец, что тебе тяжело, но это надо сделать.

— Я не возражаю. Все правильно. Но тебе придется не только переписать письмо, но и поставить мою подпись. Сделай так, чтобы было видно, что письмо от отца. — Осман поднял руку с растопыренными пальцами. — Каждый палец нужен, каждого жалко. Но если один из них гниет, жалеть его не надо — отруби, чтобы другим плохо не пришлось. Перепиши и принеси мне.

Далеко за полночь Асхад поставил последнюю точку.

«Дорогие товарищи! Пишет вам отец вашего сослуживца Касима Ожбанокова. Прежде чем послать это письмо, я многое пережил и передумал. Выражая не только свои чувства, по чувства всех других членов моей семьи. Всем нам очень больно. Я знаю, что Касиму предстоит перенести большие неприятности, но молчать не могу. Не имею права жалеть его. Он опозорил нас. Он пошел против чести. Это никому не прощается, тем более близкому. Он убил любовь к себе, и мой долг не только по-отцовски осудить его, но и сказать о нем правду. Касим нечестен перед семьей, перед своими товарищами по службе, по партии.

Три года назад он приехал в отпуск и женился на хорошей, умной и трудолюбивой девушке. И мы, и наши земляки весело отпраздновали это событие. После свадьбы Касим уехал к месту службы, и мы уверены были, что немного спустя он заберет к себе молодую жену. Брак оформить он не успел, но что за беда! Главное, что женился он по любви, что мы, его родители, и родители невесты, вместе с другими родными и близкими, пожелали им счастья. Через год к нам пришла новая радость — у Касима родился сын. Теперь он уже бегает, а отец так и не видел его. И вот мы узнали, что у Касима есть, вторая семья. Два года он обманывал всех. Он поступил бесчестно, и друзья должны знать о случившемся и призвать Касима к ответу.

Может, ваше осуждение научит его быть честным,

правдивым. Если же этот урок пропадет даром, пусть его ждут самые большие беды. Я проклял его, я не мог поступить иначе. Как вам поступить — вы решите сами».

Утром Осман достал очки, которыми пользовался крайне редко, и медленно, по складам сам прочел письмо. Попросил у Асхада авторучку, подул на перо и, издохнув, вывел в конце письма: «Осман Ожбаноков».

Когда сын ушел, Осман взял с его стола чистый лист бумаги и, налегая всей грудью на край стола, долго писал, часто останавливая перо и размышляя вслух.

«Касим! Это письмо написал Осман Ожбаноков. Он был твоим отцом. Теперь у тебя нет отца, а у него нет сына.

Нас, Ожбаноковых, много, но до сих пор ни один человек с этой фамилией не был обманщиком, никто не позорил нашу фамилию. А ты сделал это! Ты опозорил и тех, кто давно умер, и тех, кто живет и верит в честь и справедливость. Ты забыл о матери и отце, о брате и сестре, о сыне своем и его матери! Все обманулись в тебе, всем худо, все осуждают тебя. Даже в самые темные времена, во времена пши и уорков, мужчина обязан был беречь женщину и защищать ее честь.

Зура скрыла твой поступок от твоих сослуживцев. Я этого не сделаю. Пусть они знают все о тебе и осудят тебя. Ты проклят мной. Но если в твоих жилах есть хотя бы капля ожбаноковской крови — найди мужество, повинись во всем и прими кару, которую они назначат. Не хватит у тебя на это мужества — пропащий ты человек. Это письмо написал я сам, своею рукой».

Никому ничего не говоря, Осман в тот же день отправил свое письмо в далекий городок на краю страны.

Пасека была обнесена высоким плетнем. На поросшем травой и окруженному деревьями участке ровными рядами выстроились ульи, точно голубой, хорошо спланированный поселок.

Бачмиз стоял спиной к калитке, наблюдая за дружной работой пчел.

Руки вверх! — внезапно раздалось за спиной.

Старый Бачмиз опешил и стоял не шелохнувшись.

— Руки вверх, говорю!

Еще толком не понимая того, что произошло, Бачмиз медленно поднял руки и осторожно повернулся в ту сторону, откуда исходил этот угрожающий возглас. Сначала Бачмиз увидел нацеленный на него пистолет, потом мужчину с черной жидкокой бородкой и такими же усами. На голове его была белая шерстяная шлянаас обвисшими, как у лопуха в жару, краями. «Наверное, грабитель», — решил Бачмиз.

— Так стоять! — повторил незнакомец. Бачмиз, постепенно приходивший в себя, был убежден, что вооруженный хочет ограбить пасеку.

Старику ни разу за его долгую жизнь не случалось переживать подобное. На колхозной пасеке среди бела дня ему грозят пистолетом и заставляют стоять с поднятыми вверх руками. Растревянность сменялась гневом, и Бачмиз поводил глазами, всматриваясь в то, что было в поле зрения. За ближним ульем он увидел прислоненную к стволу дерева лопату. Не переставая наблюдать за грабителем, Бачмиз едва заметно двигал ногами в сторону, пытаясь, точно от страха.

«Ну погоди, я тебе покажу», — думал старик, забывая осторожность и ускоряя движение.

— Ни с места! Стрелять буду!

Пасечник замер и вспомнил вдруг, что сейчас сюда придет его старуха. Она всегда в это время приносит ему поесть. И вообще не во сне ли все это с ним происходит? Наверное, все-таки не во сне. Ибо в следующую минуту Бачмиз услышал шаги на дороге. А нападающий метнулся к деревьям. Старый пасечник бросился к лопате. Схватив ее, он быстро повернулся, чтобы обрушиться на незваного гостя. Но перед ним стояла собственная жена. Старуха задрожала от страха. Она бессильно опустила кошелку с едой на землю, колени ее подогнулись.

— Где он? — крикнул Бачмиз.

— Кто? Ты с ума сошел?

— Тьфу! Что за шайтан? Здесь стоял грабитель с пистолетом. В землю, что ли, он провалился?

Старик бросил лопату, стянул с головы шапку, стер ею пот со лба и опустился рядом со старухой.

— Пусть снова появится, я ему покажу! Это ты его спугнула! Если бы не ты, я его лопатой надвое разрубил бы!

— Он! — старуха аж побелела, глядя куда-то за спину Бачмиза.

Старик мгновенно вскочил, схватил лопату и оглянулся.

— От страха людей не узнаешь! Это же Карбеч! — крикнул Бачмиз жене.

Карбеч Пляши-нога, не обращая внимания на странное поведение Бачмиза, неторопливо приблизился к нему.

— Да размножатся твои пчелы!

— Ты никого не встретил здесь поблизости? — не отвечая на приветствие, спросил Бачмиз.

— Никого. А что случилось?

— Да такое, что ты не поверишь! — Бачмиз рассказал о нападении, умолчав о том, что растерялся, и ругал старуху, якобы помешавшую ему принять меры к поимке бандита. — Я на месте убил бы этого сукиного сына, если бы не моя старуха.

А может, он прячется где-нибудь поблизости?

— А где он тут спрячется?

— Ну, в твоем шалаше... Там у тебя темно.

— В шалаше, говоришь? Давай проверим.

Бачмиз пригнулся и, держа перед собой лопату, прокрался меж деревьями, стал перед шалашом, прислушался.

— Эй, кто там, выходи!

Ответа не было.

— Ты внутрь загляни, — шепнул Карбеч, стоявший сзади.

Бачмиз боком подобрался ко входу, осторожно заглянул в шалаш, потом вошел в его прохладную, пахнущую медом и травами темноту. Через несколько секунд оттуда донесся его голос:

— Нет его здесь.

— А может, тебе все это показалось? — спросил Карбеч.

— Ха, показалось! Я его своими глазами видел, вот как тебя!

— Это был джин! — крикнула из-за деревьев старуха. - Отовсюду их гонят, так они к тебе приходят! Лучше сидел бы дома, ничего не случится с пасекой!

— Замолчи, старая! Что ты Понимаешь? — рассердился Бачмиз. — Буду я дома сидеть, в золе копаться! Я до смерти возле пчел буду! Скажет такое! Я хорошо запомнил этого бандита — у него черная борода и усы, как у Салеха. Встречусь, сразу узнаю!

— Ты хорошо осмотрел шалаш? — спросил Карбеч.

— Что там смотреть? Это был человек, а не мышь! Где он там спрячется?

— Давай-ка я все-таки взгляну, — сказал Карбеч, вошел в шалаш и тут же вышел, но уже в белой шляпе с мятными полями, с черной козлиной бородой и игрушечным пистолетом в руке.

Бачмиз отпрянул.

— Похож я на бандита? — смеясь спросил Карбеч.

Делая вид, что отпрянул не от испуга, а от удивления, Бачмиз коротко хохотнул и сказал:

— Ах ты, клоун, Пляши-нога! Что выдумал! А если бы я тебя сгоряча лопатой по спине съездил? Жаль, жаль, что не успел. Придется стариков созвать и судит!» тебя за такие вещи! Присудим индейку или даже барабашку для нас зарезать, будешь знать!

— Сдаюсь, сдаюсь! — рассмеялся Карбеч. — И складываю оружие перед тобой, старый храбрец!

Бачмиз повертел в руках игрушечный пистолет и, чертыхнувшись, забросил его в высокую траву у плетня.

— Ты с настоящим пистолетом не ограбил бы меня! Ишь, задумал шутить! Я в молодости, бывало, встречу какого-нибудь князька, ни за что с дороги не сойду. Помню, как-то возвращался домой из дальнего аула. Дорога лесом шла, тогда у нас много лесов было. А навстречу мне один из бжедухских князей, за ним — уорк. Я, конечно поздоровался с достоинством и дальше еду. А те вдруг разворачиваются, догоняют меня. Уорк подлетел ко мне и ударил плетью. «Ты что, — кричит он, — не узнаешь, собака, сына славного князя Вочепша — хаджи? Забыл, как надо его приветствовать!» Такого я стерпеть не мог — сразу же сбросил уорка с коня, чтобы знал, как свободного крестьянина оскорблять! Уорк струсиł, вскочил на коня и ускакал, а князь за ним: знал, конечно, что ему худо придется, если он в одиночку со мной схватится! Силен и горяч был я в молодости! Ох, горяч! А ты — детским пистолетом!

— Ты все-таки растерялся немного, признайся, Бачмиз! Я же видел и теперь могу посмеяться. Не все же время тебе потешаться: «У нашего объездчика Карбеча все на глазах тянут! Наш объездчик труслив и ленив! А я и птицу на пасеку не пущу!» Не пустил? У тебя даже колени дрожат!

— Ты умеешь выдумывать, это все знают! — вспылил Бачмиз.

— Это ты про князя и уорка выдумал! А я помню, как ты руки поднял!

— Я поднял, чтобы тебя одним ударом не убить! Кому охота за тебя отвечать!

— Рассказывай теперь!

— Где ты эти усы и бороду взял?

— У тех, кто в самодеятельности, попросил.

— Им тоже плохо будет. Я вам всем покажу, как шутить с заведующим пасекой.

— Ладно, ладно, не сердись! Давай помиримся. Неси мед, скрепим пашу дружбу!

— Ты меда захотел? А палку видал? Сейчас угощу!

— Ну и хозяин ты, — упрекнул Карбеч, — разве так гостей встречают?

— Это колхозный мед, я им не распоряжаюсь! Хватит добро разбазаривать! Много найдется охотников на чужой счет лакомиться! Пусть сам тхамате¹ придет — все равно не дам!

— Что ж, посмотрим, — зло сказал Карбеч. — Теперь весь аул над тобой смеяться будет! Двух баражков зарежу, а расскажу людям, как ты перед детским пистолетом дрожал! Хаха-ха!

— Ой, старик, опозорит он тебя, — запричитала старуха. Бачмиз озадаченно почесал затылок.

По рукам, Бачмиз, — заговорил Карбеч. — Ты меня медом угощаешь и не обращайся в суд стариков, а я молчу! Именем аллаха обещаю тебе ни слова не проронить!

— Это ты ни слова не проронишь? Да ты лопнешь, если не расскажешь первому встречному! Иди рассказывай, черт с тобой! Каждому псу рассказывай, а меду не дам!

Т х а м а т е — председатель.

Я не продаюсь и чести не покупаю, знай это! Помню, в молодости...

Не дожидаясь очередной истории о молодости Бачмиза, Карбеч махнул рукой и пошел прочь.

Бачмиз плонул ему вслед и сел рядом со старухой.

— Что там ты принесла, вытаскивай!

Сразу за пасекой начинался колхозный сад. Точнее, он раскинулся между аулом и пасекой, которая стояла заставой на границе сада и полей.

Сад был невелик. Его отдали заботам молодого садовода, большого энтузиаста своего дела. Садовник дружил с пасечником, советовался с ним и часто звал его на помощь — рабочих рук не хватало. Деревья буйно плодоносили. Ветки гнулись под тяжестью слив и абрикосов, яблок и груш. Правда, сейчас созрели только ранние сорта яблок.

Садовод уехал в город за опрыскивателем и химикатами, попросив Бачмиза присмотреть за садом. Наскоро пообедав, старый пчеловод оставил пасеку на жену и, прихватив видавшее виды охотничье ружье, отправился в обход по саду. Он пересек его из конца в конец, а затем решил обойти кругом, вдоль живой ограды.

Под ногами мягко шуршала трава, ветки молодых деревьев хлестали лицо, и Бачмиз отводил их жилистой рукой, добродушно поругиваясь. Убедившись, что посторонних в саду и его окрестностях нет, пчеловод вернулся к своему шалашу, занялся ремонтом старого улья, в который со временем думал переселить новый пчелиный рой.

От этого дела его оторвал шум автомобильного мотора и жалобный визг тормозов. К плетню лихо подкатила легковая машина председателя. Шофер выбрался из нее, размял ноги, с - независимым видом подошел к Бачмизу и передал ему записку.

Бачмиз развернул ее, далеко отставив руку, взглянул на торопливо набросанные строки.

— А что тут написано, Байзет?

— Что написано? — переспросил шофер. — Председатель приказывает выдать мне два мешка яблок. И не падалицу, а хороших натрясти!

Бачмиз аккуратно сложил записку, пригладил края и протянул ее шоферу.

— Верни ее тому, кто прислал...;

— А что ему передать?

-- Скажи, что садовода нет. Это раз. Потом еще скажи, что яблоки, не учтенные и не принятые кладовой, больше не выдаются.

Шофер наклонил голову и этак сбоку, с подчеркнутым интересом посмотрел на пчеловода, — дескать, шутишь, дед. А Бачмиз снова занялся планками и дощечками.

— Так какое дерево трусить? А то я в сортах не очень разбираюсь, пока они на дереве.

— Я же тебе сказал, сынок. Отвези записку тхамате. пусть порвет ее. Нельзя этого делать.

Байзет развернул записку, внимательно перечитал ее, точно не знал, от кого она и о чем в ней речь. Потом отступил на шаг, иронически взглянул на Бачмиза и со значением произнес:

— Но это же Дзегашт пишет.

— Знаю, но яблок не дам. Через кладовую, на общем основании, пожалуйста. Законы для всех одинаковы. Я не могу общее добро по записочкам разбазаривать. Езжай, сынок, езжай, зря время не трать.

С таким Байзет сталкивался впервые. В душе Байзет одобрял поступок Бачмиза. Но он знал, что это может закончиться плохо для старика. Тхамате не прощал такие вещи. Желая предотвратить неприятности, шофер еще раз обратился к старику:

— Плохо будет и тебе, и мне, Бачмиз. Лучше пойдем в сад, покажи яблоню, потрясем немного. С Дзегаштом, сам знаешь, шутить нельзя.

— Я сказал, верни ему записку, яблок не дам.

Шофер юркнул в кабину, с треском захлопнул дверцу. Машина взревела и с ходу рванулась вперед, поднимая клубы синего дыма и серой пыли.

Скоро председательская машина снова подрулила к пасеке. Из нее выбрался сам Дзегашт. Подойдя к старику, поздоровался и, словно ничего не произошло, спокойно, тоном, не допускающим возражений, сказал:

— Бачмиз, надо натрусить мешка два яблок. Покажи дерево получше, ты их тут наперечет знаешь.

Не ожидая ответа, Дзегашт зашагал к саду. Бачмиз поднялся, зажал под мышкой ружье, будто это была палка, и пошел вслед за председателем. За стариком плелся шофер, видно, дорогой получивший основательную взбучку.

Дзегашт переходил от дерева к дереву, срывая, надкусывая и отбрасывая плоды. Наконец остановился он у развесистой

яблони. На ветвях ее красовались яблоки с густо-розовыми полосатыми боками. Бачмиз стал рядом с председателем. Дзегашт пальцем поманил шофера.

— Полезай, Байзет, тряхни ее!

— Не полезет и не тряхнет, — решительно сказал Бачмиз.

— Давай, давай, быстрей, — проговорил Дзегашт. Сорвал яблоко, потер о полу пиджака и стал с хрустом есть его. Байзет нерешительно шагнул к дереву. Старик тоже шагнул, плечом оттер шофера, заслонил спиной яблоню.

— Оформили через бухгалтерию и склад? Давай накладную, тогда разрешу... И незачем лезть на дерево. С земли можно дотянуться и хоть три мешка набрать.

— Кто накладную заверяет? — рассвирепел Дзегашт. — Ты что тут фокусы устраиваешь? Мне некогда с тобой шутить! Ну-ка, Байзет, лезь!

— Не полезет, — решительно заявил старик. — Привези весы, поставь здесь, дай накладную, чтобы было видно, сколько килограммов надо! Я сам взвешу, и ты подпишешь, что получил. Это два мешка, а не два яблока для детишек!

— Ты мне, Бачмиз, инструкцию не читай! Я знаю, что говорю! Твое дело — выполнять мое распоряжение. Я отвечаю, а не ты!

— От имени колхозников я требую порядка. Добро разбазаривать не позволю.

— Сумасшедший старик! — вскричал Дзегашт. — А ну ступай домой и чтоб духу твоего тут не было! Снимаю тебя с работы!

— И ты на меня не кричи! Я народное добро берегу. Я скоро в могилу лягу, но не хочу, чтобы обо мне говорили — Бачмиз помогал таскать колхозные фрукты! Никуда отсюда не уйду!

— Чертов старик! — всплеснул Дзегашт руками. — Уперся, как буйвол. Твоя седина сдерживает меня. Столько умников развелось, что шагу не ступишь, чтобы на умника не натолкнуться!

Подходя к машине, Дзегашт еще раз повернулся к Бачмизу и грубо бросил:

— Ты последний день здесь торчишь! Попомни мое слово. Из-за тебя шифера не достанем, сам потом будешь плакать, что помещение для пчел плохо покрыто. Вот где твои яблоки скажутся.

— Все равно не дам. Нечего агитировать меня.

Все, что последнее время происходило в ауле, каким-то образом касалось Асхада. Если не сами события захватывали его, то находились люди, которым почему-либо выгодно было сделать агронома причастным к некоторым малоприятным делам. Незначительное переплеталось со значительным, тайное становилось явным, причем в определенном освещении, ибо аул есть аул, и слухи тут распространяются и обрастают невероятнейшими подробностями с немыслимой быстротой.

Чатиб Падисов выработал для себя одно, на его взгляд, оригинальное правило. Он появлялся в аулах и исчезал с неожиданностью и порывистостью ветра. По его мнению, это должно было производить на людей впечатление. Внезапно свалиться на голову, ошеломить энергией и деловитостью и помчаться дальше, держа всех в напряжении, заставляя недоумевать и побаиваться его. Такой стиль, считал Падисов, достоин сильного и самостоятельного руководителя.

На этот раз для своего молниеносного налета Чатиб выбрал неспокойный и пасмурный вечер. Обычно в таких случаях он заезжал к Химсад. Дом вдовы на несколько часов становился его штаб-квартирой. Теперь что исключалось: Карбеч Пляши-нога, добившись у Химсад согласия на брак, но не поселившийся пока в ее доме, все равно пропадал под ее крышей почти все время. Это бы еще ничего, но у Чатиба сейчас были дела, которые меньше всего нуждались в таком распространителе новостей, как Карбеч Пляши-нога.

Падисов затормозил машину у дома Дзегашта.

В последнее время главный агроном МТС, исполняющий обязанности директора, Чатиб Падисов весьма неуютно чувствовал себя в своем кресле. Не было прежней

уверенности в том, что в ближайшее время за ним официально закрепят пост директора. Он чувствовал это по изменившемуся к нему отношению в райкоме и райисполкоме, по смелости, с которой критиковали его дотоле молчаливые люди, и по многому другому. В общем высокий пост ускользал от Падисова, и немалую роль сыграл в этом Асхад Ожбаноков. Опасность увеличивалась ещё и оттого, что сам Асхад мог быть кандидатом на должность директора. Иного соперника в районе Падисов не видел. Больше того, Чатиб уверен был, что Асхад мечтает вытеснить его и сесть на его место. Спасение было в одном: принять такие меры, при которых назначение Асхада Ожбанокова стало бы невозможным. Это дало бы Чатибу передышку, время на то, чтобы вновь укрепить пошатнувшиеся позиции.

Чатиб, не раз сталкивавшийся с Асхадом и с первых дней работы испытывавший неприязнь к нему, теперь ненавидел его лютой ненавистью, готов был на все, лишь бы отбросить его с пути. Однако он понимал, что одному ему с Асхадом не справиться, тем более, что тот пока пользовался поддержкой райкома партии. Чатибу нужен был союзник, который помог бы скомпрометировать Асхада. Им, этим союзником, вольно или невольно, становился Дзегашт.

Со стороны такое совпадение выглядело бы смешным. Ведь Тлеху Дзегашт тоже думал, что Асхад втайне мечтает стать председателем колхоза. Чтобы осуществить все свои фантазии, Ожбанокову нужна свобода действий, необходимо избавиться от тех, кто сопротивляется ему. И самое лучшее для него — постараться стать руководителем колхоза. Придя к такому умозаключению, Дзегашт начинал усиленно думать о том, как ему бороться против Асхада.

И вот под покровом темноты в нору одной лисы приползла другая. Плотно прикрыта дверь в комнату. Окно заложено ставней. Стекло керосиновой лампы не протерто, и оттого в комнате полумрак.

Чатиба и Дзегашта разделяет угол стола, поэтому они поглядывают друг на друга немного сбоку. Сидят они близко один к другому, и нет необходимости повышать голос. Все это набрасывает на каждый их жест, на каждое слово какую-то таинственность. И хотя они понимают, что многие используемые ими обстоятельства, мягко выражаясь,

надуманы, Чатиб и Дзегашт говорят с полной серьезностью, убежденностью в своей правоте и пригодности выбранного ими оружия.

— Ты, Дзегашт, знаешь, что от Ожбаноковых ушла их невестка?

— Знаю.

— Говорят, что Асхад знал о намерении младшего брата избавиться от первой жены и помогал ему, так как невзлюбил ее.

Дзегашт закурил. Выпуская дым сквозь вытянутые трубочкой губы, откинулся назад голову, покосился на Чатиба.

— Мне не все известно, но так могло быть...

Чатиб пристально посмотрел в лицо Дзегашта, выдержал паузу, словно собирался высказать нечто поразительное:

— Ты веришь в смерть жены Ожбанокова?

— Как тебе сказать, — протянул Дзегашт и вдруг спохватился: — А что, она жива?

Чатиб закусил губу, опустил глаза и забарабанил пальцами по столу. Казалось, он погрузился в глубокое раздумье, занят нелегкой внутренней борьбой.

— Понимаешь, есть сигнал... Всего я тебе раскрыть не могу. Видимо, Ожбаноков разыгрывает ловкую комедию. Последствия могут быть самые печальные. Разумеется, для него. Факты надо еще уточнить, но я в них уверен.

Дзегашт даже привстал от удивления:

— То-то он ничего не говорит о своей жене, увертывается от вопросов. Видно, что-то тут не так. Но он заботливо относится к сыну! Тут уж ничего не скажешь.

Чатиб многозначительно улыбнулся:

— Грехи замаливают! Заботливого отца, дескать, не станут подозревать в бесчестных поступках. Да-а, нашкодили братья Ожбаноковы... Кстати, как ты смотришь на отношения этого грамотея и Дариет? Нет дыма без огня, и слухи о том, что Асхад разбил ее семью, могут подтвердиться, а?

Наморщив лоб, Дзегашт задумался.

Да, видно, и это правда. Уж очень упорны слухи. Мне говорили, что из-за Асхада Дариет ушла от Ахмета. Она еще любит Ожбанокова и надеется, что он женится на ней.

— Вот, пожалуйста, — подхватил Чатиб, — не станет

же Ахмет тратить бумагу на выдумки. Он написал заявление в райком, жалуется на то, что Асхад отнял у него жену.

— Да, все подтверждается. А в том, что Асхад не женится на Дариет, я не сомневаюсь. По-моему, он имеет виды на Мерем, нашу докторшу.

— Но если Асхад хочет жениться на ней, для чего понадобилось ему ломать семью Ахмета? Теперь Дариет барахтается между берегами. Обстановочка!

— Я тоже не могу всего объяснить, но, наверное, какие-то цели у него есть. Рано или поздно это прояснится. Но это нельзя оставлять так...

— Да-да, ты прав.

Расстались они довольные друг другом. Оба намеревались накапливать факты и потихоньку начинать действовать: обмениваться сведениями, привлекать на свою сторону людей, обрабатывать «свидетелей» и готовить решительный удар.

Покинув дом Дзегашта, Чатиб направился к Ахмету Чеужеву, бывшему мужу Дариет. Расспросив о делах и посочувствовав Ахмету, Чатиб коротко изложил цель своего прихода — проверка фактов о недостойном поведении Асхада Ожбанокова — и предложил вместе пойти к Дариет. Ахмет согласился, по через минуту Чатиб сказал, что пока лучше сходить Ахмету одному и сделать вид, что он готов примириться с Дариет. Ахмет и с этим согласился. Он охотно доставил бы неприятности и Дариет и Асхаду.

Чатиб тут же уехал, сговорившись с Ахметом о новой встрече. Ахмет направился к Дариет.

Не виделись они давно. Хотя жили в одном ауле, им удавалось избегать встреч, так как Дариет была занята, а Ахмет бездельничал.

Ахмету и сейчас не хотелось видеть Дариет, а тем более — пусть притворно, но просить у нее прощения и искать примирения. Но возможность отомстить ей и Асхаду была соблазнительной. Ахмету безразлично было, что он идет на поводу у Падисова. Он поможет Падисову, но и досадит Дариет и особенно Асхаду, который не даст ему покоя. Ахмет был уверен, что аульчане неприязненно относятся к нему и требуют участия в работе по наущению Асхада. Не помешаешь агроному, чего

доброго, дождешься, что выдворят из аула, как злостного лодыря и спекулянта.

Позднее появление Ахмета испугало Дариет. Она хорошо знала, что он способен на любую пакость. Даже если он не намерен сделать зло, все равно встречаться с ним неприятно, тяжело будить то, что постепенно затихало в ней. Разрыв с Асхадом, неудачная семейная жизнь с Ахметом — все это не забывалось, но боль уменьшалась, простые отношения со многими аульчанами и работа, сначала в звене, а потом в конторе колхоза, приносили некоторое успокоение. И не хотелось терять это долгожданное, хотя и неполное душевное равновесие. Испуг Дариет не ускользнул от Ахмета. Он усмехнулся:

— Не бойся... Я пришел, чтобы всерьез поговорить с тобой.

— Нам не о чем говорить! Оставь меня! — воскликнула Дариет.

Ахмет и не ожидал иного. Но зря надеялась Дариет, что легко отделается от него. Видя, что она не приглашает его сесть, Ахмет взял стул, поставил посреди комнаты и сел.

Ахмет вскинул брови, вздохнул, сокрущенно покачал головой и начал так, словно каждое слово давалось ему с трудом:

— Я сознаю, Дариет, что не мог создать условий для нормальной совместной жизни. Я не всегда был внимателен, это так. Однако, если бы не этот Асхад, мы и сейчас были бы вместе. Все наладилось бы...

С первых слов, упоминая об Асхаде, Ахмет преследовал двойную цель: принести Дариет боль, разозлить её сплетней, сделать примирение невозможным и тем самым осуществить свой коварный план.

— Не сваливай свои грехи на другого человека. Мало я натерпелась от тебя еще до того, как возвратился он? Я ничего не забыла. Больше тебе не удастся обмануть меня! Зря пришел! Уходи и больше не приходи!

Ахмет вскочил, вцепился руками в спинку стула так, что пальцы побелели. А — Ты еще защищаешь его? Кто тебя в контору перевел? Скажешь, без Асхада обошлось? Так я и поверили!

— Уходи!

Дариет решительно шагнула к нему. Он чуть подался назад, по только на мгновение, презрительно сощурил глаза.

— Уходи — повторила Дариет.

— Уйду, уйду!.. Но шила в мешке не утаишь! Весь аул знает, почему Асхад помог тебе устроиться в конторе! Недолго ему гарцевать, я подрежу жилы его коню! —Ахмет ударом ноги отворил дверь. — Не снести ему головы! Я напишу об этом, куда следует!

Подождав, пока затихнут его шаги, Дариет осторожно, точно боясь разбить ее, прикрыла дверь и, зябко кутаясь в халат, прошла в глубь комнаты, села на кровать.

В последнее время Дариет жила под защитой воспоминаний о детстве и юности. За ними она пряталась от бед, которые исковеркали ее жизнь. Ей казалось, что к ней приходит наконец спасительное успокоение. Но вот опять заныли затянувшиеся было раны, растревожилась душа.

Что ему нужно, что задумал этот ставший чужим человек? Чего хочет он от нее теперь? Он ненавидит Асхада, мечтает навредить ему. Он ни перед чем не остановится.

Что она может сделать? Как оградить Асхада от беды? Уйти из конторы в поле, чтобы не давать повода для разговоров? А может, помириться с Ахметом? Попытаться еще раз повлиять на него, помочь стать лучше?

Долго думала она, но так и не пришла ни к какому решению.

Утром Дариет отправилась к Асхаду. Она застала его у ворот конторы. Он собирался ехать в поле.

— Что с тобой, Дариет? — спросил он, слезая с бедарки.

— Вечером у меня был Ахмет...

— Ну и что?

— Он сказал, что будет на тебя жаловаться. Обвиняет тебя в том, что ты разрушил нашу семью. Я не хочу, чтобы ты пострадал из-за того, в чем не виноват.

— Извини, Дариет, что я невольно причиняю тебе неприятности.

— Не беспокойся обо мне. Ахмет наверняка знает, что ты ни при чем. Но он задумал недобroе и не откажется от своих планов. Я не знаю, как поступить.

Асхад пристально посмотрел в лицо Дариет. Почти ежедневно виделись они, по ни разу после его приезда не оставались наедине. Собственно, они и не искали такой встречи. И не потому, что боялись молвы. Просто все у них было ясно и не к чему было волновать друг друга давним, почти забытым.

— Спасибо, что ты сказала мне об этом.

Бедарка легко катилась по полевой дороге. Вороной мотал головой и весело пофыркивал, не чувствуя вожжей.

Асхад откинулся на спину, размышляя над тем, что сказала ему Дариет. Попытки Ахмета казались ему несерьезными, и он скоро забыл о них.

Как-то сами собой думы обратились к Файзет. Он представил ее глаза, то задорно поблескивающие, то полные затаенных мыслей. Охваченный светлым чувством, он улыбался, не глядя по сторонам и не правя конем. А вороной свернулся с дороги и травянистым полем выехал к ферме. Асхад не собирался сюда, по раз уж так получилось, решил посмотреть, что тут делается. Ненадолго задержался у силюсной ямы, пошел ко входу в комнату доярок. У двери едва не столкнулся с Зурой. Всех в доме Ожбаноковых угнетал ее уход. Зура не избегала родственников бывшего мужа. Старики ей было жаль — очень уж горевали они. А Асхада уважала по-прежнему и была с ним откровенной, встречала такую же откровенность с его стороны. Асхад рассказал Зуре о том, что поведала ему Дариет.

— Есть о чём подумать, — сказала Зура. — То-то конь завез тебя на ферму. Видела в окно, как ты сидел в бедарке, ничего не видя вокруг.

— Да нет, я о другом думал...

— Жалко мне Дариет, — произнесла Зура. — И что он в покое ее не оставляет? Что-то грязное замыслил. Знаешь, тебе надо кончать с холостой жизнью. Меньше зацепок останется у недругов.

— Это верно. Но легко сказать, трудно сделать.

— Морочишь голову девушки и сам мучаешься. Не ожидала от тебя такой нерешительности!

— Зура, постараюсь исправиться.

— Ну, давай торопись. Желаю тебе счастья.

— Спасибо, Зура, хороший ты человек, — растроганно

промолвил Асхад и торопливо забрался в бедарку.— До свидания.

Снова вороной споро бежал по дороге, мягко покачивалась бедарка, Асхад любовался полями, перелеском за ними, глубоко вдыхал чистый пьянящий воздух.

9

Такого аул еще не видел.

Во всех дворах люди проснулись до восхода солнца. Но не это было удивительно. Аульчане всегда поднимались рано. Однако обычно двигались они размеренно, говорили негромкими после сна голосами. А в этот день все были подвижны, бодры, празднично настроены.

Были времена, когда по улицам аула ходил глашатай и выкрикивал хабар¹. К плетням приникали люди и ловили каждое слово глашатая. И сегодня аульчане, занятые торопливыми веселыми сборами, ловили голос глашатая. Этим глашатаем была музыка.

Из колхозного двора разносилась знакомая любому адыгу мелодия Магомета Хагауджева. Заливалась гармошка, вторил ей пхачич², трескучий и быстрый. Музыка тормошила, торопила, звала. И люди шли и шли на ее зов, шли с торжественным выражением лиц, громко и приподнято переговариваясь. И все казались ярко одетыми, хотя на них было то, в чем они работали всегда, а в руках — острые топоры, кирки, пилы, лопаты, ломы.

Кого только не было на улицах, кто только не спешил к колхозному двору! Девчата и парни, главы семей и школьники, старики и их седые подруги.

Нет, такого аул еще не видел, хотя и бывали рассветы, разбуженные музыкой, и не меньше, чем сегодня, выходило адыгов на воскресник и другие спешные многолюдные работы.

Впереди старииков, друживших с тех времен, о которых большинство и не помнило, шагал Гусарук. Он улыбался, гордо поглядывал на своих сверстников.

¹Хабар — новости, сообщения.

²П х а ч н ч — трещотка.

— Ей-богу, старики, такая сегодня музыка, что я снова чувствую себя молодым! А может, я и не старел? Честное слово, не старел. У меня подошвы чешутся, как у юноши!

Осман Ожбаноков наступил густые брови, словно и вправду был настроен мрачно:

— Подумаешь, какая важность — у него подошвы чешутся! Разуйся и почеши!

— Э-э, нет! Чесать мне не хочется! Вот сплясать бы — это да! Нынче я покажу вам, на что я способен. Все молодухи вокруг меня кружиться будут! Они и так на меня заглядывают, но сегодня, гей-гей, будет такое, что все вы от зависти позеленеете!

Поравнявшись с группой молодых женщин, Гусарук выпрямился, выпятил грудь, повысил голос:

— Да живей же шагайте, старые кони! На свалку надо этих дедов! Едва плетутся! Из-за них всю музыку прозеваем! Нет, старики, мне с вами не по пути!

Колхозный двор быстро заполнялся людьми. Плотным кольцом окружены музыканты, в дальнем углу девчата начали петь, детвора бегала меж взрослыми, толкаясь и зарабатывая легкие подзатыльники. Потом со двора пошли музыканты, не перестававшие играть, а потом и остальные — колонной, как на демонстрации.

Вышли за аул и у развязки дорог встретились с хуторскими. Колонны смешались. Гопак спорил с зафаком. Кто приплясывал, кто напевал, кто делился новостями. Среди хуторских и аульчан было много друзей.

Подойдя к пригорку, за скатом которого был котлован, люди свернули с дороги и, рассыпавшись на небольшие группы, пошли вверх по склону. Радостными возгласами встретили колхозники подошедшие сюда автомашины и тракторы, украшенные красными полотнищами и дубовыми ветками. Шоферов и трактористов приветствовали так, словно впервые видели их.

Теперь все были в сборе. На самом высоком и видном месте поставили колхозные знамена, и начался митинг. Слово взял Марк Трофимович.

Прямой и высокий, он стоял на траве в окружении колхозников. Был он сдержан и внешне спокоен, но Марк Трофимович волновался. Он сказал, что впервые

собралось столько людей на этой возвышенности, что ему радостно за тружеников аула и хутора, начинающих большое новое дело. Оно тем более важно, что две артели, которые объединились, впервые работают вместе.

— Мы построим здесь море... Ну, может быть, это очень смело сказано...

— Море! Море! — поддержали Марка Трофимовича молодые голоса.

— Хорошо, пусть море. Будет оно полноводным, как наша жизнь. Оно оросит наши поля. Работы впереди много, но мы справимся. Я думаю, что начнет Асхад Ожбаноков! Он первый заговорил о море, ему и почетное право первого!

Молодежь дружно зааплодировала, а старики степенно качнули головами.

Асхад не спеша спустился в котлован, трижды копнул лопатой, а потом топором, отточенным отцом, рубанул по горбатому стволу боярышника. На траву упали желтоватые щепки. Это послужило сигналом, по которому люди, заранее разделенные на бригады, взялись за дело.

Одни вырубали заросли, другие, копали сток для воды, третьи возводили насыпь там, где края котлована были слишком низки. Работа так увлекла всех, что поначалу люди не соглашались делать перерывы. Даже самые заядлые курильщики курили на ходу, делясь папиросами и табаком.

Солнце стояло совсем высоко, когда Асхаду, успевавшему не только руководить работами, но и помогать рубщикам и землекопам, удалось наконец объявиТЬ перерыв.

Все выбрались из котлована, расположились на траве в тени деревьев. Развязали узелки, раскрыли корзины, извлекли разнообразную снедь. Сначала усталые люди ели молча, а потом, утолив голод, стали переговариваться. Толковали о разном, но больше всего о том, что в последнее время волновало всех: о недавнем объединении колхозов, выборах нового председателя.

Последнее собрание было необычно оживленным. И не только потому, что поводом к выборам нового тхамате было объединение колхозов. Целый ряд событий как бы пробудил волю тружеников аула и хутора, напомнил им, что они хозяева артели, показал,

что они не могут стоять в стороне от всего свершающегося, что наступают новые времена и жизнь действительно становится иной. И главное, она открывает людям возможность влиять на ход событий.

Одни говорили, что стоит снова избрать старого тхамате: все-таки он имеет опыт, родился и вырос здесь, шлет местные условия, знаком с каждым клочком земли.

Другие не верили в Дзегашта, в его способность работать по-новому. Тем более ему не справиться с увеличившимся хозяйством. Надо просить райком партии прислать солидного руководителя. Правда, никто из сторонников этого предложения так и не сказал, каким должен быть этот солидный руководитель и почему его надо искать на стороне.

Третья решительно высказывались за кандидатуру Марка Трофимовича. Его хозяйственная сметка, житейская мудрость были известны всем. В его пользу было то, что колхоз «Путь Ильича» крепко стоял на ногах и заслуга в этом принадлежала Марку Трофимовичу... На многочасовом жарком собрании председателем объединенного колхоза был избран Марк Трофимович. Но перипетии борьбы не забывались.

Часто упоминалось имя секретаря райкома партии Кочаса Зарамукова. Его знали: он когда-то работал директором средней школы, у него учились многие молодые аульчане. На собрание приехал он не один, и люди насторожились: наверное, привез «достойного работника» и будет навязывать его. Приезжий держался уверенно, производил впечатление серьезного, даже суроватого человека, много повидавшего и заранее знающего все, что должно произойти. Кочас посадил его рядом с собой, видно, хотел показать этим, что относится к нему с полным доверием.

Председатели колхозов по очереди рассказывали о делах. Доклад Марка Трофимовича был коротким, но дельным. Аульчане, для которых успехи соседнего колхоза не были секретом, все же покачивали головами: было и удивительно, и по-хорошему завидно.

Дзегашт был смешон и даже жалок. Больше всего его путал человек, приехавший вместе с Кочасом: он мог оказаться тем, кого изберут председателем нового колхоза. Дзегашт, опираясь рукой на край трибуны, сузил глаза, откинув назад голову и привстал на носках.

— Дела у нас идут неплохо, товарищи! Я не говорю, что мы уже сделали все, но сдвиги есть! Мы не последние в районе, позади нас много хозяйств! А кое в чем мы в первых рядах, товарищи!

Председатель долго говорил о «кое в чем», а потом откашлялся и важно отошел от трибуны.

И снова заговорили слушатели:

— Было бы лучше, если бы у нашего тхамате было мало слов и много дел.

— Куда делись фрукты прошлогоднего урожая?

— До прихода Бачмиза на пасеку пчелы собирали мед?

— Будет ли у нас электричество?

— Построим мы клуб или нет?

Дзегашт отбивался, как мог. Люди, для которых уже был ясен дальнейший путь, которые поверили, что справляются со многими бедами, высмеивали не только незадачливого руководителя, но и свою инертность, примирение с недостатками. Много худого принесло колхозу слепое преклонение перед начальством, слишком часто смирялись аульчане с очевидными нарушениями устава сельхозартели, принятого ими же. Люди впервые говорили обо всем этом откровенно.

Первым заговорил чабан Салех.

— Адыги говорят, что глухой обретает слух, когда кукушка улетает. Многое дошло до нас слишком поздно. Не советовался с нами наш тхамате, не делился своими мыслями, не посвящал нас в дела, и мы узнавали о них самое раннее через год. Да и то не так, как надо было. Мы и сами забывали, что ум хорошо, а два лучше, что не может один человек думать за всех нас. Теперь мы должны быть умней и смелей. Стыдно нам перед соседями, земля одна, а у них урожай лучше. Что, мы хуже других? Хватит топтаться на одном месте.

Зулих начала с того, что выложила все, о чем не рассказал колхозникам Дзегашт. Каждое слово ее доходило до людей. Смеялась Зулих — смеялись собравшиеся, хмурилась она — хмурились все в зале. Досталось и Кочасу, который слушал Зулих, покровительственно покачивая головой, однако от колхозников не скрылось, что секретарь чувствует себя неуютно.

— Помнишь, Кочас, начало строительства

Майкопской ГЭС? — Зулих повернулась к секретарю райкома. — Помнишь? Вот и хорошо! Красиво ты тогда говорил. Все аульчане так поверили тебе, что им светлей стало, хотя до электричества было далеко. Кое-кто уже подумывал о том, чтобы выбросить керосиновые лампы. Пятьдесят наших аульчан четыре месяца работали на стройке. Колхоз выделил подводы. Ничего мы не жалели, работали от души. Я тоже была на стройке. Туго нам приходилось. Было холодно. Еды не хватало. Работали вручную, лопатами, землю отвозили на подводах. Камни на плечах таскали. Но все выдержали, все перенесли. Построили МайГЭС, столбы поставили, они мимо нашего аула бегут. А мы до сих пор живем без электрического света. И все потому, что ты, Кочас, обещал, но не помог нам достать материалы, хотя их нужно не так много. Мы давно подвели бы линию к аулу. Самим нам дефицитных материалов не достать... Ты скажешь, что парторг Мазагова должна быть активней. Да! Но ведь ты и твои помощники приезжаете к нам, чтобы дать нагоняй председателю, поправить хозяйствственные дела, ускорить работы в поле и заготовки, забывая о партийной работе и не помогая нашей парторганизации. Поэтому ты видел, что Дзегашт плохо борется за высокие цифры, и не замечал, что он опускается как руководитель, как коммунист!

— Ну, это ты слишком, — разводя руками, сказал Кочас.

Вслед за Зулих к трибуне вышел Осман Ожбаноков. Он нес в руках что-то круглое, накрытое белым лоскутом. Осман стал лицом к залу, держа перед собой загадочный предмет. Кряжистый, сильный, он переступил с ноги на ногу, глянул на людей из-под густых бровей и начал неторопливо:

— В молодые годы я был погонщиком волов. Бывало, держишь ручки плуга и медленно идешь по влажной, холодной борозде. Босой, конечно. Если передние волы тянут хорошо, пусть медленно, но неустанно идут за ними и задние. Не отстанут, хотя мы и говорим, что они ленивые... Если тот, кто идет впереди, не сбивается с шага, то и другие, идущие за ними, не сбиваются. Надо уметь шагать впереди, вот что я тебе скажу, Кочас!

Осман сделал паузу, и могло показаться, что он закончил свою речь. Кое-кто начал перешептываться, но

старый Ожбаноков поднял голову, посмотрел куда-то вверх, потом заговорил, негромко, задумчиво:

— Был у нас тхамате до войны. Он погиб на фронте, вечная ему память... Сколько лет прошло, а мы помним его. Он был организатором нашего колхоза и первым его В председателем. Вместе с ним мы поднимали и укрепляли наше хозяйство, строили, много строили. Первыми в районе мы купили автомашину. Самый хороший участок сада насажен при нем. Он сам размечал сад и вкапывал молодые деревца. Он говорил, что мы создадим такую жизнь, какой не может пообещать даже эфенди, рассказывающий о рае. Он не увидел плодов своего труда. До сих пор стоят постройки, которые он закладывал. Они прочны, но их мало. Тем не менее мы почти ничего не добавили к тому, что сделал первый тхамате. Ты знал это, Кочас? Ты заметил, когда мы споткнулись? Мы давно сбились с шага, но никто не помог нам. А земля у нас щедрая: уронишь камешек — поднимешь кружок мягкого жирного сыра. Только руки приложишь — все будет хорошо.

Осман снял лоскут с предмета, который держал в руках, и все увидели: на круглом блюде лежат крупные кисти винограда. Никто не понял, к чему старик принес сюда плоды своего сада, но Османа хорошо знали и догадывались, что он сделал это не зря и скажет нечто новое, не сказанное еще другими.

— Я не умел ухаживать за виноградом. Много неудач постигло меня. Кусты гибли, а те, что выживали, не плодоносили. Дзегашт смеялся надо мной, советовал выращивать лианы: дескать, лозы будут длинными, длинней виноградных, а ягод так и так нет, ничего, значит, не потеряю. Старая песня! Такие же «мудрецы», как наш Дзегашт, издавна возражают против закладки виноградников. Теперь я хочу вернуть долг Дзегашту — посмеяться над ним. Вот, Дзегашт, виноград, выращенный на нашей земле, бери его, ешь на здоровье и не спеши высмеивать людей.

Поставив блюдо с виноградом перед Дзегаштом, Осман под веселый шум и дружные аплодисменты пошел на свое место.

Собрание оживилось. Крепко досталось Дзегашту, много добрых слов было сказано о Марке Трофимовиче. Самое важное, что, резко говоря о плохом, люди уверенно

мечтали вслух, выражали надежду на то, что дела в колхозе сдвинутся с места, жизнь будет меняться еще быстрей — ведь начало этому положено.

Еще до собрания Кочас много думал о будущем председателе укрупненного колхоза. Объединялись адыгейское и русское хозяйства. Кто должен возглавить его? Аул больше хутора, не все аульчане владеют русским языком и, конечно, лучше бы выдвинуть на пост председателя адыгейца. Но Дзегашт на это явно не годится. Предложить кандидатуру Марка Трофимовича? Он знает адыгейский язык, опытен, умеет ладить с людьми. Но найдутся в ауле и такие, что обидятся. Ожбаноков младший? Рановато еще, пусть агрономом поработает, со временем вырастет хороший организатор. И тут, как порой случается, надо было найти место работы для Хаджимуса Бгажинокова, давно числившегося в районной номенклатуре, побывавшего на нескольких должностях и слывшего крепким администратором. Поразмыслив и еще раз пробежав глазами личное дело Бгажинокова, Кочас решил предложить его кандидатуру для председателя нового колхоза.

Рассказав собравшимся о Хаджимусе, Кочас добавил:

— У райкома есть мнение рекомендовать его на пост председателя вашего колхоза. Давайте решать.

— Пусть покажется! — крикнул кто-то из зала, хотя Бгажиноков был виден всем. Он сидел в президиуме рядом с Кочасом.

Бгажиноков поднялся за столом.

— Расскажи о себе! — выкрикнули снова.

— Что оставил за спиной, с чем к нам пришел?

Бгажиноков держался солидно, говорил веско. Ясно, что человек привык командовать, подчинять себе других. Посты свои называл, словно козырные тузы бросал на стол: возглавлял колхоз, был директором конторы заготзерно, председателем райсельпо. Заверил, что оправдает доверие колхозников.

— Кто хочет высказаться?

Люди молчали. Высказываться никто не хотел. Не хотел ли? Если бы они поделились тем, что говорят меж собой и пока не выносят даже на свои собрания!

И сразу сложилась, но закрепилась традиция: председателей привозили в колхозы, как нелюбимых невест.

И трижды лопни, но дело кончится тем, что все равно его изберут. Всегда в районе есть два-три человека, которых бесконечно передвигают с места на место. Снимут с одного поста, поддадут жару и... поставят на другой. И ни у кого не появится мысль: не подбирать ему высокую должность, пусть устраивается на рядовую работу, пусть станет колхозником, рабочим, служащим. Но как можно? У него стаж руководящей работы! И ходит такой человек, готовый руководить чем угодно, лишь бы сидеть в кабинете, иметь телефон и кучу подчиненных, которые готовят бумаги ему на подпись и даже карандаш оттаскивают. Сколько дел провалено, сколько людей пострадало из-за таких номенклатурщиков, давно разучившихся трудиться, умеющих только втирать очки, каяться и заверять, что все свои силы отдадут порученному им делу! Хаджимус Бгажиноков был как раз таким.

Колхозники молчали. Наконец к трибуне пошел Марк Трофимович. Потрогав трибуну, точно проверяя, прочно ли она стоит, он облокотился на нее, обвел глазами аульчан и хоторян, начал:

— С незапамятных времен мы живем рядом. Мы привыкли делиться хлебом-солью, вместе переживать горе и праздновать. Есть у нас и семьи, которые породнились. Многое мы можем вспомнить: и кровавые войны, и богатые жатвы. И всегда мы были вместе. Теперь мы объединяем наши колхозы. Мы не могли не прийти к этому. Дело растет, руководить им сложно. Нужен нам энергичный и умный, умеющий работать с людьми человек.

— Тебя, Марк, тебя хотим! — раздалось несколько голосов сразу, причем говорили по-адыгейски.

— Не спешите, — по-адыгейски же ответил Марк Трофимович и продолжал по-русски, — я и о себе скажу. Стар я для такого большого колхоза. Да и образования маловато. А у нас есть молодой и образованный, уважаемый нами человек. Пусть не все его поддерживают, но таких мало. Насолил он им, они еще одумаются, а не одумаются — для них хуже. Так вот, я считаю, что председателем нашего колхоза должен стать Асхад Ожбаноков.

Кочас нахмурился.

В одном из первых рядов вскочил Осман Ожбаноков.

— Неправильно, Марк! Ты предлагаешь выбрать

председателем человека, который недавно вернулся в аул и только начинает работать! Рано ему быть тхамате. Я предлагаю избрать председателем Марка. Рассказывать о нем и уговаривать вас не хочу — все мы его хорошо знаем.

Завязался короткий, но бурный спор.

Кочас вынужден был посчитаться с мнением аульчан и хуторян. Кандидатура Бгажинокова была отвергнута. Люди разошлись только тогда, когда секретарь райкома вместе с парторгом колхоза Зулих Мазаговой подсчитали лес поднятых рук и объявили о единогласном избрании на пост председателя объединенного русско-адыгейского колхоза Марка Трофимовича...

Колхозники так увлеклись этими воспоминаниями, так остро переживали все, происходившее на том знаменательном собрании, что не сразу услыхали команду Асхада: «За работу!»

Лопаты снова врезались в землю, топоры снова стали подсекать разросшиеся кусты. Работа пошла горячей, словно не. только отдых, но и разговор о незабываемом освежили силы тружеников.

Занятые нелегким делом, люди видели главным образом лишь то, что делали сами, или то, что делали их соседи. Но когда воскресник закончился и хуторяне и аульчане получили возможность окинуть взором все «поле битвы» — они сами радостно удивились тому, как плодотворно прошел этот день.

10 •

Кончились погожие деньки с легким морозцем, большим снегопадом по утрам, веселым и ласковым солнцем, от которого в полдень звонко капало с крыш, сугробы у плетней становились гладкими и блестящими, точно их отполировали.

В середине января пошли большие снега. Замело дороги, на кровлях расстелились пышные тяжелые перины, деревья белели, как сказочные.

Подули и ветры, сильные, порывистые, жгучие. Ночью они угрожающе завыли, пугая детишек, наводя тоску на стариков, прогоняя с улиц самых упорных ухажеров.

В одну из ночей ветер разгулялся небывало. Валил

плетни, срывал с крыш пласти слежавшегося снега, гнул и ломал замерзшие ветви деревьев.

В такую непогоду о работах в колхозе не могло быть и речи. Никто не шел в гости и не возвращался из гостей. Все аульчане отсиживались в домах, топили печи, тихо переговаривались, точно боялись, привлечь внимание разбушевавшейся стихии.

И вот в такую ночь непогода застала людей, недавно уехавших в горы на заготовку леса, в степи, по дороге домой. Ждали их накануне, но они не появились. День прошел в волнении, к вечеру обеспокоенные Марк Трофимович, Асхад и Зулих пробрались в правление. Что-то надо было предпринимать.

Асхад пытался позвонить в станицы и аулы, через которые должны были возвращаться лесозаготовители, но телефонные провода, видно, оборвало.

Долго думали и советовались, и договорились, что с утра Марк Трофимович и Зулих организуют бригады по разбрасыванию завалов снега, занесшего животноводческие помещения, ямы с силосом, стога сена и соломы, а Асхад с молодежью двинется на помощь тем, кто застрял в лесу или где-то поблизости от него. Решение не принесло успокоения, и Асхад предложил немедленно отправиться в путь на тракторе. Промедление могло привести к гибели людей, с бураном шутить нельзя.

Марк Трофимович и Зулих не стали отговаривать. Все равно Асхад не отказался бы от своего намерения, каким бы трудным и опасным ни было это предприятие. Он знал, что в лесу плохие землянки, продукты у людей наверняка вышли, не рискнуть — значит пойти против своей совести.

Зулих оставалась в правлении у почти бесполезного телефона. Марк Трофимович пошел за трактористом, Асхад отправился за едой и тулулом.

С трудом добрался он до дому и ввалился в дверь, с ног до головы усыпанный снегом, с покрасневшим на ветру лицом.

— Мать, есть у нас печенный хлеб? — не раздеваясь, спросил Асхад.

— Воаллахэ, как не быть хлебу! Проголодался, сынок? Сейчас соберу на стол, — забегала Мамерхан.

— Есть я не хочу, некогда! Дай мне три-четыре буханки, если есть больше, давай больше! Сыр давай, вареное мясо! И тулул достань!

Сложив продукты в мешок, Асхад подхватил тулуп и направился к двери.

— Ты куда собираешься? — спросил Осман, стоявший в дверях в спальню и молча наблюдавший за сыном.

— На выручку лесозаготовителей. На тракторе.

— А пройдет он? Темно, снег, ветер. Застрять легко, выбраться почти невозможно.

— Если я на тракторе не проберусь, то они там на подводах и вовсе пропадут. Главное, что они где-то в пути должны быть и неизвестно, что с ними. Возьму тракториста покрепче, прорвемся во что бы то ни стало.

— Да, если буран застал их в пути, ничего хорошего ждать не приходится, — задумчиво проговорил Осман. Почесал подбородок, предложил: — Поеду и я, а?

— Нет, не надо, сами справимся. Да и в кабине втроем не поместимся.

— Ну, удачи тебе, сынок, только не горячись.

Асхад вышел из дома в гудящую снежную круговерть. Чуть не ползком добрался до гаража, где стояли застрявшие тракторы. Возле одного из них возился Темир. Холодный мотор не хотел заводиться, Темир громко чертыхался.

— Как мы проберемся по этакой непогоде? — спросил Темир Асхада и зябко передернулся.

— А как наши люди там? Пусть погибают, пока мы у печки грееемся?

— Да я не к тому, — Темир покраснел. — Просто трудно нам придется. Психологическую подготовку провожу.

— Хороша подготовка: сам себя пугаешь, — рассмеялся Асхад. — Давай помогу, время дорого.

Дверь в гараж натужно заскрипела, потом резко откинулась, и в помещение вместе с ветром влетела маленькая заснеженная фигурка женщины. Вошедшая отряхнулась и направилась к мужчинам. Асхад узнал ее. Это была Мерем. В руках у нее был маленький чемоданчик, с которым она никогда не расставалась. В нем всегда лежало самое необходимое для помощи больным.

— Я еду с вами, — заявила Мерем.

— Вы? — удивился Асхад.

— Кстати, врач там наверняка нужней агронома.

— Не ты ли ее позвал? — обернулся Асхад к Темиру.

— Я шел мимо ее дома, она как раз от больного возвращалась, ну и спросила, куда это я собираюсь. Я и сказал.

— Ясно. — Асхад пытливо посмотрел в лицо девушки.

— Я не уверен, что наш трактор одолеет снежные заносы. Может, нам самим придется ждать помощи и куковать на холоде. Я понимаю, что долг врача зовет вас, но взять с собою не могу.

Девушка варежкой оттерла мокрое от растаявшего снега лицо, похлопала длинными слипшимися ресницами и зло сказала:

— Все это остроумно, но не забывайте, что я не имею права сидеть дома, когда людям плохо. Моя помощь непременно понадобится. Если вам кажется, что в кабине будет тесно, оставайтесь здесь. Без врача трактор не уйдет!

Асхад изумленно вскинул брови:

— Нет, Мерем, идите лучше домой. Впрочем, подождите, мы вас подвезем до дому, но взять с собой не можем, поймите меня!

— Можете ехать сами, я вслед пешком пойду. Может, люди там обморозились, а врач в ауле спит? Так не пойдет!

— Поймите...

— Никогда не пойму! Езжайте, я без вас доберусь.

— Хорошо. Возможно, пострадавшие будут, — примирительно начал Асхад, — мы привезем их в аул. А вы готовьтесь здесь к их встрече. До свидания, Мерем!

Девушка отвернулась и ничего не ответила.

Вслед за Темиром Асхад взобрался в кабину трактора. Мотор загрохотал. Когда рокот его поднялся до самых высоких тонов, трактор двинулся к выходу из гаража. Разгребая глубокий снег, он медленно шел по улице. Асхад взглянул в заднее окошко кабины и увидел, что, согбаясь под ветром, следом идет Мерем.

— Останови своего коня, — сказал Асхад Темиру и, когда тракторист затормозил, встал на гусеницу.

— Мерем! Подойдите сюда!

Девушка приблизилась к кабине.

— Давайте руку!

Мерем поднялась в кабину. У магазина Асхад сошел, постучал в окно квартиры продавца, жившего тут же. Продавец, выйдя на крыльцо и спросив, что нужно, изумленно округлил глаза: Асхад не славился пристрастием к спиртному. Но узнав, в чем дело, открыл магазин и отпустил пять бутылок водки.

Выехали за аул. Тут дорога была еще хуже, собственно, не было никакой дороги, сплошные сугробы. Свет фар не помогал, а, наоборот, усложнял езду. Лучи света, отражаясь от снега, слепили тракториста. А ветер гудел так свирепо, что перекрывал шум работающего мотора.

Асхад сидел вполоборота к Мерем, упираясь спиной в боковую стенку кабины. Девушка смотрела прямо перед собой, насупленная и молчаливая.

— Эх, надо было бы вас все-таки дома оставить.

— Не беспокойтесь, со мной ничего не случится. Хуже было бы, если бы я в ауле осталась.

Ехали почти всю ночь. На их счастье, мотор ни разу не заглох и трактор ни разу не засел настолько, чтобы нельзя было выбраться без посторонней помощи. Темир отлично сдерживал машину и уверенно управлял ею. Уже перед рассветом наткнулись на снежный завал. Темир выбрался из кабины и увидел, что на гребне завала мелькнул и погас огонек, потом появился снова.

...Буран обрушился на лесозаготовителей как раз в тот момент, когда они из лесистых предгорий уже вышли в степь.

Решили не останавливаться, пока не дойдут до первой станицы. Она была не близко, но сил должно было хватить. Однако стихия победила. Тогда решено было поставить все подводы в круг. Образовавшееся внутри круга место очистили от снега, ввели в него лошадей. Сами укрылись там же. Раскололи бревно, разложили костер. Стало немного лучше. Но еще лучше почувствовали себя люди после того, как переменчивый ветер нанес снег вокруг подвод: получилась пухлая стена, спасавшая от резких порывов.

Голодные и полуобмороженные люди приплясывали у костра, ездовые водили коней по кругу. Потом услышали рокот трактора... Все, кому хватило лопат, начали разбрасывать снег перед трактором. Потом оттянули в сторону одну из подвод, и машина вошла в круг.

Старшим группы был Хусен.

— Как дела? Пострадавшие есть? — спросил его Асхад.

— Пока держимся. Правда, некоторые немного обморозили носы и руки.

— Ну, скажите спасибо доктору, — она взяла все необходимое, чтобы помочь обмороженным. У меня тоже есть лекарство: хлеб, мясо и еще кое-что... такое, от чего Карбеч особенно лихо пляшет! Давайте сделаем так: Мерем займется теми, кто обморожен, а мы с тобой, Хусен, разделим еду и питье. Потом подумаем о том, что будем делать дальше.

Мерем растирала спиртом лица и руки пострадавшим. Двоим парням сделала какие-то уколы. Другим дала таблетки. Асхад и Хусен раздали хлеб и мясо. И вот уже послышались шутки и смех. После недолгих переговоров решили телеги с лесом оставить в степи. Ослабевших посадить на коней. И всем, пешим и конным, двигаться вслед за трактором до ближайшей станицы.

Добрались до этой станицы часа через три. Уже было светло. Над крышами домов мотались разрываемые ветром дымки. В каждом доме нашлось место для каждого из попавших в беду.

Немного передохнув, Темир и Асхад отправились на тракторе в аул, а Мерем осталась с людьми, продолжая помогать им. Некоторые, отогревшись, начали чихать и кашлять.

Но к вечеру все были дома. Трактор с тележкой доставил их в аул.

11

Зима отступила еще в феврале. А в конце марта сильно пригрело солнце. Снег сошел с полей. Пашня стала серой, на взлобках показалась первая робкая зеленая травка. Небо было синим и бездонным, воздух чистым, пьянящим.

Айдамир с удовольствием поехал в командировку в аул, в котором жили его близкие родственники. Нужно было написать для газеты о том, как в колхозе готовятся к борьбе за новый урожай.

Выходя из «победы», он сразу же направился к конторе, надеясь повидаться с Марком Трофимовичем, и неожиданно стал свидетелем следующего.

Тлеху Дзегашт после выборов нового председателя оказался не у дел. Никакого другого достойного себе поста в колхозе он не видел. Свою отставку воспринял как незаслуженную и унизительную обиду. Райком ничего не предлагал ему, и Дзегашт болтался по аулу без дела, пьяниствуя с подобными ему приятелями и жалуясь им на несправедливость.

По привычке забредя в коридор, он увидел в коридоре свежий номер стенной газеты. Дзегашт рассеянно скользнул глазами по колонкам. Его внимание привлек заголовок «Министр без портфеля». В заметке шла речь о нем, Тлеху Дзегаште, бесцельно проводившем время и ожидавшем высокого поста. Сбив шапку на затылок, словно она мешала ему читать, Дзегашт снова прочел заметку — строчку за строчкой. Неудержимый гнев овладел им. Тлеху сорвал заметку и смял ее в кулаке. За спиной раздалось громкое и насмешливое:

— А вот это уже ни к чему? Разве можно так относиться к стенной печати?

Дзегашт обернулся. Перед ним стоял Айдамир Даичмуков. Несмотря на насмешливый голос, худое, чисто выбритое лицо Айдамира было строгим, а карие, глубоко запавшие глаза смотрели на Дзегашта осуждающе. Дзегашт еще сильней сжал кулак — заметка жгла ему ладонь.

— Ну, здравствуй, борец против стенкоров! — Айдамир протянул руку. Дзегашт выронил заметку и нерешительно поздоровался.

— Зря ты бросил заметку. Ее надо приkleить на прежнее место, — отставив палку в сторону, Айдамир тяжело наклонился и поднял скомканную бумагу. Выпрямившись, он прошел в кабинет председателя и тут перевел дух. Лицо его покраснело, лоб покрылся капельками пота.

Болезнь все больше подтачивала его силы. Он мужественно боролся с болью и слабостью, продолжал работать, понимая, что дни его сочтены, что недуг теперь не отступит. Об отдыхе он и говорить не желал. Многое хотелось сделать, многие планы не были осуществлены, и Айдамир спешил завершить хотя бы самое заветное. Острый, непримиримый, когда речь шла о критике недостатков, Айдамир в последнее время предпочитал писать не фельетоны, а очерки, в которых поэтично

воспевал рядовых тружеников. В этом отражалось все его жизнелюбие, восхищение красивыми и трудолюбивыми людьми, ради которых жил и работал, которым на закате своей жизни хотел показать, как они хороши, как он любит их, какими он хочет видеть их. В этой весенней поездке он хотел увидать молодых земляков и нарисовать их юные и своеобразные характеры на фоне пробудившейся и принимающей семена земли.

Дзегашт глядел на мучительно сморщившегося Айдамира, сочувственно покачивал головой, а в душе проклинал журналиста, явившегося так некстати. «Вляпался, — думал Тлеху, — теперь этот писака настрочит фельетон и ни за что не оправдаешься. Если б кто-нибудь другой, еще можно было бы вывернуться. А тут ничего не поможет».

Айдамир снял шляпу, положил на диван рядом с собою, откинулся на спинку, снизу взглянул на Дзегашта, потом, словно вспомнив о заметке, разгладил ее и внимательно прочел. По тому, как он держал заметку, видно было, что он и не забывал о ней, что ее судьба до глубины души взволновала его.

Прочитав заметку, Айдамир положил ее на колени, снова разгладил, точно хотел, чтобы исчезли все до одной морщинки на ней. Поднял голову, посмотрел на Дзегашта и рассмеялся легко, заразительно, как-то радостно.

— А здорово они тебя, Дзегашт. Наверно, против этого не возразишь, раз ты сорвал заметку!

Дзегашт не ответил, а Айдамир продолжал:

— Что же ты, а? Тебя назвали «министром без портфеля». Пожалели, видно, а то можно было бы назвать «министр в отставке» или «министр на покое». Все-таки министры без портфелей работают. У них тоже есть свои обязанности.

— Что ж, возможно, я погорячился, — протянул Дзегашт. — Но они слишком уж разошлись. Я руководящий работник. Сегодня я в резерве, завтра — на другую должность, а тут авторитет подрывают!

— Ну и ну! Ты думаешь, что стенгазета только рядовых работников может критиковать? А если тебя еще и областная газета покритикует? Ты что, потребуешь весь тираж под нож пустить?

— Областная? — Дзегашт поперхнулся. — Областная

другое дело, но тоже надо согласовывать. Если нами, активом, станут бросаться, что из этого получится? Кадры надо беречь. А тут какая-то девчонка...

— О какой девчонке ты говоришь?

— Дочь Зулих, Файзет Мазагова! Она в стенгазете первую скрипку играет! Недавно соску бросила, а нас уже поучает. От таких добра не жди.

— Погоди, погоди! А я приехал, чтобы очерк о ней написать. Значит, зря явился? Рановато ее хвалить, а?

— Дело твое! Только ты должен понимать, что похвала портит молодых людей. Зазнается, голова закружится.

— Ну, уж и зазнается! Сколько же она кукурузы собрала?

— У неё участок был маленький.

— А все-таки?

— По девяносто центнеров с гектара.

— Молодец!

— Они сами ничего не сделали бы без моей помощи.

— Хорошо, а раньше что было? По десять-двенадцать центнеров собирали.

— Годы неурожайные были.

— Не все же годы были такими. А вообще-то, видно по всему, прошедший год у вас был особенным. Зря ты такую позицию занимаешь, скажу тебе по-товарищески. Осмотрись, обдумай все.

— А ты не ставь так вопрос, вроде я ни при чем. Все мои заслуги стали отрицать.

— О заслугах поговорим позже. Мы еще встретимся с тобой. Я хочу повидаться с молодыми тружениками, потолковать с ними, посмотреть, как сейчас у них идут дела. Вот так, — Айдамир поднялся. — Теперь надо заметку приkleить. И в другой раз не горячись. От критики никто еще не умирал, а выздоравливали многие. Это хорошее средство.

Дзегашт прихватил пузырек с kleем и вышел в коридор.

— На, сам приклейвай, а я пузырек подержу, — сказал Айдамир, когда они подошли к стенгазете.

Тлеху надвинул шапку на лоб, несколько раз мазнул кисточкой по обороту заметки и неловко приладил ее на прежнее место.

— Немного криво, но сойдет. Все равно следов не спрячешь, — усмехнулся Айдамир.

На крыльце Дзегашт стал приглашать Айдамира к себе, но тот отказался:

— Устал я, передохнуть надо, а завтра делами займусь и по гостям пойду.

В доме Ожбаноковых Айдамиру обрадовались. Осман обнял племянника, подвел к дивану, заботливо усадил. Старик уважал Айдамира и, встречаясь с ним, совершенно забывал о поколениями воспитавшейся в каждом адыгейце внешней холодности и сдержанности в обращении с близкими.

Племянник — единственный сын сестры был гордостью Османа. Смелый и простой, принципиальный и правдивый, Айдамир в глазах старика был воплощением настоящего мужчины. Осман понимал, что племяннику жить осталось недолго, и мучился, бессильный помочь ему, страдал, видя, как прежде времени смерть подкрадывается к нему.

Правда, старый Ожбаноков старался не показывать Айдамиру своего состояния, но тот все видел. Однако при встречах всегда шутил и смеялся, стремясь отвлечь дядю от горестных мыслей.

После шумных и сердечных приветствий начался оживленный разговор о родственниках, последних новостях, городских и аульских. Потом Осман свернул беседу на международные дела. Журналист Айдамир должен знать об этом больше, чем пишут в газетах.

Айдамир открыл свою толстую папку и достал из нее-четыре коробки «Казбека», — на этот раз, как и всегда, он привез в подарок Осману хорошие папиросы. Айдамир протянул гостинец старику и поразился равнодушию, с которым тот отложил папиросы в сторону.

— Не нравятся? Но я всегда такие привозил.

— Нравятся, нравятся, но я не курю.

— Бросил?

— Да, решил больше не курить. — Осман посмотрел на папиросы и стал рассказывать. — Больше двух недель уже прошло. Возвращался я с поля домой. Спустился в балку, иду, по сторонам поглядываю. И тут меня догнал парнишка. Совсем мальчишка, усы еще не выросли. Сукин сын, даже не поприветствовал, а сразу

просит: «Отец, дай закурить». Я остановился, дай, думаю, посмотрю, что дальше будет. Достаю кисет. Он берет его, скручивает цигарку и снова просит: «Дай прикурить, отец». Достаю зажигалку. Парень прикурил, вернул мне все и помахал рукой: «Спасибо, отец, пока, спешу». Я смотрю вслед и не знаю, что делать. Потом окликнул его. Он подошел и удивленно смотрит на меня: мол, что этому деду надо. Я отдал ему кисет и зажигалку. Достал мундштук и тоже отдал. «А что мне с ними делать?» — спрашивает. «Кури, говорю, пусть у тебя будет все, что уравнивает меня, старика, с безусым мальчишкой. А я больше ни за что не закурю!» Мальчишка пожал плечами и пошел себе, вот, дескать, на сумасшедшего напал. Все, больше не курю.

— Отчитал бы его и все, — заметил Айдамир.

— Всех не отчитаешь, — отрезал Осман.

— Ну и ну, — удивился Айдамир.

Уже стемнело, когда Асхад пригласил Айдамира прогуляться перед сном.

— Куда ты тащишь его, — возразил Осман, — он и так сегодня нагулялся! Пусть ложится.

— Асхад прав, — улыбнулся Айдамир. — Мы немного пройдемся, подышим свежим воздухом. Пошли, брат.

На улице Айдамир легко толкнул локтем в бок Асхада и смеясь произнес:

— Что там у тебя стряслось, выкладывай!

— Да нет, я просто так позвал тебя пройтись, — смутился Асхад.

— Не таись, не таись...

— Что там таиться! Прогуляемся и все. К Мазаговым на минутку заглянем. Зулих рада будет.

— Ну, если к Зулих, другое дело. Давай зайдем! А вдруг ее дома не будет?

Асхад не ответил, обнял Айдамира и повлек его к калитке соседей.

Файзет была одна. Увидев братьев, она вспыхнула, залилась густой краской.

— Добрый вечер, коллега, — с доброй улыбкой произнес Айдамир. — А где же мать? Нет ее? Я же говорил Асхаду! Но ничего, мне и с тобой поговорить надо.

— Садитесь, садитесь, пожалуйста, — засуетилась Файзет.

Айдамир сел за стол. Асхад устроился напротив исто, а Файзет стояла в стороне, прижав ладони к горящим щекам.

Уже давно, после долгих колебаний Файзет отправив ла Айдамиру написанные ею одноактные пьески, просила поправить их. Теперь она жалела об этом: ей казалось, что Айдамир в душе смеется над ее сочинениями. Где-то в глубине души была надежда на то, что Айдамир, занятый множеством дел, не нашел времени, чтобы прочесть рукопись. Однако слова о том, что у него есть разговор к Файзет, разбивали и эту последнюю надежду.

Правда, в письме Файзет объясняла, что поиски пьесы о молодежи на адыгейском языке ничего не дали, что на ее обращение к двум писателям ответил только один, сообщивший, что подходящей пьесы у него нет, а взяться за ее создание он не может — у него свои творческие планы, от которых он, к сожалению, отступить не в силах.

— Что же это получается? — с улыбкой произнес Айдамир. — Мы сидим, а хозяйка стоит! Садись, Файзет.

Она робко присела на краешек стула.

— Не знал я, что мы зайдем к тебе, — сказал Айдамир, дружелюбно глядя на девушку. — Но не беда, завтра занесу твою пьесу. Перепечатали ее на машинке. Надеюсь, вашему кружку хватит трех экземпляров? Ты не обижайся, но я немного поковырялся в твоем сочинении, кое-что подсократил, даже одну сцепку совсем снял. Без нее лучше, вот посмотришь...

Опустив глаза, Файзет слушала Айдамира. Она была взволнована, слова доносились до нее точно издалека. Одно она поняла сразу — пьески ее не забракованы, и Айдамир отнесся к ним серьезно.

— То, что ты написала, интересно, — продолжал Айдамир. — Обманываться не надо — многое твоим пьесам не хватает. Однако есть в них знание жизни. Когда начнете репетировать, напиши мне. Я договорюсь с режиссером нашего театра. Он приедет на первую репетицию, поможет вам.

— Спасибо вам, — сказала Файзет.

— Ну, а теперь сыграй нам, Файзет, — попросил Айдамир.

Девушка не стала упираться и пошла за гармошкой. В эту минуту дверь распахнулась и в комнату влетели

сестры Псемуоковы. Они не ожидали, что увидят у Файзет мужчин, и растерянно попятались к выходу.

— Куда вы? — позвал их Асхад. — Файзет дома!

Асхад поднялся, подвел смущенных девушек к Айдамиру.

— Знакомься, это внучки старого Бачмиза, знаменитые шичапшинистки. Асиет и Люба.

— Совсем хорошо, — обрадовался Айдамир. — Целый оркестр. Да они, видно, и шли сюда поиграть! Шичапшипы при них! Ай, как хорошо! Только сначала спляшем под гармошку, не возражаете?

С гармошкой в руках возвратилась Файзет.

— Сыграй нам удж³, — попросил Айдамир. — Давно я не танцевал! И не могу отказаться от такого удовольствия!

Айдамир стал между сестрами, взял их под руки. Файзет заиграла звучно и бодро. Подхваченные знакомой и любимой мелодией, танцоры пошли по кругу. Пройдя три круга, Айдамир остановился:

— Простите, девушки, но на большее я не способен, устал. Пусть Асхад дотанцовывает.

Пляска длилась еще несколько минут. Потом девушки сыграли втроем, и Айдамир, поднявшись, стал прощаться.

Все время, пока братья были у Мазаговых, Асхад и Файзет держались очень непринужденно. Только прощаясь, Асхад чуть дольше, чем бывает у просто знакомых, задержал в руке горячую ладошку Файзет, по Айдамиру даже не обратил на это внимания.

На улице было прохладно. Айдамир мог простудиться. Братья поспешили домой.

Мамерхан уже ждала их. Поужинав, Айдамир лег.

Асхад сел на стул рядом, поправил одеяло.

— Ты обо мне, как о ребенке, заботишься, — усмехнулся Айдамир. — Или это предисловие?

Асхад сбивчиво рассказал брату о своей любви к Файзет и о своих колебаниях по этому поводу.

Айдамир, внимательно выслушав Асхада, задумчиво проговорил:

— Если любишь, женись. Меня другое беспокоит. Давай об этом потолкуем. Дело пустое, я убежден в

³ Удж — адыгейский плавный парный танец. ■

этом. Но неприятное. Очень неприятное. Я имею в виду историю с твоей прежней женитьбой. Ясно, что ты о чем-то умалчиваешь. Убежден, что ничего порочащего тебя ты не совершил. Но если дело дойдет до официального разговора, одной верой в тебя не обойтись. Почему уход Дариет от мужа связывают с твоим возвращением?

Асхад сильно потер ладонью лоб и глухо сказал:

— Если ты настаиваешь, я все тебе открою...

— Нет, нет! Я не настаиваю. Иди отдохай. Завтра с утра я займусь сбором материала для очерка и попутно поговорим обо всем. На земле есть не только цветники, по и заросли бурьяна. Такова жизнь. Ну иди, я хочу отдохнуть. Спокойной ночи.

Асхад лежал в постели в каком-то странном состоянии. То, о чем сказал Айдамир, не было для него неожиданностью. Дариет уже говорила ему о чем-то подобном. Но какое это имеет для него значение, если все больше и больше убеждается он в том, что его чувство к Файзет не безответно.

Из комнаты, в которой спал Айдамир, доносился кашель, тяжелое дыхание, брат ворочался, видимо, устраиваясь поудобней. Потом все затихло. Айдамир заснул. Стало тихо. И эта тишина вдруг испугала Асхада. Он поднялся, бесшумно прошел в комнату Айдамира. Тот спал, положив руку под голову, грудь его тяжело вздымалась. Асхад постоял немного и так же бесшумно ушел к себе. Успокоенный, лег, до горла накрылся одеялом, погрузился в сон.

Утро выдалось теплое и сухое. Наскоро позавтракав, братья отправились в поле. Долго говорил Айдамир с ребятами и девчатами из звена Файзет, других расспрашивал о них. Особенно развеселила его беседа со старым Бачмизом.

Пасечник похвалил молодежь, сказал, что о ней стоит написать в газету, но тут же добавил:

— Ты не очень все-таки удивляйся тому, что у нас выросла богатая кукуруза. Раньше всех на земле ее стали выращивать мы — адыги. Это я говорю точно. Не веришь?

Айдамир улыбнулся, пожал плечами:

— Я не могу спорить с вами. Вы больше меня прожили на свете. Но у меня несколько иные сведения об этом.

— Сведения, сведения... Ты послушай, что я тебе скажу. Почему кукурузу мы называем «нартыф». Зерно нартов! От нартов кукуруза пошла по всем странам. Мы, адыги, знаем, как получать большие урожаи. Файзет молодец, она не только агронома, но и стариков слушала, и теперь ее все хвалят!

— Понимаешь, Бачмиз, — неторопливо проговорил Айдамир, — то, что ты сказал, очень интересно. Но ученые утверждают другое...

— Что утверждают твои ученые?

— Они говорят, что четыре века назад мореплаватель Колумб открыл Америку и первый из европейцев увидел там кукурузу. Ее индейцы выращивали. От них и пошла она. Правда, другие говорят, что кукурузу вывезли из Азии. Но дело не в этом. К нам пришла кукуруза три века назад.

— Э-э-э, ничего твои ученые не знают! Они сами еще спорят, судя по твоим словам. А я твердо знаю. Кукуруза идет от нартов! Они ее открыли и всему миру дали.

Айдамир снова пожал плечами.

— Что ты все плечами поводишь? — возмутился Бачмиз. — Ты найдешь адыга, который не любил бы мамалыгу? Или вареную кукурузу, жареную кукурузу, пышки, маджадж⁴, хатик⁵ из кукурузной муки! А стакан бахсиме⁶ кого не радует! Из чего она? Из кукурузной муки! А ты говоришь! Правда, силос мы не умели делать раньше. Но это придумали другие, не одним же нам все придумывать!

— Не надо горячиться, — примирительно сказал Айдамир. — Независимо от того, кто открыл ее, кукуруза верно служит тем, кто хорошо заботится о ней. А девчатам из молодежного звена было у кого поучиться.

— Другой разговор! Конечно, было у кого учиться, — добродушно повторил Бачмиз.

Несколько дней провел Айдамир в ауле. И все дни в каком-то двойственном состоянии: с удовольствием говорил с людьми об их делах, и все время при этом испытывал желание повидаться с Дариет. Хотелось убедиться в том, что неприятные слухи, распространяемые вокруг Асхада и Дариет, — ложь. Он верил Асхаду, но, быть

⁴ Маджадж — кукурузная сладкая лепешка.

⁵ Хатик — пряники.

⁶ Бахсиме — напиток.

может, что-нибудь в его поведении обнадежило женщину, и она оставила мужа?

Трудным был разговор с Дариет. Айдамир боялся обидеть ее, и без того немало пережившую. Но Дариет быстро поняла, что нужно Дачмукову, и прямо заявила, что Асхад непричастен к ее разводу с Ахметом. Ее уход Ахмет Чеужев использует для борьбы против Ожбанокова.

Айдамир вернулся к вечеру в дом родственников, убежденный, что на Асхада возводится злостная клевета. Он болезненно переживал сплетни вокруг брата. Уставший и бессильный, Айдамир прилег на диван. Асхада еще не было. Осман возился во дворе, а Мамерхан была на кухне. Как это бывало часто, после утомительных хождений, Айдамир кашлял долго, мучительно.

Пришел Асхад. Он испуганно бросился к брату, но Айдамир вытянул вперед руку, и Асхад остановился. Переводя дыхание, Айдамир, улыбнувшись, с трудом произнес:

— Люди! Какие они хорошие! О них надо писать красиво! А хватит ли у меня таланта и силы?

И вдруг Айдамир вздрогнул, замер и задрожал в мелком ознобе.

— Тебе плохо? — испугался Асхад.

Айдамир глубоко втянул воздух, откинулся на спинку, потом медленно выдохнул. В груди у него булькало и хрюпало. Айдамир застонал и повалился набок.

— Айдамир! Айдамир! — Асхад подхватил брата и крикнул: — Отец! Мать! Где вы! Айдамир! Айдамир!

Айдамир не отвечал.

12

Шла весна 1953 года. Незабываемая весна горестных раздумий, охвативших всю страну, растревоживших всех аульчан. Ее ветры долго и сильно дули над землей. Природа словно чувствовала перелом в судьбах людей и отзывалась на это. Холод боролся с теплом, проясненные дни сменялись серыми и ветреными. Даже детей волновали тяжелые недетские мысли. И случайное казалось закономерным в эту нелегкую весну.

Смерть Айдамира потрясла Асхада. Он не раз хоронил друзей, погибших в боях, под трескотню пулеметов и грохот пушек. Но Айдамир умер в ясную, тихую весеннюю пору. С этим трудно было примириться.

Как-то в доме Ожбаноковых остались Асхад и Алик. Это было время, когда день еще не отступал, но на сероватом небе уже висела луна. В большой комнате горела лампа. Отец и сын играли в шахматы. Положив локти на стол и подперев ладонями голову, Асхад задумался над очередным ходом. Ситуация, сложившаяся на доске, была не в его пользу.

— Ну, папка, сдаешься? Через два хода мат! Показать?

Асхад подумал еще с минуту и признал себя побежденным:

— Да, здорово ты разделял меня, сынок. Теперь мы с тобой в расчете?

— В расчете, — согласился Алик и великодушно предложил: — Может, контровую хочешь? Я расставлю фигуры.

— Что ж, давай, попытаюсь еще разок.

С недавнего времени домашние матч-турниры проводились при первой возможности. Не сразу заметил Асхад, что сын увлекается шахматами. А мальчик нередко один сидел за шахматной доской, изучая всевозможные позиции, этюды и задачи из газет и журналов.

Играя с сыном, Асхад на первых порах не столько развлекался сам, сколько старался доставить удовольствие Алику. Асхад подчас намеренно делал ошибки. Потом он почувствовал, что это юному сопернику не требуется. Асхад стал играть внимательней, ощущая растущую силу маленького шахматиста. Победы стали доставаться Асхаду с трудом. Успехи сына радовали и Асхада и всех Ожбаноковых.

Родные Асхада, глядя на беленького мальчика с вздернутым носом и четко очерченными, чуть припухшими губами, дружно утверждали, что у него нет ничего от отца, кроме спокойного характера. Всем остальным, говорила Мамерхан, Алик пошел, наверное, в мать. Только Асхад видел, что сын его все больше и больше походит на Андрея,

Алик сделал ход и поднял глаза на Асхада. Отец смотрел не на доску, а в лицо сына. Мальчик смущаясь и вдруг спросил:

— Папа, а наша мама красивая была? Ты никогда не рассказываешь о ней...

Асхад опустил глаза, крепко потер ладонью лоб и глухо произнес:

— Очень. Очень красивая была мама. Красивая и добрая. Она хотела, чтобы и ты был добрым и... счастливым. Больше всего она хотела, чтобы ты был счастливым.

— Я буду добрым, папа. И счастливым буду, — взволнованно сказал Алик и, забыв о шахматах, выжидающе смотрел в лицо отца. Ему хотелось услышать рассказ о матери.

Асхад понимал это. Но что он расскажет о женщине, которой никогда не видел, о которой ничего не знал? Зато сколько хорошего помнил он о своем давнем друге Андрее. Если было бы можно, целый вечер рассказывал бы о нем.

«Где ты, друг мой Андрей? — в который раз подумал Асхад. — Я слишком хорошо знаю тебя, чтобы поверить в то, что ты заслужил подобное наказание».

— Не может быть! — неожиданно для себя громко сказал Асхад.

— Чего не может быть, папа? — встревоженно спросил Алик.

Асхад растерянно взглянул на мальчика, потом заставил себя улыбнуться. Улыбка получилась неуверенная.

— Я говорю... Не может быть, чтобы я снова проиграл тебе. Позиция у меня крепкая.

— Да мы еще дебют не разыграли, папа!

— С первых ходов у меня положение лучше, — сказал Асхад.

— Но ведь все идет по теории, и в учебнике сказано, что после этого дебюта у белых развитие лучше.

— А может, я новинку приготовил, — улыбнулся Асхад, наконец овладевший собой.

— Посмотрим, посмотрим! — весело заерзal Алик. — Ходи!

Но Асхад не успел сделать хода. В комнату вошел Хусен.

— Как дела у вас, ботвинники?

— Дела ничего, — ответил Асхад. — Что у тебя?

— Я из конторы иду. Дежурный просил передать, что тебе звонили из райкома партии.

— Кто звонил? — спросил Асхад.

— Не знаю.

Асхад поднялся:

— Сынок, запомни эту позицию. Я скоро приду. Приближаясь к конторе, он увидел дежурного.

— Быстрей, Асхад! — крикнул тот и скрылся в конторе.

Асхад, взяв трубку, не сразу понял, кто звонит ему.

— Кто это? — спросил он.

— Это я, Зарамуков. Вот что, Асхад. Завтра после обеда подъезжай ко мне в райком. Надо с одним делом разобраться. Нет, не нужны ни председатель, ни парторг. Частный вопрос. Ну, пока.

Положив трубку, Асхад задумался. Выходит, не зря Дариет тревожилась. Наверное, и Айдамир об этом догадывался. Иначе, почему бы он так подробно интересовался историей гибели его жены, отношениями с Дариет. Не успел Айдамир вернуться к этому разговору — смерть помешала.

На следующее утро Ожбаноков выехал в райком.

В полях кипела работа, и Асхад был на ногах с темна до темпа. Однако куда бы ни спешил он, как бы ни утомлялся, он не мог избавиться от горестных мыслей о двоюродном брате. И потому многие новости доходили до него, как разговор, слышимый сквозь стену. Ему говорили, что Дзегашта вызывали в райком и предупредили, что номенклатурной работы он не дождется. Пусть трудоустраивается в колхозе. Правлению артели предложили найти для бывшего председателя посильную работу. Он поступил завхозом в школу.

Ахмету Чеужеву тоже не предстояло ничего хорошего. Его надежды на поддержку руководящих друзей рухнули. Как-то вечером, явившись к Химсад, он сообщил ей, что «пахнет паленым» и что в ауле ему теперь делать нечего. Надо уносить ноги. И правда, наутро Ахмет исчез.

В раздумьях Асхад не заметил, как и доехал.

В кабинете секретаря только что закончилось совещание. Окна были открыты. К ним тянулись сизые полосы табачного дыма. Зарамуков стоял за столом и перебирал бумаги.

. — А, Асхад! Заходи, заходи! — приветливо пригласил Зарамуков. — Садись... Я хочу кое о чем поговорить с тобой.

Зарамуков открыл средний ящик стола и достал синюю папку. Выйдя из-за стола, закрыл окна и снова вернулся на свое место. Удобно усевшись в кресло, секретарь закурил и завел неторопливый разговор о весенних работах, о положении на фермах, о запасах кормов.

Асхад понимал, что это присказка, но Зарамуков не опешил начинать разговор, из-за которого вызвал Асхада. Когда перебрали все хозяйственные дела, секретарь протянул папку Асхаду:

— Пожалуй, на, прочти. Так легче будет говорить.

Асхад развернул папку, углубился в чтение собранных в ней бумаг.

С трудом сосредоточившись, Асхад читал. Первый документ был подписан Падисовым. Тонкая бумага густо покрыта машинописным текстом. Падисов обвинял Асхада Ожбанокова в местничестве, в непонимании задач, стоящих перед колхозом и МТС, в противопоставлении колхоза государственной организации. Падисов приводил и факты, свидетельствующие о самоуправстве. Во время уборки, воспользовавшись отсутствием комбайнера, Ожбаноков почти целую ночь водил комбайн и порвал ремни. Неоднократно агроном отдавал распоряжения трактористам, исходя только из интересов колхоза и забывая интересы государства, например...

Ахмет Чеужев «раскрывал» моральный облик Асхада, якобы разбившего чужую семью.

Затем шло еще несколько страниц, в которых лилась грязь на того же агронома, бросившего жену, отобравшего у нее сына и разбившего чужую семью. Судя по стилю, по ловкости, с которой толковались факты, письмо писал не сам Ахмет, во всяком случае, не он один — у него были опытные помощники. Больше того, пытаясь оторвать младшего брата от жены, русской по национальности, Ожбаноковы незаконно женили его на девушке-адыгейке.

Читая все это, Асхад чувствовал, что начинает терять самообладание. Он испытывал гнев не только к тем, кто

сочинял эти «документы», но и к тем, кто аккуратно собрал их в папке. Асхад вернул папку Зарамукову и уперся взглядом в пол.

— Все прочитал? — спросил секретарь.

— Все, — ответил Асхад.

— Что ты скажешь?

Асхад молчал.

Зарамуков взял папку, бросил взгляд на письмо Падисова.

— Против обвинения в самовольничании, как говорится, не попрешь...

— Не в этом дело, — заговорил Асхад. — В сущности не я, а Падисов противопоставляет МТС колхозам. А главное, он хочет скрыть свое неумение работать. Что же касается ночной уборки, так следует Падисова обвинять за плохое воспитание механизаторов.

— О Падисове особый разговор...

— Нет, не особый. В ту ночь, о которой он пишет, можно было продолжать уборку хлеба. Все комбайнеры согласились со мной, кроме одного. Приказать ему остаться я не мог — он же работник МТС. Разумеется, за машину отвечает тот, за кем она закреплена, но я никогда не примирюсь с тем, что из-за этого техника должна стоять. Ведь хлеб начинал осыпаться! И я сам повел машину. Порванные ремни — только повод для обвинения. Падисов пытается отвести от себя вину. Я могу привести десятки фактов его самоуправства, граничащего с самодурством.

— С Падисовым действительно нам надо разобраться, хотя и ты не безгрешен. Думаю, что ты понимаешь...

— Позволь, Кочас, — сказал Асхад. — А почему бы на это дело не взглянуть с другой стороны. Ведь в отношениях МТС и колхозов есть такое, что не может не тревожить нас.

— Есть директивы партии. Их никто не отменял, — резко бросил Кочас.

— Директивы партии не запрещают нам думать и искать новое, — вновь возразил Асхад.

— Надо посоветоваться вверху, а потом поднимать такие вопросы, — ответил Кочас.

— Прежде чем советоваться там, надо самим кое-что обдумать. Не идти же в этот самый верх с пустыми руками.

— Верно. Об этом мы потолкуем потом. А сейчас у меня есть еще вопрос к тебе. — Кочас опустил голову, собираясь с мыслями.

Асхад мрачно смотрел на Зарамукова. Давно знакомый человек казался непонятным. В чем дело? Почему так непоследователен Зарамуков, что заставляет его нервничать, чувствовать себя неуверенно? Так бывает с человеком, который потерял прежнюю опору, на новую не встал. Это время он особенно неустойчив. Толкни его — он упадет, если, конечно, не готовится, одолев любые толчки, занять правильную, устойчивую позицию.

— Асхад, обращаюсь к тебе не как секретарь райкома, а как коммунист к коммунисту.

— Разве это не одно и то же? — как выстрелил, резко спросил Асхад.

— Одно и то же, но я хочу поговорить неофициально. Дело щекотливое...

— Спрашивай, — сказал Асхад.

— Асхад, скажи мне правду: какие у тебя отношения с бывшей женой Ахмета Чеужева? Знаешь, в жизни всякое бывает... Ты встречаешься с нею?

— Так ты веришь сплетням? — сухо спросил Асхад.

— Сплетням я не верю. Я хочу знать правду. Хочу услышать ее от тебя.

— Ты, Кочас, знаешь меня. Знаешь, что я не способен на такое.

— Согласен. Но хочу разобраться во всем и отбросить обвинения с полным сознанием твоей правоты.

— О таком и говорить не хочется, — совсем тихо сказал Асхад.

— Ничего не поделаешь, мы коммунисты, — Кочас поднялся, смял в руке пустую папиресную коробку, швырнул ее в корзину для бумаг. Сел, оглядел стол, потом достал из тумбочки новую коробку, с треском вскрыл ее и торопливо закурил. Выпустив сизую струю дыма, глухо добавил: — Мне самому неприятно говорить об этом.

— Думай, что хочешь, а я такое даже опровергать не стану.

— Меня этот ответ удовлетворить не может. Не понимаю твоего упрямства. Значит, действительно нет дыма без огня, — Зарамуков глубоко затянулся дымом и продолжил медленно и немного грустно:

— Я не верю тем грязным подробностям, которые уписаны здесь. Но, может, действительно женщина оставила мужа,

надеясь на тебя? Могла она неправильно понять тебя? Такое случается... Ведь Чеужев пишет, что Дариет вернулась бы к нему, если бы не ты.

Асхад, с хрустом сцепив пальцы рук, повел головой, точно его шее стало тесно в воротнике рубашки.

— Пойми меня правильно, Кочас. Мне очень жаль Дариет. Я когда-то любил ее. Но все прошло, давно прошло. Жизнь Дариет сложилась неудачно. Возможно, и я в этом повинен, повинен потому, что в свое время не сумел добиться от нее понимания. Но в том, что произошло с нею после моего возвращения, я совершенно не виноват. Мой приезд и ее уход от мужа — это случайное совпадение. А Ахмет не одной Дариет испортил жизнь.

— В тебе говорит личная к нему неприязнь, — промолвил Кочас.

— Ничего подобного! Ничего подобного, хотя у меня есть для этого основания! Ему мало искалеченных судеб, так он пытался затащить в свои сети еще и другую девушку, — голос Асхада сорвался, и он замолк.

Зарамуков, снова полистав бумаги в папке, спросил:

— Тут пишут о твоем брате, его семейных делах...

— Я его осуждаю. Его и отец проклял.

— Я о другом.

— Понимаю. Поверь, ни малейшего представления о его другой семье я не имел. Брат мой поступил нечестно, если бы я что-нибудь знал раньше о той женщине, ни за что не позволил бы жениться ему на Зуре.

Асхад замолчал. Секретарь райкома обратился к Ожбанокову:

— Я этому верю. Закончим разговор. Только извини, у меня есть еще один вопрос. Скажи мне, действительно ли погибла твоя жена?

Асхад удивленно посмотрел на Кочаса и тихим голосом ответил:

— Да, ее нет в живых, и пусть оставят ее в покое.

— Ну все. Разговор неприятный, а мое служебное вложение к нему обязывало.

— Можно идти? — встал Асхад.

— Да, можешь ехать. До свидания! — встал Кочас и протянул руку Асхаду, прощаясь с ним.

Ожбаноков в подавленном состоянии оставил кабинет Кочаса Зарамукова.

Не прошло и месяца, как бюро райкома партии освободило Чатиба Падисова сразу от двух его должностей и направило в семеноводческое хозяйство агрономом.

13

Дни стояли ветреные. Дуло из степей, и в небе не было ни облачка. Потом, когда направление ветра переменилось и подуло со стороны гор, над аулом заклубились тучи. Их серые отары непрерывно бежали куда-то. А потом пошли дожди, прохладные и несильные. А через несколько дней над полями раскинулась чистая синева, Ярко зазеленела озимь, заблестела омытая молодая листва. Влажно темнела парившая земля.

Ранним утром Асхад объехал хуторские поля и решил побывать на землях, которые были отведены под новые культуры. Чтобы попасть на них, надо было ехать через аул. Асхад так спешил, что даже не завернул домой. «Газик», который был закреплен за ним, быстро катился по главной улице. Тут и остановила агронома Мерем. Она вышла на дорогу, помахивая рукой и что-то говоря. Машина остановилась.

Мерем была чем-то обеспокоена. Она с волнением п голосе сказала:

— Хорошо, что встретила вас...

— Что стряслось?

— Нужна машина. Больную срочно в райцентр доставить.

— Кто заболел?

— Химсад.

— Если бы сказали, что она выздоровела и хочет ехать на работу, я удивился бы и две машины прислал бы. На одной бы ехала Химсад, на другой любопытные, которые хотели бы посмотреть, как она работает!

— Нет, в самом деле! Она тяжело больна.

— Очередная симуляция. Не тратьте времени, лучше поедем, Мерем, с нами в поле, хороших людей увидите.

— Нет уж, спасибо.

— Как хотите, — сказал Асхад. Машина тронулась, Но в поле Асхада вдруг охватило беспокойство.

А что, если на этот раз Химсад и впрямь заболела? Оставил все свои дела, он сел в машину и поспешил обратно в аул. Подъехал к врачебному участку. Мерем там не оказалось. Она была дома. Только что вернулась из районного центра. Она удивленно подняла глаза на агронома, постучавшего в ее дверь.

— Кажется, я оказался бюрократом, — попытался пошутить Асхад.

— Химсад уже в безопасности. Мне удалось найти попутную машину.

— Как нехорошо получилось, — искренне сокрушался Асхад.

Мерем стало жаль Асхада, и она дружелюбно сказала:

— Ну, ничего. Говорю же, что больная уже в безопасности.

— По совесть моя в опасности...

— Асхад, обещаю вам, что все останется между нами,

— Мерем рассмеялась.

— А если я сейчас поеду в больницу, меня пустят к ней?

— Сомневаюсь. Уж если вам хочется непременно побывать у нее, поезжайте завтра утром.

— Пожалуй, так и сделаю. Понимаете, Мерем...

— Поняла, поняла...

— Я серьезно говорю. В общем так, завтра еду.

— Вот и хорошо. Только и меня прихватите. Вместе побываем у Химсад, заодно я и медикаменты получу.

Утром они отправились в райцентр. Асхад сам управлял машиной. Мерем, сосредоточенная и молчаливая, устроилась рядом с ним на сиденье.

— Теперь, Мерем, каждое ваше слово будет законом.

— Это уж слишком, — ответила Мерем. — Я вам все ваши планы сорву, превращу правление колхоза в Хозчасть врачебного участка.

— Что ж, пожалуйста!

— Ловлю вас на слове.

Мерем перечислила все нужды участка. Асхад обещал помочь.

Вот уже и дуб Зулих показался. Впереди по дороге шли девушки. Видно, спешили они в поле. Среди них была и Файзет. Сбавив скорость, Асхад плавно подкатил к ним,

но не удержался, чтобы не посигналить. Девчата с визгом бросились врассыпную.

Асхад помахал рукой, приветствуя Файзет и ее подруг.

Мерем вошла в больницу, попросив Асхада немного подождать. Через несколько минут она вышла на крыльце с халатом в руке. Облачившись в него, Асхад двинулся за Мерем. Она привела его в палату, в которой стояли четыре койки. На той, что стояла у самой двери, лежала бледная, осунувшаяся Химсад. Она широко открытыми глазами смотрела на Асхада. Ждала кого угодно, но только не его.

Асхад сел на белую табуретку, предложенную Мерем. Химсад поправила одеяло на груди и тихо спросила

— Мамерхан здорова?

— Спасибо, здорова. Поправляйся, Химсад. Я вчера не поверила Мерем. Извини...

— Ничего, Асхад, ничего. Я не обижусь. Я сейчас понастоящему заболела, — Химсад согнутым пальцем стерла слезу.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, Асхад, ничего не нужно. Если можно, освободи Карбечка на один день. Пусть приедет.

— Обязательно. Он завтра же приедет к тебе.

— Спасибо, Асхад, — Химсад заплакала.

Асхад смущаясь, неловко погладил руку Химсад и поднялся.

— Я пойду. Ты поправляйся. Я еще заеду.

— Иди, Асхад, иди... Спасибо тебе...

Химсад пробыла в больнице больше двух недель.

Что-то в ней надломилось после болезни. Стала она молчаливой и задумчивой.

14

Дариет по-прежнему работала в конторе. Не сразу она согласилась с предложением стать секретарем. Она уже привыкла к новым для нее обязанностям рядовой колхозницы.

Никому не удалось бы уговорить Дариет уйти с поля в контору, если бы за это не взялась Зулих. Она не прельщала теплом и чистотой конторы, а прямо сказала, что и ей в поле нравится больше, но ведь и в конторе

кто-то должен работать! А лучше Дариет никто не справится с таким делом.

Разбирая разные папки, Дариет нашла на шкафу разбитую пишущую машинку. Почистив и смазав ее, попробовала печатать. Но из этого ничего не получилось. Машинка нуждалась в основательном ремонте.

Бывший тогда председателем Дзегашт похвалил Дариет за находку, но отказался дать «газик» для поездки в город и выделить деньги на ремонт «Ундервуда». «Нечего тут канцелярию открывать. Руками поработаешь, у тебя почерк красивей, чем шрифт машинки», — сказал тогда Дзегашт.

Выбрав удобный момент, Дариет на автобусе поехала в Майкоп и отнесла машинку знакомому мастеру. Тот сделал ремонт бесплатно. Дзегашт первый же похвалил секретаршу: «Вот видишь, а ты машину просила и деньги». Теперь он каждую бумажку требовал печатать на машинке. Даже записи на склад, кроме, конечно, тех, что не нуждались в огласке.

Жизнь Дариет налаживалась, но молва о ней утихла не совсем. Даже бегство Ахмета не закрыло рты любителям посудачить. Ведь Асхад каждый день бывал в конторе.

Однажды прибежала в контору Файзет со стопкой густо исписанных листочков бумаги и попросила:

— Мы делаем стенгазету. Ты перепечатаешь заметки?

— Пожалуйста, оставь их. Только скажи, к какому сроку перепечатать.

— Желательно к завтрашнему вечеру.

Файзет на листочек бумаги показала ширину колонки и место, необходимое для заголовков.

— Так я зайду завтра к вечеру. Спасибо, ты нас выручаешь.

Девушка была уже в дверях, когда Дариет окликнула ее.

Файзет вернулась, думая, что речь пойдет о заметках. Но Дариет встала, подошла к Файзет, положила руку ей на плечо, взглянула в потемневшие и настороженные глаза девушки.

— Не верь слухам, Файзет. Я ни в чем перед тобой не виновата. Желаю добра тебе и... Асхаду.

Файзет вспыхнула:

— А мне то что до Асхада?

Дариет покачала головой, грустно улыбнулась:

— Кому ты говоришь, Файзет! Я же все вижу. Ты его любишь, не отпираяся. Он достоин этого. И он тебя любит, я знаю. И поверь мне, что зла я тебе не делала и не сделаю.

Файзет побелела от волнения и тут же выпалила:

— А если бы он предложил, ты пошла бы за него замуж?

— Конечно, пошла бы! Только он не предложит...

Тебе — предложит.

— Прости меня, Дариет! Я глупая!

Файзет сверкнула уже счастливыми глазами и убежала.

Готовя стенгазету, Файзет непрестанно советовалась с Дариет. Что-то трогательное и сочувственное заметила Дариет в ее отношении. Но это ее не коробило. Вчерашний разговор не прошел для каждой из них бесследно не только потому, что они объяснились, но и потому, что этот разговор принес облегчение. Они испытывали чувство взаимного доверия.

Под шумный восторг членов редакции стенгазета была наконец вывешена в коридоре правления. Потом Файзет и Дариет вышли на крыльце. Они стояли, вдыхая свежий воздух весеннего вечера. Здесь их и увидела Зулих, по своим делам задержавшаяся в правлении.

— Ну что, теперь по домам? — спросила Зулих.

Дариет сдержанно кивнула.

— А ты, мама, тоже домой?

— Нет, Файзет, мне еще надо к Химсад зайти. Она из больницы возвратилась.

И Зулих ушла. А Файзет и Дариет решили еще немножко побродить.

Зулих нежно любила дочь. Хотела, чтобы ее жизнь была спокойной и счастливой. Но покой — не в характере Файзет. Деятельная, неугомонная, она и не мечтала о такой жизни.

Сложно складывалась судьба дочери. Увидев вместе Файзет и Дариет, Зулих не удивилась и не развелась. Ей было бы интересно узнать, о чем они говорили, что пронеслось между ними, что они отбросили, что обрели? Но Зулих ни за что не спросит дочь об этом. Она

вполне доверяет Файзет, полагается на ее ум. По дороге к Зулих вспомнила, что и вдова в какой-то мере причастна к делам ее дочери. Файзет рассказала матери о «сватовстве» Ахмета и неблаговидной роли в этом Химсад. Зулих не собиралась упрекать Химсад, и все же ей, как матери, было неприятно все это.

Личная обида не помощник в том, что должна сделать Зулих для Химсад. Во что бы то ни стало она должна сейчас поддержать вдову, помочь ей сделать такой шаг в жизни, который свел бы ее с плохой тропки, вернул в семью колхозников.

Химсад была дома одна. Она лежала на кровати, поверх одеяла, закутавшись в байковый халат и пуховый платок. Химсад встретила гостью взглядом, в котором были и радость и настороженность. Она поднялась, села на кровати, оправляя халат.

— Не вставай, Химсад, не вставай, — сказала Зулих. — Ну, добрый вечер.

— Добрый вечер, ей-богу, добрый, Зулих, — пропела Химсад.

— Навестить пришла. И поговорить хочу.

— Я сейчас чаю согрею.

— Ничего не надо, лежи!

— Разве я могу лежать, когда в доме такая гостья? Забыли меня люди, обиделись, не знаю за что. В больницу, правда, даже Асхад приезжал. А сюда никто не приходит. Мерем приходила, осмотрела меня. Сказала, что все хорошо идет. Вот только Карбеч каждый день и бывает...

Химсад вышла на кухню и через минуту оттуда донеслось гудение примуса. Возвратясь, хозяйка выставила на стол чашки, сахар, конфеты, пряники, мед, варенье.

— Стол накрываешь, как праздничный, — улыбнулась Зулих.

— Рада я тебе, — с прежней настороженностью сказала Химсад.

Зулих и Химсад ровесницы. Обе вдовы, но как разно сложилась у них жизнь! А ведь до войны и Химсад работала в колхозе, и неплохо работала!

Разливая чай, Химсад пододвинула гостью сласти.

Помешивая ложкой в чашке, Зулих дружелюбно сказала.

— Ты не обижайся на меня, Химсад, но я хочу

кое-что напомнить тебе. Даже если больно будет, не обижайся, я к тебе с добром пришла.

Химсад опустила голову, тихо сказала:

— Говори, Зулих... Только знай, что я не враг людям...

— А мы и не считаем тебя нашим врагом, хотя у нас есть причины осуждать тебя.

Зулих отхлебнула и поставила чашку.

— Помнишь, Химсад, как мы вместе работали? И ты ведь ударницей была. А твой муж? Он был уважаемым человеком. Погиб так же, как мой.

Химсад всхлипнула, по ее щекам побежали слезы.

— Не плачь, — дрогнувшим голосом сказала Зулих, а у самой тоже на глазах слезы. Но она тут же смахнула их, и лицо ее обрело строгое, даже жестковатое выражение. — Что сказал бы твой муж, если бы видел, как ты живешь?

— Не говори, — простонала Химсад. — Но ведь я одна осталась, жить трудно было...

— Тебе трудно было? А мне с маленькой дочерью? Я же не занималась ворожбой, не торговала, не сводничала, — Зулих осеклась.

Химсад испуганно вскинула глаза. Она со страхом ждала, что Зулих напомнит историю со сватовством Ахмета.

— Всем трудно было, всем многоного не хватало, но совестью мы не поступались.

На душе Химсад отлегло.

— Да, это так, — торопливо согласилась она.

— Неужели легче перепродаивать, заниматься спекуляцией, чем честно трудиться! Я бы лучше голодала, чем стала так позориться!

— Ты такая, Зулих, ты сильная!

— Самая обыкновенная я. Только грязных дел не люблю! Я и с тобой не стала бы говорить, если бы не помнила тебя честной и трудолюбивой.

— Неужели я такая плохая?

— Иному кажется, что он идет прямо. Но если бы оглянулся, то увидел бы, что хвост его кривую линию проводит. А ты ни разу не оглянулась.

Химсад горестно качала головой. Зулих было жаль ее, но она решила не щадить Химсад.

— Ахмет удрал. Вовремя удрал. Если бы остался,

его судили бы и выгнали из аула. И, наверное, вместе с ним оставили бы и тебя.

— Ох-ох! — застонала Химсад.

— Я тебе прямо скажу, что все зависит сейчас от тебя самой. Начнешь другую жизнь — забудем твои грехи. Будешь делать по-старому — не миновать тебе беды.

— Не дай бог, не дай бог!

— Я не пугаю тебя и не хочу, чтобы ты шла работать только из страха быть отвергнутой людьми. Приди к людям с открытой душой, и они помогут тебе, встретят добросердечно, не станут колоть глаза прошлым.

Химсад плакала, не стараясь остановить слезы. Чай остыл, варенье и мед так и не были тронуты.

Зулих встала.

— Я пойду, Химсад.

— Куда ты? Только пришла и уже уходишь!

— Да нет, уже поздно.

— А чай...

— Спасибо, Химсад, но меня Файзет дома ждет. Уже, небось, волнуется.

— Ты не забывай меня, заходи.

— Обязательно зайду, но лучше будет, если мы встречаться станем не только в твоем доме, но и на работе. Подберем тебе дело по твоим силам. Ну, до свидания.

Проводив Зулих, Химсад, не убирая со стола, села на кровать, боком привалась к спинке кровати. Над кроватью в золоченой раме портрет покойного мужа. Химсад смотрит на него глазами, затуманенными слезами, всхлипывает, тяжело вздыхает. Вспомнила она свою веселую многолюдную свадьбу. Вечером в сопровождении молодых всадников муж вез юную Химсад в дом отца. У ворот был зажжен большой костер. Его пламя освещало лица гостей. Джигиты состязались в ловкости, на конях перепрыгивали через костер. Но этого было мало: сразу за костром двумя шеренгами стояли мужчины с хворостинами в руках. Они больно хлестали всадника, взявшего первое препятствие. Таков обычай. Среди всадников оказался и сверстник ее отца Осман Ожбаноков. Он не упускал ни одной возможности посоперничать с молодежью. Осман вихрем перелетел через пламя и ринулся в ворота. Люди с хворостинами прозевали его, и все кончилось бы благополучно, да кто-то метнулся вслед и достал всадника, стегнул и попал в ухо. С той

поры Осман Ожбаноков ходит с небольшим белым шрамом. Долго люди говорили о свадьбе Химсад! А потом славили ее мужа, мастера на все руки. И она не раз слыхала доброе слово. Ведь она работала в звене Зулих!

Если бы не погиб муж, не боялась бы одинокой старости, не копила бы добра, не дрожала от страха за свою судьбу. Вместе с мужем она ходила бы на работу, прямо смотрела бы в глаза людям и не встречала бы осуждения.

Утром разбудил ее Карбеч Пляши-нога. Он долго стучал в дверь, не дождался ответа и вошел. Химсад спала поверх одеяла, одетая. Карбеч потряс ее за плечо. Химсад вскочила, испуганно посмотрела на раннего гостя.

— Что я вижу, Химсад! Спишь не раздевшись, на столе не убрано!

— Ох, Карбеч, не говори! Не до этого было...

— А что такое?

Химсад подробно поведала о разговоре с Зулих, снова всплакнула.

— Почти всю ночь не спала, — сказала Химсад.

— Не пропадем, Химсад. Несколько дней посиди дома и пойдешь работать. В колхозе много дел.

— Я бы пошла, но куда?

— На ферму!

— На ферму — нет... Разве я там выдержу?

— На поле...

— Скажешь тоже. Я бы в огородную бригаду пошла.

— Ну иди. Я договорюсь.

— Договорись, Карбеч, договорись. Чаю хочешь?

— Чаю хочу. Только при условии, что теперь всегда чай буду пить только у тебя.

— На одном чае хочешь прожить?

— Ну, это я к слову. В общем, чтобы твой стол был нашим, общим с тобой.

— Хорошо, приглашай гостей. Пусть будет по-твоему.

Химсад накормила Карбеч и проводила его на работу.

Оставшись одна, она с ужасом подумала о том, что рушится привычный для нее уклад жизни, но это было необходимо. С таким решением она принялась за уборку дома. Разный хлам решила сжечь в печи. Когда бумаги

и тряпье запылали, Химсад швырнула в печь и бобы и карты, а вслед за ними и справку о том, что она навечно освобождается от работы.

Вечером Карбеч Пляши-нога перебрался в дом Химсад, ставшей его женой. Через несколько дней она пошла в огородную бригаду.

15

С рассвета допоздна Файзет работала в поле. С матерью почти не виделась. Домой возвращалась усталая, вся в пыли. Наскоро помывшись и поужинав, она валилась в постель и засыпала непробудным сном. А до рассвета снова уходила в поле. У Зулих тоже было немало хлопот. Но в это утро она осталась дома. Разбудив Файзет, стала ловить испуганно кудахтавших кур.

Файзет поставила на плиту кастрюлю с молоком, умылась и присела на кровать. Зулих услыхала запах подгоревшего молока, вбежала в дом. Файзет снова спала. Мать пощекотала пальцем под носом дочери. Та вскочила, непонимающе огляделась и крикнула:

- Мама, молоко убежит!
  - Можешь не беспокоиться, оно уже убежало!
  - Файзет виновато заморгала глазами.
  - Только присела и вот... Минуты не прошло.
  - Ладно, научишься еще хозяйничать. Садись за стол.
  - А почему ты на работу не идешь?
  - Не хочу!
  - Не хочешь?
  - Могу я в такой день побыть дома?
  - Какой день?
  - А ты не помнишь?
  - Ах! У меня же день рождения!
  - Вспомнила наконец! Иди, я тебя поздравлю, радость моя!
- Мать и дочь обнялись. Зулих целовала дочь, гладила ее волосы.
- Ты что плачешь? — спросила Файзет.
  - Нет, нет, это я так... Видел бы тебя отец. Все

мечтал, когда ты пойдешь в школу, а ты теперь совсем взрослая.

Они снова обнялись, смеясь и плача.

— Будь счастлива, доченька. Будь здоровой и умной. Пусть удача сопутствует тебе.

— Спасибо, мамочка, все будет так, как ты хочешь, твои пожелания не могут не исполниться. Прости меня, я побегу.

— Беги, беги. А гостей сама зови, тебе видней. Твой праздник. Я тоже скоро уйду.

— А кто все приготовит? Может, мне остаться дома?

— Ладно, — засмеялась Зулих, — иди, не беспокойся, я уже договорилась. Осман зарежет кур, а Мамерхан приготовит, что надо. И я скоро вернусь.

Калитка, резко захлопнутая Файзет, еще раскачивалась, когда во двор вошел Осман. Поздравив Зулих с днем рождения дочери и добрым словом помянув ее отца, старик взял связанных за ножки кур и скрылся за углом дома, где стояла старая колода.

Через некоторое время появилась Мамерхан.

— Вы скоро дорогу домой забудете, — попрекала старуха. — Что мать, что дочь! Даже в такой праздник не могут дома посидеть!

— Твой же сын и командует! — подзадорил Осман.

Маленькая, сухонькая Мамерхан забегала. Ее беленький платочек мелькал то в доме, то на огороде. Она успевала сделать все. Почистить картошку и положить кур в кипящую воду, нарезать приправы и растереть муку для подливы. Она уже забыла о шутливой перебранке с Османом и старалась все сделать так, чтобы гости были довольны хозяевами.

«Кто же придет к Мазаговой?» — думала Мамерхан. Конечно, соберутся подружки Файзет. Явится и тот, кто мечтает стать женихом ее. В общем, будет молодежь. Вот только как быть со старым законом: не принято уговаривать жениха в доме девушки. Не к добру это. А-а, разве теперь соблюдают обычай? Теперь все по-другому. Жизнь стала быстрая и беспокойная, люди не ходят, а бегают, мчатся в автомобилях, летают по воздуху. Родной аул перестал привлекать даже в горячую пору, о которой раньше говорили, что в такое время и собаке надо было иметь руки, даже в эту горячую пору вместо

того, чтобы дома заниматься дедом, в гости отправляются.

Но кто все-таки придет к Файзет? Не праздное любопытство обуревало старуху. Она знала Файзет с малых лет, любила ее, часто одаривала. Теперь быстрая черноглазая малышка стала красивой девушкой, у которой лучшим женихам не стыдно просить руки. Хотя Асхад не говорит ничего матери, она понимает, что сын среди тех, кто готов на это. Но придет ли он сюда, на праздник, решится ли отстранить молодых соперников и стать для Файзет единственным? Умный, спокойный, серьезный, заботливый Асхад! Когда он наконец о себе подумает? Очень хочется Мамерхан, чтобы радость пришла к Асхаду. И разве плохо было бы и ему и ей, если бы он взял и дом Ожбаноковых Файзет? Всем было бы хорошо! Такая добрая и чуткая принесет счастье, дай ей аллах все самое лучшее.

Днем ненадолго прибежала Файзет. Мамерхан не выдержала и спросила:

— Гости издалека будут, доченька? И много ли их? Файзет лукаво улыбнулась и ответила неопределенно: — Не очень издалека и не очень близко.

— Хорошо, хорошо, когда в доме гости, — сказала ничего не понявшая Мамерхан.

К вечеру домой пришла Зулих. Быстро умылась и стала помогать старухе. Испытывая неловкость от того, что не смогла раньше взять на себя заботы о вечере, Зулих сказала:

— Все взвалили на твои плечи, тяжело тебе пришлось, Мамерхан.

— Ничего, ничего, Зулих, мне приятно помочь тебе. Да и занята ты так, что передохнуть некогда. А гости найдут время, чтобы в такую пору ехать к тебе? Весна ведь, сеют...

— Так вечером же придут, после работы.

— А дальние?

— Какие дальние? Будут только наши, аульские девчата. Ну, может, и парни придут.

— Ага, и парни придут?

— Одним девчатам скучно будет, Мамерхан!

— Это верно, это верно, — со вздохом произнесла старуха,

В эту минуту в дом влетела Файзет. Она расцеловала мать и Мамерхан, веселыми глазами оглядела накрытый стол.

— Хорошо получается! Спасибо тебе, нана!

Мамерхан просияла:

— Хорошего тебе веселья!

В доме было светло — зажгли все лампы. Окна открыли, в окна вливались пряные запахи весны. Начали сходить гости. Девчата то и дело забегали в комнату Файзет, чтобы повернуться перед зеркалом. Парни степенно стояли во дворе, курили, не позволяя себе слишком шумных шуток.

Файзет без умолку говорила с девчатами, посматривала на парней и в то же время все больше и больше беспокоилась. Среди гостей не было Асхада. Пора было садиться за стол, но виновница торжества не спешила — надеялась, что Асхад наконец придет.

Вечер был темный. Тонкий месяц часто скрывался за облака, а одни звезды не могли перебороть мглу. Во многих домах уже спали. Завтра людей ждал новый трудный день. В поле остались только трактористы. Они не прекращали работу и ночью. Может, и Асхад где-то там, с механизаторами. С гор все сильнее задувает ветер, и все плотнее становятся облака.

Файзет ушла с крыльца в дом, вопросительно посмотрела в глаза матери. Зулих пожала плечами, погладила голову дочери.

— Ты приглашала его? Или на догадливость надеешься?

— Приглашала. Он обещал прийти.

Сурет невольно стала свидетелем этого короткого разговора. Ее тоже волновало отсутствие брата. Судя по тому, как усиливается ветер и тучи затягивают небо, можно ждать грозу. Если брат в поле, неужели он не видит этого и не спешит вместе с другими уйти в аул?

День рождения Файзет — не обычный семейный праздник. Сурет казалось, что на этом небольшом торжестве все в отношениях брата и подружки наконец определится.

Дальше ждать было неудобно. Зулих решила пригласить всех к столу. И тут к крыльцу подошел заведующий почтой. В руках он держал что-то большое и громоздкое. Остановившись в полосе света, падавшей из

двери, он опустил ношу на ступеньку, шумно перевел дыхание, вытер вспотевшее лицо.

— Файзет, принимай посылку! Еще днем пришла, да некому было сообщить или прислать! Вот я и принес сам, как только освободился.

— А что это? А откуда?

— Из Казани.

— Из Казани? У нас там никого нет!

— Ты уж сама разбирайся. Мое дело вручить. Тут ясно написан твой адрес, твое имя.

— Я прямо не знаю, что делать, — нерешительно проговорила Файзет.

— Пока заполняй бланк, а я уж так и быть вскрою ящик, — сказал заведующий почтой.

Он положил ящик на табуретку и стал с треском срывать фанерную крышку.

Юные друзья и подружки именинницы, сгорая от любопытства, ждали, когда содержимое посылки будет извлечено.

Зулих стояла тут же и припоминала всех своих знакомых, живущих не в ауле. Ни одни из них не перебирался в Казань. Да и фамилия человека, отправившего посылку, не похожа на фамилии даже самых далеких знакомых.

— В чем же дело, Файзет? — тихо спросила Зулих.

— Ничего не понимаю, мама.

— Удивительно! Посмотрим, что там окажется.

Заведующий почтой вытащил из ящика нечто прямоугольное, завернутое в новую мешковину.

— Файзет, самую тяжелую работу я сделал, дальше сама.

— Ни за что!

— Вот те на! Тебе же посылка!

— Нет, нет! Сами открывайте!

— Ладно, открою. Будьте, товарищи, наготове. Вдруг тут окажется живой серый волк, — с притворным испугом сказал заведующий почтой. — Не дайте ему съесть меня. Жена и дети дома!

Под мешковиной оказалась белая грубая материя, а под ней — плотная бумага. Когда и бумага оказалась сброшенной, все увидели новенькую гармошку.

— Ба!

— Вот это да!

— Подарок!

— Наверное, какой-нибудь гармонист прислал! Узнал, что Файзет здорово играет, и прислал.

— Уй, какая красивая!

Гармошка действительно была хороша. Девчата и парни осторожно трогали лады, сверкающие перламутром, разглядывали инкрустацию, читали надпись на металлической фирменной табличке. Их лица отражались в двух звоночках, укрепленных на верхнем краю инструмента. На темно-красных мехах, как драгоценные камешки, поблескивали невиданные цветы.

Файзет даже глаза зажмурила — во сне это или наяву?

— Обнови, сыграй, — попросил кто-то.

Файзет отшатнулась:

— Как можно? Ни за что! Кто ее прислал?

— Тебе разве не все равно, кто прислал? Не с луны же она свалилась? Рано или поздно все прояснится! Спасибо тому неведомому человеку! Ведь стыдно сказать, но у нас в ауле не было до сих пор ни у кого приличной гармошки. А теперь вот она! Бери, бери! Затяни зафак, поиграй, может, музыка скажет, от кого подарок!

— Сыграй, Файзет — сказала Зулих. — А завтра мы узнаем, сколько стоит гармошка, и переведем деньги нашему незнакомому другу. И письмо напишем, попросим все объяснить.

Файзет взяла гармонь, отстегнула ремешок, растянула мехи, прислушиваясь к негромкому нежному вздоху. Потом села на табуретку, задумалась, словно припоминала что-то, и заиграла, сначала неуверенно, медленно, казалось, что инструмент не дается ей, сопротивляется. Но длилось это недолго: пальцы Файзет становились гибче, сильней, подвижней, а звуки определенней, задорней, напористей. Гармошка покорилась девушке, заговорила языком адыгейской песни, заторопилась, заволновалась, закружив молодежь в танце.

Файзет играла, чуть наклонив голову, полузакрыв глаза. Лицо ее напряглось и побледнело, но никто не обращал на это внимания. Людей увлекла музыка, веселая и пылкая. Но грянул раскат грома, и музыка оборвалась. Файзет вздрогнула и бросила взор на окно. Она увидела черный прямоугольник, вдруг осветившийся сине-белым светом. И тут же снова пророкотал, гром.

В комнатах запахло холодной влагой, и все бросились закрывать окна. А дождь точно ждал этого момента — ударил в стекла, забарабанил по крыше, зашумел, захлебываясь и шепеляво бормоча.

— Играй, Файзет, дождь музыке не помеха, — крикнул заведующий почтой. — Теперь я оправдаюсь, скажу дома, что меня гроза задержала!

— Потом сыграет, — вмешалась Зулих. — А сейчас садитесь за стол.

Грустно было на душе Файзет, но она не хотела омрачать веселья друзей и улыбалась, благодарила за тосты, пила сладкое вино, пробовала закуски. Потом пели, танцевали, снова садились за стол, потом опять пели и танцевали. Глубокой ночью, когда дождь немного утих, гости стали расходиться по домам.

Файзет стояла у двери, провожая гостей. Последней уходила Сурет. Она молча взглянула в темные глаза подруги, порывисто обняла ее, расцеловала и убежала.

Зулих убирала со стола посуду. Файзет хотела помочь ей, но мать сказала:

— Ты устала, доченька, ложись спать, я сама все сделаю.

Девушка ушла в свою комнату, разделась, не зажигая света, легла. За окном, в саду, шуршал дождь. Когда крупная капля попадала в стекло, раздавался тонкий жалобный звон. Скатываясь с крыши, вода печально плескалась под стеной.

Файзет лежала и смотрела в черный потолок.

Почему так трудно любить? Почему дорога к счастью так извилиста? Почему все так непросто и беспокойно получается у нее? Почему она полюбила не парня-сверстника, а человека, у которого была жена и растет сын? Может она прогнать из сердца эту любовь? Нет, не может... Он хороший, умный, самый красивый и самый умный из всех, кого она знает. Как он решителен в делах! Но отчего так робок, когда надо определить судьбу чувства, возникшего меж ними? Может, он не любит ее? Но девичье чутье говорит о другом. Оно не обманывает, уверена, что Асхаду она дорога. Почему же он не пришел на праздник, почему не поздравил ее, не веселился вместе с нею? Асхад мог, пусть с опозданием, но прийти... А вдруг он постеснялся, что выдаст свое чувство и будет

выглядеть смешно среди девчонок и мальчишек, недавно сидевших на школьной скамье? Нелепость какая! Но все-таки почему он не пришел? Разве ответишь на этот вопрос, когда сердце так мнительно, когда оно легко верит любому грустному предположению.

Не надо даже думать о человеке, который в такой вечер занят чем-то и не нашел времени прийти к девушке, любящей его! К чему это гадание, к чему волнение! Выбросить все из головы! Навсегда выбросить! А сможет она выбросить навсегда? Не сможет. Но все равно, не стоит мучить себя, тешить несбыточными надеждами. Говорят же, что первая любовь самая сильная, вот и колеблется он, видя, что в ауле живет и та, которую любил в юности. Живет одна, перенеся неудачу. И он пережил немало горького. Конечно же, они быстрей поймут друг друга, конечно же.

Файзет заплакала. Ей так стало жаль себя, никому до нее нет дела. Ушли друзья, возится с посудой мать, а он, наверно, вернулся домой и ужинает. Файзет плакала сладко и долго, втайне боясь, что слезы иссякнут и она заснет. Ей хотелось пережить бессонницу и встать утром с бледным лицом и темными кругами под глазами. Но желание ее не сбылось: она вскоре уснула, уткнувшись носом во влажную подушку.

16

Бригада Темира готовила почву под посев озимых. Участок хороший, недавно отвоеванный у кустарников. Асхад был убежден, что здесь можно получить высокий урожай пшеницы. Только надо как следует обработать землю и засеять ее в лучшие сроки. Агроном торопил бригаду, однако, строго следя за тем, чтобы поле было разделано безукоризненно. В последнее время пи в одной бригаде Асхад не бывал так часто, как в этой. Дни уходили, и он настоял на том, чтобы здесь работы велись и ночью. Но известно, что ночью люди устают быстрее и внимание их притупляется. Не проследишь — огрехов будет столько, что все усилия пропадут даром.

Асхад приехал в бригаду перед вечером. Трактористы как раз сделали небольшой перерыв, чтобы поужинать и подготовить машины кочной работе. У самого поля стоял временный полевой стан; навес для машин и

наспех обмазанный и плохо покрытый домишко. Место было неудобное — подошва крутого изрытого холма, и его не жалко было занять под постройку.

— Ты, Асхад, и нам и себе покоя не даешь, — сказал Темир, вставая из-за стола.

— Дело есть дело, — улыбаясь произнес Асхад. — Если у тебя все хорошо пойдет, охотно отправлюсь в аул. Идем покажи свои танки.

Машины стояли на площадке перед навесом. Выйдя из домика, Темир гордо промолвил:

— У меня, понимаешь, трактора, как тапки в гвардейском полку. Можешь быть спокоен. Если хочешь, опробуй.

— Да нет, не надо. Погляжу, как вы сами управляетесь с ними.

— Сейчас ребята, понимаешь, подзаправятся, займемся машинами. А пока давайте покурим.

После нескольких затяжек Асхад задумчиво сказал, посматривая на небо:

— Что-то мне эти облака не правятся.

— А чего в них плохого? Легкие. Первый ветер разгонит.

— Ветер-то с гор. Слышишь, какой свежий?

— Если ты уверен, что погода испортится, давай отменим работу, — смеясь предложил Темир. — Мне хотелось бы побывать у Мазаговых. У них сегодня праздник.

— Я сам не прочь, но нельзя, брат. Может, небесная канцелярия не испортит нам музыку. Тогда я хоть с опозданием поспею на этот вечер. А тебе придется потерпеть. Но ты не переживай. Я расскажу тебе, что там было.

— От этого мало радости, — со вздохом промолвил Темир. — Ну ладно, так и быть, я пойду к своему железному коню.

Асхад отбросил папиросу и снова взглянул на небо. Тучи наползали комьями ваты и стирали звезды одну за другой. Ветер попахивал сыростью. Того гляди, грянет дождь. Оставалась лишь маленькая надежда на то, что капризные и своенравные тучи уйдут и дождя не будет.

Сейчас, наверно, все гости уже собрались. Ждет ли его Файзет? Разумеется, ждет. И, небось, обижается. Но ничего не попишешь, пока не будет уверенности, что тут все в

порядке, уезжать в аул нельзя.

А хорошо бы сейчас войти в светлую комнату Файзет, поговорить с любимой, увидеть ее ясную улыбку. Интересно, пришла ли посылка из Казани? Должна была прийти еще позавчера. Придется Файзет сегодня поломать голову. Ни за что не догадается, кто устроил все это. Ничего, потом расскажу — не раньше, чем она сыграет на новой гармошке.

Файзет, милая Файзет, мне хотелось бы, чтобы ты потом, когда мы будем вместе, играла мне, тихо и задушевно, так, как только ты умеешь. Каждый вечер я буду просить тебя: Файзет, возьми гармошку... Я многое услышу в твоих мелодиях — музыка богаче слов. Только твоим глазам уступает она. На свете нет ничего выразительней твоих глаз. Ты слышишь меня, Файзет, я хочу быть с тобой в эту минуту, но... У меня всегда будет не хватать времени, каждую минуту нам придется выкраивать. Но мы не испугаемся этого. Мы сумеем счастливо проводить эти не долгие минуты. Ведь ты не сердишься, моя Файзет?

Громко переговариваясь, из домика выссыпали механизаторы. Асхад оторвался от своих мыслей, обернулся к ним. Закуривая на ходу, трактористы шли к машинам. Скоро шум работающих моторов огласил окрестности. Но и сквозь этот шум слышалось, что ветер крепчал. Прохладный и тугой, он бил в лицо, трепал солому на крыше.

Асхад направился к машинам. Там работа кипела вовсю: кто обтикал ветошью мотор, кто заправлял баки, кто проверял рулевое управление. В бригаде Темира подобрались хорошие ребята, техника у них была в порядке, поэтому одна за другой машины уходили в поле. Асхад, видя, что все в порядке, помахав рукой товарищам, стал уходить. Вдруг прогромыхал гром, и на землю шлепнулись крупные капли дождя. Пристрелка была короткой. Дождь зачастил, косо удариł по домику, зашумел, забурлил, озаряемый молнией.

Асхад вернулся обратно, побежал вслед за тракторами. Он боялся, что ребята замешкаются и машины завязнут в размокшей земле. Но механизаторы сами решили вернуться, и Асхад встретил их совсем близко от стана.

Через несколько минут тракторы стояли под навесом. Спешить в домик было рано — дождь и ветер раздирали легкий навес, на машины хлынули потоки воды. Все, кто был на стане, бросились укреплять навес, но это было бесполезное занятие. Он разваливался на глазах. По команде Темира трактористы бросились в домик. Но через несколько секунд они мчались обратно, неся куски брезента, старые попоны, мешковину. Не успели укрыть моторы, как нагрянула новая беда: по раскрытыму скату холма прямо на машины мчались грязные потоки воды. Схватив лопату, Асхад вместе со всеми стал обкапывать площадку, на которой стояли тракторы. Скоро канава была готова, и вода уже не затекала под машины.

Потом все наконец укрылись в доме. Но и тут трактористов ждали неприятности: на потолке появились мокрые пятна, по одной из стен уже струились ручейки воды, словно стена была не в помещении, а на улице. Вскоре и потолок потек, а в углу над нарами обвалился кусок глины. Вода залиvalа помещение. Ребята начали раздеваться и выжимать одежду. Асхад последовал их примеру. Все замерзли, но в то же время шутили и смеялись. И вдруг обнаружилось самое страшное, у всех раскисли папиросы. Темир собрал смесь табака и бумаги, перебрал ее, а потом послал одного из трактористов принести с улицы обрезки досок и нацедить горючего. Дождь немного утих.

Темир вместе с Асхадом долго возились, растапливая печурку. Комната наполнилась дымом. Но наконец печка разогрелась и от нее повеяло теплом. Теперь все сгрудились возле печки, от одежды повалил пар. Темир высушил часть табака, в лежавшей на подоконнике брошиорке оказалось несколько не совсем мокрых страничек. Сделали самокрутки, закурили. Отогревшись, стали устраиваться на нарах. Асхад последовал их примеру, но заснуть он так и не мог.

Когда стало светать, Темир растолкал трактористов. Они встали и занялись машинами. Убедившись, что механизаторам его помочь больше не нужна, Асхад направился в аул пешком, пообещав, что сразу же пришлет сюда запас пищи и сухую одежду.

До аула Асхад добрался, когда уже было совсем светло. Зашел в правление, отдал необходимые распоряжения и отправился домой. Первой, кого он

встретил во дворе, была Сурет. Увидев брата, она всплеснула руками, захала и заахала:

— Что с тобой? — Асхад не удивился такому вопросу. Мокрый, весь в грязи, осунувшийся от бессонной ночи, он выглядел плохо.

Асхад коротко рассказал о случившемся.

— Ты заболеешь! — вскричала Сурет. — Быстрой заходи в дом!

Асхад, сбросив грязную одежду, умылся и залез под одеяло. Есть не стал, только попросил горячего молока. Сухая постель и большая кружка только что вскипяченного молока ободрили его. Отогревшись, он стал засыпать.

В комнату тихо вошла Сурет. Она приблизилась к кровати, взглянула на усталое лицо брата и повернулась, чтобы уйти: ей показалось, что Асхад уже спит. Но он открыл глаза и окликнул ее.

— Я тебя разбудила? — испуганно прошептала она.

— Одной секунды не хватило, чтобы совсем заснуть. Что ты хотела сказать?

— Спи... Потом...

— Раз пришла — говори... Только недолго.

— Почему тебя не было у Файзет? Она так ждала.

— Я же говорил тебе. Никак не мог. Людям трудно пришлось. Я ушел, а они еще там...

— У них бригадир есть.

— Все равно не мог.

— Файзет волновалась.

— Я тоже...

— Она обиделась.

— Я все ей объясню. Она поймет.

— Смотри, как бы Файзет не прозевал...

— А что такое?

— Ничего особенного. Только ей подарок прислали.

Гармошку.

— Получила она посылку? — Асхад даже приподнялся.

— Я же говорю, что получила... А ты что-нибудь знаешь? Это не твоя ли работа? — Сурет пристально посмотрела на брата.

Асхад хитровато улыбнулся.

— Нет, не моя. Мой друг прислал.

— Друг? — удивилась Сурет.

— Ну да. Он в Казани живет. Я послал ему денег и сообщил адрес Файзет.

— Вот это здорово! Ты молодец, Асхад! Я побегу к Файзет, расскажу ей!

— Погоди, успеешь...

— Ты спи!

— Погоди, говорю. Ты лучше скажи, поправилась Файзет гармошка?

— Еще как! Разве такой подарок не понравится? Только она сначала не хотела играть...

— Важно, что понравилась, а остальное устроится...

— Все устроится?

— Что — все?

— Файзет станет нашей невесткой? — выпалила Сурет.

— Ишь ты какая прыткая! Алик еще не подрос, а я уже не молод...

— Ой, я побегу! — спохватилась Сурет. — Спи!

Сурет исчезла. Асхад долго еще смотрел на полузакрытую дверь, пытаясь представить разговор, который в эту минуту сестра ведет с Файзет.

Подружки-болтушки, они откровенны друг с другом и могут, наверное, коснуться того, что сковывает самого Асхада. Они молоды, не видели того, что повидал и пережил он, им легче. Его жизненный опыт не помогает ему, а, наоборот, мешает. И чем сильнее желание объясниться с Файзет, связать свою судьбу с ее судьбою, тем труднее открыть душу, сказать о самом важном, сделать решительный шаг. Надо одолеть сомнения и предъявить свои права счастью. И он предъявит их.

17

Алик ждал Асхада на улице. Мальчик нетерпеливо топтался у калитки и, когда увидел отца, бросился ему навстречу. Асхад не придал особого значения этому порыву: сын скучал по вечно занятому отцу и бывало, что выходил на окраину аула, предварительно проведя «разведку» в kontore и выяснив направление, в котором умчалась бедарка главного агронома.

— Папа, целый день ждем тебя, — взволнованно воскликнул Алик, подбегая к отцу.

— Ты всегда ждешь меня целый день, — улыбнулся

Асхад и прижал к себе запыхавшегося сына.

— А у нас гость!

— У нас часто бывают гости, и это очень хорошо.

— Это совсем другой гость, — с необычной серьезностью сказал Алик. — Он строгий и все время молчит.

— Молчит?

— Ага, все время молчит. Немного с бабушкой поговорил и молчит. Он тебя ждет.

— Раз гость ждет, надо поторопиться, — Асхад взял сына за руку и зашагал к дому.

Во дворе, как всегда, у летней кухоньки сутилась Мамерхан. Она тихонько подозвала Асхада и негромко сказала:

— Сынок, гость отказался есть, хотя я вижу, что он голоден...

Заботливую Мамерхан не на шутку взволновало поведение гостя. Для нее не было ничего более важного, чем накормить человека, преодолевшего долгий путь.

— Ты его не знаешь, мама?

— Первый раз вижу, но он знает и тебя, и отца твоего. Он знает всех нас.

— Где он?

— В твоей комнате. Я послала Сурет в магазин.

— Ты молодец, мама, — сказал Асхад, которому передалось беспокойство и сына и матери.

Войдя в комнату, Асхад увидел высокого и очень худого мужчину в новом, неловко сидевшем на нем костюме, из недорогого грубоватого сукна. Вероятно, этот человек был когда-то светловолос. А сейчас изрядно поседевшая шевелюра его была только чуть желтоватой. Сухое бледное лицо сумрачно. Даже тревожно светившиеся глаза не оживляли его. На правой стороне лица белый шрам. Уголки шелущившихся, словно искусанных губ скорбно опущены.

И все-таки что-то неуловимо знакомое было в этом человеке.

Асхад остановился перед ним, протянул руку. Ладонь у гостя была сухая, горячая, сильная, и это никак не вязалось с его измученным видом.

— Асхад Ожбаноков, — коротко представился Асхад.

Не отпуская руки Асхада, незнакомец пристально

поглядел на него, и где-то в глубине его синих глаз мелькнуло выражение горести.

По адыгейским обычаям не принято расспрашивать гостя о чем-либо раньше, чем через трое суток. Кто бы он ни был, откуда бы ни приехал, гость всегда в доме адыга найдет уют и покой. И все-таки Асхад сказал:

— Я вас слушаю.

Глаза незнакомца вдруг подернулись влагой. Как бы отгоняя какие-то тяжкие мысли, он мотнул головой и глухо сказал:

— Асхад...

Асхад вздрогнул. Снова что-то неуловимо знакомое увидел он в этом усталом лице.

— Андрей! — вдруг догадался Асхад и крепко обнял старого друга. Асхад прижался щекой к худому лицу Андрея и почувствовал, что у того текут слезы. Потом Андрей погладил ладонью волосы Асхада, сказал:

— Вот мы и встретились...

— Садись, Андрей, садись. Извини, но, видно, ослабли нервы... Да и у тебя...

— У меня они вообще ни к черту. А заменить нечем — больше одного комплекта не полагается.

— Ну, ты молодец, если можешь еще шутить по-прежнему.

— Оживаю, Асхад. Самое страшное позади.

— Не тревожь свою душу.

— Нет, я должен тебе все рассказать..

— Расскажешь потом. Успеешь рассказать. Я попрошу собрать на стол, ты голоден. За столом и поговорим.

Асхад вышел из комнаты, позвал мать. Мамерхан пришла с большим блюдом в руках. За нею Алик. Будто пораженный молнией, Асхад замер, прислонился к стене.

— Алик, — упавшим голосом позвал он. Только сейчас Асхад вспомнил, что Андрей не только друг, но и отец мальчика, давно ставшего родным в семье Ожбаноковых, что приезд друга принесет не только радость, но и горе. Трудно будет и Асхаду, и Осману, и Мамерхан. А как тяжело будет мальчику. Как он воспримет весть о том, что не Асхад его отец, а этот незнакомый мужчина? Как ему сказать обо всем, как объяснить?

Что скажет Асхад своему строгому отцу, доброй,

суетливой матери? Поймут ли они его?

Асхад снова позвал Алика и, когда тот отозвался, сказал ему:

— Сынок, пойди поторопи Сурет. Что-то она задержалась в магазине.

Алик убежал. Асхад протянул руку, чтобы взять у матери блюдо.

— Я сама, — обиделась Мамерхан.

Она вошла в комнату и поставила блюдо на стол.

Тут же вышла и очень скоро вернулась, неся другое. Мамерхан вышла.

— Присаживайся к столу, — пригласил Асхад.

Андрей встал, взялся за спинку стула, сделал шаг к столу и в нерешительности остановился.

— Скажи мне, Асхад... Этот мальчик...

— Ты не ошибся, Андрей. Это твой сын. Это Алик. Позвать его?

На глазах Андрея снова показались слезы. Стирая их вздрагивающей рукой, он посмотрел на дверь и, тяжело вздохнув, произнес:

— Потом, Асхад... Не могу сейчас. Давай я расскажу все тебе.

— Крепись, Андрей, Давай пока лучше отложим разговор.

— Нет, Асхад, я обязан все тебе рассказать.

— Погоди. Покушай сначала.

— У тебя тут курят?

Но Андрей и теперь не стал кушать. Он достал из кармана кисет и сделал самокрутку. Чиркнув спичкой, глубоко затянулся.

— Даже не знаю, с чего начать, — проговорил он.

И тут в комнату зашла Сурет.

— Ой, я заставила вас долго ждать. Магазин был закрыт.

— Ничего, мы набрались терпения, — невесело пошутил Асхад. — Принесла?

— Завмаг ушел домой. Я за ним бегала.

— Спасибо, сестрица, — Асхад взял из рук Сурет бутылку.

Когда Сурет ушла, Асхад открыл бутылку, налил ее содержимое в маленькие стопки.

Они сели к столу.

— За твоё возвращение.

— За встречу, Асхад. Ты веришь мне, Асхад. Я вижу.

— Я всегда верил тебе, Андрей, верю и сейчас.

Теперь Асхад удивлялся тому, что сразу не узнал Андрея, своего давнего близкого друга. Холодноватые усталые глаза его были синими глазами Андрея, в худом изможденном лице Асхад узнавал юношеские черты Андрея.

— Да, Асхад, жизнь моя нелегко сложилась.

— Ты бы поел.

— Успею. Только дай скажу немного. Понимаешь, в тот день тихо было на нашем участке фронта. Я возвращался из штаба к себе. Уже почти у расположения своей части увидел на земле фашистские листовки, их немцы с самолетов бросали. Ты помнишь, что они писали в тех листовках? Они были с пропуском для тех, кто захочет добровольно сдаться в плен. Я собрал листовки и положил их в полевую сумку с тем, чтобы потом передать комиссару части. Пусть посмотрит и с бойцами побеседует, растолкует им, что к чему. Я только что вошел в свою землянку, снял сумку с себя и повесил ее на стенку, как немцы начали артобстрел. Потом фашистские самолеты стали бомбить наши позиции. Показались танки. Они шли прямо на нас. Бойцы дрались геройски. Многие пали смертью храбрых. В этом бою я лично поджег два танка. Потом был тяжело ранен, дальше не помню, что произошло... Я оказался в плена у немцев. Позже, когда я стал на ноги, мне удалось бежать из фашистского лагеря и присоединиться к французским патриотам. А когда пришли американские войска, вместо того, чтобы вернуть нас на родину, они отправили в Канаду. Война давно кончилась, а для меня неволя продолжалась. Везде я был чужим. Все эти годы мечтал о Родине, о семье. Помнил о листовках, оставленных в полевой сумке... Обо мне могли подумать все, что угодно. Много раз пытался связаться с советским посольством. Но это не так легко было сделать. Наконец, мне удалось вновь попасть во Францию, оттуда вернуться на родную землю. Видишь, как я поседел...

— Поживешь у нас, окрепнешь..

— Спасибо... Надо мне где-то оседать, основательно устраиваться. Ездил туда, где семью оставил. Только там узнал, что жена погибла. А через горисполком удалось установить, что сын у тебя. Как видишь, следы Алика

вновь привели меня сюда...

— Я ни секунды не верил тому, что о тебе говорили. Скрывал все, честно говорю, скрывал... Алика берег. Даже отец и мать не знают, что они воспитывают чужого ребенка.

— Как? Не знают?

— Старики считают, что у меня была жена, погибла она... Теперь придется обо всем сказать. Но знал бы ты, как это трудно!

— Я понимаю... Спасибо за все. И за то, что веришь мне, и за Алика.

Асхад снова палил в стаканчики.

— Давай, Андрей, выпьем за то, чтобы дальше все хорошо было. И поешь... Начинай поправлять свое здоровье.

Они молча закусили. Когда Андрей достал кисет, Асхад с мягким упреком сказал:

— Многовато ты куришь.

— Знаю, что вредно, но пока не могу без дыма.

Асхад рассказал Андрею о том, как рос мальчик в доме Ожбаноковых. Андрей ловил каждое слово друга. Впалые тики его порозовели, синие глаза то темнели, то вдруг светлели. Андрей несколько раз порывался что-то сказать, по тут же взмахивал рукой и продолжал слушать Асхада.

Уже стемнело, и Мамерхан внесла в комнату керосиновую лампу. Она окинула взором стол и нахмурилась — еда почти не тронута!

Асхад перехватил взгляд матери и виновато сказал:

— Не беспокойся, мать, мы ничего не оставим...

— Все, все съедим, — поддержал Андрей друга. — Ваше анэ любому понравится.

Мамерхан ушла, ничего не сказав. В дверях показался Осман. Андрей и Асхад встали...

— Добрый вечер, — приветливо сказал Осман. — Я узнал, что у нас в доме гость.

— Отец, ты знаком с ним. Ты помнишь Андрея?

— Как? Это Андрей? Неужели? Как ты изменился, сынок!

Осман пожимал руку Андрея, пристально вглядываясь в его лицо.

— Нелегко пришло к тебе возмужание, — как бы делая вывод своим наблюдениям, произнес Осман.

Асхад, переглянувшись с Андреем и получив его молчаливое согласие, поведал отцу о горестях своего давнего друга. Осман слушал, не перебивая. Не сразу Асхад решил признаться в том, что Алик не его сын, что Ожбаноковы воспитывали сына Андрея. Решившись, он торопливо сказал об этом и отвернулся, чтобы не видеть мучительного выражения на лице старика. А Осман не сводил глаз с сына, будто молил о помощи, будто ждал, что тот сейчас же опровергнет свои слова, скажет, что неосторожно сказал не то, что надо. Но в то же время Осман знал, что сыну нелегко досталось признание, и он не стал бы так жестоко лгать. Сын не лгал и тогда, когда сообщил, что Алик его, Асхада, сын. Значит, так заставили его поступить обстоятельства, вынуждавшие скрыть истину даже от родителей. Дело тут, конечно, не в сплетнях, которые пошли бы по аулу.

Осман не стал интересоваться подробностями. Он поднялся и решительно сказал:

— О таком нельзя говорить без матери. Я позову ее.

Осман подошел к двери, приоткрыл ее и негромко позвал:

— Мать!

Мамерхан вошла, настороженно оглядела мужчин, как-то странно молчавших.

— Садись, мать, — сказал Осман. — Человек может расстаться с человеком, но это не значит, что он теряет право любить и быть любимым.

Мамерхан непонимающе смотрела на мужа — к чему это мудреное начало?

— Наш гость, — продолжал Осман, — давний друг Асхада. Ты его должна помнить — это Андрей. Посмотри повнимательней, и ты узнаешь его. На долю этого человека выпало много горя. Мы тоже имеем отношение к его тяжелой судьбе. Алик — его сын.

Тихо охнув, Мамерхан поднесла к лицу руку, испуганно уставилась на Андрея.

— Да, это отец нашего Алика.

— Что ты говоришь, старик! С ума сошел?

— Это правда, старуха, тяжелая правда.

Мамерхан заплакала, прижав к глазам кончик темного головного платка.

— Нам было бы легче, если бы ты сразу сказал, что привез сына Андрея, — сказала она.

Осман, опустив голову, долго покачивал ею. Асхад понимал душевное состояние отца и матери. Это они, старик и старуха, вырастили дорогого внука! И дело не в том, что мальчик оказался им чужой, а в том, что теперь, наверное, придется с ним расстаться. Почему же Асхад сразу не сказал, кто такой Алик?

— Я считал, что так будет лучше. Никто не должен знать, что Алик нам чужой по крови. Это я делал для его же блага, чтобы никогда мальчик не чувствовал себя сиротой.

— Он теперь заберет Алика? — прерывающимся от волнения голосом спросила Мамерхан.

— Андрей ничем себя не запятнал. Но он лишен был возможности воспитывать сына. Это за него делали вы... — продолжал Асхад. — Мы очень любим Алика, он родной нам, но что мы можем поделать, мать?

— Куда поедет Алик? — спросила Мамерхан, не глядя на Андрея.

— Простите меня, я принес вам горе. Но я не мог поступить иначе. Я постараюсь сделать так, чтобы в дальнейшем вы могли бы часто видеть Алика. Я всю жизнь буду благодарен вам за все, что вы для него сделали. Но он должен быть со мной. У меня, кроме него, никого нет. Кроме Алика и вас...

— Ой, аллах! Ой, аллах, — простонала Мамерхан. И тут случилось такое, от чего все растерялись, а Мамерхан запричитала в голос.

В комнату вбежал Алик и, обращаясь к Асхаду, крикнул:

— Папа, тебя ждет машина! — И тут же внезапно замолк. Он увидел, что взрослые чем-то расстроены, и это встревожило его.

— Алик, подойди ко мне, — позвал Асхад.

Мальчик приблизился, и Асхад погладил его взъерошенный чуб, положил руку на плечо.

— Ты уже большой, правда, еще не все ты сможешь понять, но позже разберешься во всем. В общем, вот этот человек — твой настоящий отец.

Услыхав еще раз такое, Мамерхан встала и, покачиваясь, вышла из комнаты. Глаза Османа потемнели. Покусывая кончики усов, он сжимал кулаки, сдерживал

дыхание, видно, боясь, что вместе с воздухом из его груди вырвется крик.

Алик прижался к Асхаду и со страхом глядел на Андрея.

— Да, это твой отец, — повторил Асхад. — Долгие годы он был далеко и не мог растить тебя. Твоя мама умерла, и ты стал жить у нас. Мы любим тебя. Я очень люблю тебя, но я... нет, я твой отец, я буду тоже твоим отцом. Но ты сын Андрея.

Асхад подтолкнул мальчика к шагнувшему навстречу ему Андрею, но Алик вцепился в Асхада и не хотел идти к незнакомому.

— Потом, Асхад, — дрогнувшим голосом сказал Андрей. — Потом...

Осман взял Алика за плечи и увел его с собой.

Асхад подошел к Андрею, сжал пальцами его локоть, потянул вниз. Андрей сел. Стоя над ним, Асхад тихо сказал:

— Он привыкнет к тебе, но не сразу. Нужно все делать постепенно. Тебе надо пожить у нас в доме. Алик привыкнет, старики успокоятся. Все равно тебе некуда ехать, некуда спешить.

Андрей встал, порывисто обнял Асхада.

— Брат мой, никогда я не расплачусь с тобой. До конца жизни буду обязан тебе. Я поступлю так, как говоришь ты.

— Вот и хорошо. Располагайся, как дома. А мне сейчас надо идти...

В столовой уже собралась вся семья Ожбаноковых. Осман сидел на стуле, обняв прижавшегося к его коленям Алика. Мамерхан плакала и шептала с Сурет. Девушка растерянно посмотрела на брата, но Асхад ничего не сказал ей и быстро пошел к выходу.

На улице он встретил Зулих, которая тоже спешила в поле. Она уже все знала. Была ли она у них в доме или Сурет успела сбегать к ней — Асхаду осталось неизвестно.

— Судьбы людей так перепутались, — заговорила Зулих. — Но ты, Асхад, молодец, так и нужно было поступить.

— Спасибо тебе, Зулих.

— Тебе должны спасибо сказать.. Ты многое потерял, помогая другу и его сыну. Если нужна будет помошь, не стесняйся. Я все сделаю для тебя и твоей семьи.

— Спасибо, Зулих.

18

Асхад еще спал, когда к нему пришел Марк Трофимович. Наспех одевшись, Ожбаноков вышел к нему.

— Зачем вы в такую рань? Да и воскресенье сегодня. Мы тоже, наверное, имеем право на отдых...

— Имеем, Асхад, имеем. В такую хорошую да раннюю весну не хочется долго спать. Предлагаю совершиить прогулку.

— А как погода? .

— По-моему, хорошая! Давай собирайся. Разрешаю потратить пятнадцать минут на завтрак.

— Есть мне не хочется. Если прогулка ненадолго, обойдусь без завтрака.

— Ненадолго.

— Мать, не собирай пока на стол. Приду, вместе со всеми позавтракаю.

Мамерхан, все последние дни подавленная и молчаливая, остановилась у стола с тарелкой в руке, укоризненно покачала головой.

— Ничего, мать, я аппетит нагуляю. А где Алик? Спит?

— Пошел рыбу ловить.

— Какая рыба в мутной реке?

— На море пошел.

— Вот это да! Мальчишки раньше нас стали осваивать наше море! — весело удивился Асхад.

Они шли по пустынному в этот час аулу.

Рассвело давно. Над землею курился туман. Было прохладно. Марк Трофимович прятал лицо в воротник. Не поворачиваясь к Асхаду, проговорил:

— Хочу посмотреть, как наполняется водоем. А тебя решил взять за компанию. Не возражаешь?

— Чего же возражать, если вы уже вытянули меня из постели, — рассмеялся Асхад. И в то же время был доволен, что так получилось: он увидится с Аликом в иной обстановке — не дома.

В эти дни мальчик избегал не только Андрея, но и Асхада. О чем он думал, что происходило в его детской

душе? Этого никто не знал. Из мужчин Алик не избегал только деда. А Осман, зная это, не заводил разговора о том, что так всех беспокоило.

Мамерхан только вздыхала и плакала. Словно боясь, что родной отец окажет неблагоприятное влияние на Алика, Мамерхан не возражала против долгих прогулок мальчика, не корила за то, что он опаздывал к обеду, не мешала ему участвовать в ребячих экспедициях на реку, водоем, в рощу и луга. Все разрешала, лишь бы он реже виделся с Андреем. Асхад понимал, что делала она ото неизвестного умысла, но и отдавал себе отчет в том, что это мешает сближению Алика с Андреем. Андрей это тоже понимал.

Вчера Асхад говорил с Аликом. Он рассказал ему о том, что его родной отец вырос здесь же в ауле, учился в одной школе с Асхадом и был его другом. Что расстались они еще до войны, и впервые после разлуки встретились сейчас. А когда Алик узнал об испытаниях, которые пришлось пережить его отцу, то расплакался. Ему было жаль этого измученного человека. Но постигнуть прошедшего он все равно не мог.

По мокрой траве Марк Трофимович и Асхад поднялись на насыпь. Водоем был наполнен не более чем наполовину. Поверхность искусственного моря была взряблена дождем. Внизу, у кромки воды, стояла ватага мальчишек. Они были убеждены, что здесь можно поймать рыбу — ее должно было занести из реки. Но еще никому не удалось выловить даже самого завалящего малька. Однако юные рыболовы не унывали. Забросив лески, они не сводили глаз с поплавков. Никто из них и не подозревал, что за ними наблюдают. Самый нетерпеливый вытянул леску, чтобы снова закинуть ее, и, оглянувшись, увидел, что председатель колхоза и агроном осторожно спускаются к воде.

— Алик, твой отец идет, — сказал мальчик и осекся: после приезда Андрея они уже не называли Асхада отцом Алика.

Алик опустил удилища и повернулся к приближающимся.

Подойдя к ребятам, Марк Трофимович весело спросил:

— Хорош улов?

— Что-то не клюет, — сказал один.

— Ей тут есть что кушать без приманки, добавил другой.

— Может, при свидетелях рыба клонет? — сказал Асхад. — Подождем, Марк Трофимович?

— Давай подождем. Ловите, ребята, может, правда на уху наберется?

Став рядом с Аликом, Асхад осторожно прикрыл плечи мальчика полой плаща и почувствовал, как тот прижался к нему всем своим худеньким телом и тут же отстранился. Какая буря пронеслась в это мгновение в груди Алика? Понимает ли он все или только инстинкт движет им? На краткий миг он забыл действительность, потянулся к тому, кого привык считать отцом, а затем обида отбросила его? Как разобраться в движениях детской души, как помочь мальчику? Большое горе и душу делает большой, способной к сложным переживаниям, а тут такое, что и взрослым не под силу. Асхад рад тому, что друг жив и невредим, рад, что Алик не сирота. Рад? А может, только старается радоваться. В трудные дни, когда рухнула у Асхада надежда на личное счастье, когда тяжело приходилось на работе, когда, наконец, рождалось новое чувство к Файзет, в такие дни Алик был тем, возле кого согревалось сердце Асхада, согревалось и становилось сильней, словно понимая, что слабость, которую оно допустит, поставит под удар маленькое существо, жизнь которого полностью зависит теперь от Асхада.

Асхад вспомнил, как они провели с Аликом последнюю рыбалку. Теперь не будет таких рыбалок, долгих счастливых часов вдвоем. Неужели отчуждению суждено поселиться в душе Алика? Неужели приезд Андрея подавит в нем все прежние чувства?

Асхад смотрел на поплавок и не видел его. Стоял рядом с Аликом и не чувствовал ответного тепла.

Размышления его прервал Марк Трофимович.

— Ничего вы тут не поймаете, ребята. Только простудитесь. Холодно, а вы легко одеты. Шли бы по домам.

Ребята задвигались. Наверное, им самим надоело это бесполезное стояние у воды. Юные рыболовы стали сматывать удочки. Самый говорливый из них спросил:

— И вы с нами?

— Пожалуй, и мы, — ответил Марк Трофимович.

— Как ты думаешь, Асхад, выдержит насыпь, когда

но реке пойдет большая вода?

— Отчего же не выдержит? Сток же есть!

— Не размоет ее?

— Насыпь хорошо сделали!

— Пойдем глянем и оттуда домой.

Мальчуганы гурьбой потянулись за взрослыми. Им надо было сделать небольшой полукруг по гребню к тому месту, где был сток, связывающий водоем с нешироким канальчиком, по которому лишняя вода должна будет сбрасываться в речку.

Взор Асхада скользил по рыжеватой поверхности водохранилища. Вода поднималась, укрывала собой все, что было в котловане: пеньки, травы, огромную яму, оставшуюся там, где выкорчевывали могучий ствол дуба. Пройдет время, ил затянет дно, и даже если спустят всю воду, не поймешь, где были кусты, а где вырвали корни дуба, по весне выбрасывавшего новые ветки из полуобугленного ствола.

Быстрые мальчишки первыми вышли к стоку. В этом месте естественная насыпь была разрезана метра на полтора в глубину. Узкий сток в этом месте расширялся. Значит, вода будет уходить из моря равномерно. Стенки и дно стока укреплены хворостом и жердями. Работу эту делали старики во главе с Османом Ожбаноковым. Все было сделано добротно. Земля не осыпалась и не оползала.

— Раз дождь ее не берет, не возьмет ее и разлив, как ты думаешь, Асхад? — спросил Марк Трофимович.

— Пожалуй, так оно и будет, — ответил Асхад.

— Когда до краев наполнится водоем, проверим. Думаю, что сток выдержит. Пошли, — позвал Марк Трофимович.

Ребята окружили председателя колхоза, находу затеяв шумный разговор. Асхад отстал немного. Рядом с ним шел Алик, молчаливый и сумрачный.

— Что с тобой, сынок? — спросил Асхад.

Мальчик поднял грустные глаза, точно спрашивал: «Зачем все так получается?»

Асхад положил руку на плечо Алика, слегка сжал пальцы. Алик не отстранился.

— Мы никогда не будем чужими, Алик, — заговорил Асхад. — Это хорошо, что вернулся твой отец. Он добрый и сильный человек. Тяжело ему пришлось в жизни. Когда ты станешь старше, ты все поймешь. Он не виноват в том,

что ты остался один. Он счастлив, что нашел тебя.

Асхад взглянул на Алика. Мальчик слушал сосредоточенно и доверчиво. Обняв его за плечи, Асхад продолжал:

— Если отец захочет уехать... Если он уедет вместе с тобой, мы все равно будем видеться. Я приеду к тебе, ты на каникулах будешь приезжать к нам. А если отец останется в ауле — еще лучше. На рыбалку будем ходить втроем. Знаешь, сколько рыбы мы ловили с Андреем, когда были мальчишками! И какой рыбы! Во! — Асхад широко развел руки.

— Такой в реке вовсе не бывает, — возразил Алик.

— Бывала! Раньше бывала!

— Ты как дед Бачмиз, — с прежней непринужденностью сказал Алик.

Бачмиз мог забыть и преувеличить то, что видел в молодости. А то, о чем я говорю, было не так уж давно, — возразил Асхад.

— До войны... Когда и меня не было...

— Прошло не пятьдесят лет, а меньше. Мы все хорошо помним. Вот тряхнем с Андреем стариной и покажем тебе, какую рыбу мы можем выловить.

— Посмотрим. Ты и времени не найдешь!

— Найду! Обязательно найду. Ты готовь снасти на троих. Не позже чем через неделю пойдем. Договорились? Только не на водоем, а на реку.

— Договорились, — довольно произнес Алик.

Разговор этот немного рассеял неясные думы Алика. Ушедшие вперед Марк Трофимович и ребятишки остановились, подождали отставших. Когда Асхад и Алик подошли, Марк Трофимович, хитровато улыбаясь, сказал:

— Вопрос тут возник. Ребята просят построить на море вышку для прыжков в воду и купить лодку. Если послушаем их, колхоз в расход введем, но отиться от них не могу. Наседают гуртом. Что скажешь?

Мальчики заговорили, перебивая друг друга:

— Это же недорого!

— Подумаем. Надо обсудить.

— Мы будем помогать строить вышку, — решительно произнес Алик.

— Ну если так, дело другое, — проговорил Марк Трофимович. — Вы нас поддержите, а мы вас. Только уговор. Когда запустим в море хорошую рыбу, не ловить мальков. Вообще не ловить без разрешения и другим не позволять!

— Согласны!

— Сами охранять будем!

— Условились. А теперь по домам!

Когда Асхад с Аликом вошли в дом, Мамерхан спешно стала стаскивать с мальчика промокшую у реки одежду. Алик весело отбивался, но все-таки подчинился. Когда он уже был во всем сухом, Асхад взял его за руку и повел за собой в комнату, где отдыхал Андрей.

Андрей задумчиво перебирал брошюры, стопкой лежавшие на столе Асхада. Услышав шаги, он обернулся, заулыбался.

— Вот вернулись с рыбалки без добычи, — сказал Асхад. — Не хочет рыба ловиться. Но мы ее перехитрим, правда, Алик?

Алик молча, не глядя на отца, кивнул головой.

— Алик приготовит снасти, и мы втроем пойдем на дниах. Не возражаешь, Андрей?

— Конечно, нет! Алик, ты знаешь, где самые лучшие удилища можно вырезать?

Тот снова кивнул головой.

— Завтра и сходим с утра! — решил Андрей.

— Мне в школу, — возразил Алик.

— Ну, после школы...

— После школы и сходите, — сказал Асхад. — А сейчас надо завтракать,

19

На следующий день Асхад рано ушел из дома. А Андрей ждал с нетерпением Алика из школы. Бродил по двору в поисках какой-нибудь работы по хозяйству. Но тщетно. Ведь это был двор Османа Ожбанокова. Хозяйский глаз старика ничего не упускал, а умелые руки его во всем поддерживали завидный порядок. Мамерхан сочувственно поглядывала на гостя, но ничего тоже не могла предложить ему.

Выручил Осман. Он показал Андрею свои инструменты и с нескрываемым удовольствием выслушал похвалы.

Инструменты были хороши, и сразу бросалось в-глаза— принадлежали заботливому хозяину. Завязался неторопливый разговор о делах колхозных, о предстоящих стройках и недостатке опытных рабочих рук.

Потом Осман повел Андрея к вскрытым уже виноградным кустам. Стали вместе вбивать в землю таркала. Старик пространно говорил о предстоящей подвязке и формовке кустов, о мечте своей дождаться плодоношения на колхозных виноградниках, которые только закладываются.

Конец разговору положил Алик. Он прибежал из школы, широко размахивая видавшей виды полевой сумкой Асхада. Теперь она заменяла Алику портфель. Заскочил в дом и тут же выскочил обратно, держа в одной руке большой складной нож, а в другой пирожок.

— Можно идти за удилищами!

По аулу шли молча. Многое Андрей не узнавал здесь — прошло столько лет! Вспомнились школьные годы. Вспомнилось, как хорошо дружили он, Дариет и Асхад. Но вслед за этими светлыми воспоминаниями неотступно шли другие, тяжелые, болью отзывающиеся в сердце. Можно ли забыть пережитое? Помня о нем, научишься ценить вновь обретенное и друзей, без которых не перебороть боли и не наладить своей жизни.

Отец и сын шли уже по проселку, который змеился правее дороги, ведущей к котловану. Левее оставалось хорошо разделанное поле. У края его высилось ветвистое дерево.

— Это дуб Зулих? — спросил Андрей,

— Вы знаете о нем? — в свою очередь спросил Алик.

— Помню, — сказал Андрей. — А этой дорогой мы выйдем к орешнику, да? Там хорошие удилища можно найти.

— Так вы сами найдете то место. Я не буду показывать, ладно?

— Согласен. Проверим мою память. Только знаешь, Алик, не так говори со мной. Не называй меня на «вы».

Алик смолчал.

— Большой ты стал, сынок. — Андреи тяжело вздохнул.

— Я уже и не думал, что когда-нибудь мы снова будем вместе. А вот маму ты никогда не увишишь.

— А какая мама была?

— Хорошая, красивая и веселая. Только она была

маленького роста и быстрая. Быстрая, как ты. А ростом ты в меня. Тянешься вверх. Высоким будешь.

— А мы поедем туда, где мама погибла?

— Непременно поедем. А вон и орешник. Я не ошибся?

— Нет, не ошиблись. — Алик подпрыгнул и побежал вверх по склону, на котором теснились заросли орешника.

Когда Андрей достиг первых кустов, Алик уже углублялся в заросли. Они долго порознь перебирали гибкие хворостины. А потом стали искать вместе и наконец подобрали то, что нужно. Довольные, Андрей и Алик вышли на голый склон, неся по четыре длинных удилища. На обратном пути Алик вдруг задал вопрос, который основательно озадачил Андрея.

— А как я должен теперь называть папу?

Андрей даже остановился. Он вдруг вспомнил, что Алик еще ни разу не называл его отцом. Андрей растерянно улыбнулся и, поколебавшись, сказал:

— Так и называй его папой.

— А тебя?

— Тоже папой...

— А разве бывает, что у одного двое пап?

— Вот получилось так, значит, бывает. Ты, сынок, называй Асхада папой Асхадом, а меня, если хочешь, папой Андреем. Я не обижусь, ведь Асхад сколько лет воспитывал тебя.,

В комнате Асхада после приезда Андрея поставили вторую кровать. Сделали это по просьбе Андрея. На вопрос, где ему постелить, он тогда ответил:

— У тебя, Асхад, если ты не возражаешь.

Встав из-за стола, Асхад и Андрей вошли в комнату и закурили. Асхад отворил окно, выходящее во двор, и сел на стул возле стола. Андрей устроился на кровати.

— Ты ложись спать, а я почитаю кое-что, — сказал Асхад. Потом, после некоторого раздумья, добавил: — Я буду тихо сидеть.

— Я пока спать не собираюсь.

— А может, займешь комнату Касима? Мне не тесно с тобой, но я рано ухожу, поздно прихожу. Там тебе лучше было бы. Ты только не подумай, что я выживаю тебя, — Асхад засмеялся. — Я о тебе забочусь.

— Нет, если ты не против, я останусь тут. Знаешь, Асхад, было время, что меня в одиночке держали. Так с той поры я не люблю одиночества. С людьми мне лучше. Но я привыкну. Не век же нам под одной крышей спать. Где-то устраиваться придется.

— А что тебе об этом думать? Живи у нас.

— Надо как-то определяться.

— Полагайся на меня. Я тебе помогу. Становись рядом, вместе пойдем. Дел у нас тут много. Ты никогда не будешь чужим и лишним.

— Понимаешь, я после освобождения ни о чем не думал, кроме одного — найти свою семью. Теперь я нашел Алика и понял, что даже не прикинул, как дальше жить. Все сначала надо обмозговать.

— Отдохни, походи по аулу, подумай. Может, у нас присмотришь дело по душе.

— Годы, проведенные в тюрьме и лагере, выбили меня из колеи. Я вот присматриваюсь к тебе. Уверенно и увлеченно ты живешь. Завидую.

— А как же еще можно жить?

Андрей поднялся, подошел к окну. Асхад видел его ссутулленные плечи, узкий, как у Алика, затылок. Андрей обернулся, стал спиной к окну и оперся ладонями на подоконник.

— Необходимо дело, которому можно было бы посвятить всего себя. Тогда и самому жить будет интересно и для людей польза, верно, Асхад?

— Тут двух мнений не может быть.

— Да, все надо начинать сначала. Со службой в армии покончено навсегда. Отстал. И времена не те, а главное, здоровье не то. В свое время армия меня многому научила. Там я пробрёл специальность электрика. Даже трактор водить научился.

— Любая из этих специальностей нам необходима. Работая у нас, ты мог бы заочно учиться.

— Я не прочь, как мать моя, стать бы учителем.

— Что же тебе мешает? Устраивайся на работу и поступай на заочное отделение педагогического института. Год тебе понадобится для подготовки. Я помогу.

— Упорен ты, Асхад, — улыбнулся Андрей. — Куда бы человек ни стремился, ты докажешь, что к исполнению желаний одна дорога — через ваш колхоз.

- Не спорю, есть у меня такой недостаток.
- Побольше бы людей с такими недостатками.
- Значит, ты не возражаешь? Можно считать, что договорились?
- Быстрый ты!
- Положение обязывает. Мы тебе поможем построить дом. Ну, а невесту уж сам будешь искать.
- Почему же ты сам не женишься, Асхад?
- Потому, как Асхад вдруг переменился в лице, Андрей понял, что задел больное место. Асхад махнул ладонью, словно отгоняя невеселые мысли, и неторопливо сказал:
- Да... так получилось. Так сложилось.
- Извини, я что-нибудь не так сказал?
- Нет, нет, не тревожься. Сам не понимаю, чего это я вдруг развелся. Наверно, потому, что детство вспомнилось. Когда ты рядом, все время оно приходит на память.
- Ты не сердись, Асхад, но я хочу спросить тебя о Дариет. Где она? Ведь ты любил ее.
- Это уже прошло.
- Поссорились?
- Нет. Она вышла замуж за другого. — Асхаду никак не хотелось говорить о том, что Алик стал тем испытанием, которого не выдержала любовь Дариет.
- Она уехала?
- Здесь она. С мужем разошлась. Ты увидишь ее. Не ее вина, что все так получилось.
- Тебе тяжело, Асхад. Не рассказывай. Напрасно я спросил об этом, извини меня.
- Ничего. Не всегда я буду холостяком! Люблю я одну девушку. И она, по-моему... замечает меня...
- Как ты, Асхад, осторожен.
- Иногда сам ругаю себя за то, что так колеблюсь, но ничего поделать не могу. Боюсь потерять новую надежду на счастье.
- Я тебя первый поздравлю.
- Спасибо, Андрей. Однако ты, брат, меня отвлек. Так договорились? Ты остаешься у нас в колхозе, поступаешь на заочное отделение пединститута. Мы помогаем тебе построить дом. А пока живешь в этом доме.
- Опять новые заботы обо мне.

— Не думай об этом, Андрей! А теперь ложись.
Мне надо кое-что посмотреть.

Андрей разделся и лег. Асхад занялся своими делами. Долго он читал, осторожно перебирал какие-то бумаги, чтобы не шелестеть ими.

Уже когда Асхад стал стелить свою постель, Андрей вдруг открыл глаза, приподнялся на локтях.

— Ты не спишь? - шепотом спросил Асхад.

— Да все думаю. Я готов завтра выйти на работу.

— Не спеши. Отдохни — тебе это необходимо.

— Работа мне еще необходимей. Быстрей войду в колею.

— Ну, это решай сам.

— Где всего нужней сейчас люди?

— Везде нужны. Иди в электрики. Мы электричество в аул проводим.

— Согласен. Утром вместе пойдем в правление. Пойдем. Спокойной ночи.

20

Но когда Андрей проснулся, оказалось, что Асхада уже не было дома. Мамерхан сказала, что за ним на рассвете неожиданно пришла машина председателя колхоза. Уезжая, Асхад просил передать, что в правлении Андрея будут ждать.

Завтракали вдвоем Андрей и Алик. Мальчик спешил в школу и ел, не поднимая головы. Андрей хотел было порасспросить сына о делах школьных, но потом решил перенести разговор на вечер. Алик быстро расправился с завтраком и, встав из-за стола, как-то скованно сказал:

— Я пойду ..

— Иди, Алик, иди.

Оставшись один, Андрей еще долго смотрел на дверь, за которой скрылся сын. Трудно было ihm. Казалось, обо всем договорились, но что то самое главное еще к ним не приходило. Да такие дела и не решаются только переговорами. Нужно время, Андрей это понимал. Понимал, а сердце подсказывало: обними мальчика, приласкай, наговори ему ласковых слов. Целыми днями хотел бы быть Андрей с сыном, по не все складывалось так, как хотелось. И вообще в таком случае нельзя

торопиться говорил разум. И Андрей подчинялся ему.

Если душа Андрея может перешагнуть через годы и привычки, то детская душа Алика на это не способна.

Андрей пошел в правление. Там никого не было. Он остановился в приемной, не зная, что делать и куда теперь идти. В это время и вошли бухгалтер и Дариет.

— Здравствуй, Андрей, узнаешь меня?

— Как же не узнать тебя, Дариет?

— Что ты, я так изменилась...

— Все женщины одинаковы. Теперь я должен доказывать, что ты молода, хотя и стала старше той, какой я тебя помню.

— А я думала, что ты уедешь, и мы не увидимся.

— А чего ты не пришла туда, к Ожбаноковым?

— Постеснялась идти к ним ..

— Ну ладно, хватит, — оборвал их бухгалтер. Надо поручение передать.

— Вы как арифометр, — огрызнулась Дариет.

— Я не в обиде, — парировал бухгалтер, — арифометр умная машина. Так вот, товарищ Понамарчук. Правление в рабочем порядке зачислило вас электриком. Напишите заявление, разберут его на общем собрании и примут вас в колхоз. Так вот, приступайте к работе. Вот вам записка от Асхада.

В коротком послании было сказано о том, что Андрею нужно в течение дня посмотреть, где будет проходить электролиния, и прикинуть, сколько столбов понадобится. Пока будет разрабатываться проект, колхоз достанет столбы. Поможет Андрею Осман Ожбаноков, которого можно найти на хозяйственном дворе. Вечером результаты подсчетов обсудят у председателя колхоза.

Весь день Осман Ожбаноков и Андрей ходили ко аулу, побывали и в хуторе. Говорили они только о деле — о свете, которого давно и нетерпеливо ждали в колхозе, Андрей с радостью узнавал места, знакомые с детства. Настроение у него было хорошее. Он занимался интересным делом, начинал жить и работать среди хороших людей. Вспоминались школьные времена, нерасторжимая дружба их тройки. Андрей видел тогда, что меж Дариет и Асхадом зародилось чувство. Но он скорей бы умер, чем признался бы в том, что и сам был неравнодушен к красивой девушке. Андрей убежден был, что со временем Асхад и Дариет поженятся, будет у них хорошая дружная семья. Однако что-то помешало этому.

И это что-то такое, о чём Асхад не хочет говорить.

Вечером в правлении вокруг стола сидели Марк Трофимович, Асхад, Андрей и Осман.

Асхад щелкал костяшками на счетах, а Андрей говорил, заглядывая в бумажку, заполненную колонками цифр:

— Чтобы довести ток от гослинии до центра аула, понадобится сто восемьдесят столбов. Еще двадцать нужно, чтобы линия дошла до хутора. Всего двести получается. По главной улице должна пройти линия, от которой протянем отводы к жилым домам. Это еще двадцать столбов. Да для хутора столько же ..

— Двести сорок насчитал, — сказал Асхад.

— Считай двести пятьдесят.

— А хватит этого? — спросил Марк Трофимович.

— Вполне.

— А ферму учли?

— Для нее пятнадцать столбов надо.

— Двести шестьдесят пять, — подытожил Асхад.

— Порядочно.

— Это еще не все, — сказал Марк Трофимович. —

- Мы не учли еще вдов и инвалидов Отечественной войны. Для них мы завезем столбы за счет колхоза, а остальным придется платить. У нас сейчас не только денег, но и сил нет, чтобы обо всех позаботиться.

— Прямо так и скажем людям. Они поймут.

— Так сколько теперь получается?

— Триста столбов. Это с небольшим резервом, — ответил Асхад, бросив взгляд на счеты.

— Надо подумать о доставке. Делянка наша далеко.

Дальше, чем прошлогодня. Вывозить зимою на подводах трудно. Мы не забыли того, что случилось прошедшей зимой, — вспомнил Марк Трофимович.

— Тракторов нам для этого не дадут, — сказал Асхад.

— Безусловно, не дадут. Осман, ты не помнишь, как еще до революции заготавливали шпалы? Ведь наша делянка там, где этим делом батраки занимались.

— Воллахэ, правильно! — поддержал Осман. — Они водой их сплавляли до Кубани, а там баржами до станции. А нам так не надо. Была бы большая вода, догнали бы столбы только до излучины. Там рядом шоссе. Вытащили бы и на машинах сюда, а? Только надо для этого бригаду создать. Созвать знающих стариков. Другие могут сделать так, что все столбы в Кубани

окажутся. Попробуй тогда поймай их!

— Так и сделаем. Мы с вами, Андрей, съездим в город, закажем проект на прокладку линии. После этого я вместе с Османом займусь лесом, а вы начнете делать внутреннюю проводку в домах, в конторе, в школе, в общем, всюду. Поможет вам моторист, который движком у нас командует,—распорядился Марк Трофимович.

— А материалы есть?

— Немного есть. У колхозников для их домов кое-что найдется дома. В общем, начинайте и наседайте на нас так, чтобы ни на один день мы не забывали об электролинии.

Со следующего же дня Андрей весь отдался работе. Осмотрел то, что было на складе, прикинул, сколько провода, выключателей, патронов и другого добра надо еще пробрести. Почти неделю он ходил по домам аульчан и хуторян, советовал, где лучше проложить проводку, подсказывал, что надо им купить еще.

Колхозники встречали Андрея, как доброго вестника.

Андрей был занят по горло, но это не мешало ему думать о своем будущем, о том, что надо устраивать свой угол. И все-таки он не решался заговорить в доме Ожбаноковых о строительстве своего жилья. Чувствовал, что все, и особенно старики, боятся того часа, когда Андрей переселится и заберет с собой Алика. С этим щекотливым вопросом Андрей обратился к Марку Трофимовичу. Об этом узнали Ожбаноковы, и Осман стал прикидывать, как отрезать часть двора для дома Андрея, чтобы жил он по соседству. Ничего не получалось. Свободная площадь была слишком мала, а вырубать сад жалко. Выручил Гусарук, у которого огород был велик. К тому, что было у Османа, он добавил часть своего участка, и получилась площадь, достаточная для строительства дома.

— Теперь ты будешь жить между Зулих и Андреем, — сказал Гусарук Осману. — Твои куры не будут бегать в мой огород.

— Не радуйся, — пошутил Осман. — Мы дадим Андрею наших цыплят. Опи подрастут и полезут к тебе!

— Будет повод каждый день спорить с тобой, — не унимался старики.

— Так куры будут не мои!

— Не стану же я спорить с Андреем! Он человек молодой и занятой. А ты-можешь возле печки сидеть. Я тебе не дам засидеться.

— Договорились! Только будь ему таким же хорошим соседом, каким был для меня! — попытался Осман закончить разговор.

— Если уж я с тобой ладил, с Андреем тем более полажу, — ввернул Гусарук и ушел, оставив последнее слово за собой.

Забот у Андрея стало еще больше. Надо было заготавливать материал для строительства дома. Вместе с Аликом Андрей приходил на их будущий двор, планировал, как поудобнее расположить постройки, с улыбкой слушал предложение Алика о фруктовых деревьях, которые следует посадить, о винограднике, таком же, как у дедушки Османа, о цветнике, таком же, как у Файзет.

В эти дни Андрей часто встречался с Дариет. Дела приводили его в контору. Но ни разу им не удалось поговорить толком.

То сам Андрей спешил, то Дариет была занята, то посетители мешали. Однажды в конце дня Андрей стоял на крыльце. Тут его и застала Дариет, уходившая домой.

— Теперь можно отдохнуть? — спросил Андрей.

— Какой отдых! Стирать собралась.

— Пойдем, провожу немного.

Разговор на первых порах не клеился. Они шли, изредка перебрасывались короткими фразами о колхозных делах, вспоминали школьных товарищей. Одни погибли на фронте, другие перебрались в город, третьи обзавелись семьями, и хотя живут в ауле, но позабыли о давнем товариществе.

Дариет остановилась и кивнула на небольшой аккуратный домик:

— Вот здесь я живу. Ты торопишься?

— Н-нет...

— У нас во дворе есть хорошая скамейка. Ты должен помнить ее. Ты любил на ней сидеть.

Она прошла вперед, Андрей последовал за нею.

— Мы любили болтать тут, — сказала Дариет, садясь. — Устраивайся рядом. А стирка подождет.

Андрей сел, а Дариет вдруг склонила голову. Плечи ее затряслись, будто ею завладел приступ смеха. Но Дариет не смеялась, она плакала.

— Дариет, что с тобой?

Она подняла заплаканное лицо:

— Почему Асхад ничего не сказал мне тогда? Почему он скрыл от меня, что Алик твой сын?

— Асхад это сделал для счастья Алика, — глухо сказал Андрей.

— Мне-то он мог сказать?

— Если бы он сказал тебе, как мог бы он от родителей скрывать?

— Родители другое дело.

— Ты не плачь, Дариет.

И Дариет рассказала о том, как рассталась она с Асхадом, о неудачном браке с Ахметом, о жизни в городе, о возвращении в аул. Потом попросила Андрея рассказать о себе.

Когда Андрей замолк, Дариет устало произнесла:

— Как все сложилось... Я знала, что нравлюсь тебе, но любила Асхада. Ты уехал и рано женился. А я вышла замуж назло Асхаду. Я не поверила ему, хотя он и говорил, что ни в чем передо мной не виноват. Теперь он любит другую. А я никого не люблю. Даже его. А вот с тобой мне стало легче. Прости, что я так говорю.

— Ничего. Дариет. Да, плохо тебе пришлось...

— Не мне одной. Идем, я тебя провожу.

Дариет встала, копчиком косынки вытерла лицо.

— Ты заходи к нам, Андрей.

— Хорошо, зайду.

Дариет проводила Андрея до калитки. Он ушел, а Дариет медленно пошла к дому. Но через несколько шагов остановилась: по улице от реки бежала ватага ребятишек, и среди них Дариет увидела Алика.

— Алик, поди сюда, — негромко позвала Дариет и пошла навстречу мальчику. Подойдя к нему, она наклонилась, взгляделась в серьезное лицо его. Её поразило сходство Алика с Андреем. Те же глаза, те же черты, светлые и тонкие. Дариет порывисто обняла Алика и заплакала.

— Мне надо домой, — испуганно сказал Алик.

— Иди, иди, Алик, — прошептала Дариет.

Алик мягко высвободился из ее рук. Дариет забыла обо всем, что собиралась делать, и заперлась в своей комнате. Уткнувшись лицом в подушку, она плакала, мысли одна тягостней другой одолевали ее.

Юность прошла, любовь потеряна. И все потому, что не поверила любимому, обиделась и сделала нелепый шаг в своей жизни, нелепый и непростительный. Но как она тогда не увидела, что Алик так похож на Андрея? Ведь в нем нет ничего, что говорило бы о том, что он сын Асхада. Пусть даже он в матеря, но что-то должно же быть и отцовское.

Тут Дариет поняла, что не только упрекает себя, но и ищет оправдание своему неверию. Как все сложно, как все трудно! И глупо искать кого-то одного виновного в горе твоем. И ты тоже виновата. И ты за это расплачиваешься. Может, за нечуткость, за недоверчивость...

Так и не разобравшись ни в чем, Дариет заснула тяжелым неспокойным сном.

Поутру подбодрилась горячим крепким чаем. Пошла в контору.

У крыльца стояла бедарка Асхада. Войдя в коридор, Дариет лицом к лицу столкнулась с агрономом.

— Доброе утро, Дариет. Что ты так рано?

— Так получилось...

— Вроде бы у нас ничего спешного нет.

— Так получилось, — повторила Дариет и вдруг сказала то, о чем не думала говорить и минуту назад.— Прости меня, Асхад. Я и себе, и тебе сделала плохо...

— О чем ты, Дариет?

— Я не поверила тебе тогда.

— Не надо, Дариет. Потерянного не вернешь, зачем душу терзать. Ни ты, ни я не виноваты.

— Я сейчас, как в тумане. Мне ясно только, Асхад, что я виновата перед тобой.

— Я не питаю к тебе зла, не таю обиды. Останемся друзьями, Дариет.

— Ты добрый, Асхад.

— Не надо лишней похвалы, она портит человека. Ну, мне ехать надо. Да, чуть не забыл. Просьба есть одна. У вас во дворе лежат камни. Их, помню, твой отец еще до войны завез, к дому пристройку хотел делать.

— Они уже травой заросли.

— Если они вам не нужны, уступите их Андрею. Ему для фундамента дома камень нужен. Посоветуйся с дедом, может, он согласится отдать их.

— Конечно, согласится. Это будет нашим подарком новоселу.

— Вот спасибо! Я сейчас уеду на весь день, а ты скажи Андрею, когда он появится, об этом. Он обрадуется.

— Скажу. А где он будет дом строить?

— Ты разве не знаешь? Между нашим и домом Гусарука. Выкроили ему участок из наших и Гусаруковых: владений.

— Хорошее место.

— Я тоже так думаю. Ну, я бегу.

В тот день Андрей в кабинете не появлялся. Дариет случайно узнала, что он ушел на хутор. После работы она сама пошла к нему, вернее, на выделенный под его дом участок. Думала, что там увидит Андрея, и не ошиблась.

Часть плетня, отделявшего двор Гусарука от улицы была разобрана. Сделали проход к участку Андрея, оказавшемуся в глубине двора, на границе между садом Ожбаноковых и огородом Гусарука. Судя по следам, в проход уже заезжали подводы с глиной: рыжеватые комья там и сям валялись на примятой колесами траве.

Дариет пошла по колеям и, миновав дом Гусарука, остановилась на площадке, загроможденной бревнами и кучей глины. Со шпагатами в руках здесь ходили Осман Ожбаноков и Андрей. Тут же вертелся и Алик. Взрослые размечали фундамент дома, а мальчик помогал им.

Андрей первым увидел Дариет и позвал ее:

— Заходи, Дариет. Правда, пока принимаю под открытым небом.

— Это добрый знак, если уже гости приходят, — проговорил Осман.

Дариет сдержанно поздоровалась и стала слушать Андрея, охотно излагавшего свои строительные замыслы. Он показал, где какие комнаты будут, где сарайчик, где фруктовые деревья будут посажены. Выслушав его, она сказала:

— Тебе камень нужен...

— Точно. Вот думаю, где достать.

— У нас во дворе есть. Забери его. На фундамент как раз хватит.

— Вот спасибо тебе, Дариет! — воскликнул Осман. — А мы тут голову ломаем!

— Ты меня выручила, Дариет! — обрадовался Андрей.

— Ну, я пойду.

— Куда ты спешишь? Тут без женского глаза не обойтись.

— Да, надо сделать так, чтобы потом бисимгуаш¹ не упрекала, что плохо распланировали, — пошутил Осман. — Будь нашим консультантом, Дариет.

Подошел Асхад, Османа позвали в дом.

Дариет осталась. Но вниманием ее завладел Алик, которого больше всего интересовали сад и виноградник. Говорливый мальчик, мужчины, деловито размечавшие план будущего дома, теплый день, клонившийся к вечеру, тихий и умиротворенный, — все действовало на нее успокаивающе. Забыв о тягостной ночи, Дариет с интересом слушала Алика, переспрашивала, соглашалась или спорила с ним, заражаясь его горячностью. Вскоре Алик убежал к деду.

На площадке остались Асхад, Андрей, и Дариет.

А ведь так уже когда-то было! Они втроем стояли в конце этого сада. То было перед последним школьным экзаменом. Собственно, ко всем экзаменам друзья готовились в этом уголке, в тени старых деревьев. Но навсегда запомнилась минута перед тем, как они разошлись по домам, чтобы немного отдохнуть и завтра сдать последний экзамен.

Совсем юные, полные сил и надежд, они сознавали, что кончается самая беззаботная пора юности, что сваливаются с плеч радостные заботы школьных лет, что впереди самостоятельная жизнь, дающая много прав и еще больше обязанностей, жизнь свободная и по рукам связывающая необходимостью принимать решения самим. Впервые с той поры они стоят на том же самом месте, но Асхад не мечтает увести Дариет на реку и побыть с нею вдвоем, Дариет не ждет, что Асхад позовет ее с собой. Андрей не утешает себя ролью верного на всю жизнь друга влюбленных. Неужели экзамены

¹ Б исимгуаш — хозяйка дома.

не кончились, неужели жизнь еще будет испытывать их? Их, жаждущих добра и счастья, вынесших все, что обрушивалось на них. Но жизнь — учитель, не дающий передышки никому, имеющий неиссякаемый запас неожиданных вопросов и трудных задач.

— Идите обедать, — позвала всех неутомимая Мамерхан.

— Идите, а я домой, — тихо сказала Дариет.

— Зачем? — так же тихо спросил Асхад. — Пойдем с нами.

— Нет, я домой, — настаивала Дариет. — Не надо мне идти туда.

— А может, останешься? — это сказал Андрей, в самом деле желавший, чтобы Дариет осталась.

— Нет, Андрей. Я приду на новоселье. А сейчас не могу.

— А может, останешься? — повторил Асхад слова Андрея.

— Не надо, Асхад. До свидания. — Дариет грустно улыбнулась.

Ей хотелось заплакать. Но с осознанным желанием бороться легче, чем с невольным. Дариет не заплакала. Она шла домой, признаваясь себе в том, что завидует друзьям. Завидует Андрею, который строит дом, для которого этот дом станет как бы заставой между вчерашними разочарованиями и завтрашними надеждами. И не даст надеждам померкнуть. Завидует Асхаду, уверенно держащему в руках уздцы коня, которого называют удачей.

21

Солнце уже село. Быстро темнело. Зулих засветила лампу, положила на край большого стола кипу неглаженного белья и ждала, пока разогреется утюг.

На крыльце послышались шаги. В комнату вошел Асхад.

— Добрый вечер, Зулих.

— Добро пожаловать, Асхад. Садись.

— Да нет, я постою. Файзет дома?

— Разве ты ее не видел? Она к вам пошла. Что-то они с Сурет затеваюят.

— Я не из дома. Давно ушла? Надо мне с Файзет поговорить.

— Она сказала, что скоро вернется.

— Тогда буду ждать.

— Асхад, я догадываюсь, о чем ты будешь говорить с нею. — Зулих прямо смотрела в лицо собеседника. — Файзет еще совсем девчонка. Ты опытней ее и сильней. Ты чуть заколеблешься, она замечется, как листок на ветру. Каждая мать хочет, чтоб ее дочь была счастлива.

Асхад покраснел. Зулих склонила голову, и Асхад увидел, как она ладошкой стирает слезу. Ни слова не сказав, он повернулся и пошел к выходу. Открылась дверь, и вбежала Файзет.

Увидав Асхада, она остановилась у самой стены. Асхад шагнул к Файзет.

— Идем, — внезапно упавшим голосом сказал Асхад.

— Куда? — испуганно спросила Файзет.

— Посидим на лавочке, поговорим.

Асхад понял, что говорит не так, как надо бы, растерялся, потом взял Файзет за руки и вывел ее во двор.

Они долго просидели на лавочке, напротив окна комнаты Зулих.

Уже стемнело. Над ними переливались, словно переговаривались, крупные ясные звезды. Ветер приносил влажное дыхание водоема, смешанное с ароматом трав и цветов. Откуда-то доносилось прозрачное пение сверчка.

— Файзет, я... хочу, чтобы ты стала моей женой...

Девушка подняла голову, и Асхад заметил, что она удивительно похожа на свою мать и смотрит на него также прямо, как недавно смотрела Зулих.

Файзет задумалась. Асхад не торопил ее с ответом. Прошла мучительная минута.

— Я согласна, — прошептала Файзет.

Асхад порывисто обнял девушку. Она уткнулась лицом в его грудь, взволнованная и счастливая.

Прощаясь, Асхад сказал:

— Иди спать. А завтра же вечером ты войдешь в дом Ожбаноковых как член их семьи.

Файзет улыбнулась и кивнула головой.

— До завтра.

Никогда не было так ясно на душе Асхада, никогда он не был таким счастливым, умелым, быстрым и ловким. Празднично было в доме Ожбаноковых. Казалось,

ничто не может омрачить радости Асхада и его близких. Но случилось неожиданное.

Вечером, когда Осман, Асхад и Андрей сидели в столовой, с улицы прибежала Сурет, все свое свободное время проводившая теперь у Файзет и приходившая домой только ночевать. Она была чем-то обеспокоена.

— Что с тобой? — спросил Асхад, первым заметив взволнованность сестры.

— Касим приехал, — тихо произнесла она.

— Что ты мелешь? — нахмурился отец.

— Там, во дворе...

— Кто звал его? — в гневе воскликнул Осман.

— Просит у тебя разрешения войти в дом.

— Нечего ему здесь делать!

— Погоди, отец, — сказал Асхад. — Надо его выслушать.

— Я не хочу его видеть!

— Так нельзя, пойду приглашу его.

Асхад поднялся.

— Сиди! — Осман положил руки на стол, подпер ими крупную голову, тяжело задумался. Сурет по-прежнему стояла у двери. Осман повернулся к дочери, с трудом смиряя гнев, сказал:

— Пусть войдет.

Касим был худ и бледен. В руке он держал небольшой чемодан. Войдя в комнату, нерешительно остановился.

— Садись, — холодно сказал Асхад.

— Пусть стоит! — крикнул Осман.

Старик не смотрел на Касима. Густые брови его еще сильней нависли над глазами, губы крепко сжаты, пальцы сложены в кулаки, словно Осман собирался драться.

— Асхад, — мрачно произнес Осман. — Спроси, что ему нужно?

— Я вернулся, отец...

— Скажи, что я ему не отец!

— Меня уволили из армии.

— Кто будет такого держать! — кипел Осман. — Можешь переночевать, но чтобы завтра же тебя здесь не было!

Осман встал и ушел в спальню.

Асхад не узнавал весельчака Касима в этом усталом,

приниженному человеке. Касим стоял у двери, брезвально опустив плечи.

— Рассказывай, — бросил Асхад, откровенно презирая брата не только за его прежние поступки, но и за нынешнюю слабость.

— Я виноват перед всеми вами.

— Мы это без тебя знаем. Не винись, расскажи, что с тобой произошло и как ты все-таки думаешь жить дальше?

— Получил взыскание, уволен из армии. Вот и все.

Асхад с грохотом отодвинулся от стола, вскочил, уронив стул, и быстро прошелся по комнате.

— Снимай пиджак. Садись и рассказывай дальше.

Касим медленно разделился, приблизился к столу, поднял стул Асхада и сел.

— А что дальше? — спросил Асхад.

— Я уехал вместе с семьей к родным жены. Но там я жить не могу. Я в аул хочу...

— А жена?

— Она боится, что вы ее и ребенка не признаете...

— А она при чем? Ребенок при чем? Они перед нами ни в чем не виноваты.

— Я их там оставил, а сам приехал. Мне никогда не удастся загладить вину перед Зурой.

— Ты совсем раскис!

Касим молчал, виновато уронив голову.

— Вот что, — Асхад остановился за спиной Касима. — Я поговорю с отцом. Я не думаю, что он скоро остынет, но, надеюсь, даст тебе возможность искупить вину. Переношуешь в той комнате, что была твоей. Поживешь тут несколько дней, отдохнешь, а потом поедешь за семьей. Я еще не знаю, согласится ли отец жить с тобой под одной крышей.

Касим с немым вопросом обернулся к брату.

— Асхад, ты суров, как прокурор, — с улыбкой произнес Андрей.

— Попробуй быть мягким, когда родной брат жестоко обманул нас всех.

Асхад подошел к двери, у которой сиротливо стоял чемодан, отворил ее:

— Мама, накорми Касима и постели ему.

Мамерхан, часто всхлипывая, взяла Асхада за руку и зашептала:

— Прости его, сыпок, и отца уговори. Наш же он. Куда он пойдет?

— Хорошо, хорошо. Только ты не плачь, береги себя.

Асхад тут же ушел к себе, зная, что Мамерхан приласкает младшего сына, расцелует его, не обращая никакого внимания на непреклонность его отца и старшего сына.

Оставшись вдвоем, Андрей и Асхад закурили:

— Ты вправду постараися уговорить отца, — сказал Андрей. — Касим, видно, не из сильных. Пропадет, если сейчас предоставить его самому себе.

— Да мы его и не бросим. Но не скоро у нас установятся добрые отношения.

— Поживем, увидим. А вообще-то ты должен был бы амнистировать его в связи со своей свадьбой.

— Не амнистирую. Пусть поччувствует, что нельзя так походя ломать людские судьбы.

«Переговоры на высшем уровне», как назвал долгую беседу Османа и Асхада Андрей, начались на рассвете следующего дня и проходили бурно. Старик, не отбрасывая доводов старшего сына и не соглашаясь с ним, возмущался поведением Касима, говорил, что проклял его заслуженно. Асхад видел, что отцу надо перекипеть, и терпеливо выслушивал его грозные речи. Еще больше повысив голос, Осман заявил:

— Я сказал и все, но вы с матерью уже, наверно, отменили мое проклятие! Ты уже, небось, сказал Касиму, что уговоришь меня!

— Отец, я ничего не отменял, по действительно обещал Касиму поговорить с тобой. Я предупреждал, что все будет, как ты решишь. Мне кажется, что стоит смягчиться и позволить Касиму с семьей жить у нас.

— Ладно, — смилиостивился Осман. — Делай, как задумал. Ты старший брат.

Неделю жил Касим в доме отца. Осман избегал встреч с младшим сыном. Даже на строительстве дома

для Андрея не появлялся, когда Касим находился там, помогая Андрею.

Еще через несколько дней Касим уехал за семьей.

22

С тех пор как Файзет стала невесткой Ожбаноковых, каждый вечер Сурет уходила на ночлег к Зулих, чтобы развлечь ее на первых порах. Трудно было Зулих привыкнуть к одиночеству.

И каждый раз, уходя от Ожбаноковых, Сурет с удовольствием объявляла: «Спокойной ночи вам, а я пошла спать к себе в филиал». Впрочем, надо сперва объяснить происхождение этого названия. Появилось оно совсем недавно, однако стало таким привычным, словно существует годы. Вероятно, так случилось потому, что «филиал» устранил путаницу, возникшую сразу же после женитьбы Асхада на Файзет. На свадьбе гости веселились и угощались сразу в двух соседских домах. Людей смущало то, что для обозначения места необходимо было говорить: «Я пошел к Ожбаноковым» или: «Я буду у Мазаговых». Выручила Сурет, все эти дни неустанно вертевшаяся и говорившая. Угомонить ее мог только сон, короткий и беспокойный. Сурет и пустила в ход слово «филиал». Она имела в виду дом Мазаговых. На другой же день после свадьбы вторым филиалом нарекли недостроенное жилище Андрея. Обитатели этих домов теперь крепко были связаны родством.

Новая терминология всем пришла по душе, кроме Мамерхан, которая никак не могла осилить трудное слово. Она с утра начинала бегать по домам, ища нужных ей родичей и пытаясь затащить их за стол. Все боялась, что кто-нибудь останется голодным, ибо неизвестно было, где тот или иной из близких ей людей захочет поесть.

Сурет и Алик кружились вокруг Файзет. Османа и Андрея часто можно было видеть у Зулих. В конце дня все сходились на стройплощадке, где уже вырастали стены нового дома.

В день, о котором идет речь, в доме Ожбаноковых возник спор. Оставалось несколько минут до ухода Асхада на работу. Виновницей опять была неугомонная Сурет. Она затеяла разговор о клубе. Асхад не дал

определенного ответа на этот счет, и Сурет назвала брата бюрократом. А тот, весело смеясь, предложил домашнее заседание перенести вправление и ушел.

Обиженная девушка побежала к парторгу и пожаловалась на своего брата, нечуткого, как она сама выразилась, к запросам аульской молодежи. От имени молодежи она просила парторга немедленно решить вопрос о сооружении клуба на «довоенном месте». Зулих обещала посоветоваться с Марком Трофимовичем.

В тот же вечер правление приняло решение о сооружении клуба.

А наутро по аулу разнеслась весть — по инициативе комсомольцев строительство клуба объявляется молодежнойстройкой, а вечером на «довоенном месте» состоится первый организационный сбор.

...Перед самой войной в ауле был заложен фундамент клуба. Под него заняли часть пустыря, на котором когда-то были лавка и погреб торговца. Торговец исчез сразу же после гражданской войны, лавку растащили на дрова, погреб обвалился.

На пустыре бегали мальчишки и прятались бездомные собаки. Весной сорок первого года место это было очищено от бурьяна и тщательно распланировано. Даже несколько деревьев посадили там, где намечалось создать сквер. Строительная бригада заложила фундамент. Началась война, и с мечтой о клубе пришлось распроститься на многие годы. А пустырь снова зарос бурьяном. Козы обгладали молодые деревца. Фундамент заливало дождями, заносило снегами, разваливало мощными корнями живущих сорняков. Камни покрылись мохом, красный кирпич побурел, стал растрескиваться и крошиться.

И вот на этих руинах появился техник из города. Ему вручили найденный в старых бумагах довоенный проект клуба с большим зрительным залом и сценой, с кинобудкой, уютным фойе и несколькими комнатами для работы кружков художественной самодеятельности. Такой клуб вполне устраивал аульчан.

Возглавить стройку попросили Османа. Его правой рукой стал Мухтар. Трудней всего приходилось в эти дни Файзет. Целыми днями она не бывала дома, появлялась всюду, где, казалось, необходим личный пример комсомольского вожака. Осман часто поглядывал на

свою невестку и гордо улыбался в усы: у других, соблюдая старые обычаи, невестки не показываются людям, но не такая жена его сына.

Казалось, что в суматохе на пустыре никто не наведет порядка. Однако вроде бы само собой произошло разделение между рабочей силой, преклонного возраста зрителями и любопытными мальчишками, от которых спасенья все равно быть не может. Не покидая своего «генеральского» поста, Осман проверил готовность бригад. Часть людей послал на расчистку будущего скверика. Там должна была командовать Файзет. К ней на помошь ушел Мухтар. Им предстояло разобрать остатки фундамента. Старик боялся, что горячая молодежь увлечется, разберет и то, что еще может пригодиться. Марк Трофимович и Асхад стали рядовыми рабочими в бригаде Мухтара. Дариет устроилась рядом с Файзет и, советуясь с нею и Зулих, готовила первый номер Боевого листка.

Сооружением клуба занялся весь аул. Днем здесь работала не только строительная бригада, но и старики — друзья Османа. К ним подключились и те, кто жил в городе и приезжал отдыхать в аул в отпуск и на каникулы.

Только у Андрея не подошла очередь приложить руки к строительству клуба. Он вместе со своим помощником понадобится здесь тогда, когда дело дойдет до электропроводки. Андрей мог бы поработать и как строитель, вместе, с другими, но ему было поручено неотложное дело, в котором был заинтересован каждый аульчанин. После подключения аула к государственной липни нельзя было терять ни одного дня. Во дворах и на улицах уже появились столбы, вкопанные хозяевами домов под наблюдением Андрея. Сам он делал внутреннюю проводку, подвешивал патроны, привинчивал выключатели,ставил счетчики. Во многих домах уже поблескивали лампочки. Но самая первая появилась у Гусарука.

Едва разнесся слух о том, что в ауле будет электричество, Гусарук затянул Андрея к себе и потребовал сделать проводку. О графике, об очередности работ он и слышать не хотел. Чтобы не обижать тех, кто стоял в графике впереди Гусарука, Андрей работал в доме соседа по ночам. По просьбе Гусарука и его жены он

ввернул лампочку и повесил в столовой большой оранжевый абажур, присланный из города их сыном.

Жена Гусарука каждый день тщательно протирала все лампочки в доме, причем так энергично, что две из них пришлось уже заменить. Как только наступала темнота, Гусарук щелкал выключателем.

— Зачем вы это делаете? — удивлялся Андрей.

— Привыкаю! Привыкаю, чтобы потом не забывать включать свет и не сидеть в темноте!

Аульчане не смеялись над стариком. Не один он был так нетерпелив. Символически уже включался свет в доме Бачмиза, у Салеха и даже у Ожбаноковых, где, несмотря на протесты Османа, Мамерхан сначала щелкала; выключателем, а потом ставила на стол керосиновую лампу.

Весна была в разгаре. Тепло сипело чистое майское небо. Лишь далеко над горами парили белые прозрачные облака. Шумел густой молодой листвой дуб Зулих. День ото дня все больше голубела вода в колхозном море. Зеленым ковром в полях стелилась озимка, а кукуруза подставляла легкому ветру свои сочные листья. Во дворах аульчан отцветали сады. Давно домашние кулинары перебрались из зимних кухонь к летним печуркам под открытым небом.

Старая Мамерхан приготовила обед и ждала, что вот-вот явятся ее голодные домочадцы. А пока она звала к столу своих внуков. Алик пришел из школы и развлекал Касимовых малышей Зою и Рашида, которые целые дни проводил у бабушки Мамерхан.

Услыхав голос Мамерхан, Алик подвел своих подопечных к умывальнику. Они с хохотом плескались, когда к калитке подкатила бедарка Асхада. С веселым визгом они бросились к нему. Асхад с удовольствием возился с ребятишками, не обращая внимания на укоры матери:

— Они тебе пообедать не дадут! Идите за стол! — взывала Мамерхан к внукам, но ее не слушали.

Вдоволь набороввшись, Асхад подхватил Рашида и Зою на руки, понес к столу. Алик взял полотенце и стал вытирать

их мокрые смеющиеся мордашки.

— Садись и ты, — сказала Мамерхан Асхаду.

— Нет, я уже пообедал.— Где ты обедал?

— Был на хуторе и там с Марком Трофимовичем подзаправился.

— Всегда вот так.

— Что поделаешь, нана! Жизнь такая! Ну, я спешу в поле.

Нежно погладив плечо матери, он пошел к бедарке.

Асхад быстро пересек аул и выехал на проселок. Откинувшись на жесткую спинку, он неторопливо смотрел по сторонам — на дальнюю рощу, на скат водоема, на изумрудные поля, над которыми колыхалось едва заметное марево. На душе было радостно и спокойно. Дел впереди было много, хороших и трудных дел. Самое тяжелое было позади. Впереди заманчивые планы и ясные надежды, которые непременно исполняются.

Весна была в разгаре.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	168

67 коп.

КРАСНОДАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Краснодар — 1966 г.